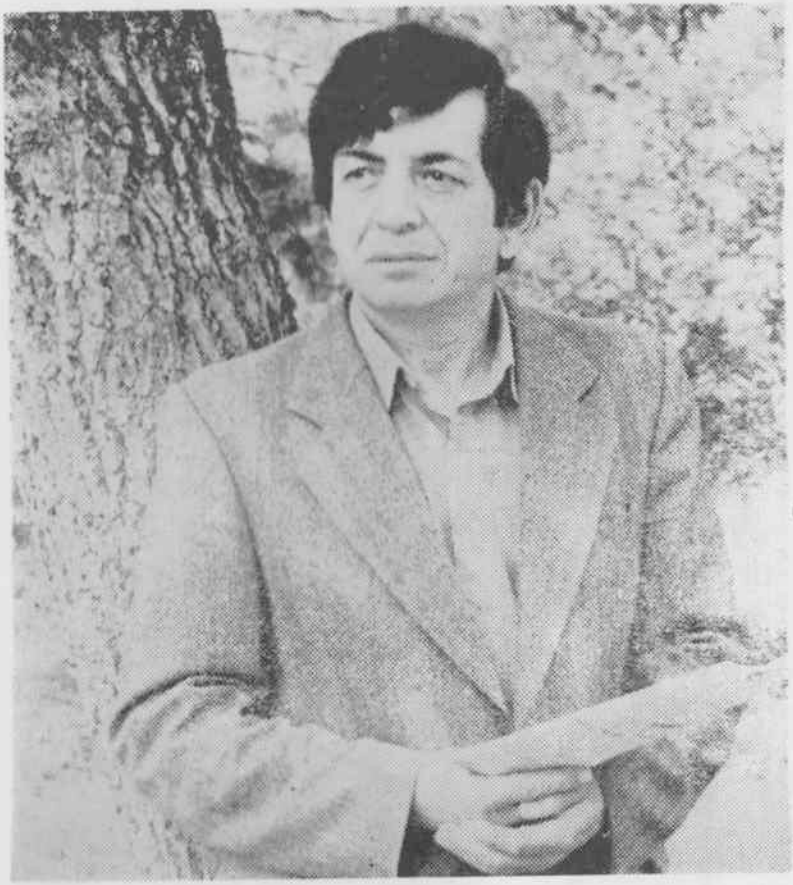
45750

Жагафар
Токумаев

Завещание отца



Ж. Токмин

НАЛЬЧИК · 1990

1157500

Жагафар Токумаев

ЗАВЕЩАНИЕ ОТЦА

РОМАН
ПОВЕСТЬ
РАССКАЗЫ

Перевод
с балкарского

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЭЛЬБРУС»
НАЛЬЧИК
1990

Каб.-Бал[illegible] республиканская научная би[illegible] им. [illegible] Крупской
г. [illegible] Нагмова № 42

С(Балк)2
Т519

Жагафар Токумаев — известный балкарский писатель. Его перу принадлежат многие прозаические и драматургические произведения, которые полюбились балкарскому читателю. Среди них особого внимания заслуживает первая в балкарской литературе трилогия (романы «Кинжал мести», «Сталь не сгибается», «Бессонные горы»).

Первая книга трилогии была переведена на русский язык и издана в Москве в 1979 году под названием «Завещание отца». Она понравилась русскоязычному читателю, появились положительные отклики как в центральной, так и в местной прессе.

В предлагаемую книгу, кроме романа «Завещание отца», вошли произведения, которые впервые публикуются на русском языке.

Редактор *А. С. Кайданов*

Токумаев Ж. З.

519 Завещание отца: Роман, повесть, рассказы.— Нальчик: Эльбрус, 1990.— 376 с.

ISBN 5-7680-0248-0

В книгу известного балкарского прозаика включены произведения, многие из которых впервые публикуются на русском языке.

Т $\frac{4702100100\text{-}104}{\text{M125(03)-90}}$ 24-89 С(Балк)2

ISBN 5-7680-0248-0

© Издательство «Эльбрус», 1990

ЗАВЕЩАНИЕ ОТЦА

РОМАН

1

Ущелье похоже на гигантский рог. Чем дальше вглубь, тем круче стены, темнее тесный, мрачноватый створ. Вековые скалы плотнее жмутся друг к другу. Только в недолгие часы, когда летнее солнце, совершая свой обыденный путь по небосклону, достигнет зенита, в холодном провале клубится золотистый туман, а по отвесным скалам играют нежные блики света. Но едва солнце склоняется к западу, сказочную игру лучей сменяет унылый полумрак, быстро густеющий с наступлением ночи. И, кажется, шумная речка Черен, бьющаяся под сводами, пугается подступающей темноты, стихает, сдерживает свой дикий нрав. Но это только кажется. Подойдите ближе: Черен, подобно разъяренному льву с оскаленной пастью и дыбом вставшей гривой, рыча мчится куда-то вперед. А если в горах тает снег или по далеким скалам скачет неистовый ливень, река особенно свирепеет. С устрашающим ревом Черен тащит по отшлифованным веками валунам угловатые камни, грохоча бросает мутные волны на береговые утесы, волочит за собой все, что может унести, гудит как буран в лютую зимнюю ночь. Высокие берега отзываются зловещим эхом.

Ущелье все уже, стены все круче — вверху только полоска неба. Причудливые острые скалы цепляются за неподвижные свинцовые облака, своды почти сомкнулись, дальше — тьма... Но вдруг мгновенно меняется все: каменные стены отступают, по сторонам открываются отлогие и широкие берега... Здесь и приютился аул Акташ. Таких аулов в наших горах немало.

На солнечной стороне долины — у самой реки — много лет назад — одно за другим — вырастали нехитрые строения из дикого камня. Они — одно поменьше, другое побольше — лесенкой громоздятся друг над другом и от скалистого берега бегут цепочкой вверх в гору. Крыша одной сакли — двор для другой, оттого-то так и слиты воедино эти жилища.

В тесном сплетении каменных сооружений — мудрость

предков: с трудом здесь отвоевывался каждый вершок скалы. Узенькие улочки прерываются тесными проулками. Конечное звено цепочки — последние сакли — застыли, прижавшись спинами к горе Чокрак.

Свои небольшие делянки горцы огораживают каменными заборами. Здесь — все из камня. Камни — богатство этих мест, ими щедро усыпана земля, да и сама земля — камень.

Среди убогих строений одна сакля бросается в глаза. Стоит она обособленно, видна отовсюду — высокая, добротная — белеет даже во мраке ночи, подобно маяку в безбрежном море. Двор — широкий, обнесенный высокой стеной аккуратной кладки.

Это — обиталище здешнего властелина — бия Кужона.

* * *

Утро не предвещало ясного дня. Тяжелые облака, словно отары овец, карабкались из-за гор, плыли над аулом, сбивались в тучи. Мало-помалу тучи взяли в плен все небо. Стемнело, будто на Акташ спустилась ночь.

Фазика подоила корову, внесла в дом ведро с молоком. Ее братишка — тринадцатилетний Ислам — возился у очага. Он сгреб угли, оставшиеся с ночи, подбросил хворосту, мелких дровишек. Сырые дрова не желали разгораться, только чадили. Глаза Ислама слезились. Едкий дым то лениво тянулся кверху, то стелился по полу. Порой белые клубы лизали закопченное круглое дно котла, висевшего на цепи, а то внезапно устремлялись ввысь, к отверстию на крыше. Там неистовый ветер в мгновение ока рассеивал это призрачное тепло без следа.

Ислам набрал в легкие воздуху, нагнулся пониже, дунул, но тут же глаза его запорошило золой.

— Возишься зря. Очага разжечь не научишься! — упрекнула брата Фазика. — Посмотри, что натворил! Дышать нечем!

Она с трудом разглядела скрытый в дыму как пеленой черный котел, налила в него молоко, прикрыла деревянной крышкой.

Ислам, протирая слезившиеся глаза, поднялся с колен и, не взглянув на Фазику, вышел из сакли.

— Эй вы, сони, пора вставать,— громко сказала Фазика младшим братьям.

Они как будто не слышали, лежали тихо. Первым пошевелился Жюнюс. Он нехотя откинул с головы старую,

овчину, на ощупь нашел одежду, не спеша натянул на себя. Трудно было догадаться, из чего сшиты его штаны — так густо пестрели на них разноцветные заплаты.

Жюнюс присел на гладкий камень у очага, подкинул хворосту во внезапно разгоревшийся огонь, молча следил за игрой пламени.

Братья Адил и Канамат, одевшись, устроились рядом.

— А куда девался Ислам? — отведя глаза от огня, спросил сестру Жюнюс.

— Думаю, корову погнал в стадо!

Жюнюс снова съежился у очага.

— Что? Холодно? — жалостливо спросила Фазика и, не дождавшись ответа, добавила: — Но умыться все-таки надо.

Уборка сакли не отнимала у Фазики много времени. Да что тут было долго возиться? Самой большой ценностью в доме считались три подушки... Потерявшие цвет наволочки не удерживали пуха. Отнести их в угол да сложить туда же потертые шкуры, служившие постелью,— дело одной минуты.

Фазика посмотрела на когда-то пеструю кошму, висевшую на стене против двери. Белая шерсть рисунка пожелтела, поблекла...

Девушка вздохнула, побрызгала пол водой, взялась за метлу.

Ни она, ни пригревшиеся у очага ее братишки не заметили, как молоко в котле закипело: пена поднялась белой шапкой, деревянная крышка опрокинулась в огонь.

Вдоль стены тянулся каменный выступ — на нем была расставлена посуда — жалкие черепки, помятый ковшик, деревянные чаши.

Фазика, схватив тряпку, привычным движением притянула к себе цепь, ловко сняла котел. Жюнюс бросился помочь — поставил котел на подставку у очага.

От молока шел пар, щекотал ноздри. Дети поглядывали на кукурузную лепешку, лежавшую на деревянной полке,— Фазика еще вчера испекла ее в золе. Фазика знала, что братья очень голодны, но медлила против воли: кусок, что достанется каждому сегодня,—куда меньше вчерашнего.

Фазика разломила лепешку, разделила между всеми:

— Мало хлеба, но что делать? Мука у нас кончилась, а отца все нет как нет.

Мальчики молча глядели на сестру.

К счастью семьи, деревянная бочка в углу никогда не была пустой — Фазика каждый день наполняла ее молоком. И сейчас в бочке пузырился айран. Фазика взяла с полки деревянные чашки, наполнила каждую айраном. Дети крошили в айран куски кукурузной лепешки, быстро расправлялись с завтраком. Дома делать больше было нечего!

— Не убегайте далеко! — крикнула вслед братьям Фазика. — По-моему, дождь скоро пойдет.

Она отодвинула в сторону кусок лепешки — для Ислама.

Миновал год, как умерла мать. Все заботы о братьях, хлопоты по дому взяла на себя Фазика. Нелегко было шестнадцатилетней девушке вести хозяйство... Она делала все, что в ее силах. Шутка ли — ведь она единственная женщина в семье.

Отец почти не заглядывал домой: чабанил у Кужона. Пас баранов, но не получал ни гроша. Несколько лет назад снежная лавина с горы Чегет-башы обрушилась на отару. Жамбот по счастливой случайности остался невредимым. Кужон объявил, что Жамбот виноват в гибели овец, и вот уже несколько лет заставляет чабана работать бесплатно, да мало того, Кужон в счет понесенных убытков отбирал ежегодно теленка. Жамбот пробовал найти на богача управу, обращался даже к мулле, но все принимали сторону Кужона.

Вот и приходилось Фазике каждый день вставать затемно, а спать ложиться, когда в ауле стихал лай собак. Ислам был главным ее помощником. Меньшие братья не сидели сложа руки: кто дров принесет, кто воды притащит.

Самому младшему — Канамату исполнилось пять лет. Недаром балкарцы говорят: теленок бедняку вола заменяет.

Фазика убрала посуду на полку, попробовала ложкой молоко — не пора ли квасить. Да, как раз время — чуть-чуть теплое... Фазика влила в молоко закваску, плотно прикрыла крышкой котел, обмотала его тряпьем.

В саклю вошел Ислам.

Фазика вздохнула, придвигая брату чашу с айраном.

— К отцу надо сбегать,— сказала она тихо. — В доме ведь муки ни пылинки! Одна надежда на него. Не знаю, чем вас и кормить.

Казалось, брат не слышал. Покончив с лепешкой и

айраном, молча встал. Снял с гвоздя шапку из войлока, нахлобучил на голову.

— Я готов! — Ислам вопросительно посмотрел на сестру, может, у нее есть еще какие-нибудь поручения.

— Дождь будет, оденься потеплее!

— Ты за меня не волнуйся... — Ислам понимал, что на душе у Фазики тревожно.

Во дворе Ислам поднял палку — пригодится! — и, задрав голову, внимательно всмотрелся в небо.

«Да, дождь будет,— прошептал он. — И все-то эта Фазика знает».

В конце сентября в горах еще не очень холодно. Но часто моросит дождь, порой задувает ветер.

Сегодня так пасмурно! На тропинку, что тянется в скалах из аула в горы, и в ясные дни не заглядывает солнце, а сегодня такой туман! Трудно идти Исламу, не видно дороги.

Первый подъем мальчик преодолел без передышки. Все-таки — остановился, чтобы перевести дух. Вдруг закапал дождь. Надо поскорее бежать, пока не хлынул ливень. Добраться бы до Пещерной скалы, где укрываются чабаны и в знойные дни, и в лютую зимнюю пору.

Мальчик помнил: в скале много пещер, поэтому так ее и назвали. Ходы, пробитые водой, тянулись глубоко под землей, там пастухи порой и овец прятали — так велик был этот, созданный природой, приют.

Дождь моросил — как сквозь сито — мелкий и частый. Крепче подул ветер. До Пещерной еще далеко, а Исламу холодно — промок — нет сухой нитки! Мальчик свернул с тропы влево — он вспомнил — совсем рядом большая скала, у нее выступ, как козырек, под ним можно спрятаться от дождя, идти дальше невмоготу. Холодно. А в чабурах[1] хлюпает вода — очень противно! Кажется рядом с Исламом стучит копытом корова и, не переставая, перекатывает жвачку то в одну, то в другую сторону рта. Да нет же, это вода в чабурах! Мальчик припустился и вскоре уже был у камня. Он не ошибся — у подножия скалы не страшен любой ливень. Ислам сел на землю, мокрой спиной прижался к камню — казалось, что он теплый. Ветер вдруг набросился. Ислам вздрогнул. Холод сковывал тело. Ислам прислушивался к стуку сердца.

«Чего же теперь мне ждать, я только теряю время... Дождь и не думает переставать».

---

[1] Чабуры — обувь из кожи, набитая сеном.

Мальчик вышел под ливень из-под своего укрытия. Поля войлочной шляпы повисли, капли воды струйкой стекали по спине. В чабурах снова захлюпала вода. Ветер менялся, то обдавал холодом спину, то дул в лицо. Порой нечем было дышать, временами трудно удерживаться на ногах...

Тропинка стремительно побежала вниз. Скользко, одеревенели ноги — легко упасть. Палку Ислам не бросил — хотя она и надежная опора, но так легко споткнуться. Ведь и помочь никто не сможет, если что приключится — эту тропку и в ясные дни избегают.

Дождь усиливался. Вода с журчанием струйками мчалась по склону. Мальчик, приостановившись отдохнуть, невольно следил, как струйки сбегаются, сливаются в ручейки. Ислам даже помедлил — почему-то его привлекали эти недолговечные потоки, что торопились соединиться с могучими волнами Черек, клокочущей далеко внизу. Река металась в своем русле, злилась, наполняла грохотом ущелье.

Ислам не сразу заметил, что ветер стал тише, дождь — слабее. Черные тучи, верно, выплеснули всю воду на землю, посветлели, поднялись выше. Мальчик прикинул: время за полдень. Он поднял глаза, надеясь увидеть солнце за облаками, долго всматривался в небо, но оно по-прежнему пряталось в облаках.

Ислам внезапно так устал, что больше не мог ступить ни шагу вперед. И как он обрадовался, увидев Пещерную скалу, и сил добавилось сразу.

Сын Жамбота не стал выбирать, куда спрятаться — достаточно хорош оказался первый попавшийся грот. В полутьме мальчик рассмотрел сено — можно было в него зарыться. Но, видно, занесено сюда оно было давно, от пожухлой травы неприятно пахло. Ислам решил не ложиться — он устроился иначе. Мальчик быстро стянул с себя рубаху, выжал ее, надел снова и сел на камень, хотя сидеть было неудобно. Прислонившись к скале, он согрелся и мгновенно задремал. Он часто просыпался, но усталость снова брала верх, глаза сами собой закрывались, и он снова крепко засыпал. Он внезапно очнулся от какого-то страшного скрежета. Напрягая зрение, мальчик всматривался в темноту и вдруг в самой глубине пещеры увидел две искорки, они, как ему почудилось, стали разгораться.

— Волк!

Ислам пулей выскочил из пещеры. Задержался он у тропинки, что, виляя, устремлялась вверх. Видно, он отдохнул, а может быть, и испугался, усталость как рукой

сняло. Только взобравшись на пригорок, он оглянулся, пасть пещеры пугающе зияла, но кругом было пустынно и тихо.

Только к вечеру Ислам добрался ко коша отца. Первым мальчика встретил старый пес. Он вилял длинным лохматым хвостом, терся мордой о ноги Ислама, а когда выразил всю радость, с трудом поплелся следом.

Отца Ислам нашел в кошаре среди овец.

Жамбот не сразу заметил сына, а увидев, не знал, что делать — радоваться или печалиться: все ли дома в порядке.

— Что тебя заставило пуститься в путь,— еще издали крикнул Жамбот. — Сегодня так поливало, и ветер только что стих!

Ислам приблизился, Жамбот снял с сына шляпу, погладил широкой ладонью по волосам.

— Да ты промок до нитки!.. А ну, айда в кош, скорей.

Жамбот отыскал старую овчину.

— Сбрось все с себя, а в мех завернись. Так и заболеть недолго.

Ислам разделся, забрался в сено, накрылся тулупом. Отец развесил мокрую одежду Ислама.

Запахло вареным мясом. Мальчик сел, поджав под себя ноги. Отец протянул ему полную чашу шурпы.

— Выпей скорей, согреешься!

Жамбот отыскал еще один тулуп, укрыл ноги сыну.

— Хватит одного! — воспротивился было Ислам.

— Делай, что говорят.

Жамбот больше не спрашивал сына — зачем он в непогоду поднялся сюда в горы. Ясно, ничего не произошло. Ислам сказал бы сразу — сына пригнал голод.

Жамбот вышел посмотреть овец. Старый пес разлегся у порога коша. У входа, мигая, глядел на Ислама: «Ну что, парень, трудным оказался путь? Продрог, устал, небось. Ничего, рядом с отцом согреешься, отдохнешь...»

Мальчику стало тепло, уютно, он закрыл глаза.

2

Ночь Жамбот провел без сна.

Да и как уснешь. Давит нужда железными клещами, сжимает горло. Детей не во что одеть, не во что обуть, кормить нечем. Горе!

Жамбот бессилен перед такой бедой. При жене семья жила получше. Большой мастерицей была бедная покойни-

ца. Из соседних селений приходили к ней с заказами. Хороши, красочны были кийизы[1] — изделия ее рук. Заработка жены не хватало. Но такой нужды, как сейчас, не знали; все были сыты, хотя дети, как и теперь, ходили в лохмотьях. Тогда, вспоминает Жамбот, он чаще бывал дома. А сейчас, хотя и хочется повидать детей, да как явишься к ним с пустым хурджуном? Он не раз пытался говорить с хозяином, но Кужон оставался глухим. Каждый раз чабан шел к нему с надеждой, что тот, наконец, должен посочувствовать. Но, как говорится, сытый голодного не разумеет. Кужон даже в дом не пускал бедняка.

— Кормить своих оборванцев, говоришь, нечем?.. Ха-ха-ха, вот потеха! Ведь вшей у тебя видимо-невидимо!..

Жамбот клялся про себя, что никогда больше не будет просить хозяина о помощи, но снова и снова горькая нужда заставляла его нарушать обет.

«Он — волк, — размышлял Жамбот, ворочаясь на жестком ложе. — А кого волку жалко? Спасибо соседям — таким же беднякам, как он, Жамбот. Они не покидают его детей в беде, делятся, чем могут, но ведь и самим приходится туго — откуда взять?!»

До утра так и не сомкнул глаз несчастный отец, но так ничего и не придумал. Только на рассвете задремал, но лай старого пса заставил Жамбота вскочить на ноги. Он наспех накинул тулуп, вышел наружу. Далеко на пригорке чабан заметил серого хищника, волк удалялся быстрыми скачками, поджав хвост.

Пес, увидев хозяина, осмелел, залаял еще пуще, помчался за зверем, почти настиг его — видно, волк был не моложе преследователя. Волк круто повернулся, ощерил клыкастую пасть. Пес приостановился, опустил хвост, оглянулся на хозяина. Зверь снова принялся улепетывать, а пес поплелся к кошу.

— Эх, друг мой, старость и тебя не пощадила, труслив ты стал, шайтан тебя побери...

Собака, словно чувствуя вину, растянулась у ног хозяина, положила морду на передние лапы. Жамбот вынес из коши полную миску вчерашней шурпы, налил в деревянное корытце. Пес встал, несмело подошел к кормушке.

Когда первые лучи солнца заиграли на вершинах гор, Жамбот выпустил овец из загона. Отара дружно собралась на зеленом склоне. Овцы жадно щипали траву, обновленную вчерашним дождем.

---

[1] Кийиз — кошма.

Ислам проснулся.

— Ну, как дела, жигит, отдохнул малость?

— Пора вставать, отец!

Жамбот потрогал развешанную одежду, покачал головой.

— Не высохла еще, не торопись. Если хочешь есть — налей айрану,— он показал на бочку. — Я пойду овец посмотрю. Сегодня Дадаш должен вернуться, тогда и отправимся домой.

Чабан взял ярлыгу и зашагал к мирно пасущейся отаре.

Ислам, завернувшись в овчину, выскочил из коша, развесил белье на плетне и огляделся. Солнце припекало. На небе — ни пятнышка. Мальчика, как всегда, потрясла красота окружающего его мира: синева свода, зелень склонов, величие снежных вершин. Давно уже решил Ислам, когда подрастут братишки, помогать здесь отцу в его трудном деле.

К полудню вдалеке показался Дадаш, длинной хворостиной подгонявший упиравшегося осла.

Дадаш — батрак, напарник Жамбота. Ему пошел двадцать шестой год, но он выглядел немолодым, много пережившим человеком. Когда он подошел, Ислам внимательно в него вгляделся. Худ, как скелет, руки болтаются, будто чужие, напоминают деревянные месила. На лице, исчерченном мелкими морщинами, проступала щетина. Края старой шляпы прогнулись, она давно потеряла свой первоначальный вид и цвет. Из дырявых чабуров выглядывали пальцы.

Но глаза Дадаша, как всегда, светились весельем. Он был на редкость добр, смешлив и приветлив.

— Я вижу, у нас гость? — сказал он ласково. — Когда пришел?

— Вчера только...

— А дома-то, что нового?

— У нас муки совсем нет, вот я и пришел к отцу...

Глаза Дадаша сразу потускнели, но он не выразил сочувствия, чтобы лишний раз не огорчать мальчика.

— Хорошо сделал, что пришел,— улыбнулся Дадаш.

— А ты где был?

— За горы ходил, к друзьям.

— А разве за горами тоже люди?

— Еще какие! Эбзе [1] там живут...

Ислам внимательно посмотрел в сторону горных громад,

---

[1] Эбзе — так называют балкарцы грузин и сванов.

покрытых снегами, немного сомневаясь в правдивости сказанного. Но тут же решил: Дадаш не соврет — и там за горами и впрямь живут люди.

Дадаш снял с осла ношу, рассупонил. Сбруя была пропитана потом так, что шибало в ноздри. Дадаш повесил на плетень войлок из-под седла и вдруг заметил рану на боку ишака — у чабана сжалось сердце: «Загнал скотину». Нашел среди травы листья подорожника, привязал к ране.

Жамбот еще издали увидел Дадаша и порадовался: «Пришел наконец!» Отец Ислама не переставал беспокоиться за напарника, уходившего за горы. А при таком ливне что только не может случиться в горах... В дождь оказаться в пути опасно. А дороги через горы — не сулят веселой поездки. Только такой жигит, как Дадаш, мог отважиться!

Жамбот заторопился к кошу, за ним покорно затрусил пес.

— Эй, ты куда? Кто будет стеречь отару? А ну, назад!

Собака как будто поняла слова хозяина и не спеша вернулась к овцам.

Дадаш достал из хурджуна конфеты и пряники — угостил Ислама. Мальчик от радости даже подскочил.

Дадаш присел у коша на талкы[1] и стал стягивать с ног насквозь промокшие чабуры.

Жамбот, подойдя, крепко пожал руку своему другу:

— Как съездил? — задал он первый вопрос.

— Как видишь — жив-здоров,— ответил Дадаш, улыбнувшись.

— Тяжело было одолевать горы?

— Что поделаешь? Нам не привыкать...

Отец отдал Исламу ярлыгу — послал к отаре.

— Уж больно тяжелы хурджуны, Дадаш, вижу, не напрасно съездил...

— Все продал, всю овчину, как есть... Правда, недорого.

Жамбот пристально посмотрел на Дадаша.

— Мне тут сон привиделся — будто наш длинноухий скатился в пропасть.

— Ну чуть было не оказался вещим твой сон. Осел, вправду, чуть не погиб. Да и я с ним.

Жамбот изменился в лице.

— Помнишь перевал Жоба? — продолжал Дадаш. —

---

[1] Талкы — самодельный деревянный станок для дубления кожи.

Вот когда поднялись на него, осел оступился, и мы оба чуть не грохнулись в пропасть...

— Осторожнее надо быть,— Жамбот даже немного рассердился. — Беды нас подстерегают на каждом шагу! Это надо помнить. На этот раз повезло — беда прошла мимо. А как будет в другой раз?

— Да не ворчи ты! Что было, то прошло...

Дадаш начал вытряхивать содержимое из хурджунов. Один — до отказа набит ситцем. Жамбот в изумлении смотрел, как появляются все новые и новые куски ткани.

Как много добра привез Дадаш.

— Вот твоим детям, Жамбот. На платье Фазике, детям — на рубашки.

— Дадаш, ты делишь несправедливо. Работал ты наравне со мной, ездил на базар... Да еще такая скверная дорога. Тебе должна принадлежать львиная доля.

— Дорогой Жамбот, разве мне много надо? Я — сирота, нет никакой родни, на что мне это. А вот у тебя, дай бог им здоровья, дети, они нуждаются... Мне только кусок на рубаху — и все.

— Нет, Дадаш, так не будет.

— Ты старший, Жамбот, во всем я обычно повинуюсь тебе, но на этот раз ослушаюсь. Не для себя я ходил за горы.

Дадаш посмотрел в сторону гор, откуда только что вернулся, и по лицу его прошла тень — словно он снова пережил все опасности пути.

— Пусть бог пошлет тебе счастье, брат мой,— сказал Жамбот растроганно. — Но уверен я, жигит, что так не годится. Не век же будешь ты один куковать.

Последние слова Жамбота взволновали Дадаша, но он промолчал. Говорить о своих намерениях Жамботу он не мог. Знал, что это не по обычаю.

— А в этом хурджуне что?

— Соль...

— Это — здорово!

— Было бы больше денег, нашел бы на что истратить!

— И так немало привез. Молодец! Теперь давай располагайся на отдых. Дорога-то какая была трудная.

— Ничего... теперь все позади.

— Завтра я хочу спуститься в аул. Не знаю, когда вернусь, пусто, голодно в доме...

— Да я понял это со слов Ислама. У нас здесь, в коше, тоже как назло ничего нет... Как же ты сможешь помочь детям, Жамбот?

Каб.-Балк. республиканская научная биб[illegible] им. [illegible] К. Крупской
г. Нальчик, ул. Ногмова № 40

— Думаю податься в Кабарду к другу. Если он не сможет меня выручить, тогда не знаю, как быть...

— О Зарамуке говоришь?

— Да.

— Он, конечно, не откажет, если сможет помочь. Говорят, в Кабарде нынче тоже неурожай.

— Да, говорят так. Но что поделаешь. Побываю у Зарамука. Попытка — не пытка.

3

Наутро Дадаш навьючил на осла хурджуны с подарками, помог напарнику. Жамбот и Ислам на рассвете двинулись в путь — путь предстоял нелегкий, а груз был немалым. У Жамбота на душе стало полегче: он радовался — как дети будут счастливы, получив гостинцы!

У богатых родителей ребятишкам часто шьют новую одежду, а у бедняков порой одна рубаха служит всем по очереди, пестрея заплатами, переходя от старшего к младшему. У неимущего и лоскут-то на латку не всегда найдется. А если в семье бедняка подросла девушка, как Фазика у Жамбота, нет конца волнениям и заботам!

Жамбот часто задумывался над судьбой единственной дочери. Хотелось нарядить ее красиво, чтобы завидовали подруги. Ведь невеста уже.

Дадаш — трудолюбив, старательный и добрый парень. В двенадцать лет остался сиротой. С тех пор и батрачит у Кужона. Много горя выпало на долю бедняги. Следы плеток и до сих пор видны на спине парня. Бывало, плакал, когда мал был, не раз втихомолку: не от боли — от обиды, от несправедливости. Многие часы просиживал он, положив голову на голый камень, но так и не находилось человека, который бы утешил его. В холодные зимы не раз страдал от мороза — некому жаловаться. Так вырос он не по годам взрослым. Но судьба одарила его крепким здоровьем. Не многие в селе могли помериться с ним силами. Камень от плеча летел из его рук дальше, чем у других. В прошлом году было дело: уперся упрямый ишак на льду, не желая дальше ступить ни шагу. Дадаш подхватил упрямца да и перенес его через лед. Весь аул диву давался.

У Жамбота раньше был напарником старый Хоча. Он погиб в тот злосчастный день, когда отару накрыла снежная лавина. Тогда и прислал Кужон к Жамботу Дадаша. С тех пор и делят они поровну горький кусок, уготованный

им жизнью, дни и ночи коротают вместе. Жамбот, хотя и не очень ловок был в делах — в те далекие дни не растерялся: содрал шкуры с погибших под снегом овец, которых сумел разыскать. Дадаш вызвался переправлять овчины через горы. Выменивал и покупал там нужное для жизни. Последняя поездка Дадаша оказалась удачной. Жамбот весело шагает за ишаком, нагруженным подарками, торопится порадовать озябших, проголодавшихся детей.

У Пещерной скалы, как из-под земли, выросли два всадника. Один — Элбек — сын Кужона, другой Сулейман — отпрыск Сосрана-эфенди. Молодчики спешились, не столько от почтения, сколько следуя обычаям горцев, обычай требовал оказать уважение старшему. Ислам во все глаза смотрел на коня, с которого соскочил Элбек. Конь казался мальчику спесивым — он грыз удила, рыл землю копытом, сбруя его была украшена серебром. Ислам отвел восхищенный взгляд от жеребца, отойдя в сторону, с интересом рассматривал разодетых жигитов. Черная, как вороново крыло, черкеска Элбека тоже сверкала на солнце серебром газырей. Белый башлык — на плечах, голову венчает каракулевая шапка, на бедре — кинжал в серебряных ножнах. Сулейман тоже был великолепен, но не так богато убран, как сын Кужона. Зато от всей этой роскоши Элбек выглядел гораздо старше, чем был.

— Как ты, чабан, посмел оставить отару без присмотра? — зло бросил Элбек.

— Овец стережет Дадаш.— Жамбот почтительно наклонил голову. — На пастбище Дадаш остался,— он поднял виноватый взгляд на Элбека.

— Слыхали, там Дадаш... Мальчишка! А ты, чабан, без дела гуляешь, да?

— Не без дела, жигит, да пошлет тебе аллах всяческих благ, по надобности... Дети дома без куска хлеба. Забота о них и заставила меня оставить отару на Дадаша. На день или два.

— Неслыханная наглость. — Сын Кужона с деланным удивлением посмотрел на Сулеймана. — Видал? — снова повернулся к Жамботу. — Сейчас же, слышишь ты, сейчас же возвращайся!

— Добрый юноша, посочувствуй моим голодным детям...

— Твои дети, батрак, и в пропасти останутся живы — не сахарные. А ты делай, что тебе говорят.

— Прошу...

— Не люблю я лишних разговоров! Поворачивай назад,

говорят тебе! — Элбек вскочил на коня, огрел его плетью. Жеребец поднялся на дыбы, заржал, вихрем понесся по равнине.

Сулейман с трудом нагнал своего друга. Жамбот и Ислам, растерянно глядя вслед всадникам, застыли на месте.

Сулейман, догнав на коне Элбека, сказал:

— Не знаешь, видно, какой цветочек распустился в доме этого чабана... Никогда не скажешь, что — мужичье отродье...

— О ком ты, Сулейман, что-то не понимаю.

— Дочь у чабана, говорю, растет красавица...

— А-а, ты про Фазику?..

— Да. Она тебе не нравится?

— Заметил, заметил... Есть в ней что-то такое... Наверное, я мог бы с ней побаловаться...

— И я бы не прочь, да только, друг мой, никогда не стану на твоем пути, наоборот... Ах, какие глаза! Не знаю, с чем их можно сравнить, дух перехватывает от ее взгляда. Дышать становится нечем, понимаешь?

— Уж не влюбился ли ты, Сулейман?

— Равнодушным трудно к ней оставаться.

— Тогда прошу остудить свой пыл и держаться подальше от этой девицы. И позабудь о цвете ее глаз. — Элбек, круто повернув коня, гарцевал, глядя на растерянного Жамбота.

— Эй, вы слышите меня! Я передумал — можете идти своей дорогой в аул.

Жамбот все еще не решался тронуться с места, прикидывая, не задумал ли сытый сынок какой-нибудь подлости. Правда ли, могу не возвращаться в горы. Всадники вскоре скрылись, отец и сын зашагали дальше.

Жамбот не замечал ни коряг, ни кочек, часто спотыкался. «Кужон пьет нашу кровь, головы не дает поднять. Теперь подрос на наше горе этот щенок. Сколько же это еще продлится? Будет ли когда-нибудь избавление от вас, кровопийцы?..»

Ислам, глядя на отца, совсем запечалился. Хотелось ему вступиться за отца перед Элбеком. Но как? Он же знал — Элбек старше его на семь-восемь лет. К тому же он сын богача. Как поднять на него руку? Да и какая сила в этой руке?

С крутой тропинки был виден аул, родная сакля. Спустились ниже. Жамбот издали узнал своего Канамата в толпе ребятишек. Канамат лихо скакал впереди всех — верхом на прутике, усердно подгоняя мнимого жеребца.

По всему было видно: коновод. Ватага, видимо по его команде, то строилась в ряды, то пускалась врассыпную. Игра детей была в разгаре, когда Ислам и Жамбот подошли совсем близко. Увлеченный игрой, Канамат не сразу заметил улыбающегося отца. Первым узнал чабана соседский мальчонка, подтолкнул командира. Канамат со всех ног, сверкая голыми пятками, бросился к отцу. Внезапно остановился перед отцом, еле переводя дух, подняв кверху сияющее счастьем лицо.

— Это мой отец, мой! — выкрикивал мальчуган, гордо поглядывал на товарищей.

Жамбот подхватил сына на руки.

— Где Адил? — спросил взволнованный отец.

— К реке пошел. С ребятами.

— Зачем?

— Играть, бегать...

Из дома вышла Фазика. На мгновение отец зажмурился — она почему-то показалась ему солнцем, показавшимся из-за туч. Жамбот впервые заметил блеск ее глаз, белизну кожи... Он даже замер, любуясь Фазикой. «Как только я не замечал раньше, она так похожа на покойную... когда та впервые входила в этот дом хозяйкой».

Фазика обняла старшего брата.

— Ислам, как я волновалась! Всю ночь глаз не сомкнула. Дождь-то какой поливал. Думала — промок ты весь насквозь!

— Промок, промок!.. — смутился Ислам и отстранился.

— Вот горе-то!

— Чего зря волнуешься? В первый раз, что ли?

— Но все могло случиться...

Ислам, чтобы избавиться от расспросов сестры, скроил серьезное лицо, деловито подошел к ослу, снял с него хурджуны, занес домой. Не терпелось ему показать братьям подарки. Канамат суетился вокруг брата. Бегал за ним, помогал придерживать туго набитый тяжелый хурджун, тыкал в него грязным пальчиком: что привез отец?

Жамбот присел на закопченный камень у очага, оглядел убогую саклю и только тут почувствовал усталость. Ноги гудели, колени не сгибались, тело ныло, он не в силах был подняться. Жамбот сокрушенно покачал головой. А было время, этот путь с пастбищ до аула он проделывал легко, а дома сразу брался за любую работу. Теперь он должен посидеть — отдохнуть.

Оторвал его от печальных мыслей счастливый визг младшего сына. Канамат, прыгая, вертелся волчком. Он

радовался конфетам и пряникам. Только не вполне ясно было, как он их обнаружил.

— Ах ты, маленький безбожник! — улыбнулся отец. — Ну и нюх же у тебя.

В саклю вбежали Жюнюс и Адил. Они набросились на сладости, даже позабыв поздороваться с отцом.

— Эй, вы, сорванцы, а ну поделитесь лакомствами, угостите друзей,— отец говорил про соседских мальчишек, те зачарованно глазели из полуоткрытых дверей на гостинцы.

— Сейчас, сейчас! — Младший захватил ручонкой, сколько мог, и отдал ребятам.

Восхищенная Фазика рассматривала отрезы материй.

— Откуда все это, отец?

— Все это наше, дочка... Не бойся, все по-честному.

— Наше, говоришь...

Веселье детей передалось и Жамботу: «Если б всегда было так!» Иного счастья он бы не хотел.

Поели... Жамбот лег на деревянном скрипучем топчане. Дети — на каменных нарах, подложив шкуры и укрывшись овчиной. Не спала одна Фазика. Ислам отправится с отцом в Кабарду. Невозможно ему показываться таким оборванным. Просто стыдно. Решено: она за ночь сошьет ему рубаху, утром Ислам обрадуется. И нарядным придет в дом отцовского друга Зарамука. В сакле совсем стемнело, девушка осторожно подбросила дров в очаг. Потрескивая, они мало-помалу разгорались. Розоватый отсвет украсил убогие стены, дымок струйкой потянулся наружу. Фазика чувствовала, как пылают ее щеки — ей тепло и радостно. Работа спорится — она шьет рубаху брату. Длинные косы от взмахов рук еле заметно шевелятся, тень на стене повторяет это легкое движение.

— Дочь,— вдруг раздался сонный голос Жамбота.

Фазика вздрогнула от неожиданности, улыбнулась — отец не мог видеть этой улыбки...

— Дадаш отказался от своей доли,— снова заговорил отец. — Не забудь и ему сшить рубаху, да постарайся, чтобы парень довольным остался. Ладную сшей.

Фазика кивнула, а сердце гулко застучало. Она отвернулась к стене, чтобы отец не видел счастливое ее лицо.

4

Жамбот поднялся на рассвете. Разбудил Ислама.

— Пора в путь!

Одеваясь, Ислам вспомнил, что Фазика долго не ложи-

лась — хотела сшить ему рубаху к утру. Посмотрел туда-сюда, ничего не увидел.

— Фазика! Мы уходить собрались. Готова рубаха-то?

— Так быстро наступило утро?.. — Фазика набросила платье, вскочила на ноги. — Сшить-то я сшила, вот только померить надо, впору ли?

Она подала обновку Исламу. Братик полюбовался, надел.

— Ну как?

Фазика осталась довольна.

— Носи на здоровье, чтоб на тебе, живом и здоровом, износилась... Очень тебе идет.

Отец и сын, погоняя неизменного своего спутника — осла, отправились в путь. Фазика проводила их немного.

— Счастливого пути вам, возвращайтесь скорее!

— Наберитесь терпения, дочь моя. Дней через пять-шесть, аллах даст, вернемся. Смотри за детьми.

Солнце еще спало. В ущелье царила полутьма. Утренний холодок пощипывал руки.

Узкая тропка, извиваясь, словно змеиный след, тянулась по Черену. Она то и дело круто сворачивала, временами проходя у самой скалы, порой вбегала по крутому склону, доходила до вершины, а потом вдруг стремительно мчалась вниз. Узка она, эта тропинка, рядом идти тесно.

А впереди стучит копытцами осел, которого Жамбот время от времени подгоняет ремешком.

Путники в полдень остановились перекусить и отдохнуть. Поспешили дальше. К ночи добрались до села Озерное. Переночевали, чтобы никого не беспокоить, в брошенном доме. Поутру странники снова пустились в путь. Отец знал — трудная часть пути позади. От Озерного до Кабарды тянулся большак — ровная, без колдобин и пыли каменистая дорога, с которой были убраны валуны. Можно было спокойно шагать к цели, не думая о том, что с горы скатится обломок скалы, а на извилистой и крутой тропинке окажется камушек: если споткнешься, не удержишься на ногах — тебя ждет холодная вода Черена.

Но когда отец и сын вышли на большак, Жамбот встревожился: туман, прижав свою влажную грудь к земле, медленно полз навстречу. Но к полудню солнышко пробилось через пелену, весело заиграло на небе.

— Скоро ли будет Кабарда? — спросил после долгого молчания Ислам.

— А ты что, устал, сынок?

— Не очень...

— Значит, устал. Отдохнем.

Путники присели у дороги. Осел пощипывал чахлую траву. Исламу стыдно было признаться, что очень устал, ноги не идут. В дальнюю дорогу отец взял его впервые. И взрослому-то одолеть ее нелегко, а каково мальчику. Отец понимал состояние Ислама, но не подал виду, что знает, как сыну тяжко. Но долго отдыхать не было времени.

Жамбот поднялся первым:

— Надо трогаться, сын, а то можем и сегодня не дойти. Ты садись на осла, думаю — потянет.

— Нет-нет, отец. Ты же видишь — он еле переступает.

— Ты за скотину не беспокойся! Сам знаешь, как он вынослив. Какие грузы таскает через перевал. А большак — для него масло.

Отец подхватил Ислама на руки, посадил на осла.

Мальчик глядел во все глаза. По обе стороны дороги тянулись ровные поля. На стерне паслись стада: коровы, овцы, козы, телята.

«Какие широкие, ровные земли! Ни гор, ни скал, ни камней. Подумать только. И край земли видать! Совсем близко земля сходится с небом.

Интересно, что там, где этот край? Туда-то вечером и прячется солнце на отдых, а я-то думал — оно ночует за большой горой, что видна с нашего двора...»

Солнце склонилось к земле. Последние лучи окрасили небо розовым цветом, задержались на облаках, сверкнувших как пламя. Близилась ночь.

Исламу стало неуютно в седле — чужие места, что будет дальше? Впереди сверкнули мелкие точки, похожие на звезды.

— Отец, посмотри, огоньки! — обрадовался мальчик.

— Скоро конец нашему пути,— бодро отозвался Жамбот. Он старался не показать своей усталости — осторожно поглаживал поясницу. Брови и ресницы запорошило пылью, глаза слезились. Он походил на мельника — так показалось Исламу. Пыль покрывала и потертую черкеску и сношенные чабуры. Трудно бедняку, как он войдет в дом друга пропыленный и усталый?!

Издали донесся собачий лай, блеяние овец. Отец помог Исламу спешиться...

Дойдя до первого строения, Жамбот стряхнул как мог пыль со своей одежды, вытер полой лицо. Ислам последовал примеру отца.

Мальчик оглядывался, стараясь рассмотреть незнакомые места.

— Отец, а кто жители этого селения?

— Люди, как и мы, сынок. Только — это кабардинцы. Аул называется Урух-кабак.

— И нет в нем ни одного балкарца? — полюбопытствовал Ислам.

— Нет, сынок. Балкарцы больше любят горы.

Отец повел Ислама дальше на северную часть села.

Псы громко лаяли, старались схватить за одежду. Пришельцы отбивались прутьями, найденными на дороге. Видно, попали они в село в самое бойкое время. Жители аула загоняли скот во двор, женщины доили коров, закрывали ставни на ночь.

— Вот и дошли,— сказал отец, облегченно вздохнув. Они остановились у развалюхи с соломенной крышей. — Придержи ишака, сын мой.

Во дворе играла девочка лет двенадцати. Увидев чужих, она растерялась и смотрела на них округлыми черными глазами.

— Уи адэр дас? — спросил Жамбот, улыбаясь.

— Дэсщ,— ответила девочка, и словно ветер сдул ее, исчезла за дверью.

— Что ты ей сказал?

— Спросил, дома ли отец.

— Что она ответила?

— Сказала, что дома.

В дверях показался хозяин дома в черкеске и папахе. Следом вышла женщина, приветливо улыбаясь.

— Кого я вижу, друг мой! — широко распростер руки Зарамук. — Вот это гости, сколько лет, сколько зим, дорогой... — говорил он, обнимая Жамбота.

— Живы, здоровы ли? — спросил в свою очередь Жамбот.

— Слава аллаху, пока не жалуемся. — Зарамук ласково погладил Ислама по голове. — Хорошо, Жамбот, что сына решил мне показать. Радость его была искренней. — Смотри, жена, кто нас навестил.

— Со вчерашнего дня у меня нос чешется. Покоя нет,— сказала Куна, от улыбки морщинки на ее лице веером сбежались к уголкам глаз. — Это к гостям. А я знала, что гости будут желанные.

— Чего это мы на улице разговариваем,— опомнился хозяин дома. — Заходите, а ты, Куна,— обратился он к

жене,— займись по хозяйству. — Мария! — повысил он голос. — Помоги матери!

Ислам тайком наблюдал за девочкой, Мария внимательно рассматривала незнакомых.

В доме Зарамука Исламу все ново. Не было очага, как у них в сакле. Стены чисто выбелены, гладкие, не выпирают углами камни. Окна — большие, широкие, деревянная кровать, покрытая чем-то узорчатым. Направо в углу что-то совсем несуразное — в дыре, похожей на пещеру, стояли какие-то миски — такой диковинной штуки он не видел.

Хозяин предложил гостям сесть.

Жамбот огляделся.

— Что-то не вижу я Тазрета. Где он?

— Он у нас теперь табунщик,— гордо ответил Зарамук. — Недолго ждать осталось, придет.

— Неужели он уже такой взрослый?

— Что ты, забыл? На год старше Ислама.

— Мой жигит очень лошадей любит. Я сперва боялся доверить ему табун, потом понял — на Тазрета можно положиться. Теперь он целыми днями пропадает на лугах. А все-таки боюсь, справится ли он. Как бы чего не вышло!

— Дорогой Зарамук, в пятнадцать лет сын твой уже мужчина! Пусть занимается тем, к чему лежит сердце.

— Верно говоришь, Жамбот. Но князь наш уж больно горяч. Упаси бог, если их конь вдруг захромает,— от плети бия не уйти. Таков уж он, суровый очень.

— Все они одинаковы. Ты слыхал, чтоб хоть один бий был добрым? Я что-то пока не встречал такого.

— Что делать, Жамбот? Хозяев не выбирают. Хозяин есть хозяин, мы же с тобой — всего лишь батраки.

— Да-а,— ответил горец, почесывая голову,— и солнце нам, беднякам, светит не так ярко.

— Значит, такова наша доля, друг мой. Аллах предопределяет путь каждого. Раз он нас создал батраками — мы должны подчиниться его воле, своей участи.

— Прав ты, Зарамук. Воля аллаха свята для каждого.

— Садитесь к столу,— пригласил Зарамук. — Ислам, хватит тебе смущаться. Веди себя как дома.

Куна кончила приготовления к ужину. Мария принесла в деревянных ковшах воду...

— Какая хорошая девочка,— похвалил Жамбот.

Щеки девочки покрылись легким румянцем.

К ужину подоспел и Тазрет — высокий, стройный жигит.

Он смущенно остановился в дверях, но тут же узнал Жамбота. Обрадовался, вежливо пожал протянутую руку, потом он подошел к Исламу.

— Какой вымахал, а? — Жамбот похлопал по плечу Тазрета. — Живи долго, Тазрет, на радость родителям! Будь счастлив.

— А это Ислам... Сын Жамбота, ты понял? — пояснил Зарамук. — Вы с ним почти ровесники.

Куна усадила сына за стол к мужской компании и поставила перед ним тарелочку.

— Как там дела, табун на месте? — спросил отец.

— Не беспокойся, отец, сам хозяин к нам заезжал.

— Сам Хатуг?

— Да.

— Что он тебе сказал?

— Говорит — надо объезжать лошадей.

— Что-то надумал опять хозяин. Мало ему, что в прошлом году я себе ребра ломал. Пусть сам и объезжает, если ему охота.

— Тебе незачем беспокоиться, отец, я их обучу сам.

— Кишка еще тонка у тебя, сын. Это звери, а не кони. За них и опытные табунщики не берутся.

— Я смогу, отец...

— Не говори лишнего, сын. Лучше ешь! — Зарамук обратился к Жамботу. — Горяч парень, везде суется, сил пока мало, а он всюду. Боюсь, что и в огонь сунет дурную голову.

Жамбот улыбнулся.

— Но ведь недаром говорят старики, друг мой, крылья орленка крепнут в полете.

Зарамук кивнул головой — он был согласен со своим другом.

Тазрет увел Ислама во двор. Беседы у них не получалось — они просто не понимали друг друга. Но они и так освоились, со смехом переговаривались жестами.

За новыми друзьями наблюдала Мария, она прямо со смеха покатывалась, глядя, как Ислам и Тазрет размахивали руками и гримасничали, стараясь один другому что-то втолковать.

Жамбот и Зарамук поговорили о том, о сем.

— Как хлеб в этом году уродился? — осторожно спросил Жамбот.

— Не жалуюсь. Я смог полить делянку, вот и собрал урожай. Вода очень нужна в нашем деле.

— А у меня, друг, совсем плохо! Засеял я свою зем-

лишку ячменем, да что толку! Я ведь все время в горах, а с детей какой спрос? Хозяйские козы полакомились, всходы вытоптали, сравняли с землей.

— И ты молчишь? Пусть Кужон возместит потери! — возмутился Зарамук.

— Он и слушать меня не хочет!

— Совсем, значит, плохо! Пусть аллах пошлет на него кару!

Переночевав, Жамбот собрался было домой, но Зарамук воспротивился. Он показал Жамботу аул, друзья побывали у родных Зарамука.

Не усидели дома и новые друзья. Тазрет позвал Ислама с собой на луг, где пасся табун. Там сын Жамбота познакомился с товарищами Тазрета.

— А-а, кушха,— говорили они, что означало — горец.

Окружив Ислама, ребята пытались научить гостя своему языку. Много было смеха, веселья. Особенно старался Тазрет — очень хотел позабавить, развлечь гостя.

Там на лугу Исламу предстояло полюбоваться невиданным зрелищем.

Молодые кабардинцы решили показать гостю довольно опасную забаву с необъезженным конем. Один, изловчившись, накинул на шею жеребца аркан. Несколько человек крепко держали другой конец длинного ремня. Конь, почуя неволю, попытался освободиться — встал на дыбы, подскочил, помчался по лугу, попеременно выбрасывая то передние, то задние ноги. Бешено рыл копытами землю. Замер, как бы раздумывая, что предпринять дальше, как освободиться. Завертелся волчком, комья земли из-под копыт так и летели. Все было напрасно...

И заарканенный конь покорился, глаза его — Ислам заметил — округлились и налились кровью. Он попятился, волоча по земле смельчаков, не отпускавших ремень, захрипел, изо рта полетели клочья пены.

Ислам с испугом наблюдал: петля вокруг шеи жеребца затягивалась. Один из молодцов схватил коня за уши, другой стоял наготове, и как только третий стащил с шеи животного аркан, ловко накинул на коня уздечку.

— Готово! А ну, кто всех смелей?!

Вызвался Тазрет.

Мальчик так быстро очутился на коне, что тот, ощутив неожиданную тяжесть, несколько секунд стоял неподвижно, прядая ушами. Внезапно жеребец сорвался с места, заржал, молнией поскакал по лугу, то припадая на передние ноги, то вставая на дыбы. Тазрет припал к плотной

спине животного, а жеребец метался по лугу. Мелькал лоснящийся круп, оскаленные зубы поблескивали на солнце. Один из табунщиков, изловчившись, поскакал к Тазрету, выхватил конец уздечки из рук храбреца и потащил коня за собой. Неожиданно став покорным, жеребец трижды прошел по кругу. Но как только Тазрету вновь передали уздечку, в коня словно черт вселился, он стремительно помчался поперек луга, сотрясаясь всем телом, помахивая головой и скаля белые зубы.

Табунщики всполошились. Ислам в страхе за друга зажмурился.

Прошло не так уж много времени, и Ислам, открыв глаза, увидел мирного, покорного жеребца, повинующегося движениям рук Тазрета. Храбрец спрыгнул с коня, стараясь казаться спокойным, только бледность выдавала пережитое волнение.

Конь стоял неподвижно, понурившись, от былой прыти не осталось и следа, только ноздри нервно раздувались.

На следующее утро отец и сын отправились обратно в Акташ. Вся семья Зарамука провожала гостей.

— Счастливого пути!

— Вам счастливо жить!

Ишака почти не было видно под огромными хурджунами. Казалось, его живот касается земли, а тоненькие ноги вот-вот переломятся.

Чем дальше оставался гостеприимный дом, тем грустнее было Исламу. Он сильно отстал от отца, оглянулся на маленькую, стройную девочку. Мария, привстав на цыпочки, изо всех сил махала мальчику рукой. Ислам хотел ответить, но боясь, что отец заметит, бегом помчался вслед за Жамботом...

— Отец, какой добрый друг у тебя...

— Да, сын, такого в целом свете больше не сыщешь.

— Ты понимаешь, что он говорит, а он тоже тебя понимает. Где ты научился?

— Так у нас ведь и отцы были друзьями. Однажды отец Зарамука взял его к нам в горы. Зарамук был еще совсем маленький. Ну, вроде как наш Канамат. Приехали они, значит, а отец его и говорит: «Пусть Зарамук погостит у вас, посмотрит горы, научится балкарскому». А отец его забрал тогда меня с собой в Кабарду. Ведь я тоже был тогда таким же мальчиком, как наш Канамат, сынок.

Жамбот замолк, Ислам наблюдал за отцом. Видно, он мыслями перенесся в то далекое прошлое... Лицо Жамбота то светлело, то мрачнело...

— Да, сколько пришлось видеть-перевидеть за это время,— сказал Жамбот. — А время пролетело, словно вода утекла...

Ислам потряс отца за руку.

— Научи меня говорить по-кабардински,— попросил он.

— Зачем тебе? — усмехнувшись, спросил Жамбот.

— Очень, очень хочется...

— Раз охота, сын, выучишь быстро...

«Что-то разговорчив я стал»,— подумалось Жамботу. Он обычно любил слушать, больше помалкивал. Но вот сын растет, всем интересуется.

Встреча с добрыми людьми, новые места взволновали Ислама, он задавал все новые и новые вопросы. Отец отвечал немногословно, но охотно. Да и дорога, слава аллаху, долгая. Как же скоротать ее, если не в беседе.

Ущелья путники достигли без особых приключений, хотя осел изнемогал под тяжестью груза. Ислам и Жамбот старались как могли помочь животному — иногда часть подарков несли сами, порой поддерживали хурджуны. Когда же путники вступили на каменистую крутую тропинку, длинноухий осел еле переступал копытами... Заносило на поворотах, порой не в силах преодолеть подъем, ишак пятился, скользил, останавливался. Трудно было его заставить вновь тронуться. Отец и сын подставляли плечи под грудь осла, тянули вверх под уздцы, толкали сзади. Вконец измученные, и животное и люди на третий день добрались до Акташа. В сакле, рассматривая содержимое хурджунов, ликовали. На какое-то время можно забыть о голоде и лишениях.

5

Эфенди Сосран совершил обеденный намаз, но не торопился подняться с намазлыка[1]. Тонкими высохшими пальцами привычно передвигал бусинки четок... Будто очнувшись, эфенди погладил сухими пергаментными руками козлиную бородку, свисавшую сосулькой, медленно встал с телячьей шкурки, долгие годы служившей ему намазлыком. Повесил мех на гвоздь в бревне. Бросил взгляд на меси[2], блестевшие будто смазанные маслом. Потрогал — они были мягкими и приятными на ощупь. Поверх

[1] Намазлык — подстилка, на которую становятся во время молитвы.

[2] Меси — обувь из тонкой кожи.

меси эфенди натянул чарыки. Устроился на своем ложе, словно старая птица на выступе скалы. Уставился на огонь в очаге. Огонь отбрасывал на стены красноватый свет, наполняя душу эфенди покоем. Единственное окно в сакле занесено снаружи снегом, свет проникал лишь через отверстие над очагом. Любил эфенди оглядывать свое жилище. Чего только здесь не было. У дальней стены — два добротных сколоченных сундука, на них навалены шелковые стеганые одеяла, пуховые подушки в атласных наволочках. Обе деревянные кровати красиво застланы, разбираются они только по случаю пребывания в доме дорогого гостя. Стены завешены дорогими коврами. Рисунок на них, как красивые цветы на зеленой лужайке. Кинжал и ружье наискось по ковру, украшенные серебром,— драгоценны. Когда у соседей по саклям гуляет ветер да дыры прикрыть нечем, хорошо эфенди оглядывать свое богатство, вот так, сидя на пуховике.

Сосран — главный эфенди в ауле, ему шестьдесят, но он бодр, уверенно стоит на ногах. Только борода ему своя не нравится — как-то поседела, поредела.

У Сосрана сын и три дочери. У дочерей, давно покинувших отцовский дом, свои семьи, а вот сын-баловник не хочет расставаться со свободной жизнью, ему двадцатый пошел, а он только заигрывает с девушками. Жены, как всегда, нет дома. Кудас занята другим. Ни одна сплетня не минует ушей Кудас, а порой и сами сплетни соскакивают с ее языка, а потом уже расходятся по аулу. Никто в округе не сможет выдать дочь замуж или женить сына, если жена эфенди не вмешается, не поможет. Некогда ей дома рассиживаться. Не похожа она на мужа — молчуна и домоседа.

А вот если поспорили соседи — сами бегут к Сосрану: разберись, помоги советом! Кто-то провинился — «к тебе на суд ведем», говорят. Свадьба ли, похороны ли — все проходит через руки уважаемого муллы. Ну а кто учит исламу бийских детей? Опять он, эфенди Сосран. Тут он и велеречив, и многословен.

Сосрану вдруг стало душно в четырех стенах. Устал от созерцания собственных богатств. Оделся потеплее, вышел за дверь. Двор очищен от снега, кто-то из соседей постарался. Соседи должны выполнять за эфенди всю работу. Таков обычай.

Первым делом Сосран заглянул в овчарню — овцы повернули мордочки, уставились на хозяина, не переставая

работать челюстями. Животные сытые — сена вдоволь. Подстилка мягкая, чистая. Эфенди зашел в хлев,— коровы встретили дружным мычанием, округлили большие глаза.

— Скотина пить хочет, чтоб тебя шайтан ударил, непутевая баба,— беззлобно ворчал эфенди,— ни о чем ты думать не хочешь, а сын куда-то запропастился.

Сосран отодвинул плетень, коровы гуськом двинулись к реке. Хозяин, опираясь на палку, последовал за ними.

Не шумит, не пенится река Черен. От былой спеси и следа нет. Журчит она маленьким ручейком под глубоким снегом. Словно вдоль седла протекает — крутые берега возвышаются над ней, гигантские сугробы. Гладкие спины летом скрытых под водой валунов сейчас закутаны толстым слоем снега.

Напоив коров, эфенди поднялся по тропинке и хотел было свернуть в узенькую улочку, как пред ним предстала его собственная жена. Она с трудом перевела дух, от ветра подол ее платья прилип к худым ногам...

— Где ты бегаешь с самого утра, черт бы тебя побрал,— разозлился эфенди.

— Ой-ой-ой. Я видела такое чудище! Пусть аллах сохранит нас! — затараторила Кудас, не обращая внимания на гнев мужа.

— Что за чудище такое? Говори...

— Какой-то железный ящик, а внутри огонь горит. Дыма не видать...

— Чего ты мелешь?

— Ей-богу!

— Врешь поди! Где ты его видела?

— У Кужона. Привез откуда-то. В нем пламя так и гудит, во все стороны развевается. Печь, говорят, такая... Аллах его знает, что это? — Она начертила носком чарыка квадрат на снегу.

Он торопливо загнал коров, а сам зашагал к дому Кужона. Может, и правду сказала жена. А может,— не поняла чего. Ведь недаром старики говорят, у женщины волос долог, да ум короток.

Сосран издали увидел толпу у ворот богача. Все, видно, собрались посмотреть на печь эту — черт знает, что за диковина! Перед муллой люди расступились, пропустили вперед — ему-то можно войти в дом.

— Эй, жамауат [1], зачем собрались, что за торжество такое? Чего это вам не сидится дома?

---

[1] Жамауат — люди.

— Бий привез какой-то железный очаг,— сказал кто-то из толпы,— хотим посмотреть диковинку эту.

Сосран прошел в дом. У Кужона собралось немало гостей.

Невольно в глаза бросилась бритая голова Кужона, поблескивающая как тыква под солнцем. Сходство с тыквой дополняло отсутствие шеи — казалось, голова покоится прямо на плечах.

Хозяин, размахивая руками, оживленно что-то объяснял гостям. Он не заметил прихода эфенди. Сосран кашлянул раз-другой, чтобы обратить на себя внимание.

— А-а, эфенди, проходи, дорогой,— Кужон увидел Сосрана. — Чего у порога остановился? Сюда проходи, пожалуйста,— он показал вглубь комнаты. На месте очага разместилось то самое чудище, про которое так много говорили. Мулла решил не показывать удивления, сохранял важный и недоступный вид, но выдавил как бы между прочим:

— Что за собака о четырех ногах, бий?

— Русская печь, эфенди,— Кужон гордо выпятил грудь.

— Русская печь, значит. Гм... русская печь! С каких это пор горцы стали готовить свою священную пищу на печи гяуров?.. А это значит — дымоход?..

— Так и есть, дым выходит в трубу.

— Так-так, вот только не знаю, к месту ли в доме истинного мусульманина этот чугунный ящик?

— Хорошая вещь, дорогой Сосран, всегда к месту в доме любого из нас,— ответил один из чанки [1], подобострастно глядя на Кужона.

— Вот что я скажу тебе, добрый человек, много хорошего можно увидеть на свете, но мы с вами не должны забывать одного. Мы — мусульмане, на этом свете временные люди. Подлинный рай ждет нас там... и именно там ждет нас вечная жизнь... А у гяуров жизнь короткая, только лишь земной круг. Завидовать и подражать им, значит,— предать свою веру. Поэтому их вещи не должны загромождать наши жилища. Аллах может покарать за это!

Кужон расхохотался. Смех его звучал словно из бочки.

— Не заходи так далеко, о дорогой раб аллаха, не надо. Посмотри только: ни сажи, ни дыма, ни копоти — а в доме тепло. Ты чувствуешь, мы потеем, как в жаркое

---

[1] Чанки — богатей.

лето. Ну скажи, разве не прав я? — Он обернулся к гостям своим, почтительно его окружавшим.

— Да, конечно! — послышалось в ответ.

— Кужон верно говорит.

— Я бы сам поставил такую у себя в сакле...

Сосран понял, что тут его не поддержат, и не стал дальше спорить.

Ислам в толпе других стоял перед саклей бия, уж очень хотелось хоть краешком глаза посмотреть на эту невидаль!.. Побежал домой, только когда не мог терпеть холода. Чарыки затвердели от мороза, не гнулись,— снег, не удержавшись на них, сползает как со стекла.

Фазика смотрела на брата с горечью и жалостью.

— Ты посинел даже! Ну что за охота ходить под окнами бия и смотреть, что он там купил!

— Зря простоял, не смог увидеть,— стуча зубами, пожаловался Ислам.

Жюнюс и Адил вбежали одновременно, разулись, поставили чарыки у очага. От мокрой обуви пошел пар. Щеки братьев запылали от тепла, но пальцы ног болели. Мальчики прятали руки под мышками, переступали ногами.

Канамат лежал больной и очень завидовал братьям. Если б только позволили ему, он бы ни за что не усидел, тоже побежал бы к дому бия.

А потом бы раз-другой скатился с горки, где его здоровые братья кувыркались целый день. Но где уж там — Фазика набросала на него столько овчинок, что дышать нечем. И крепко-накрепко запретила вставать. Так поступала покойная мать, когда кто-нибудь из детей заболевал.

Братья понемногу согрелись и опять запросились на улицу.

— Пусти хоть во двор, чуть-чуть погуляем и вернемся,— тараторили они наперебой.

И сестра в конце концов не устояла.

Как только братья выскочили на улицу, Фазика, заметив, что Канамат задремал, сбегала за водой к Черену. Вернулась быстро, прислушалась к дыханию братишки, поправила сползшую овчину. Добавила в очаг кизяку и села на камень у огня, латать отцовские штаны. Давно надо было взяться, да руки не доходили! Зима в этом году выдалась суровая. Мороз кусался исподтишка, как хитрый пес, днем немного отпуская, а потом, когда вновь трещали

иззябшие деревья, ночью он приходил из-за гор, располагался в селе, вел себя как хозяин.

Фазика только успела вдеть нитку в иголку, как дверь сакли тихо отворилась. К своему удивлению и радости, она увидела Дадаша. Он стоял в нерешительности, как бы боясь поставить ногу, оттягивающую руку. Девушка улыбнулась, поднялась с места, щеки ее покрылись румянцем от смущения.

— Проходи, Дадаш, чего встал? — выговорила она с трудом, стараясь не показать волнения. Но Дадаш волновался не меньше.

— Отец твой послал... Сказал, посмотри, как они там, дети... И еще попросил: принеси штаны и башлык. И еще... Еще я немного мяса принес вам, вот...

Дадаш протянул хурджун девушке.

— Иди поближе к огню, погрейся,— уже спокойно предложила Фазика. — Устал небось... Труден путь в эту пору. — Она указала Дадашу на камень, откуда только что встала,— сверху лежала плоская вышитая подушечка.

Дадаш все еще стоял у двери, заметил спящего мальчика.

— Что с ним? — спросил он, понижая голос. — Заболел?

— Да, простудился сильно. Но теперь дела идут на поправку!

Дадаш, легко ступая, подошел к ребенку, ладонью коснулся лба. Канамат вздрогнул, но глаз не открыл, пошевелил губами. Повернулся на другой бок и снова заснул. Дадаш с тревогой смотрел на ребенка, так же неслышно подошел к очагу и присел на камень. Очаг дохнул на него теплом и уютом. Лед на чабурах таял, капельки воды стекали по заледеневшей коже.

— Проголодался! Путь-то далекий! Быстро управлюсь. Приготовлю тебе мамалыгу.

— Не хлопочи, Фазика, ведь я еще наведаюсь к Хасау. Там и перекушу чего-нибудь.

— Почему нельзя у нас перекусить «чего-нибудь»? Нет-нет, подожди,— Фазика налила воды в котел.

Дадаш больше противиться не стал. Подавшись вперед, он с наслаждением грелся у очага, а глаза его неотступно следили за девушкой.

— Когда ты думаешь возвращаться?

— Завтра, если аллах пошлет дорогу....

— Так быстро?

— Сейчас дел невпроворот, одному не справиться.

Лучшие зимние пастбища покоятся под снегом. Чтобы сохранить овец, приходится гонять их в расщелины. Туда трудно добираться. Пасем их на обочинах. К тому же волки обнаглели, нередко навещают.

— Да, видать, отцу трудно одному.— Девушка глубоко вздохнула.

— Кужон к нам на днях наведывался. Если, говорит, хоть одной овцы не досчитаюсь, смотрите, голов на собственных плечах не досчитаетесь, пугал все...

Молодые люди помолчали.

Вода в котле закипела. Фазика насыпала муки из капчыка [1] на поднос и принялась искать куда-то запропастившееся мешало. Дверь сакли распахнулась, и холодный воздух ворвался вместе с детьми. Жюнюс и Адил приостановились у двери, но когда узнали гостя, стянули с голов шапки, радостными возгласами приветствовали Дадаша.

— Полюбуйся на них, Дадаш, каждый раз прошу: возвращайтесь домой до того как посинеете, а они... Уйдут с зарей, если не позовешь, до вечера будут пропадать. Вот и расскажи отцу, как они тут... Где Ислам?

Жюнюс шмыгнул носом.

— Корову встречает.

Вода забулькала, Фазика сыпала в котел кукурузную муку. Мамалыга разварилась, пофыркивала, выбрасывая комочки воздуха. От котла поднимался пар и вместе с дымом ускользал в открытое отверстие. Кушанье было готово — Фазика сняла котел.

Ислам не замедлил явиться к ужину. Он поздоровался с гостем, как равный, подобно взрослому.

— Как ты вырос, Ислам, настоящий жигит, Летом уже сможешь подняться с нами — ты станешь хорошим чабаном. Мы будем в горах вместе.

— Я, конечно, рад бы, вот только отец... Позволит ли он?.. Согласится ли?..

Разговаривая с Исламом, Дадаш следил, как ловко спорится работа у Фазики. Вот теперь она налила каждому в чашу с мамалыгой айран. Первому подала Дадашу, потом братьям — по старшинству. Дадаш с аппетитом ел свою порцию, каша ему казалась очень вкусной, может быть, потому, что ее готовила юная и красивая девушка.

По обычаю горцев, Дадаш ушел не сразу после ужина.

— Теперь мне пора,— сказал он, выждав время. На-

---

[1] Капчык — мешок из козьей шкуры.

тянул поглубже папаху, добавил: — Фазика, я загляну завтра, возьму одежду для твоего отца.

— Хорошо. Все уложу, что он просил. — Девушка хотела добавить еще что-то, но удержалась.

Дадаш пошел ночевать к Хасау. Он не родственник Дадашу, у парня не было родных. Хасау — добрый, с открытой душой человек. Дадаш в доме Хасау никогда не чувствовал себя посторонним. В ответ на гостеприимство Дадаш старался как-нибудь помочь Хасау: заготавливал сено, исправлял что нужно в доме, играл с детьми. Вся семья в Дадаше души не чаяла. Увидев чабана в дверях, дети с радостным визгом бросились к нему. Обнимали, ласкали, висли на плечах.

Беседа гостя с хозяином в эту ночь затянулась. Абидат, жене Хасау, с трудом удалось успокоить возбужденных детей, уложить их спать. Сама она лечь не торопилась — добрая половина настриженной шерсти нечесана. Но дневная усталось брала свое, жена Хасау то и дело боролась с желанием спать, зевала и, переждав мгновение, снова бралась за шерсть. Спать ей уже хотелось, но Абидат соблюдала закон гор — женщина должна ложиться последней. А мужчины все толковали о своем.

— Дадаш, мне кажется, все сроки прошли, время не ждет,— Хасау заговорил о том, над чем в последнее время парень сам часто размышлял. — Ты меня понимаешь, конечно? Семьей пора тебе обзавестись...

Абидат оживилась.

— Чем плохая невеста Фазика? Дочка твоего напарника Жамбота? Девушка хоть куда... Себе бы такую невестку желала бы... Красавица, равной ей нет у нас в Акташе. Рукодельница, хозяйка. Как раз тебе под пару.

— Думаю, Жамбот не станет противиться... — предположил Хасау.

— Да, редкой красотой одарил ее аллах,— улыбнулась Абидат.

Дадаш отмалчивался.

6

В домах Кужона и Камбота этот день начался раньше обычного: чуть свет из труб повалил дым. То и дело хлопали двери.

И тут и там царило оживление. Богачи затеяли грандиозный праздник. Казалось, что Большое ущелье только

и ждало этого события — все жители аула спозаранку были на ногах.

Торжество не вмещалось в домах, оно заполняло дворы, выплеснулось на улицу. Там и тут горели жаркие костры. В котлах варилось мясо, ветер разносил запах по всему ущелью. По улицам сновал народ. Запах мяса привлек всех собак аула — высунув языки, псы жадно впивались глазами в огромные туши, висевшие на крюках.

Батраки разделывали баранов и телят, бросали дворнягам то кости, то кишки, и свора, ворча и огрызаясь, бросалась за подачками.

Тут, как и у людей, свой закон силы: слабые и больные только смотрели на своих могучих собратьев. И псы знали: немощных одолеют здоровые. И сидели эти несчастные вокруг с высунутыми языками, обливаясь слюной. Но среди сильных тоже шла битва за добычу...

Дети вслед за родителями рано высыпали на улицу. Они не осмеливались приблизиться к заветным воротам, стояли сбившись в кучки поодаль. Те, кто постарше, завидовали сверстникам, которых позвали в эти дома. Одни помогают свежевать туши животных, другие подпаливают над кострами головы и копыта, третьи подтаскивают воду. Пузыри достаются детям. Ребятишки, раздув щеки, наполняют их воздухом, а когда пузыри с шумом лопаются, ребята весело хохочут.

Бий Кужон сегодня очень наряден, сутулый и неуклюжий, он как-то подтянулся. Даже в белой черкеске выглядит довольно стройным — хоть куда! Газыри и пояс тускло поблескивают серебром. Рукоять кинжала инкрустирована золотом. Обут Кужон в ладные чарыки из добротной, красиво выкрашенной дубовой корой кожи. Дополняет это великолепие сдвинутая набекрень каракулевая папаха. Сегодня он и выглядит моложе.

Жена Кужона погружена в печальные размышления, что обычно ей не свойственно. Она разодета — мужу не уступит. Желтый шелк платья схвачен серебряным нагрудником. Длинные полы расшиты золотом, при каждом шаге хозяйки разлетаются, как открывающиеся веера. Голову Баблина покрыла белым шелковым платком. И это ее очень молодит. Слуги снуют вокруг хозяйки, ходят следом, словно привязанные. Баблина еще ранним утром осмотрела дом, убранство комнат и осталась довольна. Правда, ей пришлось раньше немало покомандовать.

В комнату, отведенную для невесты, Баблина не впускает слуг, там сама хозяйничает. В глубине возвышается

кровать. Взбитые перины покрыты мягким шелком. На них водворены две огромные подушки. Розовый атлас наволочек ласкает взор. Угол комнаты справа от кровати завешен ширмой. На веревку накинуты шелка, платья, платки разных расцветок и размеров, пояса и нагрудники, украшенные золотом и серебром. Глухая стена вся закрыта дорогим ковром.

Баблина вся во власти грустных мыслей, потрясена оскорблением, хотя и искусно скрывает горе перед людьми. Она подошла поближе к заветному углу и глубоко задумалась, тяжело вздохнула. Глаза ее затуманились от нахлынувших слез, она смахнула их, распрямила спину и замерла. Вспомнился ей день, когда она сама молодой невестой переступила порог этой сакли — дома Кужона. Отец Кужона — самый богатый в округе человек, скрягой был неслыханным. За невесту единственного сына старик отказался выплатить калым...

Сколько воды с тех пор утекло. Богатство Кужона с тех пор утроилось, теперь он самый видный человек в округе, Баблина не перечит ему ни в чем. Родила сына. Больше аллах не послал детей. Недоволен Кужон ею из-за этого. Мало такому богачу одного сына, ему кучу детей подавай. Она бы, конечно, рада бы угодить мужу, да что поделаешь?.. Вот и надумал Кужон жениться на молодой девушке, чтобы в доме росли еще наследники. Сегодня свадьба. Баблина — жена Кужона перед богом и людьми, но протестовать она не вправе. Она ведь всего лишь женщина, не более того. Воля Кужона — закон для нее. В горах это принято: мужчина, если захочет, приводит в дом две, а то и три жены.

Размышления Баблины прервал ворвавшийся в дом Кужон. Он ликовал, был полон сил, лоснился от счастья. Баблина огорчилась еще больше.

— Хотелось, чтоб ты остался прежним заботливым отцом для моего сына. — Губы ее дрожали. Баблине трудно было говорить.

— О чем ты, женщина? — спросил Кужон с неожиданной нежностью в голосе, положил на плечо жены волосатую толстую руку. — Почему я должен забыть собственного сына. Ты же мать его. Ты мать моего Элбека...

— Кто знает, как все обернется для нас, несчастных,— вздохнула Баблина. — Прежнего не вернуть. Молодая жена войдет в дом полновластной хозяйкой. Забудешь ты и обо мне, и о сыне.

— Зря беспокоишься и терзаешь себя. Твоего места в моем сердце никто не займет.

Баблина тихо вышла. Кужон покручивал длинные рыжие усы и думал о чем-то своем.

Вечерело.

Дом Камбота — как муравейник. Собралась вся родня — близкая и дальняя. Камбот выбрал подходящего мужа для дочери, это радует всех. Он выдает ее за самого именитого и богатого человека. Много гостей наехало к Камботу из самого Карачая. С трудом помещаются в просторных комнатах и широком дворе. Батраки снуют взад и вперед, угощая почетных гостей. На столе выставляются все новые и новые блюда, аппетит у гостей возрастает. Котлы не пустели, только вынут вареное мясо, а котел уже снова полон. Камбот сегодня щедр. Он не скупится и бедняков угощает, дети набивают рты вкусной едой. Многим нечасто приходится есть досыта.

— Пусть ломятся столы! — восклицает Камбот, — все надолго запомнят, каков хозяин, какая щедрая у него была душа!

Камбот от счастья сегодня милостив и радушен — еще бы, у него будет новая, богатая родня! Жители аула твердо знали — где богатство, там и скупость. У Камбота и снега зимой не выпросишь! Сегодня он приумножил свое богатство, как ему не стать добрым в такой день — отдает пятнадцатилетнюю дочь Аминат за бия, навсегда породнится с ним.

Кужон не скупится. За красавицу невесту он платит калым — отару овец и двенадцать коров. Как тут не ликовать Камботу от счастья.

Аминат печально сидит в окружении подруг. Лицо ее сегодня подобно солнцу, закрытому облаками. Подруги пересмеиваются, весело болтают, а она далеко от этих бездушных хохотушек. Голова ее опущена, глаза прикрыты ресницами. Подружки изо всех сил стараются развеселить ее, подшучивают, рассказывают смешные истории, но Аминат молчит, никого не слушает, только время от времени тяжко вздыхает. Шелковая белая шаль покрывает ее голову. Из-под платка видны только по-детски пухлые губы.

— Аминат, милая, ну улыбнись! Хоть раз! — пристают к ней подруги. — Ну что сидишь мрачнее тучи?

— Если будешь долго хмуриться, щечки побледнеют, и тогда муж...

Обильные слезы вдруг заволокли глаза девушки, ручейками потекли по щекам.

В дверях появилась мать Аминат. Девушки, толкаясь и хихикая, оставили мать и дочь вдвоем.

Прежде чем заговорить с Аминат, женщина оглянулась, убедилась, что в комнате, кроме дочери, никого нет.

— Я понимаю тебя, дочь моя,— голос ее звучал уверенно. — Что делать? На все — воля аллаха. А отец желает тебе только добра.

— Мамочка, мама, зачем я только родилась на свет? Зачем ты дала мне жизнь? Только для того, чтобы я страдала?

— Не гневи аллаха, дочь моя, соседи, все твои подруги умирают от зависти.

— Я ненавижу его! — Девушка закрыла лицо руками. — Боюсь его давно. Даже встретить всегда боялась!

— Ну что ты говоришь, девочка! Совсем он не страшный. На него любо-дорого посмотреть, представительный такой, достойный, богатый. Он богат, дитя мое. Помни об этом...

Аминат беспомощно молчала. Одна за другой вбежали подружки.

— Приехали!

— За невестой приехали!..

— Возьми себя в руки, дочь моя! — Мать склонилась к Аминат. — Каждая из нас плачет, покидая родной дом, но как ты себя ведешь?! Дай, аллах, нам силы! — Она возвела глаза к небу и исчезла за дверьми.

До Аминат доносилась веселая разноголосица подвыпивших дружек. Сердце Аминат забилось быстрее. Она оглядела стены, будто прощаясь с прошлым. Комнату заполнили девушки — посланницы Кужона.

— Где ваша красавица?

— А ну, невеста, покажись...

— Хороша... ничего не скажешь...

— О, расступитесь, дайте мне подойти поближе к ней...

Тараторя, оживленные девицы наперебой обнимали почти лишившуюся чувств Аминат. Но у невесты таилась мысль — как хорошо бы сейчас быть на месте кого-нибудь из этих красоток.

Они беспрерывно смеялись, шутили, глаза их блестели, излучая свет и радость. Да какое им дело до чужого горя! Они сейчас и понять не могут, что творится в душе невесты Кужона.

Ночь напролет гремела музыка. Медленные танцы сме-

нял зажигательный исламей. Дружки выпили немало бузы, и ноги их мелькали в жарком переплясе, руки реяли, как крылья. Кое-кто уже и на ногах с трудом стоял. Много выпивших старались скрыть от посторонних взоров — невоздержанность одного гостя бросала тень на всех посланцев жениха. Не дай аллах, чтобы срамили в доме невесты доброе имя своего бия! Парни, которых хмель еще не забрал, обнимали пьяненьких за плечи, держали за руки, чтобы сохранить видимость веселого, но не пьяного разгула.

К исходу ночи дружки запели свадебную урайду. Гремели выстрелы, — гости соревновались в меткости, стреляли по цели. А мишень в эту праздничную ночь — и дверь, и лучина, и потолок.

Аминат поняла — близок час разлуки с домом родителей, настало время войти в другую семью, неизвестно — дружелюбную или враждебную, распрощаться с матерью и отцом.

На глазах у Аминат опять выступили слезы.

Посланцы жениха должны были перехитрить стоявших начеку парней, что охраняли невесту. Хотели обойтись без выкупа — украсть Аминат. Но не тут-то было. Людям Камбота тоже палец в рот не клади. Не в деньгах, конечно, дело! Какая сторона окажется более ловкой и умелой — той и слава. И любой жигит, конечно, постоит за честь своего бия до конца. Долго старались гости провести хозяев, ничего не выходило. Тамада сорвал голос — сыпал шутками и прибаутками... Время шло. Невесту ждали в доме Кужона в условленный час. Тамада понял, что проиграл, и зашелестел деньгами.

— Мы готовы заплатить, пропустите нас к невесте!

Получая щедрые вознаграждения, тамада из охраны невесты приказал пропустить гостей.

Но в это же время во дворе шуровала другая компания парней. Они должны были завладеть фаэтоном и лошадьми, и тут люди Кужона не подкачали. Без труда напоили жигитов, протоптавшихся вокруг фаэтона до утра без сна и ужина. Не так уж было и трудно завладеть лошадиной сбруей, когда выводили невесту со двора Камбота. Тут хозяева оказались гораздо изворотливее гостей — заплатить пришлось много. Разговору теперь хватит на целый год. А уж незадачливым молодцам из дома Кужона придется выслушать от аксакалов немало упреков, не смогли они с честью выполнить все, за что взялись.

Но как бы там ни было, лишь первые лучи солнца погладили верхушки ржавых гор, дружки с шумом, грохо-

том, музыкой и песнями вывели невесту. Разнаряженные гапчи[1] пугали девушек — откалывали разные коленца. Пританцовывая и кувыркаясь, они предваряли праздничное шествие. Урайда и выстрелы эхом отзывались в горах. Задолго до приближения свадебного поезда дом Кужона опустел — все высыпали на улицу. Весь этот беспорядочный шум был сигналом — невеста в фаэтоне следовала к жениху с дальней стороны аула.

Действительно, в фаэтоне сидела, прислонившись к стенке, испуганная Аминат. Повозку окружили всадники. Музыка сопровождала избранницу Кужона весь долгий путь.

И Кужон не ударил лицом в грязь — музыкой, песнями, приветственными криками встретили друзья и батраки жениха приближение избранницы бия.

Налегал на лады Соллоу, искуснейший гармонист округи. Слава о нем гремела далеко за Большим ущельем. В доме бия он сегодня выступал во всем блеске своего мастерства. Справа и слева от Соллоу восседали две юные красавицы. Они то и дело смахивали платочками пот со лба и щек гармониста. К вечеру Соллоу немного сник. У танцоров тоже пыла поубавилось.

Свадьба теперь была подобна угасающему костру, в котором среди золы поблескивали редкие искорки. Гости понемногу покидали дом уважаемого бия.

К полуночи дом объяла тишина. Все посторонние разошлись. Нуждались в отдыхе. Последней из комнаты новобрачной вышла Баблина.

— Ты не трепещи, голубка, не бойся,— поучала она перед уходом испуганную Аминат. — От этого еще никто не умирал. Мужчина он ласковый,— голос звучал спокойно, но на душе скребли кошки. — Меня ввели в этот дом, когда я была помоложе тебя! Да как видишь, цела и невредима. И плакать не надо, нечего тут оплакивать, некого. Слава аллаху, все мы живы и здоровы,— она величественно покинула спальню, но немалого труда стоило это спокойствие.

Как только захлопнулась дверь за Баблиной, Аминат почудилось, что она в могиле. Бедная девушка боязливо озиралась... Не спит вот вторую ночь, а спать не хочется вовсе. Сон испарился, остались только страх и смятение.

Зазвучали тяжелые шаги. Девушка вскочила и замерла, боясь пошевелиться. Тихо отворилась дверь. На пороге

---

[1] Гапчи — шуты.

во весь рост предстал Кужон. Аминат показалось, что перед ней не человек, а медведь на задних лапах. Ее охватил ужас, губы дрожали, спина похолодела. Земля медленно стала уходить из-под ног. Аминат обеими руками схватилась за спинку кровати.

Кужон вошел не торопясь. Толстые щеки его, выпиравшие, как яблоки, пылали, осоловелые глаза заплыли. Он, подавшись грудью вперед, переступал ногами и остановился перед Аминат. Поглядел и снова двинулся вперед. Девушка боязливо пятилась, он наступал, и вот Аминат почувствовала, что уперлась в стену — дальше идти некуда! Ей захотелось раствориться, умереть, исчезнуть. Бий подошел к ней вплотную, она в отчаянии закрыла лицо руками, словно защищаясь от удара.

— Ха-ха-ха! — Смех Кужона раздавался как из бочки.

Дикий хохот этот еще больше испугал бедняжку. Кужон быстро отодвинул ширму, за которой пыталась спрятаться его жертва, стараясь быть ласковым, спросил:

— Скажи, девушка, разве твой отец и мать не научили тебя нашим обычаям? А? Ты не прячься, милая, ты не от меня должна бежать за ширму, а от моих родственников. От них ты прячься, а от меня теперь далеко не убежишь, красавица... — и снова затрясся от хохота.

Аминат все еще дрожала, как лист под осенним ветром, не отнимая ладони от лица.

Кужон, не медля больше, взял ее за руки, притянул к себе.

— Прошу, оставьте меня,— взмолилась Аминат жалким голосом.

— Что я слышу? Ха-ха-ха! Да разве ты не знаешь, зачем я привез тебя? Пойди ко мне, моя козочка, ну! — бормотал он, отталкивая ее от ширмы. — Ну не дрожи так, ласточка моя, сейчас тебе будет тепло, ха-ха-ха... Я не волк, не съем тебя, я просто хочу осчастливить тебя, да-да, моя горная козочка... Посмотри на эти хоромы, подумай о бесчисленных отарах моих, все это твое, для тебя все это. Клянусь Кораном!

К ужасу девушки, Кужон стал раздеваться. Расстегнул пояс с серебряными бляхами, полюбовался им, перед тем как повесить на гвоздь, торчащий в бревне. Аминат, охваченная ужасом, зажмурилась — слезы катились по щекам, падали на свадебное платье. Бий задул лучину — комната утонула во тьме. Завешенные окна не пропускали света. Темнота не смутила Кужона, он подхватил Аминат на ру-

ки. Девушка забилась, как рыба в сети, но Кужон держал ее крепко. Он грубо и нетерпеливо срывал с нее одежду, и тряпки, бывшие так недавно красивым нарядом, летели куда-то в угол.

«О, аллах, пошли мне смерть!» — прошептала девушка сдавленным голосом.

Обливаясь слезами, она молила о снисхождении. Но в душе Кужона не находилось места для жалости. Она поняла, что всякое сопротивление бессмысленно, и окаменела. Как шкуру с барана, содрал Кужон одним грубым движением руки то последнее, что прикрывало гладкое и горячее тело девушки. Сдавленные крики ее поглотила безмолвная ночь и крепкие стены сакли.

Аминат без мыслей и воли лежала. Все радостное, прекрасное, светлое — все осталось где-то в прошлом. Она ни о чем не мечтала, ничего не желала, равнодушная ко всему на свете. Не было сил пошевелиться, и только мелькнуло где-то в сознании — проткни Кужон иглой ее тело, лишенное души, и она не почувствовала бы боли.

Кужон же чувствовал себя молодцом. Он считал, что нашел избавление от старости. Вдруг по холодеющим жилам его заструилась та, прежняя, горячая кровь. Кожа девушки и горячее тело воскресили уверенность в себе. Ощущал себя молодым, бодрым, ловким. Легкими были движения его, упругими ноги, светлой голова.

Жизнь постепенно возвращалась и к Аминат. Она с отвращением ощутила огромное тело лежащего рядом Кужона. Отодвинулась, прижалась спиной к стене. Но бритая голова Кужона покоилась рядом с ее головой на атласной подушке. Аминат ощущала его тяжелое дыхание. «О горе мне»,— и из глаз снова закапали слезы, омывая бледные щеки и попадая в рот. Она даже не пыталась остановить их. Чувствовала, как горечь, переполнившая ее душу, вместе со слезами уходит, испаряется, гаснет. Молодая женщина глотала слезы, ощущая их солоноватый вкус.

7

Дом этот — надежда и опора мусульман Акташа. Стоит он на холме, обнесен высокими стенами — и летом и зимой виден отовсюду. Каждый считает за благо приложить свои руки для его благоустройства и украшения — вытряхивают ковры, подметают пол, работают в саду, во дворе. По-

слал аллах кусок хлеба нищему — он бежит в межгит[1], на коленях благодарит за милость. Попал несчастный в беду — ищет в межгите успокоение. Родила жигиту жена долгожданного сына — до утра готов счастливый отец в межгите славословить аллаха. Все мысли, мечты и чаяния верующих крепко связаны с этим священным домом.

По пятницам — в день рождения пророка Магомета — в каждом доме пахнет маслом. Жители аула сносят к межгиту подарки — жареные в масле лакумы, хичины, бёреки[2]. Готовы отдать последнее, чтобы помянуть святого пророка, помянуть своих покойных родных.

У межгита раздают гостинцы детям, кормят нищих, угощают старцев.

В пятницу в межгите было очень холодно. Воздух струился вверх. Вскоре, правда, дом аллаха нагрелся от дыхания молящихся, они приступили к молитве. Никто не задерживался, когда обряд закончил Сосран-эфенди. Он дал обет прочесть несколько глав священного Корана, не заметил, как стало совсем темно. Один из верующих убирал в межгите.

— Поздно, эфенди,— не стоит оставаться одному,— осторожно посоветовал он мулле, помедлил и вышел, так и не поняв, слышал ли его эфенди.

Эфенди закончил чтение глубокой ночью и, семеня уставшими ногами, покинул мечеть. Дома он появился крайне возбужденным, даже растерянным. Родные не знали, что и думать. Эфенди всегда был спокоен и даже величествен.

Кудас разволновалась.

— Не приболел ли ты, э, киши[3], что с тобой? На тебе лица нет!

— Не спрашивай даже, о женщина, и объяснить-то толком не могу. — Сосран почти рухнул на топчан, ноги его не держали.

Сын, сидевший за столом, глядя на отца, перестал жевать.

— Но что произошло? — подступала Кудас.

— Разошлись все после жумы,— с трудом говорил эфенди. — Остался я один. Читаю. И вдруг! Что бы вы подумали? Нет, это вам в голову не придет! Снизу доносится какой-то шепот. Смотрю на пол. О ужас, женщи-

---

[1] Межгит — мечеть.

[2] Лакумы, хичины, бёреки — изделия из теста.

[3] Киши — муж.

на, что увидели мои глаза — петухи... Сколько их, да такие огромные, каких свет не видел! Из-под земли поднимались они и окружили меня со всех сторон.

— Астоуфируллах!.. — Под ногами Кудас качнулась земля. Сулейман проглотил наконец кусок, подошел поближе.

— Стал я про себя молитвы читать. Одну, другую, третью... Но что за напасть: они и не думали разбегаться, все плотнее обступали меня со всех сторон. У меня кровь стыла в жилах. Хотел уйти — не пускают. А тут я заметил что-то необычное в углу. В глубине мечети стоит, значит, покойник в саване, лицо его белее снега, в руке держит лучину, губы шевелятся. Он стал приближаться ко мне. Что же оставалось мне делать, я вылетел из мечети пулей и мчался во весь опор. Ни жив, ни мертв добрался до двери своей.

Сулейман, закрывший было рот, снова раззевил его от удивления. Кудас все молилась. Эфенди дрожал.

Наконец Кудас принесла мужу поесть.

— О, аллах, да быть мне жертвою твоей, боюсь я, э, киши, что черти разгневались на тебя. Они настигнут тебя где-нибудь. Ведь говорю тебе — не задерживайся в межгите.

— Ты права, катын [1], они давно преследуют меня,— эфенди не без удовольствия глотал айран.

— И, зная об этом, не хочешь поберечь себя. Прошу снова — больше не задерживайся там один. О, аллах, а если эта нечистая сила уже здесь, если она преследует тебя, вошла в дом?.. Побереги нас, аллах...

Сулейман пугливо посмотрел на дверь.

Сосран на другой день пришел в мечеть раньше обычного. Сохта [2] собрались. Все сидели на своих местах. Они привстали навстречу эфенди, тот вежливо поздоровался, сел, раскрыл учебник, начал вызывать учеников. Одни читали по-арабски бегло, другие запинались и выслушивали едкие замечания от своего учителя, были и новички, которым надо было начинать с азов науки о мусульманской вере. После уроков последовала беседа эфенди — проповедование ислама.

— Мусульманскую веру принес нам сам Магомет,— монотонно говорил он. — Священная книга наша, Коран, упала с неба прямо в высохший колодец. По воле божьей

---

[1] Катын — жена.

[2] Сохта — ученик медресе.

привиделся сон Магомету, да слава имени твоему! — Эфенди коснулся бороды руками и прикрыл глаза, воздавая должное имени пророка.

— Слава имени твоему! — вторили ученики.

— Вот нашел Магомет этот колодец, достал Коран, поведал мысли аллаха всему свету. Вот и посудите сами, как священен для нас этот божий дар,— указал он на книгу у себя на коленях. — И долг каждого мусульманина свято чтить его. Кто не верит в могущество Корана, тот не верит в великого аллаха, да буду жертвою твоей.

— Да будем жертвою твоей...— вторили сохта.

— Неверных ждет страшная кара на том свете, они сгорят в огне ада. Так же святой долг каждого из нас, дети мои, постоянная и непримиримая борьба с неверными — гяурами. Они наши враги по вере. Нам с ними не по пути. Этого забывать нельзя, сыны мои. Имя аллаха хранится всегда в сердце. И в горести и в радости, когда ходим по земле и когда спим мы, имя великого аллаха должно быть с нами. Жизнь на земле — коротка. Аллах создал нас, чтобы испытать нас на этой бренной земле. И те, кто выдержит это испытание без искушений, достоин места в раю. Поэтому, братья мои, живите без грехов, добром и верой служите аллаху и вам будет уготован рай. Настоящая жизнь ждет вас там: есть будем — чего захотим, жить будем в сказочном саду, где цветут невиданные цветы, где растут невиданные плоды и где поют райские птицы. Не дайте шайтану обмануть себя, сбить с толку. Молитва принесет вам избавление от всего дурного. С совершеннолетия до самой могилы надо молиться, каждый день совершать намаз, не пропуская ни один из пяти. — В мечети вдруг потемнело, все всполошились. В недоумении был и эфенди.

— Что это такое, ведь полдень еще? — Эфенди засеменил к дверям.

Зазвучали выстрелы, шумела толпа. Сосран выскочил в дверь, его паства следом пустилась на улицу.

Там они поняли, что солнце раньше времени закатилось. Стар и млад были на ногах. Люди били в медные тазы, вопили, стреляли в воздух. Просили аллаха пощадить светило, спасти его от преследователей Желмауза [1], который решил сожрать свет жизни.

— О, горе, о несчастье! — вопили люди.

---

[1] Желмауз — дракон, солнцеед.

— Желмауз сжевал добрую половину солнца, что же нам делать? — рыдали они.

— О, как много откусил Желмауз! — Женщины катались по земле.

— Будем читать молитвы. — Эфенди распростер руки. Другие последовали его примеру. Вероятно, злой дух пожалел людей. Радостными криками встретили жители аула полное очищение святыни от злых сил.

Событие это вызвало немало толков в селе. Одни говорили, что аллах предсказывает засушливый год, другие считали — не избежать войны в этом году! Третьи находили, что наступает конец света. Но постепенно все успокоились, разговоры улеглись, все забылось, словно через сито просеялось.

8

Зима выдалась на редкость суровой, но быстро отступила. К концу февраля на пастбищах стаял снег. К радости чабанов овцы могли щипать перезимовавшую под снежным одеялом жухлую травку. Зима в горах порой бывает не только морозной, но и затяжной — тогда добра не жди. Это хорошо знают горцы. Помнят они страшные долгие зимы, когда к началу весны овцы подыхали от голода. Многие владельцы отар лишились покоя в этом году, когда сразу ударили морозы. Но горе на этот раз прошло мимо; сейчас уже страха никто из овцеводов не испытывал, а не приди тепло так рано, пришлось бы ломать голову, чем кормить скот. Теперь можно по ночам спать спокойно!

Как только запахло весной, Кужон оседлал резвого скакуна, помчался в горы — не терпелось самому увидеть, как дела на пастбище. Кужон взял с собой на этот раз и сына Элбека. Молодой жигит гарцевал на породистом жеребце. Десять дней ездили они из коша в кош, наконец попали и в самое дальнее зимовье — Чатлы, где чабанили Жамбот и Дадаш. Хотя солнце и светило ярко, тепла там не было. Снег сошел только с южных склонов. Кужон и Элбек спешились, заглянули в кош, он был пуст. Из кошар доносилось блеяние овец. Кужон и Элбек направились туда. Жамбот хлопотал вокруг овец, которые от слабости не могли встать на ноги.

— Салам-алейкум,— сказали отец с сыном.

— Алейкум-салам,— ответил батрак,— я вожусь с эти-

ми овцами и встретить вас не смог, да и не знал, что приедете.

— Как дела, Жамбот?

— Вот видите, как... Только что скормил последний клочок сена. С трудом корм растягивал.

Кужон нагнулся, пощупал спины ослабевших животных.

— Надо поднять их!

— Не жалеем сил, однако сено кончилось.

— Трудные времена позади, вон склоны обнажаются. А этих слабых немного. Корму для них и руками нарвать можно. — Кужон показал на дальние пастбища.

— Но...

— Я уже сказал, Жамбот, все овцы должны быть целы до единой. Дадаша не вижу, где он?

— С отарой, там на склоне... Наведайтесь в кош.

Все трое сели вокруг дымящего очага.

— Что нового в селе? Все живы-здоровы ли? — спросил Жамбот.

— Ничего. Все здоровы... — нехотя отозвался Элбек.

— Как там мои поживают. Всю зиму не видел.

— Твои дети живут не на горе, а в ауле! Что с ними станется? — сказал Кужон, стараясь не вдыхать дыма. — Вырастут дети и не заметишь. Старший у тебя совсем взрослый парень, может уже тебе здесь помогать.

— Без него дома не обойдутся! Да и мал он еще чабанить.

— А дочь!.. Она одна управится. Что там у вас дома-то делать?

— Она не может выполнять мужскую работу. Я совсем не бываю в ауле, от меня толку никакого. Заскочу раздругой в году. Девушке одной с детьми не справиться.

— Ну хорошо, допустим. Сын может помочь корм заготовить. Сам видишь, не хватает рук.

— У нас — корова, разве мало мальчику хлопот с нею. Кто позаботится насчет сена для коровы. Он один у нас тоже...

— Отговорок у тебя, Жамбот, целый карман. А сколько ты мне еще должен? Об этом совсем не думаешь?

— Нет, не забываю ни на минуту, дорогой наш бий, как тут забыть, если днем и ночью гнешь спину даром? И до каких это пор я буду ходить в должниках — хотелось бы знать!

— До самой смерти! Но я человек сердобольный. По-

смотрим. Будете работать с сыном, через три-четыре года можете надеяться на оплату. Даю слово.

— Почтенный бий наш, детям в пору с сумой идти побираться. Смилуйся над ними, и великий аллах вознаградит тебя за это.

— Я сказал все. Не люблю пережевывать одно и то же. В этом году к концу осени мы должны собрать новые отары. Поэтому возьму у тебя Дадаша. А твой сын будет помогать тебе.

Обида комом подступила к горлу, и Жамбот не нашел больше слов для возражения.

— Что передать домой? — спросил Кужон, поднимаясь.

— Ничего, спасибо!

Вечерело. Фазика взялась за ведро. Вода весной в реке мутная, поэтому приходится ходить далеко, к родникам. С полным ведром воды девушка не спеша возвращалась домой. Откуда ни возьмись — дорогу ей преградил всадник.

— Вечер добрый, красавица! — Элбек соскочил с коня. — Разреши напиться воды.

— Пей. — Фазика поставила ведро, стараясь не смотреть на сына Кужона.

Элбек бережно взял ведро в руки, словно чашу с бузой, приподнял и припал губами к краю. Напившись, поставил ведро на землю.

— О-о, ледяная вода! Спасибо. — Парень нагло оглядывал Фазику с ног до головы.

Фазика хотела идти по тропинке дальше — Элбек снова преградил ей путь.

— Подожди, куда торопишься, красавица? — Он не давал взяться за ведро. — Дай налюбоваться тобой.

— Чего ты морочишь мне голову. Неужели больше некому? — расхрабрилась девушка.

— Покарай меня бог, если я лгу тебе,— ты первая красавица аула!

— Дай пройти.

— Все говорят, красивее тебя нет девушки в ауле.

— Смеяться надо мной надумал?

— Клянусь! Говорю только правду. Завтра я еду в Нальчик. Скажи мне, чего тебе привезти?

— Мне ничего от тебя не нужно.

— Почему?

— Ну кто ты мне, брат, что ли? Или дядя?

Фазике удалось подхватить ведро и обойти Элбека.

— Ты так красива, а золотые сережки тебе очень пойдут! Станешь еще красивее.

— Мне ничего не нужно, Элбек.

— Я ведь уздень. И слова мои узденские. Я выполню обещанное.

Фазика молчала. Элбек шел за нею.

— Вчера я был на Чатлы, отца твоего видел.

— Как он там? — невольно вырвалось у девушки. — За всю зиму ни разу не наведывался в Акташ.

— Работы сейчас у нас много. Говорит, что не сможет скоро к вам спуститься...

— Слава аллаху, жив и здоров! Придет, когда освободится.

Прошел месяц. Снег таял на вершинах гор. Черен принимала в себя мутные ручьи, грохотала, обдавая брызгами. Река всегда была свирепой, но в прежние годы так из берегов не выходила. Будто взбесилась: съедает на пути рыхлую почву, все больше подтачивая скалистые обрывы, мчится как необузданный конь. Вода никак не убывает! Вот-вот Черен выйдет из берегов. Люди начеку сейчас, всего несколько лет назад коварная река внезапно поднялась и унесла много овец. И чабаны все дальше отгоняют скот от Черен. Дети тоже держатся на расстоянии от разбушевавшейся реки. Они глядят на воду с высоких берегов: играя и пенясь, Черен выкидывает вверх камни не меньше бараньей туши. Они сталкиваются в воздухе и, превращаясь в щебень, рассыпаются над мутными водами Черен.

Ислам встал рано. Он решил идти в Агачлы-кабак, задумал еще со вчерашнего вечера. Надо заготовить лесу, чтобы починить хлев, а то, гляди, рухнет, и останется корова без стойла. Прогнили все опоры, отец не раз говорил, что надо взяться, да руки не доходят! Один Ислам поправить сарай не сможет, а вот бревна заготовить к приходу отца вполне в его силах!

Ислам взял веревку, прихватил топор.

Как только Ислам вышел, младшие переглянулись и стали прикидывать, сколько пройдет времени, пока старший братец выйдет из аула. Мальчикам не сиделось дома, а Ислам гулять не разрешал. «Сестре помогайте»,— говорил он. Когда, по расчетам ребятишек, Ислам отошел далеко, они весело бросились на улицу.

— Держитесь подальше от реки,— крикнула им вслед сестра.

Побежали они на площадку, где обычно собирались дети бедняков. Отпрыски богатых держались отдельно, с ребятишками из бедных семей не водились. Только Жюнюс

им нравился. Остальные не понимали, почему Жюнюсу льстит это внимание, а братьям было стыдно перед друзьями — Жюнюсом все-таки помыкали.

Но не удержать Жюнюса, он и сейчас бросился к стенам дома Кужона, где обычно играли дети из богатых семей.

— Придет Ислам, посмотришь как тебе попадет! — Адил пытался за полу удержать братишку, но Жюнюс вырвался, и скоро можно было видеть — мальчик изображал ишака, встав на четвереньки, а дети поочередно взбирались ему на спину. Он в шутку брыкался, ребята приходили в восторг и отталкивали друг друга, чтобы оседлать услужливого Жюнюса.

Адил и его друзья забавлялись по-своему и перестали наблюдать за Исламом.

Скоро Жюнюс вернулся к своим, но те смотреть на него не желали. Сам же Жюнюс сиял от удовольствия, раньше всех побежал домой.

Фазика подметала в сакле.

— О, аллах, где это ты успел так порвать штаны,— возмутилась она. — А ну сними, сейчас залатаю. Вырос большой, а ума ни крошки.

Жюнюс не был огорчен попреками сестры, а наоборот, широко улыбаясь, приблизился к сестре. Та, не понимая в чем дело, пристально посмотрела на брата.

— Что с тобой?

Жюнюс разжал кулак — на ладони его заблестели две золотые сережки.

Лицо Фазики пошло пятнами.

— Откуда это у тебя?

— Элбек велел тебе передать,— еще шире улыбнулся брат.

Сердце кольнуло, стало нечем дышать Фазике, от возмущения и злости девушка поперхнулась. Потом ей стало страшно. Драгоценности блестели на ладони брата, словно иглы вонзались ей в глаза.

— Сейчас же отнеси и отдай тому, кто передал,— почти крикнула она. — Почему ты стоишь? Ты понял меня?

— Отнести? — растерялся Жюнюс.

— Сию же минуту. Чего ты топчешься на месте?

— Неудобно как-то вернуть...

— Что, метлой тебя гнать, что ли? А ну отправляйся...

— Фазика...

— Молчи! Делай то, что я велела...

— И что я ему скажу? — ежился брат.

— Как взял, так и отдай.

Жюнюс совсем поник: «Не поймешь этих взрослых. Думал обрадовать сестру, а тут вон что вышло. Идти-то придется мимо мальчишек... Те подумают, что иду опять к хозяйским детям, начнут дразниться...»

Мальчик медленно поплелся окружным путем к дому Кужона.

Элбека он застал у ворот.

— Да ну ее, не захотела брать. — Жюнюс протянул сережки Элбеку. Сын Кужона набычился, глаза его заблестели, щеки налились кровью.

«Ну что ж, посмотрим...» — злобно процедил он, выхватил у растерянного Жюнюса непринятый подарок.

9

Начался массовый отгон скота на летние пастбища. Самая страдная пора. Скота много, пастбищ мало. Приходится искать угодья за пределами своих земель. Хозяева отар едут в Чечню, Кабарду, Грузию и откупают пастбища за хорошую цену.

Кужон отправлял свои отары обычно в сторону Чечни. Но на этот год там земли подорожали, и поэтому он, не придя к соглашению с чеченцами, обратился к сванам. Со сванами он в цене сошелся, вернулся в Акташ. Прежде чем пуститься в дальний путь, чабаны отпросились на несколько дней домой. Надо было подлатать рваную одежду, сказать напутственные слова близким.

Жамбот появился в доме неожиданно. Он остался доволен — сыновья были здоровы и веселы. Они, истосковавшись по отцу, в эту ночь долго не желали ложиться. Жамбот с тревогой смотрел на дочь, как она осунулась и похудела.

«Устала, непосильный груз лежит на ее плечах»,— размышлял отец.

— Кто чем занимался, а ну, рассказывайте дальше,— сказал он.

— Я всегда обгоняю Шырау, отец,— похвалился Канамат. — Так быстро я бегаю.

— Ты у меня герой! — похлопал отец мальчика по спине. — Ну а ты, Адил?

— А я забочусь о теленочке, рву ему сочную траву. Принесу — он жует. Узнает меня даже.

— Молодец. А что скажет Жюнюс?

— Он играет с хозяйскими детьми, нас он не любит,— пожаловался Канамат.

— Почему это так, сын? — Жамбот хмуро посмотрел на Жюнюса.

— А когда он поймал рыбку, сколько ни просил я, он мне ее не отдал. Отдал Сафару,— добавил Канамат.

— Что это за рыбка, и кто такой Сафар?

— Сын Камбота, отец,— вмешалась в разговор Фазика.

— А почему ты, негодный мальчишка, так нехорошо поступил со своим меньшим братом? — укорил сына Жамбот.

— Сафар приставал ко мне, приставал — вот я отдал,— промолвил Жюнюс, виновато опустив голову.

— Ну и пусть клянчит. Почему бы не дать Канамату. Не прав ты, сын, не прав.

— Отец, я свалил два дерева в лесу, надо будет привезти,— сказал как бы между прочим старший сын.

— Не может быть. Один, без помощи?

— Да, отец.

— Мы привезем их. Пока я здесь, попрошу быков у соседей. А я-то шел домой, придумать не мог, что делать. Не сегодня-завтра развалится наш сарай — подпорки гнилые.

Весь следующий день Жамбот потратил на поиски быков, все соседи под тем или иным предлогом отказывали. Он свернул к дому Хасау, может, он что посоветует.

— Вечер добрый.

— Ого, здравствуй, Жамбот. Прошу тебя — проходи, садись. — Хозяин встретил гостя радушно, жена его сразу смекнула: надо готовить угощение, засуетилась вокруг очага.

Жамбот заметил хлопоты женщины.

— Абидат, я не голоден, спасибо. Заглянул ненадолго. Лучше садись, посидим, поговорим.

— Что ты, Жамбот, разве отпущу тебя без ужина?.. — хозяйка сноровисто повесила котел над очагом.

— Посиди, Жамбот, посиди,— уговаривал Хасау,— видимся мы редко. Не знал, что ты дома, сам бы зашел к тебе, дело есть.

— Посидел бы с удовольствием, но правду говорят: «День бедняка проходит в челобитии»,—такой у меня сегодня день. С утра хожу по селу, выпрашиваю волов на завтра, никто не может помочь. Хотел было несколько бревен перевезти домой из Агачлы-кабак. Сын у меня их сам заготовил. Отпросился на несколько дней, хотел хлев

подправить, а то вот-вот крыша провалится... Если завтра не смогу перевезти — жить моей корове без крова.

— Да, положение у тебя так себе, Жамбот. Но тут тебе повезло. Мне дал волов Шакман. Не пропадать же твоим бревнам в лесу. Съездим завтра вместе. А я потом придумаю что-нибудь. Мне дома оставаться.

— Ты взаправду сможешь мне помочь... — Лицо Жамбота посветлело. — А как же ты сам?

— А вот так, как сказал. Свои дела справлю позже.

Жамбот и Хасау уселись у очага. Сизый дым медленно поднимается кверху. Жамбот чувствовал, как спадало у него напряжение. Хозяйка принесла мужчинам ужин.

— Жамбот, я тебе сказал, что нам надо побеседовать,—осторожно начал Хасау. — Конечно, я сам должен был прийти к тебе, там и начать этот серьезный разговор. Но я считаю, что мы свои люди и нечего нам считаться. О Дадаше пойдет речь. Хотя не только о нем. Он бедный человек, но душа у него добрая, щедрая. Надо б о нем позаботиться, а то так и проживет свой век один-одинешенек.

Жамбот внимательно слушал.

— Правильно, Хасау, я ему сам твержу постоянно об этом же. Но он почему-то отмалчивается.

— У него своя причина на то, уважаемый Жамбот.

— Не понял тебя, Хасау? — насторожился Жамбот. — Как это? Мы делим с ним все невзгоды, черствый хлеб. Почему он со мной смущается?

— Он хочет быть твоим зятем, вот он и смущается...

Жамбот молча смотрел на Хасау. Наступила тишина, только было слышно, как вода булькает в котле.

Помолчали.

— Фазика сейчас на виду у всего села,— пришла на помощь Абидат. — Красавица такая, хозяйка ловкая. Конечно, любой жигит посчитает за счастье... Она заменяет мать твоим детям — это мы все знаем, Жамбот. Но породнись ты с Дадашем, он бы не отнял у тебя дочь. Жили бы все вместе...

Жамбот вернулся домой поздно. Дома все спали. Фазика, как всегда, была чем-то занята. «Как она-то посмотрит на предложение Хасау? Захочет ли идти за Дадаша? Парень, конечно, наш, свой, но, кто его знает...»

— Что ты так задержался, отец? Нашел волов?..

— Да. Завтра с зарей надо будет тронуться в путь. Поспать надо хоть немного.

— Постель готова, отец.

— Почему ты не отдыхаешь, нельзя работать день и ночь.

— Ничего, отец. Сам знаешь...

— Знаю, дочь, как трудно тебе приходится.

Жамбот лег. Но заснуть не мог, все думал о дочери. Из-за братьев Фазика света белого не видит, так она может и замуж не выйти. Этого еще не хватало. Слова Хасау пришлись ему-то по душе, а как сама Фазика?.. Что ни говори, Жамбот с Дадашем из одного теста. Можно и породниться. Опять же Хасау прав, дети могли б остаться с ними, не разбежались бы, кто куда. Но как думает сама дочка?

Он наконец заснул. И привиделся ему сон: он гонит овец по какому-то бездорожью... По камням и кочкам, потом через снежный перевал... Нет травы, снег кругом, что делать. Погибнет скот... Что же это? Овцы от голода грызут камни, даже хруст слышен. Сердце сжимается, сжимается от боли — что будет с животными? Жамбот взобрался на самую высокую гору. Смотрит оттуда, ничего кругом нет, кроме снега и льда. Все сразу погрузилось в мрак, совсем как при затмении солнца. Где же оно? И видит Жамбот — хищная птица закрыла его громадным крылом. Вот она кружит над его головой, кружит. Теперь он слышит шелест ее крыла. Она почти коснулась крылом его щеки... О, горе, птица схватила шапку и унесла... Жамбот ищет ярлыгу — ее нет рядом. Где он мог оставить ее, где? Он напрягает память, но вспомнить никак не может. Светлеет. Птица взвилась вверх, кажется совсем маленькой. И он ясно видит, она села на выступ самой высокой скалы, выпустила из клюва шапку. Куда упадет шапка?.. Ах, как жаль шапку-то, больше нет у него шапки!.. Жаль... но вот шапка катится прямо к его ногам. Жамбот поднимает ее, но что за беда — она вся изодрана в клочья.

Жамбот открывает глаза.

— Астоуфируллах, что за сон? К чему он приснился мне перед дорогой? С сыном бы чего не случилось в пути. Может, его оставить дома?.. Как беспокойно на сердце. — Он глянул на очаг — там весело плясал огонь, а в дыру глядело раннее утро. Фазика уже приготовила еды в дорогу: «Привыкла, бедняжка, ложиться поздно, вставать рано».

Перекусив, Жамбот и Ислам вышли во двор. У ворот уже ждал Хасау. Рядом, понурившись, стояли быки. Сон не давал покоя Жамботу, он в пути рассказал его Хасау.

— Мне не понять, к чему этот сон, Жамбот, да пошлет аллах тебе всяческих благ, огородит твой дом от бед. Но ты, как только вернешься из лесу, сходи к главному эфенди... Тот растолкует.

К полудню Жамбот, Ислам и Хасау были уже на Агачлы-кабаке.

— Вот это да... Молодец, жигит. Деревья свалил, что надо! — похвалил отец сына.

Он старался не очень-то выдавать своей гордости за сына, чтобы, не дай аллах, сын не загордился. Они быстро обрубали ветви, вязали бревна бечевой.

Жамбот с помощью сыновей разобрал старый хлев, труда большого не потребовалось. Сарай рухнул от первого удара топором. Погнившие бревна рассыпались в прах. К двору Жамбота подъехал на холеном жеребце улыбающийся Кужон.

— Доброй работы вам!

— Спасибо, наш почтенный бий,— поспешил подойти к нему Жамбот.

— Когда ты пришел? — спросил Кужон громко.

— Вчера.

— Когда собираешься обратно?

— Послезавтра, думаю, если аллах даст дорогу.

— Зря тратишь время попусту, остальные чабаны в пути, а ты тут затеял черт знает что... Отправляйся-ка ты завтра!

— Если вот управлюсь.

— Чего ты затеял на лето глядя? Хлев зимой тебе нужен. Закончишь, не закончишь — меня не касается... И сына возьми...

— Нет, наш почтенный бий, не говори о сыне...

— Это почему же?

— Скотина останется без корма. Ислам сена заготовит. Зимой ни у кого не выпросишь ни клочка.

— Что-то в толк я не возьму твоих слов, Жамбот,— нахмурился Кужон.

— Так получается,— тихо говорил Жамбот. — Сын мой и сам бы хотел пойти со мной, но ведь нельзя. Вернемся с пастбищ, даст аллах, тогда и посмотрим.

— Будь по-твоему... — процедил Кужон сквозь зубы. Он погарцевал вокруг и, не сказав больше ни слова, ускакал.

10

Сенокос — трудное время в горах. Лучшие луга у богачей. Беднякам приходится окашивать кусты, клочки земли у дороги, расселины, иногда проникать в такие уголки, что неверный шаг — скатишься в пропасть. Закон есть закон — все лучшее богатеям. В засушливые годы сено, накошенное с таким превеликим трудом руками батраков, богачи умудрялись отобрать себе — все до последнего стебелька.

Этот год оказался щедрым. Трава так вытянулась к солнцу, что скрывала огромные валуны, здесь и там застрявшие с незапамятных времен на ровных лужайках. Кужон прикинул, что для косьбы надо собрать побольше народу. И стар и млад вышли с косами. Он внезапно появлялся то здесь, то там — проверял, как идет работа.

— За этими лентяями глаз да глаз,— говорил он домашним.

Ислам и Жюнюс впервые косили траву наравне с другими. Просились и младшие ребятишки, но их не взяли: больно малы. Ислам знал: от дома придется отлучиться надолго. Сперва работать на Кужона, потом заготовлял для своей коровы.

Братьям достался участок у Желтой скалы—этот склон, так повелось, окашивают бедняки. В горах есть поговорка: «Обездоленный всегда с краю». Трава здесь высокая, сочная, но склон так крут, что нужна сноровка, а то скатишься вниз в пропасть. Не всякий может устоять на ногах. В узкой расселине пробраться с косой нелегко. Но у мальчиков был опыт — им не раз приходилось косить для коровы, казалось бы, в совсем недоступных местах.

Но скосить траву еще не самое сложное, труднее было спустить сено со скал, приходилось обвязывать веревками копны и впрягаться самим, заменяя волов. Как это делалось, Ислам знал и надеялся на свои силы.

Сыновья Жамбота, выйдя за аул на тропинку, увидели, что все косцы готовы приняться за дело.

От жары можно было спрятаться в тени скалы, а от проливного дождя спасали только крыши над головой. Ребята принялись вязать шалаш.

Подошедший Хасау заботливо спросил:

— Ну как дела, жигиты? Подбиты косы-то у вас?

— У меня еще нет,— смущенно признался Ислам. — Я хотел сказать — у меня пока плохо получается.

— Ну а тесак ваш где?

— Есть, есть,—оживился Жюнюс.

Ислам вытащил из узелка тесак, передал Хасау. Тот наладил косу.

Лезвие косы должно быть крепко прижато к тесаку, а удары — частыми и четкими. Ты знаешь, и взрослым порой не удается с этим справиться. Дело хитрое, требует мастерства. Да, бывает, бывает, что и взрослые не справляются... А ну, сам попробуй.

Хасау передал косу Исламу.

— Не бойся, ударяй почаще, вот так — крепче. Вот-вот... Научишься, других еще будешь учить... — Хасау, подбадривая Ислама, увидел, что тот хорошо все усвоил, и пошел дальше...

— Ну как? — похвастался Ислам перед братом.

— Дай-ка я попробую...

— Тебе еще рано, успеешь научиться,— солидно возразил Ислам.

Братья пошли вверх — посмотреть на траву, которую им надлежало скосить. Она колыхалась под дуновением ветра, но куча, на которой она росла, была прямо угрожающей — немало усилий надо будет приложить, чтобы удержаться на ногах. Ислам очень боялся за Жюнюса — ему предстояло сгребать подсохшую траву в копны.

На другое утро Ислам встал с зарей, думая, что проснулся раньше всех, но не рассчитал времени. «Шух-шух, шух-шух»... — слышалось со всех сторон. «Эх, проспал я, нехорошо получилось...» Ислам схватил косу, растолкал Жюнюса, и они помчались к Желтой скале.

Ислам взобрался на склон, широко расставил ноги, размахнулся косой, но... не тут-то было! Он медленно стал скользить вниз. Коса выпала из рук, он чуть-чуть не порезался. Парень схватился рукой за выступ и снова вскарабкался наверх, стараясь не глядеть вокруг. Не хотелось, чтобы кто-нибудь заметил его поражение. Но он убедился, что все заняты работой, и некогда им оглядываться. Ислам успокоился. Он снова взялся за косу. Ушибленное колено болело, но он старался о нем не думать. Прежде чем шагнуть, он теперь нащупывал прочную опору и осторожно передвигался. Понемногу он наловчился, уже увереннее пошел вперед, оставляя за собой ровные валки. Жюнюсу пока делать было нечего, и он скучал, время от времени приставая к Исламу с просьбой дать ему косу. Но уже на следующий день Жюнюсу работы хватало. Он сгребал траву, подсохшую под солнцем.

Неделю братья не были дома. А когда Жюнюса посла-

ли вместе с другими мальчиками в аул за провизией, его еле узнали сестра и младшие братья — он так загорел и похудел.

— Все бы болезни ваши на мою голову,— сокрушалась Фазика, глядя на брата,— как трудно вам приходится. Ведь вы малы еще для такой работы...

— Да что там... — шмыгнул носом Жюнюс. — Нам хорошо. Только вот Ислам вредничает, косу мне не дает... Сам да сам.

— А ты не торопись, придет и твое время, не обижайся! Ислам ведь старший. А разве ты меньше его занят? Копнить сено — тоже занятие не из легких.

Фазика собрала для братьев все, что нашлось съестного, и проводила Жюнюса далеко в горы.

— Смотри не потеряйся! Держись со своими...

— Иди домой, не беспокойся,— солидно вымолвил Жюнюс и махнул уже издали Фазике рукой.

Дни стояли ясные. Повезло в этом году косарям. Кужон объехал угодья и возвращался довольный и веселый. Оказалось, что дома его поджидает старшина Большого ущелья Мыртаз. Они поздоровались, явно обрадованные встречей.

— Долго ли ты ждал меня, Мыртаз? — спросил Кужон.

— Не беда, друг мой! Знаю — у тебя сейчас горячая пора, а мне торопиться некуда.

— Так оно и есть. — Кужон достал из кармана расшитый младшей женою носовой платок и вытер пот с лица.

— Говорят, баранов у тебя в три раза больше, чем в прошлом году. Правда ли это, Кужон?

— Счет не так велик, как кажется другим. Я бы не стал возражать, друг мой, если бы все камни в Большом ущелье превратились бы в моих баранов.

— Боюсь, что тогда тебе надо было бы призадуматься, Кужон, где бы взять сена?

— Сена, говоришь? У соседей, у грузин, чеченцев, кабардинцев. Да разве мало где? Были бы деньги, они всему голова... Аллахом клянусь, нашел бы корм! Ну что это мы о делах да о делах... Ведь и закусить пора...

В саклю ввалился рослый, неуклюжий человек и рухнул на колени перед Кужоном.

— Хышмыш, угостить следует нашего дорогого гостя, да по всем правилам. Там, самого лучшего барана надо будет...

Слуга поднялся и вышел, не поднимая головы.

— Что за имя у твоего слуги? И почему он молчит?

— Немой он, но все слышит. Хышмышем-то прозвали мы его. А зовут его Хажибекиром.

— Здоровила, вроде медведя...

— Силен, подлец... Бычка поднимает, словно это—дитя малое. Мне б таких батраков человек сто... Сокрушил бы все горы кругом, в равнину превратил бы все бугры...

— Послушный, видать?..

— Что пес преданный... Поверь ты мне, друг, у него много общего с моим псом. Стоит мне задержаться где-либо, приехать поздно, вместе с псами кидается ко мне, лижет ноги мне, руки.

— Интересно говоришь ты...

— Прикажу — прыгай в огонь и воду — не отступит. На любое дело пойдет. На любое... Человека убить может...

— Ну, так он вернее пса!..

— Правильно! Как-то немой опрокинул корыто с похлебкой для собак. Черт меня дернул сказать ему: «А ну, вылижи все до капли». Подлец, тут же встал на четвереньки. Я только пошутил...

— Так это сокровище, находка. Вот если б вся эта чернь в округе была бы такой же безотказной, а?.. Вот зажили бы мы тогда... — оживился гость. — Ты, наверное, наслышан, некоторые из этих прощелыг споры разные затевают... Насчет земли. Ты, конечно, помнишь прошлогодний случай в ауле Гыжгыт.

— Еще бы не помнить...

— Так это все еще продолжается. Не закончилось.

— Как это не закончилось?

— И пришел-то я к тебе по этому поводу. Эти батраки подали на меня жалобу в Нальчикский округ. Как тебе это нравится, а?

— И чего же они хотят?

— Чего? А вот послушай! «Мыртаз,— про меня написали,— защищает только богатых, нас за людей не считает. Вся земля в руках чанки, нам жить не на что... За защитой обращались к Мыртазу, а он и говорить с нами не желает. Нам не нужен такой старшина. Хотим другого выбрать...» Вот как повели себя эти псы.

— Это возмутительно, друг мой! Значит, латаные штаны начали подымать головы...

— Они, конечно, по-своему правы. Тебе, я думаю, объяснять не надо — за кого я стою горой. Разве я могу относиться одинаково, скажем, к тебе и к какому-нибудь голодранцу?..

— Так и должно быть, Мыртаз. Мы тоже надеемся на тебя, как на аллаха.

— Ну, выберут они другого старшину. Примет он их сторону, а вы как же?

— Упаси аллах! Кому он нужен, другой старшина? Зачем?..

— Поезжай ты, дорогой Кужон, к полковнику Морханову. Он — твой друг, я знаю это. Поможет, посоветует как быть.

— Ты прав! Поеду, к самому Морханову поеду. Почему не поехать? Он должен прислушаться. Нет, лучше мы поедем вместе, ты и я. Так будет солиднее.

— Согласен! Ты прав.

Они условились не терять времени и на другой же день ехать в Нальчик. Мыртаз больше не стал задерживаться— поел, попил и отправился в свой аул Гюрен. Ехать до Гюрена от Акташа было не близко. Отец Мыртаза Кыралби в свое время владел немалым состоянием. Немало оставил и сыну. Мыртаз сумел распорядиться — удвоил богатство отца. Кроме того, Кыралби побеспокоился о том, чтобы хорошо пристроить сына в жизни. Хлопотал он долго, знал, кого одарить. Мыртаза назначили старшиной всего Большого ущелья. Мыртаз привык к своему важному положению. И представить себе не мог, как будет жить, если лишится должности. Что там ни говори, а вершить всеми делами Большого ущелья — большая честь!

Как условились, ранним утром следующего дня Мыртаз верхом был у ворот Кужона. Заходить в дом он не стал. Жеребец нетерпеливо постукивал копытами — ему передалось настроение хозяина.

Из ворот вышел Кужон. Элбек его провожал.

— Ты побывай у косарей,— наказывал отец сыну,— а то просидят они весь день...

— Обязательно съезжу, не думай об этом!

— С пустыми руками некрасиво ехать к Морханову,— осторожно сказал Кужон по дороге попутчику.

— Разве я не позабочусь? За кого это ты меня принимаешь? — Мыртаз достал из нижнего кармана сверток в красном шелковом платке. — Отдай ты...

Кужон на ощупь понял, что это деньги, торопливо сунул за пазуху.

Как только всадники скрылись из виду, Элбек, словно человек, не знающий куда себя девать от безделья, направился вверх по Черену. Подойдя поближе к реке, понаблюдал за ребятами, игравшими на берегу, отметил, что Адил

и Канамат забавляются вместе с другими. Сын Кужона прибавил шагу, ступив на извилистую тропку, ведущую в гору.

Аул казался безлюдным. Мужчины и все — даже молодые женщины — косили в горах траву. Изредка можно было увидеть старуху за прялкой или с коклюшками. Элбек остановился у сакли Жамбота. Пугливо оглянулся вокруг, никого не увидел. Прыгнул через невысокую каменную ограду во двор. Прислушался — тихо. Не медля, осторожно отворил дверь. Фазика, как Элбек предполагал, была одна.

Девушка, встретившись с ним глазами, растерялась, побледнела. Она отпрянула к стене.

— Ты зачем пришел? — испуганно спросила она. — Чего тебе здесь нужно?

— Почему отказалась от подарка, красавица? — Наглый вид Элбека не обещал ничего хорошего.

— Не нужен мне твой подарок!

— Этим ты оскорбила мое имя, честь мою...

— С какой стати? Ты — сын Кужона, им и остался. Никто не покушался на твою честь...

— Да, я сын Кужона! От моих подарков девушки не отказываются. Мало того, за честь считают, если я проявлю внимание.

— Вот и дари этим девушкам. А мне брать не положено.

— Ты не бедная девушка, Фазика,— горячо начал Элбек. — Красота твоя — твое богатство. Разве ты не глядишься в зеркало? А? — Он медленно наступал на Фазику. Элбек не торопился, не волновался, но решительно и неуклонно приближался к девушке.

Фазика молила бога, чтобы кто-нибудь в эту минуту вошел. Она посматривала на дверь, но никто не открывал ее, а Элбек подходил все ближе.

— Что ты хочешь от меня? — крикнула она отчаянно. — Не приближайся ко мне!

— Нет, красавица, я пришел именно за тем, чтобы приблизиться...

— Адил... Канамат!

— Не зови их, они не услышат. Во дворе и на улице — ни души... — Он схватил Фазику пониже локтя.

— Не тронь меня! Пусти руку, говорю... О, отец!

Элбек оторвал девушку от пола, повалил ее на топчан.

— Отец!.. — кричала Фазика, отбиваясь и царапаясь.

Попытки ее освободиться ни к чему не привели. Силы были неравны. Напрасно девушка молила о пощаде.

Фазика неподвижно сидела, растерянная, несчастная, не веря в случившееся. «Как же так? Как же так? Это сон, всего лишь дурной сон, бесчеловечно... этого не может быть. Ведь не от шакала родила его женщина...»

Фазика не могла прийти в себя, растерянно шептала проклятья, пыталась что-то понять... Опомнившись, она ясно представила себе, что с ней случилось. И запричитала так громко, что ее могли бы услышать с улицы. Но почти весь аул был на покосе.

Фазика выбежала за порог растрепанная, заплаканная, обессиленная от горя и унижения.

— Черен, помоги! Смой мою грязь, поглоти мое горе... Отнеси меня к бедной матери моей, пусть она прижмет меня к холодной груди своей, о, Черен, смилуйся надо мной! Прими меня. Очаг мой потух навечно, солнце скрылось, тьма застит мне глаза, жить незачем!

Абидат услышала причитанья Фазики, выбежала ей навстречу.

Обезумевшая Фазика не узнавала жену Хасау.

— О, день мой погасший, что с тобой, Фазика! Что случилось, несчастная! Залит дом твой кровью? Закрылись двери его навечно. Что с тобой? Скажи мне, скажи мне! — Она обняла Фазику, старалась понять, что с девушкой.

Фазика, наконец опомнившись, пыталась что-то объяснить, язык ей не повиновался, губы не слушались.

Причитания Абидат услышали женщины-соседки и тут же собрались вокруг дочери Жамбота.

— О, жамауат, что это?

— Где ее братья?

— Фазика, тебя невозможно понять!

— Ну скажи хоть слово!..

Силы совсем покинули Фазику. Горе, свалившееся на ее плечи, было слишком тяжким, и она поникла, опершись на плечи Абидат. Женщины подхватили девушку и внесли в дом.

— Да не шумите вы, послушайте,— вдруг что-то сообразила одна из соседок Жамбота,— видела я из окна, как щенок Кужона бежал здесь, бежал, словно кто-то за ним гнался. Не он ли — причина горя Фазики? Как же я сразу не взяла в ум? Элбек...

— Элбек, говоришь? — переспросила ее Абидат.

— Да, да, это был он. Похожий на нашкодившего пса...

— О, несчастная, не дай аллах! Фазика, скажи же хоть

слово, да закрыться бы глазам моим, чтоб не видеть такого позора. О-о-о, несчастная, о-о-о, горемычная,— запричитала Абидат.

Мнения соседок разделились. Одни жалели девушку и даже поплакали. Возмущению других не было предела.

Наконец заговорила Фазика:

— Погас мой день, потух очаг мой навечно, о, люди! Залит водой дом мой. Пустите, о добрый жамауат, не держите меня, чусть Черен смоет с меня грязь... Прошу вас, о женщины!

На шум прибежали Адил и Канамат. Увидели рыдающую сестру, испугались, не понимая, что происходит. Оба заревели в один голос, слезы оставляли на личиках грязные полосы...

Женщины, глядя на бедных ребят, растрогались пуще прежнего.

— Богом клянусь, я этого дела так не оставлю,— заявила решительная Абидат. — Ну-ка, пойдемте за мной! — сказала она горюющим подругам. — Пьют нашу кровь — мало им этого, так они еще и на честь нашу покушаются! Этого нельзя простить...

Все женщины собрались идти с Абидат к дому Кужона, но двоих оставили возле Фазики.

На шум вышла из сакли Баблина.

— Чего это вы здесь собрались? Что случилось?

Гул возмущенных голосов был ей ответом.

— Она еще спрашивает...

— Чтоб труп твоего сына в Черене найти тебе.

— Чтоб глаза ты ему закрыла сегодня!..

— Лучше б камень родила...

— Лучше бы щенка принесла...

Баблина искренне недоумевала:

— Что это вы все, ума, что ли, лишились?

— И не лопнут глаза ее от стыда, глядите-ка, ничего! Пойди, посмотри на несчастную Фазику и поймешь, на какое скотство способен твой Элбек. Где он? Пусть выходит сюда. Живым его не отпустим.

— Чего он такого натворил? — взмахнула руками жена Кужона.

— Пусть выйдет, мы ему скажем...

— Нет Элбека, как ушел утром из дому, так и не вернулся, где его взять?

— Чтоб не дошел он домой сегодня!

— Чтоб волки вас разорвали, бесстыжие!

— Все беды от вас...

Плохая весть — крылата, новость быстро облетела аул. Узнали о проделке Элбека и на покосе. Каждый добрый человек в селе жалел Фазику, при имени сына Кужона брезгливо отплевывались.

Элбек скрывался в доме эфенди. Он смаковал подробности происшествия, придумывая новые. Сулейман в полном восторге посмеивался.

Элбек явился домой поздно ночью, чтобы никого не встретить.

— Сын мой,— начала его отчитывать мать,— ну что за шалости такие? Весь аул знает. Видишь ли, жалостью проникнись к этой самой, как ее там... ну к дочери чабана нашего... Боюсь, отец разгневается. А ну, сними с себя все, пусть постирает! Еще вшей принесешь из этой нищей сакли.

Ислам и Жюнюс, услышав о несчастье с сестрой, бросили все, быстро спустились с гор. Увидев убитую горем сестру, даже Ислам, спрятавшись в угол, пустил слезу. А Жюнюс не скрывал слез.

Рядом с Фазикой сидела Абидат, на ночь осталась: боялась, что девушка наложит на себя руки. Мальчики, благодарные ей за участие, жались к ней, как к матери. Фазика безутешно рыдала, плакала вместе с ней и Абидат. Ислам, немного успокоившись, ушел со двора.

Абидат заволновалась, бросилась следом.

— Ты куда, Ислам?

Но Ислама и след простыл.

Ночь черной буркой накрыла аул. Ислам, спотыкаясь в темноте, дошел до сакли Кужона. Двор словно вымер, безмолвствовал, как могильная насыпь. Сам не понимая для чего, Ислам набрал камней и стал метать в сторону темных окон. С шумом лопались стекла.

Залаяли собаки. В окне мелькнул свет.

— Кто это там смеет нарушать наш сон? Даю слово, кто б он ни был, живым ему не уйти. — Элбек схватил кинжал со стены и бросился к дверям. Дорогу ему преградила мать.

— А ну, положи,— сказала она властно. — И так натворил дел... — Обратилась к слуге: — Хышмыш, пойди, посмотри, кто там... Посторожи до утра, не подпускай к дому никого. Завтра, аллах даст, и хозяин вернется.

Хышмыш не спал целую ночь, до утра ходил по двору.

В ауле быстро узнали, что ночью кто-то перебил стекла в сакле Кужона. Пока эта весть облетела всех жителей

Акташа, она обросла всякими небылицами. Толковали по поводу смелого поступка много, но никто так и не узнал, кто решился на эту дерзость.

* * *

Жамбот и Дадаш загнали овец. Над горами плыли грозовые тучи. Друзья, опасаясь дождя, поправили кровлю, присели к огню отдохнуть. Ужин был еще не готов, и они мирно переговаривались, любуясь пламенем костра. В кош заглянул Хасан. Они обрадовались приходу соседа... Но и удивились.

— Поздно что-то, Хасан, пришел ты в гости. Или нужда какая? — Жамбот предложил другу сесть. — А ведь говорили, что ты в аул спустился!

— Сегодня вернулся.

— Садись, рассказывай, как там живут мои дети... А у тебя что? Устал? Грустный ты какой-то... На себя не похож...

Жамбот ожидал чего угодно, только не этого. Страшная весть свалилась на него, как камень. И невольно вспомнил он сон: орел унес шапку и вернул ее изодранную. Вот как обернулось это страшное видение.

Жамбот сидел, неподвижно уставившись в огонь... Он не знал, что предпринять.

— Дадаш...

Дадаш почему-то схватил топор, лежавший возле дров. У него все кипело. Он хотел тут же бежать в аул. Но дорогу ему преградил Жамбот, внезапно сообразивший, что Дадаша надо удержать.

— Ты ничего не изменишь, подожди, подумаем вместе,— сказал он, схватив Дадаша за руку.

Не до сна было чабанам в эту ночь. Горе когтило их сердца. Шум ливня не достигал их ушей, хотя оба молчали. Оба думали о мести.

Новость эта встретила Кужона на пути из Нальчика (он и старшина возвращались в аул).

— Ну, что за шутки шутит мой сын? — разволновался Кужон. — Мальчишка!

— Молодость, друг мой, молодость... Кровь в жилах, а не вода... Разве не знаешь? И чего беспокоиться? Все уладим.

— Хорошего мало. Все-таки совестно.

— Кого это тебе стесняться? Не оборванцев ли?

— Говоришь ты правильно, но сам пойми — каждый

теперь будет склонять мое имя... Понимаю, ты меня успокоить хочешь. Неприятно все же, согласись...

Кужон, еще не сходя с коня, спросил о сыне. Хышмыш что-то пробормотал и указал рукой в сторону гор. Кужон нахмурился в саклю темнее тучи. Обе жены привстали. Обе тревожились, ожидая бури.

— Стоит мне отлучиться, все переворачивается вверх дном! — зашумел хозяин. — Где этот мальчишка, вообразивший себя мужчиной?.. Где этот щенок, я спрашиваю?

Неловкое молчание было ему ответом...

Через два дня Жамбот спустился в Акташ. Молча встретила его семья. Мальчики хмурились. А Фазика напомнила бедному отцу дерево, оголенное ветром. От мертвенно бледного лица ее веяло холодом.

Наутро Жамбот пошел за советом и помощью к эфенди.

— Аллах все знает, Жамбот. Мы не советчики ему. Воля его для каждого из нас священна. Значит, такова судьба...

— Как же тебя понимать, эфенди? — перебил Сосрана обиженный отец. — Не хочешь ли ты еще сказать, что вина за содеянное лежит на моей дочери? А щенок этот...

— Нет, Жамбот, я не так говорю, как ты понял. Согласись — кто виноват, а кто прав, известно только аллаху, да буду жертвою его...— Эфенди поднял глаза к потолку. — Иншаллах! [1]

— Нет, Сосран, я так этого не оставлю. Вижу, ты не советчик мне...

— А что можно посоветовать, Жамбот? Упустил тарелку из рук, она и разбилась, теперь не составить ее, не слепить...

— А тот, кто разбил ее, эфенди, должен предстать перед судом.

— Хорошо, Жамбот, ты прав! Иди к старшине, пусть передает дело в суд. Только как может курица наказать коршуна, который унес ее цыпленка?

— Все-таки попробую найти правду.

— Желаю удачи! — Эфенди спрятал улыбку в редкой бороде.

Жамбот поехал прямо в Гюрен. Сначала попросил писаря составить жалобу. Долго пришлось уговаривать не желавшего ничего понимать упрямца. Наконец тот согласился. Жамбот с бумагой отправился к старшине.

---

[1] Иншаллах — хвала аллаху.

— Кто ты есть? — пристально посмотрел на него Мыртаз.

— Я из Акташа. Батрак Кужона. Зовут меня Жамбот.

— С чем явился? — Мыртаз не встал со скамьи.

— С жалобой... Несколько дней назад сын Кужона Элбек... мою единственную дочь...— Ком в горле мешал Жамботу говорить.

— Я знаю, слышал... — Мыртаз поднялся, скроил сочувственную мину. — Значит, ты отец той девушки?

— Да, это я! Пришел к тебе за правдой. Почему преступники остаются безнаказанными?

— Правильно говоришь, э... как тебя зовут?

— Жамбот...

— Верно говоришь, Жамбот, нельзя умолчать о таком безобразии. Раз совершил ошибку, ответь перед богом и людьми!..

— Хочу подать в суд... На Элбека этого. — Жамбот положил бумагу перед старшиной.

— Хорошо, бумагу твою, Жамбот, я передам судье. Завтра отправлюсь в Нальчик, возьму с собой. Есть еще что-нибудь ко мне?

— Нет, господин старшина, да пошлет тебе аллах всяческого благополучия.

— А может, ты мне не доверяешь? — внезапно спросил Мыртаз.

— Что ты, почтенный человек, как можно... Хоть и вижу тебя впервые, верю тебе...

Через неделю Мыртаз поехал в Акташ. Он захватил с собой жалобу Жамбота. Сидя за столом у Кужона, старшина, как бы между прочим, показал ее хозяину.

— И какой ход ты дашь этой бумаге? — усмехнулся Кужон.

Мыртаз разорвал ее в клочки.

Сообщники понимающе переглянулись.

11

В конце августа Жамбот и Дадаш перегнали овец через перевал из Сванетии и остановились передохнуть. Хозяин торопиться не велел. «Пока овцы пусть пасутся там, трудные времена впереди и наши пастбища еще пригодятся»,— говорил он.

— Чаще меняйте стоянки! — поучал он.

А чабанам одна забота. Только найдут подходящее

угодье, назавтра опять отправляйся в поисках новых, где можно задержаться.

Жамботу не терпелось увидеться со старшиной.

«Как только подойдем поближе к аулу, надо будет сразу пойти и узнать, передал ли в суд бумагу, что решил Мыртаз. Кто знает, может, Элбек уже за решеткой»,— успокаивал себя Жамбот.

А Дадаш знал, что богачи все заодно, он не верил старшине, хотя Жамботу Мыртаз и показался доброжелательным. Дадаш после подлости Элбека ни во что не верил. Изменился — не улыбнется, все молчит, может прийти и сидеть часами, рта не раскрыв. Какие-то мрачные мысли его одолевают.

И однажды Жамбот, пообещав скоро вернуться, спустился в аул. «Вот если бы приговорили этого блудливого щенка к сотне ударов плетьми... или разрешили мне самому поступить с этим подлым отродьем, как я захочу. Увидеть бы ползающим по земле и молящим о пощаде Кужона, такую высокомерную Баблину, поверженную ниц. Пусть бы кричала Баблина: «О люди, простите моего сына, щенка моего, рожденного от собаки... не трогайте его, и я буду заметать своими волосами следы ваших ног!» Пусть бы ей выпало все то горе, которое носит он, Жамбот, в своем сердце сколько месяцев!..»

Жамбот придумывал для своих врагов разные муки... Мимо него промчались два всадника. Опомнился он, когда они были уже далеко. Но он, всмотревшись, узнал Элбека и Сулеймана-эфенди. Чабан задохнулся от ненависти и, переведя дух, всю злость, всю жажду мщения он выразил в яростном крике:

— Стой, собачье отродье, стой, говорю...

Молодчики не удостоили разгневанного отца Фазики даже взглядом. Жамбот следил за ними, пока они не скрылись за горой, и, совсем убитый горем, повернул назад. «Прав Дадаш. Все против нас на этом свете, и я не в силах бороться...»

Элбек должен был осмотреть все отары, одолевшие перевал. Времени это потребует много...

Чтобы не скучать, он пригласил с собой Сулеймана. Элбеку совсем не хотелось встречаться с отцом Фазики, и теперь, несмотря на внешнее спокойствие, сын Кужона был несколько смущен.

— Ну что задумался, Элбек, разве ты зятем ему приходишься? — угадав состояние дружка, спрашивал Сулейман. — Вот Дадашу ты лучше не показывайся. Оборванец

хотел жениться на Фазике, он, видишь ли, имел счастье любить ее... А ты преградил ему путь. Возможно, он не простит тебе этого.

— Но ведь путь теперь свободен,— усмехнулся Элбек,— разве я теперь мешаю? Пусть себе любит, пусть себе женится!..

К вечеру они доскакали до первой отары. Сами того не желая, очутились именно там, где чабанил Дадаш. Элбек не сразу понял, что это именно так, а сообразив, решил не отступать.

Дадаш сидел на камне, глубоко задумавшись. Заметив всадников, он вскочил, схватил ярлыгу. Он весь собрался, как тигр, приготовившийся к прыжку. Всадники подскакали вплотную. Элбек чувствовал смутное беспокойство.

— Ну как дела? — Он постарался придать голосу беспечность.

— Может, сойдешь с коня, поговорим о делах,— предложил Дадаш довольно равнодушно, но на шее вздулись вены...

Элбек с Сулейманом переглянулись и залились деланным смехом.

— Смотрю я, Сулейман, теперь и холопы об обычаях пекутся! С чего бы это, а?

Они снова засмеялись и, не сговариваясь, повернули коней.

— Нет, Элбек, раз ты сам явился ко мне, я не могу расстаться с тобой, не оказав должного внимания. А ну, задержись немного.

Дадаш подскочил к жеребцу, вырвал у Элбека уздечку.

— Хорошо, говори, я слушаю..,— несколько растерянно проговорил Элбек.

— Ну я сказал уже, что тебе надо спешиться. Может, помочь тебе сойти на землю или справишься сам?

Элбек мгновение поколебался, придумывая ответ.

— Ты хочешь пригласить нас в кош? Мы не голодны, не беспокойся... Не задерживай нас, нам пора дальше...

— Да, да, мы сыты,— поддержал друга Сулейман.

Элбек понимал, что за этим могло последовать. Он видел эти вздувшиеся вены на шее у Дадаша и теперь почему-то не мог отвести от них глаз... Подстегнутый плетью Элбека жеребец подпрыгнул, чуть не сбив Дадаша с ног. Шапка Элбека слетела на землю, но Дадаш крепко держал лошадь под уздцы. Дадаш, продолжая одной рукой сдерживать лошадь, другой стащил с коня Элбека. Тот шлепнулся на землю, словно набитый хурджун.

— Эй ты, что за шутки? — угрожающе выкрикнул Сулейман.

Дадаш выпустил из рук уздечку.

— Уйди от греха,— отмахнулся от сынка эфенди Дадаш. — К тебе у меня нет дела. Не лезь в чужие дела. А напкодивший пес будет наказан. Дружок твой думает легко отделаться... Нет,— процедил Дадаш сквозь зубы.

Он схватил Элбека за ворот рубахи, приподнял и снова бросил. Сжав кулаки, бил Элбека куда попало, пинал ногами, втаптывал в землю, не глядя, отбрасывал соскочившего с коня Сулеймана. Сын эфенди в гневе бегал вокруг.

— Эй, пустоголовый, на кого ты руку поднял? — выкрикивал он. — В уме ты, батрак безмозглый?

Задохнувшийся Дадаш, жадно глотая воздух, оставил врага, взял ярлыгу, валявшуюся поодаль, и не спеша двинулся к отаре. Сын эфенди подбежал к чабану со спины, но Дадаш мгновенно обернулся, схватил за руки, и Сулейман, описав круг над головой пастуха, грохнулся на камни. .Он никак не мог подняться. Первым опомнился сын Кужона, вскочил на ноги и выхватил кинжал из ножен. Дадаш решил, что и без ножа справится, достаточно будет палки. Противники оглядели друг друга и, то подскакивая, то на миг задерживаясь, пошли друг на друга. Элбек, изловчившись, задел Дадаша острием кинжала. На рукаве рубахи выступила кровь. Боли Дадаш не чувствовал, наоборот, легкая рана придала ему новые силы. Элбек в злобе и ярости снова подскочил к Дадашу, занес кинжал, но палка Дадаша выбила оружие из рук противника. Кинжал вонзился в землю. Обезоруженный Элбек попятился, палка Дадаша тяжело опустилась ему на голову. Тот рухнул. Дадаш, поняв, что противник потерял сознание, как ни в чем не бывало пошел к своим овцам. Сулейман подбежал к Элбеку, распластавшемуся на дороге, с трудом поставил его на ноги. Немало ему пришлось приложить усилий, чтобы втащить Элбека на коня.

— Ты только подумай, вот ишак. Разбушевался тут...— возмущался сын эфенди.

Элбек, выплевывая кровь, зло посмотрел в спину удалявшегося Дадаша.

— Пусти меня! Я должен прикончить его! — крикнул он, но соскочить с коня не пытался.

— Успокойся, он не уйдет! — увещевал Сулейман. — Сейчас едем домой, пока никто не видел. Свидетели ни к чему. Зачем тебе мараться. Найдем как отомстить.

Элбек подчинился. Рассеченные губы его распухли, как

бурдюк с айраном. Над бровью, за ухом и на подбородке красовались кровоподтеки. Руки, ноги ныли, поясницу ломило.

Он снова выплюнул кровь изо рта:

— Сулейман, найди мне ружье.

— На что тебе ружье-то?

— Я пристрелю его.

— Глупая затея. Придумаем получше. — Сулейман значительно посмотрел на него. — Хышмыш легко справляется с любой работой.

— Хышмыш?.. И верно...

Солнце спряталось за гору, темнело. Элбек и Сулейман ехали к аулу молча.

Дадашу с трудом удалось собрать разбежавшихся овец. Он, согнав их в кучу, постелил бурку и лег, глядя в небо. Правая рука побаливала, он поддерживал ее левой, чтобы не текла кровь. «Где больно — там рука твоя, где любовь — там глаза твои»,— почему-то припомнилась ему старая пословица. Там, где любовь — теперь только мука, позор, отчаяние... А там, где больно — его собственная рука перехватила и держит, чтоб как-то остановить кровь. Больно, но эта боль какая-то внешняя, не доходит до сердца, ее заслонила обида за любимую девушку, которая, как думал Дадаш, так терзается, что готова покончить с жизнью от отчаяния.

К другу пришел Жамбот. Увидел кровавые пятна на рубахе Дадаша и не на шутку перепугался. Но сразу смекнул, в чем тут дело.

— Зря, друг мой, зря ты ввязался в драку с этим негодяем,— вздохнул он, потом добавил: — Они не простят тебе. Не успокоятся.

...Элбек и Сулейман подъезжали к дому эфенди. Элбек послал вперед Сулеймана, чтобы тот разведал, можно ли прошмыгнуть в его комнату незамеченными. Ждать пришлось всего несколько минут. Сулейман прямо от порога помахал рукой — заходи, мол. Не хотел Элбек попадаться на глаза эфенди, не хотел попадаться на пути Кудас. Язык у нее, что лопата — все выбрасывает наружу. «Дома тоже всполошатся, если что-либо заподозрят»,— размышлял Элбек.

Хоть был поздний час, Сосран не спал. Он увидел под окном сына его друга — Элбека.

— Что вы толчетесь здесь, как совы в темноте? Что потеряли? — крикнул он друзьям.

— Просто так гуляем,— невнятно ответил Сулейман.

Элбек и Сулейман пробрались в мужскую половину. Как только головы их коснулись подушек, они преспокойно заснули.

Кудас даже не знала, что сын вернулся с гор, да еще привез с собой гостя. Утром вошла она в комнату, где спали друзья, и обнаружила их, лежащих на одном топчане.

— Ой, что это... — завопила она. — Э, киши, э, киши! Ты только посмотри... Пойди сюда, полюбуйся! Кто это так украсил твоего сына?

— Мать, помолчи,— зашептал Сулейман. — Ну что особенного? Элбек упал с лошади. И чтоб никто об этом не слышал, поняла? Ни одна душа...

— Нет так нет, сын мой! — покачала головой Кудас.— Ах, чтоб все беды ваши на мою голову... И что же за напасть?!

Кудас долго слонялась по дому. Побежать бы сейчас к Кужону и выложить бы все.

Но что произошло? Она не знает, только Сулейман разве скажет?! Подумав, она надела кашемировое платье до пят, накинула на голову гирянча, вышла во двор и приостановилась. «Что я отвечу жене Кужона, если она спросит, что все-таки приключилось с ее сыном. Ведь сама не знаю... Ну как расколоть Сулеймана? Подам-ка я им поесть, попить, может, проболтаются».

Кудас поступила, как задумала, но сколько бы она ни выспрашивала сына, он ничего ей не сказал.

Сам Элбек обиделся:

— Тетушка Кудас, вы уж что-то чересчур любопытны. Я лучше пойду! — он вопросительно посмотрел на приятеля. Уходить он и не собирался...

— Что ты, что ты, милый! — всполошилась Кудас. — Оставайся, и не говорите вы мне ничего... Ой-ой-ой, вот мои заботы оборачиваются для меня злом. Ах, чтоб отсох язык мой!

Беда была в том, что Кудас, умирая от любопытства, не могла ни за что взяться. Все валилось из рук...

Сулейман вышел к полудню из заточения. Шел к сакле Кужона, поминутно оглядываясь. Никто за ним не следил. Все спокойно. На бугорке играли ребятишки. Паслись телята. Ишаки попрятались в тени заборов. Стояли понуро, время от времени отгоняя мух. Сулейман остановился у двора Кужона. В дом решил не заходить. Увидел Хышмыша, жестом подозвал.

— Дома ли хозяин?

Хышмыш развел руками — нету, мол, ушел.

— Сын хозяина у нас,— старался втолковать ему Сулейман. — Просит прийти...

Хышмыш сразу все понял, последовал за Сулейманом. Увидев Элбека, пришел в ужас. Он что-то шипел, бормотал, качал головой, очевидно, желая показать возмущение: «Кто поднял руку? Кто посмел?»

— Это работа Дадаша,— коротко бросил Элбек.

Хышмыш неожиданно для Сулеймана все понял сразу. Он злобно загудел, крепко сжав кулаки, помахал ими в воздухе, потом — затопал, запрыгал, захлопал. На шум прибежала Кудас.

— Мать, ты здесь не нужна,— внушительно сказал Сулейман, и Кудас исчезла.

Как только за ней захлопнулась дверь, Сулейман повернулся к Хышмышу:

— Ты найдешь его у перевала,— раздельно сказал он.

— Дома никто не должен знать,— перебил его Элбек.— Спросят, скажи, едешь на ферму, где коровы, понял? И не медли. Садись на свою кобылу, скачи во всю прыть. Ты должен застрелить наглеца! Понимаешь, пых-пых! — Элбек показал на свою грудь и упал, притворившись мертвым.

Хышмыш повторил за ним все жесты. «Все так и будет».

— Считай, что мы расправились с этим оборванцем,— весело сказал Элбек, когда Хышмыш закрыл за собой дверь.

— Хотелось самому убить эту собаку, понимаешь? — хвалился Элбек, осторожно трогая рассеченные губы. Они болели меньше, но опухоль не проходила. — Я его хорошо подцепил кинжалом... Как ты находишь?

— Надо думать,— поддакнул приятель. — Крови вытекло — целый бурдюк!

Хышмыш во дворе Кужона подошел к огромной белой кобыле. Батрак знал, как к ней подступиться, несмотря на свои пугающие размеры, лошадь была нрава смирного. На нее и на Хышмыша падала самая тяжелая работа. «Без Хышмыша и белой кобылы был бы я вдвое беднее»,— шутил хозяин в добрую минуту.

Хышмыш накинул на лошадь войлочную подстилку, прикрепил ремнями. Великанша продолжала спокойно щипать траву. Хышмыш забрался в свою нору. Батрак и зимой и летом проводил ночи в этом закутке, крытом вместе с хлевом одной кровлей. Не было там ни окон, ни дверей, да и не нужны они непривередливому холую. С зари до пол-

ночи он болтался во дворе, суетился в доме, в халупу свою приходил только спать.

Из своего обиталища Хышмыш вышел готовым к бою — на голове его лихо сидела рваная папаха, на поясе висел кинжал в ножнах, в руках батрак сжимал заряженное ружье. Кобыла чуть заметно пошевелила ушами и приоткрыла один глаз, пока Хышмыш устраивался на своем самодельном седле. Она перестала дремать, только когда седок заставил ее сдвинуться с места.

...Жамбот и Дадаш оба озябли и проснулись рано. Небо нахмурилось, да тут поближе к перевалу рассветы бывали по-зимнему суровы, задували студеные ветры.

— Пора спускаться, не век же здесь вековать. Смотри, как мороз щиплет,— сказал Жамбот.

— Ведь другие отары еще не трогаются. Как же мы начнем без приказа. Кужон не захочет. Никому дела нет, что холод собачий. Пока здесь еще есть трава — он нас к пастбищам не подпустит. Сохраняет для зимы.

— Так нам околевать из-за его жадности! — возмутился Жамбот. — А рука-то у тебя все не заживает.

— Заживет понемногу. Подорожник помог.

— Да, это волшебная трава, друг мой. Не зря растет у дорог. Чаще всего беда нас настигает в пути. Аллах это знает, потому и послал для исцеления странников подорожник.

Овцы рассыпались по склону. Чабаны развели костер. Жамбот подогрел вчерашнюю шурпу... не спеша друзья принялись за еду.

К полудню в небе засияли голубые окошки, но ветерок обжигал холодом. Надо было собирать разбежавшихся овец, но, чтоб хоть немного согреться, чабаны засиделись у костра... И тут они услышали выстрел, эхом отдавшийся в горах. Пуля просвистела мимо уха Дадаша. Чабаны вскочили на ноги. За соседним пригорком прятался человек с ружьем в руке.

— Хышмыш... Да, Хышмыш, слуга Кужона,— узнал Жамбот. — Говорил я тебе, Дадаш, они тебя не оставят теперь в покое. Что будем делать?

— Зачем батраку убивать батрака?

— Понять это Хышмыш не в силах. Он считает Кужона богом, которому он должен верой и правдой служить. Все приказы он выполняет, самые дикие... А ну, нагнись, спрячься за камень. Этот дурак опять целится...

Пуля на этот раз, зацепив краешек скалы, за которой спрятался Дадаш, пролетела дальше. Жамбот стоя смот-

рел на слугу. Хышмыш опустил ружье, перестал скрываться, переваливаясь, стал приближаться к ним.

— Будь что будет, но я должен поговорить с этим героем.

Жамбот пошел навстречу Хышмышу.

— Салам алейкум,— сказал он, хотя первым должен был поздороваться пришедший. Он протянул руку Хышмышу, но она осталась висеть в воздухе — Хышмыш не подал своей.

Великан всячески проявлял гнев — топал ногами, огромные кулаки его мелькали в воздухе, с толстых губ, вместе с мычанием, вылетала слюна. Он все махал и махал кулаками, сжимая ружье под мышкой и поглядывая с ненавистью в сторону Дадаша. Чабан, опершись на ярлыгу, стоял у камня, за которым прежде прятался.

— Не будь дураком, Хышмыш! — миролюбиво заговорил Жамбот. — Что тебе сделал Дадаш? Что ты охотишься за ним, как за кабаном? Натравили тебя твои хозяева на людей, а ты и рад показать усердие! Будь человеком, уходи отсюда, Хышмыш.

Хышмыш внимательно слушал Жамбота, но слова чабана только масла подливали в огонь. Батрак грозно покачал головой, взмахнув руками, упал на землю, словно в припадке рвал траву и разбрасывал вокруг, вдруг вскочил, вытащил нож и побежал к Дадашу.

Жамбот хотел было схватить безумца за руку, но не успел. Он бросился за батраком Кужона, браня себя за неловкость.

— Беги, Дадаш, беги! — кричал он другу. — Этот дурак и вправду проткнет тебя ножом.

Но Дадаш неподвижно и спокойно смотрел на приближающегося Хышмыша. Как это он, горец, повернется спиной к противнику и побежит? Да разве он мужчина после этого? Достоин ли он после этого носить папаху?

Дадаш с легкостью горного козла вскочил на высокий валун, уперся грудью в скалу. Хышмыш захрипел... Дадаш сверху занес палку над головой раба.

— Твое счастье, что ты старше меня, Хышмыш, а не то я одним ударом рассек бы тебе голову!

Хышмыш ногтями царапал камень, пытаясь взобраться, дотянуться до Дадаша. Ему это не удавалось, он посылал проклятья на своем нечленораздельном языке. Неуклюжий, большой и тяжелый, он показался Жамботу похожим на разваливающуюся под ветром копну.

— Возьмись за ум, Хышмыш, хватит тебе куражиться! Отправляйся домой, пока жив!

После многих неудачных попыток, Хышмыш нащупал ногой выступ в камне, подтянулся — голова батрака показалась на уровне ног Дадаша. Чабан сообразил, что так просто от обезумевшего верзилы не отделаться. Хышмыш не понимает или не желает понять простых человеческих слов — и Дадаш, поколебавшись, наступил Хышмышу на посиневшие от усилий пальцы. Хышмыш с воплем скатился вниз и грохнулся у ног Жамбота.

Овцы насторожились, перестали щипать траву, повернули мордочки и смотрели на людей, производивших столько шума.

Хышмыш, вопя, отполз от валуна, на котором все еще стоял Дадаш, не глядя, схватил камень не меньше ослиной головы и, прицелившись, метнул его в чабана. Камень перелетел через пригнувшегося Дадаша и угодил в овцу, которая, не издав звука, упала, как подкошенная, и осталась неподвижно лежать.

— Хышмыш, прошу тебя, отвяжись,— голос Дадаша прерывался.

Хышмыш вне себя от злости подавал ему знаки — спускайся, мол, с камня, я тебя прирежу!

Дадаш решил действовать напропалую. Он спрыгнул на землю и очутился совсем рядом с Хышмышем. Немой бросился на чабана с ножом. Дадаш мгновенно занес над ним палку и опустил. Удар пришелся Хышмышу по шее. Он не удержался на ногах. Дадаш снова поднял палку для удара, но сзади на ней повис Жамбот.

— Ты что, Дадаш, спятил, что ли? Ты ведь его убьешь!

Жамбот вдруг прислушался — скатился камешек, другой. К месту происшествия на звук выстрела бежали чабаны из соседних кошей. На всякий случай жигиты захватили с собой ярлыги.

— Что тут за перестрелка?

— Что за крики?

— Кто стрелял?

Хышмыш на четвереньках дополз до своей огромной кобылы, которая паслась неподалеку, взобрался в седло. Он скакал к аулу, не оглядываясь, как пес, которому попало в драке.

12

Кудас немедленно разнесла по аулу весть о поражении Элбека и верного Хышмыша. О Дадаше говорили во всех саклях. Бедняки диву давались: «Как это Дадаш осмелился поднять руку на сына самого Кужона?»

Дошла эта весть и до ушей Фазики. Она потеряла покой. «Из-за меня это?.. Зачем было ввязываться в драку из-за меня? Кто я теперь? Только тень моя ходит по земле... Они не дадут ему спокойно жить. Зачем было драться? Ты в опасности, я ничем не могу помочь тебе, Дадаш. Только одно осталось — молча умываться слезами».

Она потихоньку плакала, хотя порой ей хотелось закричать, забиться в рыданиях.

Кужон возвращался из низины в горы. Отлучился он три дня назад. Побывал Кужон у «Голубых озер» по важным делам, в пути устал и торопился домой. «В гостях хорошо, а дома намного лучше».

У межгита он увидел Сосрана и спешился, приветствуя эфенди:

— Ассалам-алейкум, Сосран.

— Алейкум-салам, Кужон. Что-то не видно тебя было...

— Разве мало у меня хлопот, эфенди? На две жизни другому хватит. Сам знаешь, пастбищ у нас мало, горы... Мне кажется, что земли с каждым годом становится меньше, клянусь тебе...

— Земля все та же, наш бий,— рассмеялся в бороду эфенди.— Растут отары, вот пастбищ и не хватает. Не было бы у тебя столько баранов, клянусь тебе, и не было забот у тебя о пастбищах.

— Правду говоришь, эфенди. Из-за этих чертей я ищу землю. Когда у меня было меньше овец, эти пастбища и во сне мне не снились. Больше скота, прибавилось и забот о корме... Так получается! Такова жизнь, эфенди... Я даже по ночам не сплю, все думаю — как быть.

— Мы в этих горах, мой друг, как в западне. Некуда нам податься! Не повезло с пастбищами. Камень, скалы, валуны... разве это земля?

— Прав ты, эфенди, тысячу раз прав. Вот разровнять бы горы, извини меня за дерзость, я сидел бы рядом с молодой женой и никуда не отлучался. Или, лежа на спине, плевал бы в потолок. А теперь покоя не знаю и не будет покоя... Мало того, так эти немытые батраки головы стали поднимать. Земли им давай, жалобы шлют в округ...

— Да, они не только земли требуют, но и руки теперь на нас поднимают.

— Как это?

— Да вот так — тут без тебя эти чабаны сына твоего избили до полусмерти...

— И Элбек не смог постоять за себя?..

— Дадаш не только Элбека, но и Хышмыша разделал так, что никто его не узнавал в ауле. Тот взялся отомстить за Элбека.

— Интересную новость ты мне поведал, эфенди, интересную...

...Наутро Кужон подался в Гюрен, к своему другу — старшине.

Мыртаз встретил его с должным почетом...

— Хорошо сделал, что навестил,— сказал он после обязательных приветствий. — Вчера вечером до ушей моих дошли темные слухи. Не знаю — правду ли говорят люди?

— Я как раз поэтому и приехал.— Кужон расстегнул пояс, чтобы легче было дышать. — Если уж быть честным, друг мой, только из-за сына я бы тебя не побеспокоил. Элбека избил чабан. Ну что ж, мальчишка не смог справиться с голопузым! Я отругал сына, да что уж! Другое меня больше волнует... Даже говорить страшно...

— Ну, ну... Что такое?

— Было ли хоть раз, чтобы батрак поднял руку на своего хозяина? Я что-то этого не слышал... Совсем стыд потерял этот нищий сброд. Никакого почтения не жди... Разве они нас уважают?.. Распустились сверх меры...

— Да, так оно, пожалуй, и есть. Расшумелись, ты прав, удержу не знают.

— Я думаю, в этом большая наша вина, друг мой Мыртаз. Мы многое им прощаем, надо быть построже. Глупы очень. Сжалишься один раз, во второй — они уже на шею сядут. Они хорошего отношения не понимают. Пса приласкаешь — будет верен тебе до смерти, а эти...

— Истинные слова... Золотая правда...

— Помяни мое слово, друг, если мы простим моего батрака, завтра другие голодранцы с косами и ножами поднимутся. Клянусь!..

— Кто такой убийца этот?

— Дадаш... Боранов он...

— Из Гыжгыта, что ли?

— Кажется, оттуда.

— И что ты посоветуешь? Как его наказать?

— Судить, да повесить прямо на ныгыше[1]. Другие посмотрят — на ус намотают, поумнеют.

Мыртаз задумался:

— Хорошо, арестуем его завтра же,— сказал он после короткого молчания. — А вот насчет того, чтобы повесить!.. Сразу не могу пообещать. Морханов должен быть у меня завтра или послезавтра... Любит охотиться в наших местах... Вот с ним надо будет обговорить... Как он посоветует, так и поступим...

— Значит, друг мой Морханов собрался навестить наши края? Это — подарок нам с тобой, друг! Мы должны встретить его честь по чести.

Кужон поздно вечером вернулся в аул.

— Завтра старшина пришлет людей... Арестуют этого поганца Дадаша,— сказал он старшей жене. Та поделилась с сыном. Элбек не удержался, чтобы не рассказать Сулейману.

И уж, конечно, о том, что скоро за Дадашем придут стражники, услышала и Кудас. А что знает Кудас — повестка всему аулу.

Ислам, задыхаясь от быстрого бега, рассказал Фазике.

Было решено, что Исламу надо срочно отправиться в горы, найти отца, разыскать Дадаша.

— Беги, ни на что не засматривайся,— предупредила сестра.

— Не учи меня, не маленький!

Ислам был уже совсем готов и направился к двери, но его остановила Фазика.

— Подожди! — Она откинула крышку старого сундука, достала вышитый разноцветными нитками и сложенный вчетверо носовой платок, протянула брату: — Отдай Дадашу!

Беда заключалась в том, что Ислам не знал, где теперь пасут овец Дадаш и Жамбот. Он слышал что-то про перевал из Сванетии, но где это — и представить себе не мог.

Немало подъемов и спусков попалось на пути Ислама, но об отдыхе он и не помышлял, шел, думая только об одном — быстрее отыскать кош отца. Он твердо знал — медлить нельзя! Нельзя допустить, чтобы доброго, веселого Дадаша схватили стражники старшины.

---

[1] Ныгыш — место, куда обычно собираются люди для беседы, игр.

К вечеру Ислам добрался до «Снежного родника». Рядом паслись коровы. Пастух еще издали крикнул:

— Эхе-хе-хей, кто ты есть?

Ислам с трудом передвигал ноги, но встреча с пастухом вселяла в него надежду. Усталость совсем схлынула, глаза засияли, когда он узнал в пастухе соседа Хасана. Они были оба рады встрече. Хасан в этом году нанялся пастухом к Камботу. Пас он у «Родника» недойных коров.

— Что привело тебя сюда, Ислам? Пай-пай-пай, устал-то как. Пар от тебя как от взмыленного коня! Ни к отцу ли спешишь?

— К отцу и Дадашу.

— Понятно, что спешишь, но не пускаться же в дорогу на ночь глядя. Опасно в горах. Если б чуть-чуть раньше, подвезли бы тебя в седле всадники. Тут проехали двое, совсем недавно в ту сторону.

— Что еще за всадники? — испугался Ислам.

— Не могу точно сказать. Спросили дорогу, я показал, поблагодарили и поскакали.

— Это они! — вскричал Ислам. — Это люди старшины. Они хотят схватить Дадаша.

— Что ты говоришь, опомнись! Зачем хватать Дадаша?

— Не успел предупредить... — Ислам чуть не заплакал, руки его повисли как плети. — Хотел предупредить Дадаша и...

— Что же нам делать, парень? Дадаш — молодец, порадовал нас. Жигит, настоящий жигит он. Но зачем его хватать?..

— А у вас нет коня? — не ответив, спросил Ислам.

— Нет коня, только мул...

— На муле не обгонишь лошадей-то... — Ислам вздохнул.

— А ну постой. — Хасан задумчиво смотрел на запад.— Солнце вот-вот спрячется за гору. Думается мне, они переночуют в пути. Ведь они недаром спросили, есть ли поблизости кошары.

— Если так, надо торопиться. Где пасется мул?

— Подожди, Ислам, ведь ты не знаешь дороги...

— Совсем не знаю.

— Ну а как же ты найдешь своих?

— Буду спрашивать у встречных...

— Кто тебе попадется на ночь глядя? Не то ты говоришь. Ну-ка, подгони сюда тех коров...

Напарник Хасана готовил ужин в коше. Хасан посоветовался с ним — как быть?

— Если все так обернулось, Хасан, не трать времени зря,— сказал пастух. — Я управлюсь один. Дадаша надо предупредить.

Хасан поймал мула, оседлал. Ислам и Хасан не стали даже ужинать. Ехали всю ночь без остановки. На утренней заре они увидели на пригорке кош, неподалеку рассмотрели двух чабанов. Жамбот и Дадаш сидели прямо на траве.

Жамбот узнал Ислама и испугался: «Может, опять что-нибудь стряслось?» Но приветливая улыбка Хасана успокоила Жамбота.

Ислам соскочил с мула следом за Хасаном и быстро заговорил. Жамбот и Дадаш, начиная понимать, что произошло, только руками разводили.

— Собирайся скорей, Дадаш, люди старшины будут здесь скоро,— убеждал Дадаша Хасан. — Тебе сейчас же надо бежать. Всадники вчера спрашивали меня про дорогу. И мне несдобровать, если я попадусь им на глаза. Сразу смекнут, в чем дело. Лучше, если я сейчас же вернусь к себе.

Хасан забрался на мула.

Дадаш вопросительно посмотрел на Жамбота.

— Я тебя предупреждал, что будет нелегко. — Жамбот не скрывал волнения. — Ну что же, еще не все потеряно! Горный орел не умирает на земле в неволе, он выбирает смерть в небе. А ты и не умирай, и не попадайся в неволю. Беги в Кабарду!

— К твоему другу?

— Да. Расскажи все как есть. Зарамук поможет. Перекинь этот хурджун через плечо, еды должно хватить.

Жамбот пожал руку Дадашу. Обоим было невесело.

— Держись, Дадаш! Зарамуку и семье его привет от нас.

Дадаш подошел к Исламу. Они обнялись. У Ислама на глаза навернулись слезы. Он отвернулся, чтобы отец и Дадаш не заметили его слабости. Не положено мужчине плакать: Ислам это знал! Но как ни старался сдержаться, не смог. Дадаш заметил слезы на глазах Ислама, но промолчал. Он перебросил хурджун через плечо и зашагал навстречу горам, скованным вечным льдом.

— Дадаш, подожди! — Ислам догнал его. Он достал вышитый платок, протянул его Дадашу.

— Это тебе от Фазики...

Дадаш взял платок дрожащими руками. Глаза его, так

показалось Исламу, наполнились слезами. Но у брата Фазики хватило ума, чтобы промолчать.

— Спасибо тебе, Ислам,— взволнованно сказал Дадаш. — А Фазике передай, все обойдется!..

Несколько часов спустя к кошу Жамбота подскакали всадники.

— Кто ты такой? — спросил один.

— Чабан Кужона.

— Это и так понятно. Не об этом спрашиваю. Как тебя зовут?

— Зовут Жамботом.

— А где твой напарник?

— О ком вы?..

— О Дадаше спрашиваем... Что, не понимаешь?

— Он куда-то ушел.

— Что? Что ты несешь?

— Два дня как исчез. Долго искал его, ноги гудят. Думал, провалился в пропасть?.. Может, вы что слышали?

— А ты не врешь, старая свинья? — Один из всадников занес плетку над Жамботом. — Спрятал небось куда-нибудь, а?..

— Что вы, уважаемые, зачем прятать?

— А если мы его разыщем?

— Пошли вам аллах удачи. Ведь без напарника мне туго приходится.

— А этот сопляк кто такой?

— Это сын мой — Ислам.

— Мы разыщем того поганца хоть под землей, ну а ты, смотри... Если ты его прячешь, держись! Не сносить тебе головы!..

Всадники, поминутно оглядываясь, поскакали на восток. Если они вернутся без Дадаша, старшина им не простит! Они рыскали в горах, облазили доступные скалы, обыскали все коши, всех чабанов спрашивали. Ни с чем, усталые, голодные, не разыскав Дадаша, вернулись в аул.

— Чонгкай, сам говори со старшиной, а то плохо нам придется! Ты врать умеешь...

— Можешь спать спокойно. Только ты держи язык за зубами! Лишнего не болтай.

— Ты что, сомневаешься! До самой смерти — никому ни слова...

Они явились к старшине, стянули головные уборы.

— Что это еще такое? — зашелся он в крике. — Где вас носило столько дней? За это время всех волков можно переловить в Большом ущелье. Где Дадаш?

— Он на том свете, начальник.

— Как это на том свете? Разве я вам не приказал доставить его живым?

— Сам он виноват... — Чонгкай подошел поближе к старшине. — И я и Саламелик долго пытались...

— Врете вы!

— Поклянемся чем хочешь, старшина, именем аллаха или Кораном...

— Мне не нужны клятвы. Дадаш — необходим!

— Ну что же делать!.. — растерянно бормотал Чонгкай. — Он услышал о вашем приказе — доставить его к вам живым — раньше, чем мы добрались до перевала. Но мы напали на его след. Долго гнались без дорог и тропинок... представить трудно. Но он хорошо знает горы. И что этот голодранец выкинул. Он взобрался на высоченную скалу слева от перевала и ни за что не хотел спускаться. Долго мы ждали, думали, слезет — схватим его. Кричали: «Эй, сдавайся!» Время шло, а этот наглец и не думал слушаться. Мы и принялись палить из ружей. А потом... Потом, чья-то пуля его догнала, он свалился в такую пропасть, что не отыскать! Летел, как сорвавшийся камень,— ничего от него не осталось.

Мыртаз пытливо посмотрел в глаза одному, другому. Саламелик не выдержал взгляда, отвел глаза, Чонгкай глядел смело и нагло, на лбу его выступил пот.

— Что-то мне не верится.— Мыртаз зашагал по комнате. — Если вы говорите правду — ваше счастье. Но если врете и Дадаш окажется жив...

Саламелик и Чонгкай выскочили в дверь красные и растерянные.

Весть о гибели Дадаша быстро разлетелась по аулу. Богатые радовались, а бедняки жалели отчаянного парня. Но еще и были третьи — они знали, что Дадаш жив и здоров, поэтому посмеивались над россказнями Чонгкая и Саламелика.

13

В конце ноября холодные ветры задули чаще, пронизывали насквозь. Солнце улыбалось, но лучи его не согревали землю. Появлялось оно из-за островерхих скал и, совершая свой обычный путь, словно запоздалый путник, торопливо пряталось за скалу Чокрак.

Перед каждой саклей в Акташе — стог сена и аккуратно сложенная куча кизяка. В это время года все аулы в

Большом ущелье похожи. Горцы любят встречать белобородую зиму в полной готовности.

Фазика сегодня грустна. Она встала, как всегда, рано, прибрала в сакле. Ислам и Адил поднялись в горы, не все успели принести, хотели спустить сено, пока снег не выпал. Жюнюс и Канамат играли в каздреу[1], как ушли рано утром, так и не возвращались. Больше года как нет Дадаша. И ничего Фазика о нем не знает. Словно в воду канул жигит. Ни единой весточки. А горечь накапливается в сердце. Порой Фазика отчаивается, и правда: убили его в горах, может, совсем не выдумка — смерть жигита. Но она гонит от себя эти страшные мысли. В тяжкие минуты она старалась успокоиться, молиться за него. Просит аллаха быть милосердней к Дадашу, послать ему удачи. Но иногда и молитвы не утоляют боли, тогда она убегает в сарай, чтобы никто не видел, и, там выплакав все слезы, возвращается домой в саклю.

Вот и сегодня так хочется поплакать. Все чаще навещает грусть Фазику. Не было бы для девушки большей радости, чем услышать: «Жив, здоров Дадаш, скоро увидишь...»

Канамат хлопнул дверью, и Фазика, вздрогнув, привстала.

— Есть хочу-у-у... — протянул младший брат.

— А где Жюнюс?

— Играет с мальчиками.

Фазика дала брату кусок кукурузной лепешки и айран. Канамат накрошил лепешку в айран. Явился Жюнюс, Фазика дала и ему поесть, взяла ведро, пошла к Черену. Только она набрала воды, как рядом увидела гармониста Соллоу.

— Добрый день, Фазика!

— Соллоу, видится мне, что тебя поставили охранять Черен, как ни приду за водой, ты все здесь...

— А что, разве ты не рада мне? А я бога молю, чтоб чаще мы встречались. — Соллоу что-то запел и захлопал в ладоши. Фазика рассмеялась — так он был забавен.

— Вот-вот, веселись, дорогая! Ты не знаешь, как тебе идет улыбка. Ты не должна грустить, поверь мне... — Соллоу хотел еще что-то добавить, но почему-то замолчал. Гармонист так и остался топтаться на берегу, а Фазика, все еще улыбаясь, вернулась домой.

Братья наперебой стали проситься на улицу.

---

[1] Каздреу — игра с палками.

— Только вернулись и опять хотите бежать! — возмутилась Фазика. — Это уже слишком. Теперь вы не так малы, чтобы не понимать: иногда надо и дома посидеть.

— А что дома делать? — посмотрел на нее снизу вверх Канамат.

— Что делать? Он не знает, что надо делать!!. Разве я не сказала вам убрать хлев?

— Я думал, что ты приказала Жюнюсу. Если б я знал... — начал оправдываться братишка.

— Велела я вам обоим. А ну, отправляйтесь убирать хлев, потом кизяк, что лежит на ограде, перенесите под навес. Понятно?

Жюнюс и Канамат послушно принялись за работу.

Фазика задумалась — ее братья, кроме маленького Канамата, выросли, многое понимают. У каждого свой характер, свои привычки.

Старшему пошел шестнадцатый, щеки его покрылись легким пушком. Ростом он в отца — высокий, стройный. Брови в меру густые, широко расставленные карие глаза. Верхняя губа чуть-чуть выступает вперед. Ислам немногословен, но зато, если разгорится спор и он чувствует себя правым, тут его не удержать, он даст волю своему красноречию. Ни одна игра на ныгыше не проходит без Ислама. Любит он и померяться силою. Мало кто его может обогнать в беге, редко кто одолеет в борьбе.

Жамбот гордится старшим сыном. Он и красив, и ловок, и умен. Вся мужская работа по дому лежит на его плечах, и справляется с ней Ислам, как взрослый.

Жюнюс держится особняком. И все кажется, что он чем-то недоволен: куксится, будто кто-то его обидел или обошел.

Адил меняется не по годам, а по дням. Быстро взрослеет. Год назад он целыми днями пропадал на улице, а сейчас за что ни возьмется Ислам, Адил тут как тут, будто из-под земли вырастает и бросается помогать. Не любит сидеть без дела. Смотришь, то забор поправляет, то корму задает скотине, а то и воды принесет. Никогда не оставит корягу на дороге или оброненный кизяк, пригодится, говорит, и несет все домой. Он часто ругает Канамата:

— Толку от тебя никакого. Целыми днями торчишь на улице.

— Вы же мне ничего не разрешаете,— возражает младший.

Канамату пошел седьмой год, он уже умеет отличать плохое от хорошего, обижается, когда его поругивают.

Больше, чем других, он слушается Ислама, старший брат и другим братьям примером служит. А уж если Ислам что-нибудь поручил Канамату, повторять не приходится...

Жюнюс и Канамат быстро управились. Они стряхивали с себя пыль, отчищали грязь, когда неожиданно увидели отца. Забыв обо всем на свете, они бросились к отцу. Его три месяца не было дома. Радостные крики братьев услышала Фазика, выскочила на холод с мокрыми руками, встала поодаль улыбаясь. Сыновья наконец немного успокоились, отец нежно обнял дочь, погладил по голове, Фазике на миг показалось, что это — самая счастливая минута в ее жизни. Ведь ночами она не спала, думала не только о Дадаше. Как там отец, может, нездоров, почему не приходит так долго... Неспокойное время настало, детям она ничего не говорила, не хотела тревожить их.

Жамбот долго ходил вокруг дома, осмотрел хлев и удивлялся: какой без него навели порядок! Невольно глаза его увлажнились, вспомнил он покойную жену, покинувшую белый свет, не полюбовавшись выросшими детьми.

— Молодцы, ай да молодцы! — хвалил он сыновей. — А кто сено так умело уложил?

— Ислам и Фазика,— бойко ответил за всех Канамат.

— Где Ислам? Адила тоже не вижу...

— Поехали за сеном,— опять выкрикнул Канамат. Радуясь приходу отца, он волчком вертелся. Никто его не приструнивал, прощали ему шалости в такой счастливый для всех день.

Фазика развела огонь в очаге, нарезала вяленое мясо, что привез отец, положила в котел. Девушке казалось, что в доме посветлело, навсегда поселились в нем уют и достаток.

К вечеру с навьюченным ослом пришли Адил и Ислам. Жамбот был во дворе, и Адил первый увидел отца, побежал к нему. Старший, широко улыбаясь, вонзил вилы в землю, степенно шагая, тоже приблизился. Не спеша протянул руку. Жамбот невольно улыбнулся солидности Ислама: «Возмужал как сын, совсем взрослым стал. Сразу заметно, когда долго живешь вдали от семьи».

— Много еще нашего сена в горах?

— Нет, отец, последнее привезли.

Вечером семья собралась вокруг очага. Мягкий свет от сосновой лучины гладил веселые, счастливые лица. Даже Фазика улыбалась.

— Кужон с этого года обещает мне платить. Думаю, что тогда нужды в еде терпеть мы не будем,— сказал

Жамбот, отхлебывая приятно обжигающую шурпу. Фазика, Ислам и Адил неторопливо ели, переговариваясь с отцом. Жюнюс, по своей привычке, сидел на топчане — в сторонке. Канамат обгладывал косточку.

Дверь сакли отворилась — на пороге появились двое. Жамбот узнал Шохая и Апраха.

— Мир дому вашему! — сказал Шохай, протягивая Жамботу руку, Адрах остановился у порога.

— Заходите, пожалуйста,— предложил Жамбот. — Как раз к ужину, значит, любят вас тещи ваши,— пошутил он.

Фазика подложила на поднос мяса, налила гостям по чаше шурпы.

Гости упорно отказывались.

— Простите нас, что пришли не вовремя,— говорил Шохай. — Сами ешьте, мы не голодны.

— Садитесь поближе к тепси [1], мы и не спрашиваем вас: сыты вы или голодны, а у нас обязательно должны отведать шурпы,— настаивал Жамбот. — Шохай, смотрю я, ты совсем поседел, рано тебе сдаваться, а?..

— Что делать, Жамбот. Жизнь такова, не щадит она нас, особенно таких, как ты и я,— ответил Шохай. — Как ты сам, Жамбот?

Гости расположились у очага и отдали дань еде.

— Не жалуюсь. Сейчас вроде бы ничего. Живем.

Беседа длилась долго. Обсудили все новости аула, все происшествия в горах... Но гости, видно, пришли по серьезному делу.

Шохай, наконец, хотел было заговорить о важном, но оглянулся на Фазику. Девушка сидела за прялкой.

Ребята давно уже спали. Фазика заметила настороженный взгляд гостя и поспешно скрылась в другой половине.

— Пришли мы, значит, к тебе не попусту,— начал Шохай, набирая воздуху в легкие. — С большим поручением, значит... Ты не суди нас строго...

— Будьте не судимы аллахом! Говорите — с чем пришли.

— Парень позабавит, девушка краснеть заставит, говорят у нас в горах, дорогой Жамбот. Не к лицу девушке долго засиживаться дома. Ты это лучше меня понимаешь.

Жамбот насторожился.

— Допустим, Шохай, допустим... И что же?

— Аллахом клянусь, Жамбот, хорошо, если девушка

---

[1] Тепси — столик.

вовремя найдет место в жизни. Не так разве я говорю! Адрах, скажи...

— Так, так... Правильно говоришь,— спохватился молчавший все время Адрах.

— Теперь, Жамбот, слушай дальше. Живем мы в одном селе. И плохое и хорошее знаем друг о друге. Как бы там ни было, желаем всем только добра... Да, хочу тебе добра, точно так, как и себе, поверь мне... К чему я все это говорю?.. Адрах и я в этот вечер посетили твой дом от чистого сердца. Много горя тебе пришлось испытать, это тоже мы знаем. Что делать, кто из нас не испил своей чаши горя, однако надо жить, жизнь не стоит на месте... Как бы там ни было, Жамбот, мы хотим породниться с тобой, поэтому и пришли к тебе.

Фазика слышала из своей комнаты все, что говорил гость, и от удивления даже выронила веретено.

— Что ж, Шохай, мы не против. Если вы хотите породниться с нами. Мы совсем не против,— растерянно бормотал Жамбот.

— Богом клянусь, весь аул знает, что Фазика девушка хорошая.

— Не спорю, возможно, и так. — Жамбот все пытался скрыть недоумение.

— И Соллоу ты знаешь, Жамбот. Видный человек в селе. Если будет на то твоя воля, Жамбот, хотим мы их соединить в одном шалаше, то есть, как ты понимаешь,— поженить. Вот мы и пришли к тебе. Делай с нами, что хочешь. Шея моя для тебя, что нитка. Можешь одним взмахом руки порвать ее...

У Фазики дрожали ноги... Руки онемели. А она-то удивлялась встречам с Соллоу у реки... Вот о чем помышлял этот истаскавшийся Соллоу, что прожил на свете в три раза больше Фазики.

— Не пойму я, друг, про какого там Соллоу ты изволишь говорить... — Жамбот посмотрел на Шохая, не скрывая замешательства.

— Да про нашего Соллоу, гармониста!..

Жамбот ухмыльнулся было в усы, но вдруг брови его сомкнулись, лицо побагровело.

— Вы для меня уважаемые люди,— сказал он, сдерживая гнев. — Но я что-то вас не понял,— в голосе Жамбота зазвенел металл,— вы действительно думали, что я соглашусь на этот брак? Или просто шутите?

— Жамбот, я сказал, в дом твой мы вошли с самыми серьезными намерениями.

— Нет, Шохай, вы пришли, чтобы посмеяться.

— Как ты можешь так говорить, Жамбот! Побойся аллаха!

— Нет, это вам бояться аллаха следует! Что это вы задумали? Слишком уж дешево вы цените дочь мою. Или думаете, этот щенок Элбек запачкал мою дочь, и теперь все можно? Как вы смели помышлять об этом браке?.. Как вы набрались храбрости — сватать дочь мою за слюнявого Соллоу?..

— Погоди, Жамбот, не гневи аллаха!

— Я думаю, моя дочь ни в чем не уступает твоей, Шохай. Не играйте моей честью. Достаточно и того, что другие ею наигрались досыта...

— Кто знал, что ты встретишь нас в штыки?! Знали б, и шагу к твоему дому не ступили... Ну, что делать, коль так, аллах простит.

Сваты, видно, были не на шутку расстроены, выскочили в дверь, даже забыли попрощаться. А хозяин не удостоил их чести — не вышел проводить.

Долго Жамбот не мог успокоиться, все ходил из угла в угол. Тихонько вошла Фазика с лицом печальным, как туманный день в горах. Отец и дочь не решались даже посмотреть друг на друга.

Ислам приподнялся на локте:

— Гнать надо было их! Собаку на них натравить...

— Ты что же, не спал, выходит? — удивился отец.

— Нет... Да разве можно было заснуть?

Жамбот наконец лег. Ночь не принесла ему покоя. Судьба дочери всегда его волновала. Ну а появление сватов, разговор о Фазике костью до утра стояли поперек горла. Знал Жамбот, что девушка любит Дадаша. Но где он теперь? Не подает вестей. И появляться в Большом ущелье нельзя жигиту. Как тут быть?.. Чем помочь?.. Посватался бы хоть подходящий человек, но не Соллоу, этот кривоногий. Ни за какие блага он не отдаст ему свою единственную дочь — красавицу и умницу. Пусть останется в старых девах. Пусть будет так... Но только не Соллоу!..

14

Этот день промелькнул незаметно. Жамбот с сыновьями заново сложили каменный забор. Работа была нелегкая — перебрали все камни в ограде. Новый забор выстроили выше прежнего. Раньше во дворе часто хозяйничали соседские овцы и козы, а чужие куры вели себя как дома.

Жамбот с удовольствием любовался плодами трудов всей семьи.

— Теперь сюда ни одна тварь не заберется!

Сыновья, хоть и устали, целый день перетаскивая камни, тоже весело улыбались. А Фазика гордилась братьями.

— Посмотрят на нашу ограду люди и решат, что здесь живут богачи! — шутила она.

Высокий забор прибавил солидности скромной сакле.

Солнце как бы повисло над высокой скалой, куда оно вскоре должно было нырнуть.

— На сегодня хватит! — сказал Жамбот. — Завтра посмотрим, что еще надо сделать по хозяйству! Идите умывайтесь! Устали вы за день-то... — внезапно замолк на полуслове.

Ко двору Жамбота, оглядываясь по сторонам и держа лошадь под уздцы, подходил горец, явно не из этого аула.

Лицо Ислама словно молния осветила.

— Тазрет! — он мигом очутился около друга. Они обнялись. Фазика, Жюнюс, Адил и Канамат наблюдали издали.

— Слава аллаху,— сказал Жамбот, приближаясь к гостю.

— А-а, это же сын друга отца... — Сердце Фазики заколотилось. Девушку охватила внезапная радость, но она не могла понять — почему.

— Подожди, так это Тазрет, про которого часто нам рассказывал Ислам? — Адил пошел навстречу гостю. Жюнюс и Канамат торопились следом.

Тазрета повели в саклю, усадили на большом топчане, устроились вокруг. Даже робкий Канамат, обычно никогда не подходивший близко к чужим, сел поближе к Тазрету, взял за руку и ни за что не хотел отпускать.

— Ну, как там дома, живы-здоровы? — спросил Жамбот.

— Все у нас благополучно, спасибо,— ответил Тазрет.

— Слава аллаху!

— Просили передать привет всем вам...

— Дай аллах им долгой жизни! А Зарамук здоров?

— Ничего.

— А Куна?

— Не жалуется.

— А Мария, наверное, выросла, не узнаешь...

— Взрослая уже. По дому помогает. Без нее мама теперь как без рук.

— Молодец!

Когда разговор зашел о Марии, Ислам смутился. К лицу прилила кровь, словно сидел у горячего костра. Жамбот и Тазрет заговорили по-кабардински. Принимать участие в беседе другие члены семьи не могли. Но в свою речь Тазрет иногда вставлял балкарские слова, и тогда ребята приходили в восторг.

Фазика готовила еду. Хотя кабардинского и не понимала, но вслушивалась в каждое слово. Старалась не греметь посудой. Она надеялась услышать слово, которое на обоих языках должно звучать одинаково — Дадаш. Ни отец, ни гость ни разу не произнесли этого имени. И радостная тревога Фазики сменилась печалью. Но волновалась Фазика попусту. О Дадаше Жамбот спросил Тазрета еще на улице. Отец понимал, что на душе у дочки неспокойно, да и Исламу не терпится что-нибудь услышать о Дадаше. Но при других — младших сыновьях — он не хотел говорить о пропавшем чабане. Дети есть дети! Мало ли чего?.. Здесь услышат, где-нибудь проболтаются. Надо соблюдать осторожность. Мыртаз твердо уверен, что Дадаша нет в живых — его люди ему не соврут!

Не до сна было Исламу и Тазрету. Они давно не виделись, и хотя встреча их в Кабарде была короткой, они успели подружиться.

— Ты здорово говоришь по-балкарски...— сказал Ислам.

— Дадаш научил. Но, правда, выговариваю слова еще неправильно, поэтому стараюсь молчать. А так, говорить могу свободно и понимаю все.

— Как там Дадаш?

— Он вместе с нами, табунщиками, сейчас. Хороший жигит, хоть куда! Двумя словами о нем не скажешь. Вас он очень любит. Все вас всех вспоминает... Скучает, увидеть хочет. Способный очень. Послушаешь его кабардинскую речь, никогда не скажешь, что на самом деле он балкарец. Быстро выучил наш язык.

— А он научился объезжать лошадей?

— И не спрашивай даже! Он молодец! Какой бы ни попался конь, как схватит Дадаш его за уши — все! Жеребец стоит как вкопанный. А смельчаков, кто мог бы с ним померяться силой — немного находится. И зовем мы его не Дадаш, а Хачим.

— Зачем это? — раскрыл рот Ислам.

— Скрывается ведь он... Вот отец и выбрал ему такое имя.

— И все теперь его так зовут?

— Все...

— Вот это здорово! Хачим!

Друзья уснули лишь на рассвете.

Наутро Ислам показал гостю аул, реку, повел в горы. Забрались на скалу Чокрак. Оттуда все Большое ущелье видно как на ладони.

Вернулись ребята только после полудня.

Жамбот во дворе дубил кожу на деревянном станке.

Фазика улыбалась брату и его другу, словно ясное солнышко в летний день. Тазрет внимательней посмотрел на девушку. «Прав Дадаш,— подумал он,— красавица! То-то она и отняла у парня сон!»

Фазика подала еду, сама пошла помочь отцу.

— Хотелось бы с Фазикой поговорить,— он смущенно посмотрел на Ислама. — Только вдвоем.

К приходу Фазики ребята успели поесть, поблагодарили ее.

Ислам оставил гостя с сестрой.

— Как живешь, Фазика? — спросил Тазрет, не зная, с чего начать.

— Ничего, так себе... — ответила Фазика, потупившись.

— Я приехал, если правду сказать, из-за тебя.

— Из-за меня?

— Да. Передать привет от Дадаша.

— Спасибо.— Фазика не знала, куда смотреть. Жарким пламенем пылали щеки.

— Дадаш не раз хотел приехать сам, чтобы повидать тебя. Но мы его удерживаем чуть ли не силой... Ведь сама ты понимаешь почему.

Фазика кивнула.

— Он не забывает тебя. Как быть вам дальше?.. Это уж скажет твой отец. Он от меня все знает... — Тазрет достал из кармана небольшой сверток и протянул Фазике. — Дадаш послал... бусы с сережками.

— Зачем это? Сам ведь живет нуждаясь, скрывается в чужом краю.

— Э-э, ничего ты не знаешь, Фазика! Он хорошо получает за работу. У него теперь свои две лошади. Одну хочет подарить Исламу.

Фазика молчала...

Через три дня вся семья провожала гостя домой.

— Всем привет от нас передай!

— Спасибо, что навестил нас, устроил нам праздник!

15

И горы, и аул замерли, погруженные в глубокую дремоту.

Аминат снился сон: тьма, хоть глаза выколи! Люди кричали, припадали к земле, рвали на себе волосы, колотили в медные тазы, стреляли из ружей и пистолетов, кричали: Желмауз проглотил солнце! Женщина плакала, не находила никого из близких. Незнакомые, чужие люди!

Глубоко вздохнув, Аминат открыла глаза.

— Какое счастье, что эти ужасы были во сне! Но что это?

Шум не прекращался: пальба, грохот...

В комнату рассвет еще не заглянул. Муж похрапывал рядом. Аминат подняла голову с пуховой подушки и прислушалась. Тихо... Нет, опять какие-то пугающие звуки.

— Кто-то барабанит в дверь!..

Громче, настойчивее...

Аминат приподнялась.

— Э, киши! Кто-то стучит, или мне кажется?.. — Она подтолкнула мужа в бок.

Кужон что-то пробормотал и повернулся на другой бок. Захрапел снова.

— Э, киши! — громче позвала Аминат.

Безмятежный храп был ответом.

— Да проснись ты! Кто-то ломится в двери.

— Какие звери? — встрепенулся Кужон. — Что ты там выдумала?

— Да проснись ты. Слышишь, в двери колотят...

Кужон спустил ноги на пол.

— Кто это может быть так поздно?..— Кужон ворчал, не попадая в рукава. Наспех накинул черкеску и, спотыкаясь, побрел к двери. Наступил на что-то, чуть было не упал, выругался, нашарил дверной крючок. Совсем проснулся.

— Кто там? — крикнул он сердито.

— Я — Каспот!

— Какой еще Каспот?

— Батрак твой. Открывай скорее! Беда!..

Кужон сбросил крючок, ногой распахнул дверь.

В полутьме рассмотрел Каспота. Рядом стоял Хышмыш с ружьем.

— Что за беда такая?

— Баранов угнали...

Кужона словно опустили в кипяток. Он схватил Кас-

пота за шиворот, приподнял, потряс. Испуганный батрак не сопротивлялся. Кужон отшвырнул Каспота, побежал к воротам. Остановился, подскочил к Хышмышу, выхватил у него ружье и выстрелил вверх. Горы отозвались гулким эхом. Из сакли выскочил заспанный Элбек. В дверях появилась Баблина, из-за ее плеча выглядывала Аминат.

— Что случилось? — спрашивали все наперебой.

— Да отвечай, наконец! — потребовала Баблина.

— Что случилось, что случилось, дом твой сгорел! — выкрикнул Кужон, бросив злобный взгляд на Баблину. — Отары у нас угнали! Да, да, угнали. Чего стоите как вкопанные? — обрушился он на батраков. — А ну, седлайте коней!

Кужон вернулся в дом, быстро оделся. Баблина зажгла лучину в большой комнате. А из дальних покоев донесся детский плач — проснулась дочь Аминат. Комнаты наполнились людьми. Все бегали взад-вперед, подавали, что требовали хозяева, и не совсем понимали спросонок, что же все-таки случилось.

Собаки громко лаяли и подвывали.

Кужон взял нож и во дворе ждал, пока оседлают коней Каспот и Хышмыш. Элбек вырядился в черкеску, взял ружье и, картинно подбоченясь, встал рядом с отцом.

— Надо сзывать людей! — Кужон выхватил уздечку из рук Хышмыша. — Я поскачу к Камботу, он-то сумеет собрать всю округу... Отправляйся-ка к Жаубермезу,— приказал он сыну. — Пусть тоже поторопится! А ты, Каспот, молодчиков свистни! Тех, кто на ыгрыше от нечего делать борются — кто победит!

Всадники умчались — каждый в свою сторону. Псы громко лаяли, следуя за Кужоном. По дороге к перевалу в Сванетию Кужон подъезжал во главе десятка всадников. К нему по одному, по два присоединялись они по пути. Совсем рассвело.

Псы иногда перегоняли коней и то умолкали, то поднимали неистовый лай. А порой отставали, жались поближе к лошадям, скуля и подвывая, будто предчувствовали какую-то беду.

Когда отряд перевалил гору, собак что-то особенно встревожило. Вглядевшись, Кужон разглядел неподалеку какую-то темную груду.

— Что это может быть? — удивился он.

— Это моя лошадь. — Каспот придержал коня. — Загнал я ее.

— Что-то не припомню я, чтобы у тебя был табун. —

— Смотри, валяются, словно падаль — приманка для ворон! — хозяин пропавших овец не мог себя больше сдерживать, пинком ноги по очереди будил спутников.

— Мои дорогие друзья,— притворно вежливым тоном заговорил он, когда растолкал всех. — Вы не похожи на людей, жаждущих возмездия! Дрыхнете, как у жены на перине! — внезапно поднял он голос. — А ну, вставайте!

Рассвело. Могучие горы в шапках вечного снега стояли, как на карауле. Они, эти горы, охраняли границы Балкарии.

Когда солнце, широко открыв око, дотянулось длинными ресницами до земли, всадники задержались у Шайтан-оруна — здесь начиналась самая трудная и опасная дорога к Большому перевалу. Узенькие тропинки бежали по краю скал над пропастью. Они извивались, то карабкались вверх, то сбегали вниз, то появлялись, то исчезали на самой круче.

По приказу Кужона спешились. Осторожно ступая, шли цепочкой, вели лошадей на поводу. Неверный шаг грозил и людям и животным падением в бездну. От камушка, попавшего под ноги, зависела жизнь каждого.

Кужон шел впереди, останавливался, зорко вглядывался в даль, знаками требовал тишины — от громкого звука сверху мог скатиться кусок льда, вызвав все сметающую по пути лавину.

— Я вижу овец! — тихо сказал Каспот.

— Стойте! — приказал Кужон тихо, но его негромкий голос в прозрачном воздухе слышен был всем.

— Что такое? — почти шепотом спросил Камбот.

Маленький отряд замер.

— Я вижу овец! — так же тихо вымолвил Каспот.

— Где, где?

— Вон у самого обрыва большие камни. Смотрите туда! За камнями, видите, видите?

— Вижу,— громко сказал Элбек. — Вон...

— Тише! — оборвал его отец.

Кужон внимательно вглядывался из-под руки.

— Не могу рассмотреть. Много ли их?

— Нет, всего несколько.

— Это те, что отстали,— определил Кужон. — Не будем терять даром время, захватим на обратном пути!

Кужон снова двинулся по тропке, малочисленный отряд — за ним. Внезапно Кужон наткнулся на двух подохших баранов. Сердце хозяина неприятно сжалось.

— Только бы догнать вас, рогатые шайтаны! — прошипел

пел он, заторопился, поскользнулся, упал на колено. Быстро встал и снова заспешил, забыв про осторожность.

— Спокойнее, Кужон! — сдержал его Камбот. — Шагай осмотрительно!

Камбот не желал, чтобы его знатный зять окончил свою жизнь на дне глубокой пропасти. Недалеко от Шайтан-оруна тоже валялись бараны. Кужон прикинул — штук двадцать. Он почернел от злости, словно туча, готовая пролиться дождем, шагал молча, злобно поглядывая по сторонам, не отвечая на тихие вопросы.

Миновали Шайтан-орун. Предстоял крутой подъем по смерзшемуся снегу. Под самыми знойными лучами в середине лета не более чем на месяц здесь обнажалась земля, нежилась под солнцем. Становилось прохладнее, и снова вершина горы натягивала снежную шапку, расставаясь с ней ненадолго только в самые жаркие дни. Сейчас, осенью, снег скрипел под ногами... На нем — отчетливые следы ног, конских подков, отпечатки маленьких овечьих копыт.

Кужону не терпелось. Он торопился сам, подгонял своих спутников. Можно было вновь сесть на лошадей, хотя подъем не становился более пологим.

К середине дня отряд верховых оказался у Большого перевала.

— У кого кони не идут, айда дальше пешком! — скомандовал Кужон, оставаясь на лошади. — До вершины перевала всего несколько сот шагов! — подбадривал он приунывших соратников. — Поднажмите!..

В этот момент жеребец под ним поскользнулся, понукаемый седоком, шагнул еще раз-два и упал на передние колени. Да так и остался стоять, будучи не в силах подняться. Поняв, что конь дальше двигаться не может, Кужон медленно слез и, с трудом удерживаясь на скользкой тропке, пошел вперед к вершине. Каспот не отставал от него. Они первые взобрались на вершину.

— Ну, перевалили! — сказал Кужон. — А как спускаться будем? Ты ничего впереди не видишь? — обратился он к хранившему молчание Каспоту.

Кужон задохнулся и замолк, переводя дыхание.

— Они где-то здесь! Мы догоним их...

Все собрались вокруг Кужона на самой вершине перевала. Сюда же согнали лошадей...

— Ружья у всех заряжены? — спросил он.

Получив утвердительный ответ, Кужон снова выстроил отряд цепочкой.

Ноги скользили, но спускаться — много легче, чем пре-

долевать подъем. И довольно скоро они подошли к протоптанной дороге, которая сворачивала направо вдоль подножия горы. Кужон знал, что она приведет к аулу сванов Соха.

Кужон скомандовал остановиться, осмотрел лошадей.

— Ты пойдешь вместе с пешими,— сказал он сыну.

Кужон сел верхом. Жеребец Элбека, потный, как будто его только что выкупали, был в полной силе. Готовый мчаться вперед, он от нетерпения грыз удила.

Построились: пешие — за всадниками. Идти пришлось недолго — они увидели похитителей: испуганно оглядываясь, те погоняли украденных баранов. Глаза Кужона налились кровью. Он поднял кинжал над головой.

— Все за мной!

Жеребец, поднимая снежную пыль и взмахивая гривой, мчался впереди всех.

Заметив преследователей, воры бросили овец на произвол судьбы и пустились наутек.

— А ну стрелять! — подал команду Кужон.

Выстрелы эхом отдались в горах. Но воры скрылись, будто провалившись сквозь землю. Овцы блеяли, сбившись в огромный клубок.

— Нет, им не уйти! — кричал Кужон, подгоняя коня что было силы.

Вдруг жеребец под Кужоном оступился, сбросил седока и, перевернувшись через голову, грохнулся оземь. Кужон скатился по снегу, как стог сена, уносимый порывом ветра. От боли он никак не мог прийти в себя, не произносил ни слова, только громко и жалобно стонал. Его вынесли на дорогу, растерли виски снегом. Кужон понемногу очнулся. К нему вернулся дар речи.

— Пересчитайте овец, быстро,— пробормотал он.

— Успеем,— успокоил его Камбот. — Как ты себя чувствуешь? Что болит?

— Нога... Что-то с ногой...

— Покажи с которой?

Кужону говорить было трудно, он рукой показал на правую ногу.

— Растяжение, наверное. Где болит? — допытывался Камбот.

— Ниже колена...

Камбот нагнулся, чтобы ослабить ремешки на ноговице, но Кужон дернулся, заохал и не дал дотронуться до ушибленной ноги.

— Прошу, оставь меня! — сказал он. Глаза его закати-

Кужон в свою очередь придержал коня, смерил Каспота презрительным взглядом. — Мало, что целую отару подарил ворам, еще и лошадь мою загнал. Не так ли?..

— Не твоя это лошадь, почтенный, а Камбота.

— Почему моя? — Камбот удивленно поднял крутые брови.

— Табун ваш пасется рядом с нами. Лошадей у нас нет. Что нам было делать? Пешком не скоро попал бы в аул.

— Что верно, то верно. — Кужон стегнул коня плетью. Тот взвился и понесся вперед.

К полудню всадники достигли Прохладной долины. Там паслись лошади Кужона. Всадники поменяли взмыленных коней и, не задерживаясь, двинулись дальше.

— Ты хоть расскажи, как все произошло,— нахмуря брови, спросил Кужон, подскакав к Каспоту.

— Вечером мы загнали баранов, только-только зашли в кош, чтобы перекусить... Подъехал всадник. «Умираю от жажды»,— сказал он и попросил попить. Мы помогли ему сойти с коня, угостили айраном. Расспросил нас о житье-бытье, посидел малость, сел на коня и ускакал. Прошло совсем немного времени, всадник вернулся. А с ним еще двадцать верховых. Я и Хызыр сразу поняли, что это — не простые гости. Заподозрили подвох. Схватились за ножи. Но не могли мы вдвоем справиться с двадцатью. Связали они нас... Руки и ноги и сейчас болят... Угнали овец.

— А кто же вас освободил?

— Жамбот. Его кош не так далеко. Говорит, ветер донес лай собак. Прибежал. Разрезал веревки. Хызыр не может встать. Он ранил одного... И Хызыру так надавали, что он навряд ли скоро придет в себя. Хотели зарезать его, но что-то поговорили между собой, раздумали...

Доскакали до коша Хызыра. Жамбот еще не ушел. Он не мог бросить беспомощного Хызыра, пока не подоспеет кто-нибудь на смену...

Кужон решил не задерживаться — продолжать погоню.

— За два дня воры не могли далеко угнать баранов. Не будем терять времени и тогда, скорее всего, настигнем у Большого перевала.

Кужона поддержали.

— Правильно.

— Медлить нельзя!

— Поскакали дальше сейчас же! — нетерпеливо крикнул Камбот.

— Послушайте меня,— вмешался Жамбот. — Лучше отдохните.

— Это еще почему? — Кужон с трудом повернул к чабану, сидевшему у входа, толстую шею и сердито свел брови.

— Если сейчас двинетесь дальше, лошади падут. Не дотянуть им до перевала. Останетесь ни с чем на дороге. А на дворе уже ночь. Безлунная, темнее не бывает. И с пути можно сбиться — попасть невесть куда. И почему вам скакать к Большому перевалу? Кто знает, куда воры погнали овец?

Камбот внимательно слушал Жамбота.

— По-моему, другой удобной дороги нет. Только там переправить можно отару...

— Все может быть,— опять заговорил Жамбот. — Но воры-то лучше знают эти хребты. Не знали бы — не взялись уводить овец.

— Хорошо, допустим, ты прав,— довольно спокойно сказал Кужон.— Что же мы должны сейчас делать? — Он свысока, но пытливо поглядел на Жамбота.

— Отдохнуть до утра, пусть лошадям тоже будет передышка. С рассветом двинетесь. Днем легче отыскать следы всадников. Могут и овцы оказаться, отставшие от отары.

Кужон молчал. Трудно было не согласиться с Жамботом.

— Если мы их не настигнем у перевала,— однако продолжал упорствовать хозяин,— я не смогу себе простить... Неужто враги мои не будут отомщены?

— Стоит ли идти на кровопролитие? — осторожно спросил Камбот. — Их скорее всего больше чем нас...

— Пока не отомщу за такой ночной набег, не успокоюсь! Умру, но должен отомстить! Пусть аллах нам поможет.

Решено было переночевать у коша Каспота. Расседлали коней, стреножили, пустили пастись. Сами наспех перекусили, легли передохнуть до рассвета.

Кужон не мог заснуть. Злоба душила его. Шутка ли, угнали целую отару! Он из-за потери одного барана лишался покоя, срывал зло на чабанах. Теперь как отомстить мерзавцам? Сперва надо их догнать. Угнали около тысячи голов... Как можно остаться равнодушным?

Чуть забрезжило. Кужон отбросил бурку, вскочил, со злобой посмотрел на своих спокойно спавших спутников. Разгневался еще больше.

лись, и белки под веками холодно поблескивали. На морщинах, прочеркивающих лоб, выступили капельки пота. — Где жеребец, что с ним? — прохрипел он.

— Сломал шею,— ответил Камбот, выпрямляясь.

— А, чтоб ему и там не было покоя! — проскрипел Кужон.

Каспот опасливо посматривал вверх. Небо затянули тучи.

Каспот отозвал Камбота, поведал о своей тревоге.

Камбот только руками развел.

— Разве сам не видишь, что с хозяином?! Как повелит, так и поступим.— Он подошел поближе к Кужону.

— Поймали сванов? — Кужон приподнял голову.

Все молчали.

— Что в рот воды набрали? — набравшись сил, выкрикнул Кужон. — Не двинусь с места, пока мне не покажут голову одного из этих подлецов.

— Охолонись, Кужон! — Камбот вытирал пот со лба Кужона. — Их теперь не догнать. Убежали...

— Отправить погоню!

— Говорю, теперь их не поймать. Всего у нас десять лошадей осталось. И тех вымотал этот проклятый путь. Не стоит дальше задерживаться, надо возвращаться бы... Похоже на то, что буран надвигается...

Кужон горестно заохал:

— Быть по-твоему. А овец пересчитали?

— Пересчитали, пересчитали. Около тысячи голов.

— Сколько же их передохло за время перегона? — Кужон явно возвращался к жизни.

— Я их считал по пути,— сказал Каспот. — Не меньше шестидесяти.

— Ну что ж, ты и Хабар расплатитесь за потерю,— Кужон мгновенно пришел в себя. — Будете батрачить бесплатно! Еще, может, я и денег с вас попрошу...

Каспот сник, но протеста высказать не решился. На минуту увидел перед собой своих оборванных детей. Теперь их ждет еще и голод.

16

В сарае, где кухня,— хлопоты с утра. В очаге пылает огонь. Сухие дрова громко трещат, пламя гудит, веселится. Дым исчезает невидимкой. В котле над очагом клокочет шурпа. Брызги из котла попадают в огонь — вспыхивают, шипят, мгновенно сгорают.

Три женщины-служанки в доме Кужона, засучив рукава, хлопочут в кухне. Одна из них насыпала кукурузной муки в широкое деревянное корыто, заварила кипятком, сноровисто разделила тесто на ровные комочки. На доске раскатала каждый в плоскую лепешку. Другая ловко подхватывала лепешки, раскладывала в золе.

Третья не спускает глаз с котла, где варится мясо. Когда шурпа кипит особенно бурно и готова через край выплеснуться в огонь, женщина, набрав в ковш холодной воды, подливает в котел. Бурное кипение приостанавливается. Время от времени служанка длинной деревянной ложкой снимает пену...

Рядом с очагом, не отрывая глаз от пламени, на камне сидит еще одна женщина. Она крепко прижимает к груди ребенка, будто кто-то хочет его отнять. Порой она тихонько покачивает дочку, не отводя глаз от огня. Жар очага подрумянил ей щеки, отражаясь в больших ясных глазах. Это вторая жена Кужона — красавица Аминат.

Лепешки были готовы, служанки прибирали кухню, расставляли утварь по местам. В дверях появилась еще одна служанка, неслышно подошла к младшей жене Кужона, тихонько сказала:

— Тебя хозяин зовет.

Аминат отдала ей дочку, быстро встала. Длинное — до пола шелковое платье подчеркивало врожденную стройность женщины, ее высокий рост. Ни на кого не глядя, чуть-чуть приподняв подол, она проплыла к двери.

В большой комнате, кроме мужа, Аминат застала Баблину и Элбека. По недовольным лицам собеседников она поняла, что без нее обсуждали что-то важное, но не пришли к согласию, и теперь сердиты друг на друга. Кужон, после того как угоняли его отару, улыбался редко, а сейчас был бледен от бешенства. Аминат иногда удавалось развеселить мужа, но не так уж часто. Чаще — брови Кужона оставались сердито сомкнутыми на переносице. Аминат, знавшая, как страшен бывает ее муж в гневе, насторожилась, но и бровью не повела. Как и полагалось, она, подойдя, почтительно поклонилась.

Кужон внимательно посмотрел на жену.

— Говорят, ты хорошо знаешь дочку Хажомара...

— Хажомара? — удивленно повторила Аминат.

— Ну, что в Гыжгыте живет...

— Ах, идет речь про Ариубат?

— Да-да... конечно,— раздраженно подтвердил Кужон.

— Я ее знаю! Еще бы...

— И что же?..

— Ну... как сказать... — пожала плечами Аминат.

— Чего ты там мямлишь? Ведь спрашиваю тебя, что она за человек? Неужели нельзя ответить...

— Девушка хорошая...

— Ну вот, что я говорил? Ведь слышите сами, говорит: хорошая девушка,— он посмотрел на жену свысока. — Говорю вам — со мной не спорьте!

Кужон окинул торжествующим взглядом по очереди Баблину и Элбека.

— Пусть она будет хоть золотая,— возмущенно проговорила Баблина. — Но для моего сына — она нехороша. На что нам в семью старая дева? Разве другой не найдем? — голос ее прерывался, губы задрожали как в ознобе.

— Нет, катын, будет так, как я пожелаю. Клянусь аллахом. В том ауле нет человека богаче Хажомара. Значит, он достоин нашей семьи. А дочь его — ко двору мне. Вы должны это понять, куриные головы!

У Элбека отвисла нижняя губа, горло перехватила судорога. Чем круче брал отец, тем ему жарче становилось— будто сидел у огня.

— Что скажут люди? — вновь подала голос Баблина.— Ведь всю семью на посмешище выставляешь...

— На посмешище, говоришь?! — взревел Кужон. — Это я-то, который печется день и ночь о вашем благе. Ты, катын, знаешь, помалкивай! А я завтра же зашлю сватов к Хажомару.

— Нет, прежде чем увидят мои глаза позор сына моего, меня поглотят воды Черена! — Баблина разрыдалась.

Кужон окончательно вышел из себя:

— Вон отсюда! — Он указал на дверь обеим женщинам. Элбек поднялся, чтобы выйти за ними, но Кужон жестом остановил сына.

— Ты подожди,— сказал он почти ласково. — У них ума нет. Понятия о жизни — на волосок, не больше! Я же думаю, сын, о твоем будущем. Это ты должен понять! Разве можно назвать человеком нищего? Ну, привезем мы тебе писаную красавицу, а если у нее нет за душой ничего, кроме красоты, какой толк? Ты думаешь, почему я хочу породниться с Хажомаром? Он ровня нам, понимаешь, ровня! Ведь это счастье для нас! Кто знает, сколько мне осталось жить? Одному аллаху известно. Но я хочу увидеть, пока не закрылись глаза мои, что ты крепко стоишь на ногах, сын!

Элбек не сказал отцу ни да, ни нет. Стоя выслушал

его длинную речь, и только, когда тот умолк, позволил себе выйти.

Если бы не жадность Кужона, Элбек давно был бы женат. О Зухре — дочери Каната из аула Гюрен — говорило все Большое ущелье. Расхваливали ее наперебой. Богачи, у кого подрастали сыновья, надеялись назвать Зухру своей снохой.

«Э-э, обскачу я всех,— сказал тогда про себя Кужон,— эта девушка подходит к моему дому»,— и заслал сватов в Гюрен.

Элбек был очень доволен — о красоте девушки он тоже слышал. Не видел ее ни разу, но огонь любви в его груди пылал ярким пламенем. Сватовство не состоялось: Канат запросил калыма ни много ни мало — тысячу овец. Требование взбесило жадного Кужона.

«Ну, это — не расход для тебя, Кужон,— говорили друзья. — Неужели пожалеешь тысячу баранов для счастья единственного сына?» Но Кужон уперся и стоял на своем: «А глупому старику подождать придется, пока я ему пошлю тысячу овец!»

Сваты Кужона побывали еще в двух семьях. Но каждый раз калым казался Кужону огромным.

А Кужону о дочке Хажомара намекнул Камбот.

— Не могу понять, аллах тому свидетель,— закатывал глаза тесть,— почему люди обходят дом Хажомара! По мне, дочь у него хоть куда. Рукодельница известная. Видится мне, Кужон, Хажомар ее и без калыма отдаст твоему сыну.

«Аллахом клянусь, если это так, мне другого счастья и не нужно»,— рассудил Кужон. Он в душе порадовался, но внешне оставался совершенно невозмутимым.

— Но почему все-таки обходят дом Хажомара? — поинтересовался он. — Может, чего-то в ней не хватает? Ну, скажем...

— Все на месте,— перебил тесть. — Уверяю тебя, Кужон.

— Тогда в чем же дело?

— Нос великоват. Только и всего...

— И как велик?

— Да не маленький, вот и все...

— Ну, я думаю, что это не такой уж порок... А как остальное?..

— Остальное все в меру. А они нам — дальние родственники, можно сказать. В семье Хажомара воспитывали твою Аминат...

Кужон решил, как бы там ни было, женить сына на дочери Хажомара. И не хотел откладывать дело в долгий ящик. Но старшая жена что-то уж очень противится. «Жизнь прожила, а ума так и не нажила».

Да не все ли равно, что думает Баблина. Он не станет потакать ее желаниям. Ведь она — женщина, и только.

Кужон быстро снарядил сватов в аул Гыжгыт и наказал, чтобы они помаленьку выспросили, что думает по этому поводу отец невесты.

17

Элбек проводил время у дружка своего Сулеймана. По обычаю гор, он должен появляться в своем доме только по ночам, да и то, чтобы никто из родственников его не заметил. Вот и сидит он теперь в доме эфенди — наедине с тяжелыми мыслями. Глаз никуда не кажет, печалится целый день, словно горец, у которого осел скатился в пропасть. Не пьет, не ест. Сулейман ходит вокруг друга, пытается успокоить.

— Зря ты слушаешь сплетни! — уговаривает Сулейман. — Ты ведь еще не знаешь, может, она красивая. Что ты голову себе зря морочишь?!

Вечер скрыл ущелье темной накидкой... Элбеку не сидится на месте. Сулейман понимает друга. Близок час встречи с Ариубат. Сегодня свершится то, чего он не хотел. Он назовется мужем богатой, но на его несчастье, непривлекательной девушки. Элбек не слушал утешения Сулеймана — был уверен, что невеста его нехороша собой.

— И не подумаю даже подойти к ней! — то и дело вспыхивал Элбек. — На что она мне нужна?

Он взволнованно бегал по комнате взад и вперед... останавливался у окна, как будто что-то хотел рассмотреть во тьме.

— Да что ты безумствуешь, друг мой? Тебя все подымут на смех...

Разговор прервала вернувшаяся в дом Кудас.

— Видела, видела я невесту, видела... — Она многозначительно заиграла глазами. — Клянусь аллахом, ничего, очень даже ничего! Щечки у нее цвета спелого яблока... Так и горят, так и горят... Стан, я вам скажу, просто... ну! — Кудас не находила слов. — Глаза так и светятся. Тебе незачем будет зажигать огонь! — Она похлопала Элбека по плечу.

Пока Кудас красноречиво обрисовывала внешность

Ариубат, муж ее Сосран в доме Кужона готовился к торжественному обряду. Свадьба — дело не шуточное, тут надо торопиться, а то, кто знает, может, еще и раздумают. Под мышкой эфенди сжимал Коран в сафьяновом переплете. Тихо ступая, он последовал за Кужоном в большую комнату.

Кужон осмотрелся, потирая руки.

— Холодновато здесь что-то, не так ли, эфенди?

— Неважно, потерпим. — Эфенди воззрился на огромный ковер, прикрывавший стену целиком.

«Старый осел облюбовал лучший ковер в доме. Не думает ли он, что я оплачу им его несложные труды?» — ухмыльнулся хозяин дома.

— Клянусь, Сосран, и тебе пора подумать о судьбе сына,— пытался он отвлечь восхищенного эфенди от созерцания. — Самое время!

Эфенди не слышал — его глазки впились в стену. Кужон прошелся, встал перед Сосраном и загородил ковер.

Эфенди задумчиво поглядел на Кужона.

— Видел я этот ковер где-то и никак не могу припомнить — где. — Остренькая бороденка метелкой поднялась к Кужону.

— Клянусь тебе, эфенди, ты нигде не мог его видеть, кроме моего дома.

— Клянусь аллахом, видел я его раньше!

— Он привезен издалека.

— Да, да, из Мекки. Висел он в доме, где я жил... Я ездил в Мекку учиться исламу. Да, да, у того араба...

— Ошибаешься, Сосран,— вскипел Кужон. — Этот ковер из Ирана.

— Зачем обманываешь, жюйюсхан! Орнамент этот я никогда с другим не спутаю. Так и стоит он перед глазами. Хотел было упросить хозяина продать мне ковер, но не посмел, постеснялся. Если не веришь, могу поклясться вот этой священной книгой,— он скосил глаза на Коран, который продолжал держать под мышкой.

— Не гневи аллаха, эфенди. Не лги перед священной книгой, Сосран! — Густые брови Кужона сошлись на переносице: «Понятно, хитрая лиса, к чему клонишь. Решил все-таки добиться своего. Да только не видать тебе такого подарка!»

Эфенди только открыл рот, чтобы продолжить интересный ему разговор, как дверь распахнулась. В комнату вошли двое. Камбот и Махай — близкий родственник Кужона — невысокий, худощавый, средних лет.

— Мы готовы! — объявил Махай и на правах своего в доме, не дожидаясь приглашения, прошел в глубь комнаты. Кужон распорядился, чтобы Махай был на свадьбе свидетелем со стороны Элбека. Тесть Кужона — Камбот — изъявил желание представлять сторону невесты — как-никак он ей родственник!

Сосран вынул Коран из-под руки, прочел, при благоговейном молчании присутствующих несколько страниц. Подозвал к себе свидетелей.

— А, бисмилляхий,— произнес он первое слово молитвы,— о, аллах, дай счастье людям, пожелавшим объединиться,— эфенди взял пришедших Махая и Камбота за указательные пальцы и сжал в своем кулачке. — По воле аллаха, вы стали свидетелями единения двух мусульманских душ...

Махай и Камбот кивали головами в знак согласия, повинуясь жестам представителя всевышнего на земле.

Эфенди Сосран начал новую молитву, довольно долго бормотал ее, повернулся к Камботу:

— Камбот, скажите, как перед аллахом, желаете ли отдать дочь Хыршыева Хажомара Ариубат за сына Шабатова Кужона Элбека.

— О, это мое горячее желание...

— А ты, Махай, хочешь ли видеть дочь Хыршыева Хажомара Ариубат за сыном Шабатова Кужона Элбеком?

— О, не вижу счастья выше...

Сосран трижды повторил вопросы, Камбот и Махай каждый раз отвечали согласием. Эфенди закатил глаза и снова начал читать молитву.

— Да пошлет им аллах долгую, счастливую жизнь, амин!

Дело шло к ночи. Шумная свадьба поутихла, словно в бурно кипящий котел плеснули студеной воды. Тишина, не постучавшись, вошла в дом. Гостей поубавилось — многие разбрелись по домам. Те, кто задержался, прощаются. Слуги убирают комнаты, где только что шел пир горой. Угли недавно ярко пылавших костров во дворе покрываются пеплом, так смежает веки усталый, вдоволь повеселившийся гуляка. Под дуновением ветерка угли вспыхивают и снова гаснут, будто спящий на миг приоткрывает глаза, чтобы теперь заснуть до утра.

У окрестных собак сегодня один из самых счастливых дней года. Им досталось вдоволь отбросов — хрящей, вкусных косточек. Они не разбегались, сидели у ворот, огры-

заясь и почесываясь. Псы поглядывали на выходящих со двора гостей и будто спрашивали:

— Стоит нам еще подождать или убираться восвояси, не надеясь на ваше подаяние?

Аминат, дождавшись, пока все разошлись, заглянула к невесте. Радость преобразила печальное лицо Ариубат — она заулыбалась, в глазах зажглись огоньки.

Аминат и Ариубат выросли вместе, были как родные. В играх Ариубат была ловчее других. И в «бешташ» [1] всех побеждала, но особенно не радовалась. Бывало, кто-нибудь из подружек что-то не поделят, поссорятся, поспорят — и уж обязательно одна из девочек скажет другой, не обращая внимания на то, что Ариубат стоит тут же:

— Что ты так задаешься? А ну, обыграй Ариубат Нос Лопатой в «бешташ». Выиграешь у нее, значит, ты в самом деле молодец!

В детстве Ариубат не обращала внимание на это прилипшее к ней прозвище, но повзрослев, огорчалась. Лет с одиннадцати она избегала встреч со сверстницами, избегала выходить на улицу. Надеялась, подрастет — забудут о приклеившейся к ней кличке. Но время шло, она стала взрослой девушкой, а все еще подружки называли Ариубат — Нос Лопатой. А когда младшая сестра, опередив ее, выскочила замуж, она посчитала себя «разбитой тарелкой» — как говорят обычно в горах.

Аминат знала обо всех переживаниях подруги, но сейчас она будто позабыла о той прежней Ариубат и вела себя так, словно перед ней — красавица.

— Как ты тут, моя дорогая? — Аминат обняла и поцеловала ее.

Ариубат цвела от счастья.

— Занеси сюда все, что нужно! — приказала Аминат дигизе [1].

Дигиза кивнула и вышла за дверь.

— Аминат, дорогая, послушай, как стучит мое сердце,— шептала Ариубат. — Боязно мне... Не знаю сама, что со мною...

— Совсем нечего бояться, дорогая. Успокойся. Все обойдется. Не одна ты волнуешься, каждая из нас должна пройти через это! И я прошла...

— Нет, не сравнивай меня с собою. Вот увидишь, он в первую же секунду отвернется от меня.

---

[1] Бешташ — кремушки.

[1] Дигиза — девушка, приставленная к невесте для услуг.

— Не говори глупостей! Теперь вы обвенчаны. Он тебе муж, ты его жена.

Хотела было что-то Ариубат еще добавить, но тут дигиза внесла круглый медный таз и кувшин.

— Ну, теперь я тебя покидаю! Спокойной ночи, будь умницей,— Аминат, как всегда бесшумно, выплыла из комнаты.

Дигиза внесла ведро воды, поставила у двери.

— Ариубат, вот здесь мыло, а здесь висит полотенце!

Девушка принялась стелить постель для новобрачных. Ариубат отвернулась.

В дверь постучали, и Ариубат, словно заяц, преследуемый лисой, бросилась за ширму. В комнату вошел Сулейман, за ним Элбек. Дигиза им поклонилась, щеки ее зарумянились. Ариубат стояла ни жива ни мертва, прижала руки к груди, чтобы унять бешено колотившееся сердце. Боялась даже, что в комнате слышно — как оно бьется.

Дигиза наконец управилась с постелью, подошла к Ариубат и что-то зашептала на ухо невесте.

— Слушай, дигиза, нам интересно, что ты там нашептываешь? — смеясь спросил Сулейман. — Смотри, не настраивай ее против нас.

Сулейман раскатисто рассмеялся. Девушке шутка парня тоже пришлась по душе. Дигиза оставила Ариубат и подошла поближе к Сулейману.

— Все в порядке? — спросил он.

— Все, все...

— Если так, прошу тебя следовать за мной... Мне одному будет скучно,— показал он на дверь. — Спокойной ночи!

Скрип закрывшейся двери заставил Ариубат вздрогнуть. Она, сдерживая дыхание, прижалась к холодной каменной стене и боялась пошевелиться. Что-то должно сейчас произойти, но что именно, Ариубат не знала. Счастье принесет ей это мгновение или страдания на всю жизнь?.. Тишина комнаты сдавила ей грудь... Ни звука. Словно совсем пусто вокруг, и она одна во всем мире, всеми покинутая. И что бы ни случилось, некому подать ей руку помощи. Ветер за окном тоже сложил крылья где-то в ущелье, а река Черен словно смолкла от любопытства.

«Нет-нет, река бежит как всегда, ярко светят звезды, и ветер шумит, как обычно, только ей не слышно».

Но вот шорох, шаги совсем рядом!

— Аллах! — девушка вздрогнула, забилась в угол, но стены сомкнуты, дальше нет пути. Некуда уйти, негде

спрятаться. Разве мало того, что сама страдала всю жизнь от своего недостатка? Зачем навязывать боль другому? Увидев ее без шали, уйдет он или останется — она не знает. И стыдно, так стыдно почему-то! Тут ей почудилось: стены раздвинулись, придавили ее, сейчас раздавят...

Занавес откинут движением крепкой руки, на нее глянули два черных глаза из-под темных ресниц.

Ариубат спрятала лицо в ладонях. Будь что будет!

«Закрылась руками. Думает, скроет надолго свой длинный нос!» — издевался в мыслях над нежеланной невестой Элбек. Но и на душе у самого было муторно.

Элбек стоял в нерешительности перед Ариубат. Вдруг заметил слезинку, скатившуюся по щеке, осторожно положил девушке руку на плечо. Почувствовал, что она дрожит, как лист под осенним ветром. У него дрогнуло сердце — от жалости к ней и к себе. Осторожно обхватил ее тоненький стан руками. Почувствовал смутное волнение... И уже не раздумывая, крепко прижал к себе испуганную, дрожащую Ариубат.

18

Темно, как под буркой. На небе ни звезд, ни луны. И чудится Жамботу, что нет нигде света, землю сжимает черная, черная ночь. Жамбот палкой нащупывает дорогу. Впереди цокает копытцами ишак. Жамбот с трудом отыскивает его глазами в полной тьме. Ишак, покачиваясь, идет впереди, и Жамботу порой удается разглядеть смутное пятно. Порой животное ускоряет ход.

Жамбот сердится:

— Куда ты торопишься, скотина, чтоб стать тебе жертвой волков!

Четвероногий словно понимает, что от него требуют, останавливается и вновь трогается с места, только когда его догонит хозяин.

Но у самого аула осел, ничего не желая слушать, помчался во весь опор. Долгий переход позади, скоро дом.

Жамбот совсем потерял в ночном мраке длинноухого, но за судьбу его был спокоен: никуда эта тварь не денется, просто спешит, чтобы поскорее избавиться от надоевшей ноши.

— Беги, беги, чтоб тебя волки съели! — ворчал Жамбот. — Правду говорят, «бедняк всегда без спутника»! Катись... Чтоб тебя дьявол увел...

Хотя до дома недалеко, но все равно неприятно, что

длинноухий бросил хозяина. Спокойнее идти, когда впереди слышишь четкие, уверенные шажки. Жамбот-то знает: осел никогда не собьется с пути, самый верный проводник.

Жамбот долго плутал, все не мог найти дороги. Очутился у родника, сел отдохнуть.

Набрал в горсть, выпил ключевой воды — сил сразу прибавилось... Теперь он знал, как добраться до дому. Немного посветлело, у своей сакли он увидел осла. Он спокойно стоял, уткнувшись носом в забор.

— Ну, дьявольское отродье, торопился, меня бросил, думал — с почестями тебя встретят! — Жамбот похлопал ишака по крупу. — Все понимает, дураком притворяется...

Жамбот пустил осла во двор и первым делом снял с неверного попутчика ношу. Проделавший столь длинный путь, он, освободившись от груза, отряхнулся — в темноте захлопали уши...

Жамбот определил — время к утру.

За всю долгую зиму Жамбот ни разу не побывал дома. И вот теперь очутившись наконец во дворе, он не спешил войти в саклю, надо было осмотреть все вокруг.

Как дети без него жили, в чем нуждались, чего им не хватало, как провели зиму?

Потемнело опять, хоть глаз выколи. Жамбот знал все на ощупь и долго ходил по двору своего дома — истосковался за долгое время, пока не был. Корова в хлеву на подстилке из соломы мерно жевала жвачку. Жамбот потрепал ее по шее. Корова, как бы узнав хозяина, коснулась теплыми губами его руки.

Заскрипев, распахнулись двери — Ислам и Канамат, обгоняя один другого, свернули за угол дома. Первым из-за угла показался Ислам, за ним — пулей — Канамат. Ислам в полутьме увидел осла.

— Посмотри, чей это будет? — удивился он. — Как очутился у нас во дворе?

— Это наш длинноухий, сынок!

— Ой, душе моей пропасть, здесь — отец! — заплясал Канамат...

* * *

Утро занималось пасмурным, в комнате — темно. Небом завладели тучи, закапал дождь.

Первая проснулась Фазика. Она всегда поднимается чуть свет. Дел у нее невпроворот. Как рано ни вставай, со всем не управишься. Иногда и ночи не приходится

спать — за пряжей, за штопкой. Трудно быть в семье, где четыре мужика растут, и за мать, и за отца, готовить еду, латать штаны, убирать, шить! Никогда не сидит без дела Фазика, словно веретено в умелых руках горянки, вертится, крутится... Братья подросли, помогают, но не все им можно поручить, все равно основная тяжесть на ее плечах. Не засадишь за женскую работу даже маленького Канамата. «А вдруг кто-нибудь из соседей увидит? — спрашивает он сестру. — Я — не девчонка!»

Мал еще, а думает о мужской чести! И тут ничего не скажешь. Работа в горах делится на мужскую и женскую с незапамятных времен, и завещано это еще пращурами.

Фазика вышла из сакли за дровами. Дождь не переставал. Вчера Ислам наколол дров, сложил у забора. Фазика все перещупала — не нашла ни одного сухого полена. Покачала головой — убрать-то надо было вовремя. Пришлось из хлева принести кизяка — там он был сложен штабелями. Корова проводила Фазику задумчивым взглядом — пришло время доить!

Канамат не спал, вертелся юлой, не желал вставать.

Фазика погрозила брату пальцем:

— Тише ты, озорник! Отца разбудишь! Он устал. Путь был — ох! — каким нелегким.

Кизяк был сухим, но огонь никак не разгорался. Фазике пришлось повозиться, а время шло. По сакле плавал удушливый сизый дым. Фазика схватила ведро и побежала к хлеву — доить заждавшуюся корову.

В Канамата словно шайтан вселился, он скакал, дрыгал ногами и руками, кувыркался. В конце концов разбудил отца и братьев.

— Ах ты, разбойник, и что тебе не спится? — проворчал Жамбот и погладил по голове младшего сына.

Ислам, полуодетый, присел у гудящего очага. Теперь он быстрее всех умел разжигать очаг. И когда жигит дома, никто кроме него и не берется за это сложное дело. Сейчас у старшей сестры ничего не вышло, а он взялся, и вскоре веселые языки пламени лизали дно черного котла.

Ислам всю зиму торопил время. Не мог дождаться прихода весны. Как только повеяло теплом и растаял снег, он — нет-нет да поглядывал на тропинку, по которой должен был спуститься с гор отец. Извилистая дорожка сбегала с холма за аулом. Как только увидит на ней кого-нибудь Ислам, мчится со всех ног навстречу — а вдруг это отец! Нет, опять обознался.

Ислама можно понять: и отца хотелось встретить, и не

терпелось съездить к друзьям в аул Урух-кабак — повидать Дадаша, Тазрета, а еще и Марию.

Этот день для семьи Жамбота был праздником! Отец никуда не отлучался. Хлопотал по двору, подправил покосившиеся стены хлева, вместе с сыновьями дубил кожу. А какой закатила Фазика пир! Отец привез с гор баранью тушу. За всю зиму ни разу ребятам не приходилось есть так вкусно. А сегодня они полакомились всласть: и шурпа, и вареное мясо, и хатлама! [1]

Вечером пришел в гости Хасау. Встретили его приветливо, веселыми криками. Жамбот и Хасау расспрашивали друг друга о делах, поговорили о жизни. Не хотелось им расставаться! Но когда Хасау все же поднялся, Жамбот вышел его проводить. Дождь давно прошел... Небо сияло звездами. Хасау огляделся — поблизости никого не было.

— Так толком мы ничего и не знаем про Дадаша, Жамбот,— на всякий случай шепотом сказал Хасау.

— В Кабарду хочу поехать, там все разузнаю...

— Когда думаешь отправляться?

— Как только дороги немного подсохнут.

— Ну что ж, дольше ждали. Предупреди, когда тронешься в путь.

19

Апрель дохнул неожиданной жарой. Южные склоны сразу зазеленели. А северные, будто еще не очнувшись от зимней спячки, покоились под прошлогодней бурой травой.

Исламу сегодня не спится. Он лежит под овчиной, укрывшись с головой. Время от времени, торопя рассвет, высовывается и поглядывает в проем, что заменяет окно. Виден краешек темного неба. Звезды сверкают как угольки.

— Нет! До утра еще далеко,— вздыхает он тихо и опять с головой укрывается толстой овчиной. Больно длинной показалась ему эта ночь. Каждый раз он дает себе слово: «Не высуну голову до рассвета!» Но как было стерпеть! Опять сбрасывал овчину, опять глядел в проем и видел то же темное небо, усыпанное угольками звезд.

«А если соснуть немного, а там...» — Ислам крепко закрывает глаза, стараясь задремать. Но глаза опять сами собой открывались. Он сердится на себя и снова смежает

---

[1] Хатлама — колобок из кукурузного теста, сваренный в бульоне.

веки. Временами предстают перед ним отец, братишки. А порой он видит как наяву саклю Зарамука, только откуда-то издали. Он ищет Марию во дворе... «Сейчас, вот сейчас...» — Но видение моментально исчезает...

— Жалко! — шепчет он. Досада огнем полыхает в груди. Он откинул полу лохматого тулупа.

— Ислам, ты не спишь?

— Нет, отец!

— Пора вставать, петухи поют...

Ислам торопливо одевается и тут, что-то уронив ненароком, будит братьев: Жюнюса и Адила. А за ними и Фазика поднялась.

— Не торопись, оденься тепло,— сказал Жамбот, даже в темноте разглядев, что Ислам волчком вертится.

Фазика принялась готовить еду — подогрела вчерашнюю шурпу.

Ислам от еды отказался, быстро седлает ишака. Два хурджуна с вечера еще битком набиты. Он их перекинул через седло.

Как только забрезжил рассвет, Ислам и Жамбот были готовы.

— Бисмилляхий,— промолвил Жамбот первое слово из молитвы,— дай аллах нам доброго пути.

Они — длинноухий впереди, Жамбот и Ислам следом — вышли со двора.

Исламу казалось: ноги его, не касаясь земли, сами мчались вперед. Как долго ждал он этого дня!

— Ислам, не гони так быстро скотину! — крикнула вслед Фазика. — Разве не знаешь — он перенес тяжелую зиму и с трудом тянет ноги. Не торопи его, он быстро устанет.

Ислам прикинул в уме — сколько предстоит пройти, и волей-неволей умерил шаг.

Два года назад, когда Жамбот впервые взял с собою в Урух-кабак старшего сына, Ислам был пятнадцатилетним сухощавым, бледным подростком. На щеках его еле-еле пробивался пушок. За это время он быстро вытянулся вверх, как ива у воды,— почти догнал отца. И сейчас выше многих своих сверстников. Тонкие ноги, руки стали жилистыми, сильными. Он раздался в плечах. Детское лицо вдруг изменилось — проступили резкие, мужественные черты.

И за эти два года из слегка легкомысленного подростка он превратился в степенного, рассудительного мужчину.

Два года — невеликий срок, но тянулись они бесконечно — так казалось Исламу. Сам он жил в горах, но сердцем был привязан к долине. Как это случилось? Кто знает... Он видел ее так мало. Но волосы Марии, слегка розовые щеки, ровные, белые зубы, напоминающие жемчужное ожерелье, запомнил жигит навсегда. Часто-часто милый образ вставал перед его глазами. Но все это Ислам хранит в сердце. Он скрывает свою тайну ото всех. Даже с Фазикой не поделился тем, что считает встречу с Марией счастьем. Хотелось ему поговорить с Тазретом, но так и не решился. «Поймет ли он меня? Нет, пусть лучше про любовь мою никто не знает... Должен же настать день, когда я снова увижу Марию».

Этот день должен настать завтра. А за сегодня — как бы ни торопились они — до Уруха-кабак им никак не добраться. Ночь придется провести в пути.

Ислам смотрит на высокие скалы по обе стороны ущелья. Время от времени над их вершинами кружатся горные орлы. Наблюдать за ними интересно, и Ислам всматривается в синеву неба, где плавно парят, расправив крылья, величавые птицы. «Вот бы и мне такие крылья, я в один только миг очутился бы там...» — говорил себе Ислам. Нетерпение подгоняет его, когда цель так близко — ждать трудно! По пути им встречаются соседи. Жамбот не проходит мимо, останавливается, расспрашивает о житье-бытье, желает доброй дороги домой, только после этого они снова пускаются в путь. Нет причины, чтобы остановиться, и упорно шагает отец, но как только увидит кого-нибудь из Акташа, с удовольствием переводит дух.

Эти остановки не нравятся Исламу, в душе он сердится на отца, считает, что они время теряют попусту.

Солнце начало вторую половину своего дневного пути, а путники вышли из Большого ущелья.

— Здесь в Агачлы-кабак мы передохнем малость! — Жамбот свернул в сторону с дороги.

Ислам остановил ишака, который шел понурившись, едва не касаясь носом земли.

— Сними хурджуны с него, пусть тоже передохнет несчастный,— сказал отец.

Ислам стащил с осла хурджуны, сшитые из старых ковров.

Жамбот устало присел на темный, гладкий камень. «Силы уже не те, покидают дряхлеющее тело»,— с горе-

чью отметил Жамбот, устроился поудобнее и вытянул занемевшие ноги.

Кругом шелестел густой лес. Чинары, казалось, упираются в небо. Доносился стук топора. Жители из аулов Большого ущелья чаще всего рубят лес для хозяйства именно здесь.

Исламу нравились высокие деревья, таинственный полумрак.

— Ислам, если не в этом, то на следующий год мы должны подумать о бревнах,— сказал Жамбот. — Кровля на сакле еле держится. Заново надо перекрывать.— Он любовался сыном, а Ислам улыбался каким-то своим мыслям.

— Дело это не хитрое, отец! — откликнулся Ислам. — Мы с Жюнюсом уже наловчились. Да вот только беда — нет у нас волов.

— Попросим у кого-нибудь... Не впервые...

Вскоре они снова двинулись в путь. Солнце спряталось за лесом, и вечер хозяином, шаг за шагом, вступал в свои права.

Слегка похолодало. Усталость Жамбота отступила, но ноги ныли. Надо было бы еще отдохнуть, но путь предстоял еще немалый. Ведь и половины еще не было пройдено.

В Нижнее село путники добрались в темноте. Жамбот с Исламом переночевали у дальних родственников, и рассвет застал путников в дороге. У реки Жамбот попросил сына остановиться, снял чепкен [1] и совершил утренний намаз. Пошли дальше.

Солнце повисло в небе, нещадно палило. У Жамбота пересохло в горле, звенело в ушах. Но он не хотел показывать слабость и усталость. А Ислам стремился вперед, не замечал, что отцу нелегко, хотелось скорее повидать друзей...

У Кустарниковой долины Жамбот остановился было, чтобы передохнуть, но оба услышали за собой скрежет колес. Оглянулись. Возница легко соскочил с арбы, в которую были впряжены два вола.

— Куда держите путь, добрые люди? — осведомился он по-кабардински.

— В Урух-кабак.

— И я туда же! Садитесь, подвезу.

— Дай бог тебе долгой жизни,— поблагодарил Жам-

---

[1] Чепкен — черкеска.

бот, занимая место в арбе. Ислам, погоняя своего длинноухого, шагал сзади.

— Думаю, что ничего неудобного нет, коли спрошу вас, откуда идете? — спросил кабардинец, искоса взглянув на Жамбота.

— Балкарцы мы.

— А как хорошо говоришь по-кабардински! А что, к нам по какому делу?

— В Урухе друг мой живет. Зарамук.

— Знаю Зарамука, очень даже хорошо знаю. Значит, в гости к нему?

— Да.

— Чей же этот жигит с тобой?

— Сын мой... Или непохож?..

— Очень похож, очень...

Медленно шагают волы. Видимо, и их изнуряют жгучие лучи весеннего солнца — они замедляют шаг.

— «Гъуэш!» — покрикивает кабардинец, подгоняет волов кнутом — и тогда, размеренно покачивая головами, они прибавляют шагу, но ненадолго. Жамбот и возница перебрасывались словами, и только кабардинец увлечется беседой, волы, будто чувствуют — арба, поскрипывая, замирает на месте. Хозяин замечает нерадивость животных и возносит над ними длинный кнут.

— Как зовут-то тебя? — спросил Жамбот.

— Камбулатом.

— Твои волы?

— Да, мои.

— Тогда ты, выходит, богач.

Камбулат ухмыльнулся.

— Был бы богачом, не ездил бы к зятю, чтобы одолжить у него зерна — он глубоко вздохнул. — Девять душ нас в доме. Кроме этих волов, шайтану на рога нечего нацепить. Старшая из дочерей в Урухе замужем. Внуками пока не радуют — живут вдвоем и, если окажется немного лишнего зерна, не забывают нас. Трудная жизнь. Никогда не бывали сыты, голые-босые ходим. Бедность, словно веревка вокруг шеи, все туже стягивается. Вот наша участь, ничего хорошего не видим на этом свете...

Жамбот слушал кабардинца, опустив голову. Почти то же самое он мог поведать и о себе. Так похожи судьбы всех бедняков. И при каждой новой подробности, о которой горько вспоминал хозяин волов, все отчетливее виделась Жамботу его собственная жизнь. Два года тому назад и он, как и этот кабардинец, ездил из Балкарии в Кабарду,

чтобы попросить немного зерна. Голодали дети. А разве не завидует Жамбот сытной жизни богачей, когда видит: нужда и пальцем не коснется семьи Кужона, дом его полон еды и всякого добра. Разве мало терзается Жамбот, когда видит нужду своих детей. Они постоянно недоедали, мерзли, им нечего было надеть. Слушал Жамбот рассказ кабардинца, и жаль ему беднягу так же, как и себя, и кажется ему, что они давно знакомы. Если б мог Жамбот ему чем-нибудь помочь, он ничего бы не пожалел. Но чем может помочь бедняк такому же бедняку, как он сам?!

— Все обращаемся к аллаху, а он правду спрятал от людей,— размеренно говорит Камбулат. — Не пойму я его. Сколько помню себя, ни одного дня уразы не пропустил, ни единым намазом не пренебрег, вот и думай, что к чему! И жена — верующая. Надеется все на аллаха. Дети подрастают, с нами наравне почитают его, с именем аллаха засыпают. А что толку?

Жамбот поднял голову, долго всматривался в собеседника. Печальное лицо Камбулата выражало покорность, но в глазах что-то поблескивало.

— Не гневи аллаха, не гневи, друг мой. Покорись! — Жамбот не знал, чем утешить нового знакомца.

— Что поделаешь? — пожал Камбулат плечами. — С горя болтаю. Чего только на ум не приходит?!

Оба смолкли. Исламу казалось, отец и возница дремали. Арба покачивалась, подпрыгивала на рытвинах и ухабах. И два человека одинаковой судьбы подавались то вправо, то влево, послушные движениям повозки.

У быков от жары вывалились языки, и они часто и прерывисто дышали. Слюна нитями падала на желтую пыль дороги, впитывалась, высыхала на солнце.

Чем ближе подъезжали к Уруху, тем неспокойнее становилось на сердце Ислама: оно вздрагивало, как необузданная лошадь, готово было выскочить наружу. Жигит совсем забыл об усталости.

Когда арба въехала в аул, солнце было готово покинуть небо и уйти на покой. Оно окрашивало последними яркими лучами белоснежные вершины Балкарии.

Жамбот соскочил с арбы.

— Спасибо тебе, Камбулат. Пусть аллах сжалится над тобой, пошлет тебе счастливой жизни. — Кабардинец улыбнулся — он был рад знакомству. И оба думали об одном: у бедняков — кабардинцы они или балкарцы — судьбы одинаковые.

В этот весенний вечер никого не было видно на улицах

аула. Все работали на полях. В такое время земледельцы выходят на поля с зарей и возвращаются в дома поздним вечером. А в погожие дни те, у кого земли находятся далеко от аула, и на ночь не возвращаются домой. На краю поля плетут шалаши и живут в них.

У дома Зарамука Ислам почувствовал, что густо краснеет. Лоб его покрылся испариной.

— Вот опять все сбылось! — обрадовалась гостям Куна. — Нос у меня целый день чесался. Знала — ждать дорогих гостей. — Лицо женщины сияло. — Только посмотрите на Ислама!.. Как ты вырос, жигит, как возмужал! Подойди ко мне, чтоб жертвою твоей мне стать... Ну и ну!..

От Куны веяло теплом и уютом, и Исламу, когда жена Зарамука его обняла, стало так же радостно, как когда-то давным-давно в детстве. Мальчика обнимет мать — и все горести куда-то уйдут, на сердце полегчает, жизнь кажется прекрасной.

— А где старик твой? — спросил Жамбот после долгих приветствий.

— Недолго осталось ждать, скоро придет. Земля наша — в верхней долине, поехал вспахать. Удачно вы приехали. Лучше времени нельзя было выбрать. Хачим тоже дома.

— Что ты говоришь?

— Только вчера спустился с зимних пастбищ.

— Ну, а где же он?

— Вместе с ним. Заходите в дом. С минуты на минуту жду.

— А Тазрет?

— Он с табуном.

Жамбот вслед за Куной вошел в саклю. Ислам же, снимая грузы с осла, остался во дворе. Его глаза все вокруг обшарили, но Марии нигде не было видно.

«Обо всех справился отец, о ней же ни слова... — сердито подумал он. — Была бы дома, показалась бы, наверное, уехала или ушла...» — Ислам поглядел на ворота.

Нигде не видать Марии!

— Ислам! Да буду жертвой твоей! Что это ты стоишь во дворе? — Куна выглянула в окно. — Мы тебя в доме ждем. Мария приболела.

— Чем она болеет? — быстро спросил Ислам.

Куна не расслышала, но заметила растерянность Ислама.

В комнате, Ислам отметил, все было по-старому.

Отец сидел на топчане. По лицу было видно — очень устал и рад покою.

«А где Мария?» — спрашивал Ислам глазами.

Куне показался странным вопросительный взгляд Ислама, но она промолчала. Подошла к двери в другую комнату, приоткрыла ее.

— Дочь, а вот и Ислам.

В распахнутую дверь Ислам увидел кровать, на ней лежала Мария, прикрытая одеялом до подбородка. Он отметил, что лицо девушки, нездоровое, желтоватое, внезапно оживилось, губы дрогнули в улыбке.

На улице было совершенно темно, но Куна разглядела и мужа и Дадаша. Бросилась к Зарамуку:

— Гости приехали!

Дадаш стоял рядом с длинноухим Жамбота, гладил его по шее.

«Соскучился по родному аулу»,— вдруг эта мысль пронзила Куну.

Ислам, выбежавший из дому, столкнулся лицом к лицу с Зарамуком.

— Эхе, жигит, здравствуй, здравствуй! — Зарамук обнял гостя. — Хачим, Хачим, да что ты медлишь, а ну подойди. Как вырос жигит, а? Может оседлать лихого коня... Э, Хачим, да подожди тискать ты его так! Ведь ты его задушишь! — смеялся он через минуту.

В доме Зарамук сначала поздоровался с Жамботом.

Дадаш, увидев Жамбота, даже растерялся, попятился. Жамбот шагнул к другу, притянул к себе...

После ужина в комнате для гостей Куна стелила постели.

— А ну, сын, ложись спать,— велел отец Исламу, тот весь вечер перешептывался с Дадашем.

Ислам нехотя поднялся. «Отец все еще меня младенцем считает...» Но слово отца — закон. Молодой жигит повиновался — вышел в комнату для гостей, прикрыл за собою дверь. Хотелось хоть одним глазком посмотреть на Марию. Но, видать, счастливый случай больше не подвернется. Долго не мог заснуть Ислам в эту ночь, все ворочался с боку на бок...

20

Ислам проснулся рано. На деревянной кровати крепко спал отец.

Ислам тихо оделся, прошел к двери во двор. Зарамук и Дадаш спали в закутке у выхода, даже не пошевелились. «Видно, сны досматривают. Долго, должно быть, проговорили вчера... До глубокой ночи... Вот и отсыпаются».

Ислам бросил взгляд на дверь, за которой спала Мария. Он поколебался, хотел было вернуться в комнату для гостей, но дверь распахнулась, на пороге появилась Куна.

Ислам и Куна некоторое время смотрели друг на друга.

— Чего так рано встал, душа моя? — спросила Куна тихо.

Ислам, опустив голову, глядел под ноги.

— Да так, я всегда рано встаю, привык...

— Пошли тогда... Печь мне растопить поможешь.

Светало. Тишину аула нарушали только голоса птиц. Ислам долго всматривался в небо, потом огляделся вокруг. Мир в Урухе кажется Исламу удивительно широким. В Акташе — дело другое. Выходишь утром из двери, боишься стукнуться головой о скалу. Вокруг — горы, они загородили собой мир, не позволяя ничего видеть, кроме каменных стен. В Акташе и небо увидишь только клочками. А здесь бескрайний простор земли и неба.

Печь во дворе задымилась. Приготовление завтрака заняло немного времени у Куны: она быстро согрела оставшийся с вечера суп. Смазала большую сковороду маслом, слепила несколько лепешек из кукурузного заквашенного накануне теста.

Открыла дверцу курятника.

«Куд-куды! Куд-куды!» — куры, громоздясь друг на друга, с трудом пролезали в узенькую дверцу. Вслед за ними показался большой красный петух с гордо поднятой головой. Он окинул окрест хозяйским взором, степенно переставляя ноги, подошел к подругам, которые уже что-то нашли поклевать у печки. В углу сплетенного из веток хлева трех-четырехмесячный теленок беспокойно что-то промычал, вытягивая шею. Из другого угла отозвалась его отгороженная перегородкой красавица-мать.

— Сейчас, сейчас, руки не доходят, разве не видите? — проворчала Куна в сторону коровы.

Ей некогда присесть — окончит одно дело, принимается за другое, хлопочет по двору все утро. Ислам пытается помочь, но Куна протестует:

— Нет, нет, что ты! Ты что, работать к нам приехал?!

Во дворе появился Дадаш. Лицо его так и сияло, глаза излучали счастье. Никто бы не поверил, что он только что проснулся. И губы его, и загоревшие, покрытые густой щетиной щеки, уши и нос — все улыбалось, все радовалось.

— Ну как дела? — спросил он у Ислама. Взял его за руку, потряс: — Так рад вас всех видеть. Не могу больше жить вдали. — Лицо его вдруг затуманилось.

— Но нельзя тебе появляться в Акташе! Сразу схватят...

— Знаю, Ислам, знаю. Но до каких пор я должен жить вдали от дома. Кому я помешал? В чем моя вина? — Дадаш крепко сжал кулаки и потряс ими в воздухе.

— Хачим, выпусти теленка,— попросила Куна, садясь доить корову.

Дадаш открыл дверцу хлева, и теленок выскочил на свободу. Вытянув черно-белый хвост, он вбежал в ту половину, где Куна доила его мамашу.

— Видишь, животное и то бежит к матери. А для человека родная земля — тоже мать. Все живое чувствует тягу к своему, близкому...

Из дому вышел Зарамук.

— О аллах, солнце уже встало, какие же мы землепашцы! — раздался его голос с порога. — Хачим, собирайся поскорей. И день, по-моему, сегодня будет ясным. А Жамбот что, не вставал еще?

— Как это я мог не проснуться? — показался у двери Жамбот.

Куна подала еду на стол.

— Клянусь аллахом, тебе, Жамбот, лучше не идти с нами, а отдохнуть сегодня,— сказал Зарамук, хлебая горячий суп.

— Не беспокойся! Не так уж я и устал. Я говорил уже, что добрую половину пути проехал на арбе.

Зарамук не стал настаивать. Он знал: трудно Жамбота отговорить, если он решил что-то.

— Ну, а ты идешь с нами? — спросил Дадаш Ислама.

Ислам нехотя поплелся за ними.

— Ислам, а ты куда же? — крикнула вслед Куна. — Тебе там делать нечего!

— Ничего, пусть пойдет, поучиться, как хлеб сеют,— Зарамук хотел доставить удовольствие сыну друга.

— Нет-нет... Так жарко с самого утра, что потом будет. Я его не отпускаю,— настаивала Куна.

Ислам, как в счастливом сне, вернулся. Ислам и Куна ласково переглянулись.

Куна пошла за водой к роднику. Только она скрылась за ворота, Ислам был уже в комнате Марии. Увидев на пороге Ислама, Мария поправила сползшее одеяло.

— Как ты чувствуешь себя? — спросил Ислам, не решаясь войти.

Мария смущенно улыбнулась. Исламу показалось, что губы девушки дрожали.

— Что это ты ближе не подходишь? Меня боишься?

Ислам сел на стул подле кровати. Ислам не понимал, что с ним. Будто в тумане заблудился. Ему чудилось, что он занял чье-то чужое место. Видел он только глаза Марии, больше ничего. Никак не мог придумать, что сказать, боялся открыть рот.

— Ислам, что с тобой? Ты будто язык проглотил?

Ислам опомнился, хотел подняться, но не посмел. Руки не находили покоя, словно хотели до чего-то дотянуться. Он то укладывал их на коленях, то совал в карманы.

— Как ты чувствуешь себя, Мария? — повторил он, так и не придумав, что сказать.

— Ничего... Хорошо, правда, мне уже лучше.

Ислам смотрел на нее, не отводя глаз. Мария хотела было что-то сказать, но тоже промолчала. Исламу почудилось, будто перед ним — не девушка, а нежный цветок, что весной появляется первым.

Ислам осмелел немного.

— Мария, я приехал сюда... Из-за тебя. Только чтобы повидать тебя.

Ислам замолчал. Мария молчала тоже. В комнате, полной солнечного света, царила тишина: ни вздоха, ни шороха. Ислам не смог отвести от Марии глаз. Она, не отрываясь, глядела на Ислама.

Через день Ислам и Жамбот, распрощавшись с хозяевами, отправились домой. Ислам все оглядывался на гостеприимный дом.

Зарамук и Дадаш, проводив друзей до большака, возвращаться не стали. Они свернули с большака вправо, чтобы продолжать работу в поле. Куна долго возилась во дворе: задала корму скотине, покормила кур.

Войдя в дом, она очень испугалась: дочь ее сидела у окна и даже не заметила вошедшей матери. Чем-то она напоминала Куне больного ягненка, оставленного нерадивой овцой.

— Дочь, что это с тобой? Почему встала с постели? —

Куна заглянула Марии в глаза. Из глаз ее скатывались по щекам крупные, прозрачные слезы.

21

У приземистого полуразвалившегося каменного дома в своем небольшом дворе Хасау обрабатывал кожу. Ему помогал его четырнадцатилетний сын Мажит. Ручка нехитрого деревянного станка, раз в десять толще черенка лопаты, поднималась от легкого прикосновения руки, но, чтобы опустить его, надо было приложить немалые усилия. Лицо мальчика наливалось кровью, и он, нажимая на ручку, пыхтел от натуги. Абидат, устроившись у стены, пряла шерсть.

— Эх, сын, видно, мало мамалыги ты съел. Гляжу, не получается у тебя ничего,— посмеивался отец, а сам ловко подкладывал под деревянный пресс куски вчетверо сложенной кожи. — Давай, давай, сынок, вот сошью тебе из этой кожи чарыки, всю зиму проходишь в них и сегодняшний трудный день вспоминать будешь с улыбкой.

Мажит молчал, напрягая силы, а пот мелкими капельками стекал мальчику за уши.

— Э, киши, хватит тебе мучить сына! Дай ему передохнуть.

— Помолчи, э, катын,— отмахнулся Хасау,— тебя это не касается!

Жена промолчала, но жалость к сыну заставила ее встать. Она положила веретено на камень и сама взялась за ручку талкы.

— Дай-ка, сын, и я попробую.

Мальчик огорчился:

— Нет-нет, мама, я совсем не устал!

— Знаю, вижу, что не устал.

Пришлось Абидат снова приниматься за пряжу.

В ворота вошел Жамбот.

— Доброго дела вам...

— Добро пожаловать, здравствуй! — Хасау долго трясет руку гостю. — Когда вернулся?

— Вчера вечером.

— Не знал я, не утерпел бы, пришел расспросить обо всем. Ну, как там дела?

— Хорошо, Хасау, недурно!

— Хвала аллаху, хвала аллаху. Зайдем в дом.— Хасау повернулся к сыну. — Отдохни и ты.

Жамбот снял с головы лохматую шапку, присел на тор-чан в глубине сакли. Хасау — рядом.

— Что нового в Кабарде? Расскажи подробнее!

— Ничего, все живы-здоровы. Дадаш передал большой привет.

— Дай аллах ему здравствовать долгие годы. Значит, жив-здоров?

— Соскучился по родному аулу, а так... и горя не знает.

— Не мудрено, аллахом клянусь, понимаю. Но что делать? Только появится здесь, сразу пронюхают... Тогда уж сочтутся с ним.

— Он это понимает.

— Бедняга, наверное, очень вам обрадовался?

— Что там говорить...

— А Зарамук с семьей?

— Сейчас Зарамук с головой в работе.

— А что за работа?

— Внаймы взял земли, вот и возится от темна до темна... Обработать нужно.

— Это дело! А сам не собирается в наши края? Давно он не был.

— Здоровье у него неважное. Но если осенью ничто не помешает, то должен приехать...

— Пусть бы приехал. Добрый он человек. Аллахом клянусь, он Дадашу отцом стал. Я этого никогда не забуду.

Абидат внесла два ковша пенистой бузы, падала мужчинам:

— Выпейте, пока обед не поспеет...

— Отведай-ка, Жамбот, изготовление рук этой неумехи,— пошутил муж.

— Не в первый раз, друг мой! Знаю, какая она мастерица этого дела. Ты уж помолчи. — Жамбот взялся двумя руками за ковш и приложился губами к краю. — Вот это да, это буза!

Выпили бузы, Жамбот переменил разговор.

— Хасау, нам с тобой надо посоветоваться. — Он погладил бритую голову, помолчал, словно подбирая слова. — Сам знаешь, нет у меня ни брата, ни сестры. Ты же мне друг самый дорогой. Кому же я скажу свое заветное, коль не тебе.

— Так и есть, Жамбот.

Жамбот вопросительно посмотрел на друга.

— Не нужно между нами лицемерия. Скажу тебе пря-

мо, очень хотелось, чтобы единственная дочь жила рядом. Ведь она все на себе тащит. Но нельзя и скотину держать все время в хлеву. А она — человек.

— Правду говоришь, Жамбот... И ей нужно для себя пожить.

— Теперь не знаю, как быть! Дадаш к осени хочет увезти ее.

— Дело говорит. А что ты думаешь?

— Может, и дело говорит, но... — Жамбот призадумался.— Фазика загрустила чего-то после этой вести.

— Чего так?

— Из-за нас. «Как вы тут будете без меня?» — беспокоится. Из-за братьев волнуется. Кто, говорит, за их одеждой, едой присмотрит? — прямо расстроилась девушка.

— Добрая душа у нее. Каждый раз, как вспомню о ней, мне кажется, что на всей земле нет счастливее тебя человека, Жамбот.

— Счастливый, говоришь? — Жамбот кивнул, набрал в легкие воздуху, разом выдохнул.

Глядя на его полные горя глаза, и Хасау загрустил.

— Была бы на ее месте другая, не стала бы долго раздумывать... Она умница, Фазика... Если даже угроза есть вековухой остаться, не бросит она вас.

— Ну как быть?

— Тебе жениться надо, Жамбот.

— Ты часто говоришь об этом. Но ведь чужая женщина детям моим не матерью будет, мачехой...

— Почему ты думаешь так плохо? Ты ведь знаешь Карабаша. После того как умерла его жена, осталось шесть сирот. А сейчас смотри, аллахом клянусь тебе, они при новой жене его не чувствуют сиротства. И мачехой ее не считают. Сыты, одеты, обуты. Мало счастливее их детей.

— Не все женщины одинаково добры. Откуда узнаешь, кака попадется?

— Надо, чтобы попалась хорошая... Чем плоха, например, Халимат?

— О ком ты говоришь, какая это Халимат?

— За вашей ее сакля... вдова покойного Каната, дай аллах ему место в раю. И Канат был чудесным человеком, и мне родной.

Жамбот замолчал. Видно, сам думал — другого выхода нет. Как бы там ни было, надо жениться. «Из-за дочери, ради ее счастья нужно решиться на это. Не слышал про эту женщину ничего плохого. Может, и будет хорошей матерью сыновьям...»

— Жамбот, если ты согласен,— настаивал Хасау,— дело насчет Халимат я возьму на себя. Ну а если у тебя, может быть, другая на примете, тоже посмотрим.

Жамбот усмехнулся.

— Беспокоит меня,— Хасау оглянулся по сторонам, придержал Жамбота за локоть.— Вот уйдет Фазика к Дадашу, уедет, хочу я сказать. А что будут говорить в ауле? Как ты объяснишь, где твоя дочь?

— Я об этом думал,— Жамбот смахнул пот со лба.— Вернее, подумал Зарамук. Он посоветовал... Если дело так обернется, то нечего нам будет беспокоиться.

Хасау хотел было спросить, но Жамбот остановил его:

— Пока еще рано это обсуждать. Скажу в свое время.

...Жамбот увидел дочь во дворе. Фазика стирала белье в круглом медном тазу. Солнце играло на его боках. У девушки на лбу и щеках блестел пот.

Ислам возился во хлеву.

— Подойдите-ка оба сюда!— позвал их Жамбот уже из дверей сакли. Несмотря на изнуряющую жару на улице, в комнате было прохладно.

«Ох, ох, как хорошо дома»,— подумалось Жамботу. Он бросил шапку в угол, сел на свой топчан.

Сын и дочь остановились у порога, вопросительно глядя на отца.

— Проходите сюда, садитесь. Обсудим с вами, что делать дальше.

22

Миновало лето. Туман спустился на ущелье. С первым месяцем осени зачастили дожди.

Кужон затемно вернулся домой. Несколько дней он не был дома: ездил в горы.

Увидев хозяина, Хышмыш засеменил к нему. Поравнявшись со всадником, взял лошадь за уздцы, помог Кужону сойти. Хышмыш ткнул пальцем себе в живот, показал на небо, покачал головой — «промокли, мол».

— Что делать, куда денешься?— понял батрака Кужон, стащил с головы башлык.— Лошадь устала. Хорошенько выходи... Пока не подсохнет малость, не снимай седла!

Хышмыш покивал головой, что-то пробормотал. Кужон не стал вслушиваться, оглядел двор, поласкал собак, вошел в саклю. Где-то в глубине дома плакал ребенок. «И чего не хватает?»— подумал Кужон с досадой.

Посмотрел на дверь в комнату младшей жены, но не стал входить. По обычаю, надо сперва повидаться со старшей. Очень хотелось посмотреть на продолжавшую плакать дочку, но не стал нарушать традиции гор.

Кужон застал Баблину у сундука. Она вытащила из него свое добро, хранившееся с незапамятных пор, и, мысленно уходя в далекое прошлое, чему-то улыбалась.

Увидя мужа, она смутилась.

— Что, женщина, вспомнила молодость свою?..

Баблина пуще покраснела. Она быстро начала бросать вещи в сундук. Кужон взял из ее рук серебряный с позолотой нагрудник, поднес поближе к свету, долго разглядывал:

— Хорошая работа. Я совсем забыл про него,— он повернулся к Баблине. — Меня давно просил полковник Морханов достать для жены что-нибудь. Старинное украшение. Отдадим ему.

— Клянусь тебе покойной матерью, киши, никому не отдам я его. — Баблина схватилась за нагрудник, но Кужон был сильнее.

— На что тебе теперь эта штука? Старухи, насколько мне известно, не носят этого, а?

— Не для красоты,— забормотала Баблина... — Он нужен мне.

— А для чего же? — перебил ее муж.

— Это все, что есть у меня от тебя... За всю жизнь ты сделал мне этот единственный подарок. Вот этот нагрудник...

— Не болтай попусту! — возмутился Кужон. — Подумаешь, подарок! Важность-то какая. Этот подарок лежит в сундуке. Ты что, не знаешь — ночами я не сплю, все думаю о земле для скота. Пасти овец негде! Морханов обещал мне достать за Тереком земли.

Слово жены — пустое слово, оно и листочка не проколет. Это знала Баблина и не стала спорить с мужем. Молча, внезапно ослабевшими руками побросала в сундук все, что в беспорядке валялось на полу, захлопнула крышку.

— Девочка приболела чего-то,— сказала она, не поднимая головы. — Эфенди осматривал ее.

— Что с ней? — встрепенулся Кужон.

— Может, простудилась, а так не знаю. Кашель душит.

Кужон положил нагрудник на сундук, быстрее чем обычно прошел к младшей жене. Аминат лежала на топ-

чане, прижав к груди больного ребенка. Увидев мужа, вздрогнула, ее как ветром сдуло с постели. Осторожно положив дочку, Аминат в струнку вытянулась перед мужем. Полусонный ребенок открыл глаза, заерзал, тихонько пискнул.

— Спи, родная, спи. — Аминат погладила девочку по потному лобику.

— Что с нею? — Кужон приблизился к кровати, глянул на бледное личико дочери.

Девочка отвернулась, вновь закрыла глаза.

— По-моему, дела идут к лучшему,— Аминат пытливо взглядывалась в лицо мужа, заросшее густой щетиной. Перевела взгляд на одежду. — Да ты промок совсем... А ну, сними все с себя...

Кужон неторопливо снял черную черкеску, повесил на гвоздь рядом с дверью. Не спеша вернулся к топчану, сел. Аминат принесла таз, кувшин, стащила с мужа сапоги.

— Эфенди написал амулет? — спросил он коротко.

— Да,— ответила Аминат, смывая грязь с ног мужа.— Плевался долго, читал молитвы, но пусть аллах не гневается на меня, но кажется мне, что не помог...

— А что же помогло? Ты говоришь — лучше?

— Помог один аллах, а еще Налжан. Знахарка хоть куда, эта Налжан! Напоила чем-то дочку, потерла козьим жиром. Девочке сразу стало лучше.

— Ну а если так, то надо чем-то отплатить этой Налжан...

— Я сказала — выживет дочь, не поскупимся и на корову!

— Корову! — Кужон свел брови. — Больно щедры вы у меня, как посмотрю я. Корову...

— Но ведь одна у нас дочь...

— Ну и что же? Зачем терять рассудок? Корову!

— А ногу тебе тоже Налжан вылечила,— не поднимая на мужа глаз, прошептала Аминат. — Ты забыл?

— Я для нее тогда не пожалел отборного барана. Не могу забыть, какой у него был курдюк, и сейчас перед глазами...

— Разве здоровье не дороже барана? А мне и себя не жаль... Ради здоровья дочери.

— Не жаль, не жаль,— недовольно повторил Кужон.

Прошло несколько дней. Чабаны согнали к Акташу отары овец со всех пастбищ. Казалось, и ступить некуда. Предгорья, расщелины, берег реки — все кишмя кишело. Жители Акташа затыкали уши — блеяньем овец начи-

нался день. Старики и молодые суетились вокруг животных — шла стрижка. Бедняки, которым некого было стричь, пропадали на работе у богачей. Больше всего народа собрал Кужон. У него в найме полсела. Он сам встает с зарей и возвращается домой, когда на небе огоньками мигают звезды. Обходит свои отары и многообещающе приговаривает:

— Эх, не жалейте сил, дорогие. Труд ваш будет хорошо оплачен.

Кужон хорошо знает, если не управиться вовремя, то овцы не успеют обрасти новой шерстью, и когда зима вступит в свои права, скотине не устоять против лютых морозов. Поэтому-то хитрый Кужон не скупится на посулы. А там воля аллаха! Лишь бы стрижка скорее закончилась. А тогда новая спешка — надо будет перегнать овец на зимнее стойбище.

Ислам на днях вернулся из Часла. Все лето он пас там отару вместо отца. А теперь вместе со всеми стрижет овец. Жюнюс, Адил и даже Канамат помогают. Ребята ловят баранов, подгоняют к отцу и старшему брату. Жюнюс и Адил ловки в работе, а от Канамата мало толку. То у него овца вывернется из рук, и он догнать ее не может, а иногда и поймает, а поволочет невесть куда — в сторону. Только старшие братья отвлекутся, Канамат норовит сбежать совсем.

Глядя на Канамата, Жюнюс и Адил за животы хватаются от смеха. А Канамат, шмыгая носом, суетится попрежнему без особого толка.

Канамату, видно, бегать надоело, он решил резвиться по-новому, подкрался к огромному барану, схватил за заднюю ногу. Баран заблеял, бросился поперек отары, волоча за собой мальчика, пробивая дорогу между сгрудившимися животными. Канамат не отпускал его ноги.

— Брось ты его, непутевый! — крикнул отец. — Синяков себе наставишь!

Канамат не сдавался. На помощь поспешили братья, втроем укротили упрямого.

Канамат в грязи, в овечьем помете, с исцарапанным подбородком чувствовал себя молодцом. Вдруг перед ним, как из-под земли, вырос Кужон. Хозяин, видимо, давно наблюдал за семейством Жамбота.

— Молодцы, жигиты, молодцы! — похвалил он ребят. — Гляжу я, и вы будете хорошими пастухами, а? — он повернулся к Жамботу. — Хорошо идут дела с помощниками. Вижу я, скоро закончите?

— Осталось немного,— Жамбот разогнулся. — Аллах даст, завтра управимся.

— Не медлите здесь ни минуты, сами видите, ни травинки кругом,— Кужон испытующе смотрел на Жамбота. — На Чатла пасти нелегко. В этом году придется перезимовать там, ну а на будущий переправлю я тебя с овцами за Терек. Хочу там приобрести землю.

— Мне нет разницы, наш почтеннейший, и в Чатла я пасу овец и за Тереком тоже придется,— сказал Жамбот, словно не понимая заботы Кужона.

— Посмотрите на него! Все знают, где лучше, а он — нет! Рвутся за Терек. Но я и не думаю туда посылать кого придется. Это ты понимаешь?..

— Как не понять, понимаю... Но если есть, кто обязательно хочет за Терек, пусть там и пасет. А я не вижу разницы, где пасти овец...

— Э-э, Жамбот, ты что-то все время недоволен мною. Старое давно пора забыть. Вот, посмотри, один в один четыре парня у тебя растут, как великаны... Когда подрастут, можно будет им доверить работу! Я их не обижу.

— Ты и на них хочешь взвалить ту же ношу, что и на меня, почтеннейший! И моих сынов хочешь в ту же арбу впрячь!

— Что это значит «впрячь»? Каждый получает за работу...

— Так точно, почтеннейший, каждый должен получать за работу. Но ведь у нас по-другому... Одни работают, другие едят их труд.

Кужон с ненавистью взглянул на загорелое лицо батрака: «А в тебе сидит заноза, ишь ты какой!» — и крепко сжал зубы. Но решил сдержаться, не показать злости. Сейчас не то время. Не счеты нужно сводить, а о деле думать. Лучше пусть этот Жамбот скорей покончит со стрижкой и двинет на зимовье! Жамбот не из тех, кто со всем покорно согласен, видно, ненавидит его, Кужона, за что же тогда ему, Кужону, Жамбота держать? Давно бы отказался, да скота-то с каждым годом больше, а где взять опытных чабанов?!

Жамбот усердно работал ножницами, Кужон упорно глядел на батрака.

— Ну если ты сам не очень желаешь отправляться за Терек, пошли туда твоего старшего. Мужчиною он стал, ничего не скажешь! С любым делом справится. Надо еще подыскать ему напарника.

— Дом у нас рушится, все бревна погнили! Пока не

поправим крышу, я Ислама никуда не пошлю. Лесу надо заготовить...

— Дело твое, Жамбот,— холодно сказал Кужон.

— Еду принесли! Сейчас есть будем! — вдруг крикнул Канамат и завертелся волчком.

Обгоняя друг друга, братья бросились к подходившей женщине с белым узелком в руках.

Кужон вгляделся: «Кажется, ее зовут Халимат...»

— Просим к обеду, почтеннейший! — пригласил Жамбот Кужона.

— Спасибо. Недавно перекусил.— Кужон быстро зашагал в сторону, где другая семья из аула стригла овец.

— Не остыли еще. — Халимат подала горячие хичины.

Еще не прошло и двух месяцев, как Жамбот привел к себе в дом Халимат. Но к ней привыкли. Первое время ребята смотрели на нее недружелюбно, но умная женщина сумела проложить путь к сердцам сирот. Первым признал ее Канамат — он больше других нуждался в материнской ласке. Долго молчавшая Халимат однажды обратилась к нему: «Матерью мне суждено стать вам, сынок». Мальчик долго смотрел на Халимат, уткнулся в ее колени и заплакал.

Один Ислам никак не может простить отцу женитьбы. Для него Халимат все еще оставалась чужой. А добрые отношения, сложившиеся между Халимат и братьями, обижали его. Порой тоска по родной матери еще пуще глодала его сердце. Халимат понимала чувство Ислама и очень печалилась за него. Болела душа. Она искала путей к сердцу упрямца, но пока ничего не получалось.

Стрижка овец закончилась. Исламу предстояло вернуться на Чатла. Вместе с ним отправлялся его бывший напарник Чиннайом.

— Долго терпел, сын, потерпи еще немного,— напутствовал его отец. — Как только ляжет снег, я сам поднимусь туда. Ну а теперь, будь здоров!

Ислам последний раз оглянулся на аул и увидел, что старый пес с тоскою смотрит ему во след, словно упрекая его:

— А ты куда же? Разве не останешься с нами?..

23

Ноябрь на исходе. Деревья чернели голыми ветвями. Пожухла и полегла трава на горных склонах. Река отступила от берегов, теперь спокойна до грядущих дождей.

Обычно в эти дни выпадает первый снег. А в этом году он что-то запаздывает. Ночи холодноватые, а днем солнце светит и приятно согревает спину.

«Этот год крысиный... — говорят старцы аула. — Поэтому и снега нет долго»

Осенние месяцы выдались сухими и погожими, в Акташе задолго до обычного времени управились с приготовлениями к зиме: заготовили сена, поправили хлева и сакли, собрали урожай, ссыпали в закрома. Не забыли запастись дровами. А у каждого двора лежали аккуратно сложенные кучи кизяка. Осенью заняты делом только люди, которые ходят за скотом.

На ныгыше, внизу села, с самого утра до вечера мужчины обсуждают события в ауле, делятся новостями. Молодые забавляются, старцы, глядя на них, вспоминают молодые годы.

Женщины на улицах почти не показываются. Работы невпроворот. Чешут шерсть, прядут, вяжут. Халимат сидит за ткацким станком, хочет к весне одарить всех обновами. Приходилось Фазике теперь с Халимат стирать, готовить, убирать...

Дело шло к обеду. Обе женщины с утра, не разгибая спины, чесали шерсть. Пора было заняться приготовлением еды. Халимат занялась очагом, Фазика с кувшином пошла к Черену. Издали на дороге она увидела всадника. Он вел на поводу еще одну лошадь. Девушка испугалась, сама не зная почему, остановилась. Она была не в силах продолжить путь — словно ноги приросли к земле. Всадник приближался. Щеки Фазики постепенно наливались румянцем, как молодое солнце, медленно встающее из-за гор.

— Тазрет! Тазрет! — шептала она растерянно.

Да, это был Тазрет. Поравнявшись с девушкой, он соскочил с коня.

Фазика от волнения чуть не лишилась речи.

— Здравствуй! Здравствуй! — повторяла она, не зная, куда смотреть.

Халимат, вышедшая во двор, увидела рядом с Фазикой незнакомца и замерла. Она не знала, кто это. Предположила, что Тазрет — она много про него слышала, но видеть его ей не приходилось. Она подошла к воротам.

— Дочка, да буду я жертвой твоей, если это желанный гость, зови в дом!

Фазика опомнилась, заулыбалась. Гость прошел в дом.

— Сердце подсказывает, что это — кабардинец, о ко-

тором так много говорите,— шепнула Халимат Фазике. — Друг Ислама...

— Это он...

— Да быть мне жертвою твоей. Наконец повидать удалось! — Халимат обняла гостя.

Тазрет не знал, кто эта ласковая женщина. Но нетрудно было догадаться, что она — свой человек в семье Жамбота.

— Садись, сын мой...

— Спасибо. Что-то ребят не видать...

— Убежали играть. Вернутся скоро,— голос Фазики звучал радостно, как песнь соловья.

Халимат увидела на полу клок непряденной шерсти, быстро нагнулась, чтобы Тазрет не заметил беспорядка.

— А кто эта женщина? — тихо спросил Тазрет.

— Мачеха наша,— ответила Фазика.

— Да? Добрая душа, видать?

— Она как родная мать для братьев.

— Спасибо ей.

Канамат заглянул со двора в окно. Ясно было — чем-то расстроен, слезы готовы были пролиться из глаз. Видно, кто-то ему наподдал. Но как только мальчик увидел Тазрета, позабыл обо всем, вбежал, повис на крепкой шее кабардинца.

— Ты только посмотри, как он вырос! — Тазрет схватил Канамата за плечи, потряс. — Может, схватимся с тобой? Поборешь меня?

Долго горела лучина в доме Жамбота. Соседи видели светящиеся окна, но никто любопытства не проявлял. Известно, когда горца навещает гость, семья не торопится в постель. А что приехал Тазрет, всем в округе стало известно. Ближние соседи навестили Жамбота, расспросили Тазрета о житье-бытье, как и положено. Особенно не задерживались. Кроме Хасау.

Никто не знал, по какому делу прибыл Тазрет. Только трое в ауле — Жамбот, Хасау, Фазика. И Халимат догадывалась.

После ужина Хасау и Жамбот вдвоем пошли в другую половину дома.

— Халимат должна обо всем знать,— настаивал Жамбот.

Но Хасау возражал: «Женщина есть женщина. Мало что бывает! Вдруг поспорите, она все соседям и выложит...»

— Можешь не беспокоиться, Хасау. Я верю ей, как самому себе,— убеждал друга Жамбот.

Друзья позвали Халимат...

— Значит, Дадаш жив! — обрадовалась жена Жамбота.

— Да, Халимат, жив он, только заруби себе на носу: об этом знают немногие: ты, Жамбот, Ислам... И — никому ни слова.

Хасау ушел домой за полночь. Дети Жамбота давно спали. Сам Жамбот и Тазрет долго еще разговаривали.

Халимат и Фазика ложиться спать не торопились.

— Да закрыться моим глазам прежде времени, знай я об этом чуть раньше, сама все приготовила бы,— сокрушалась Халимат, вытаскивая из своего сундука все, чем он был набит. Фазика, сидя поодаль, молчала, смущенно опустив глаза.

Халимат перебирала вещи.

— Эту шаль подарила мне свояченица в свое время,— приговаривала она. — Долго хранилась в сундуке, кажется, даже краски потускнели. Ни разу так и не удалось надеть. — Халимат отложила яркую шаль в сторону. — Ну, что еще здесь может пригодиться тебе? А вот эта шелковая тоже. Думала, пошлет мне аллах дочь, я накину ей на плечи, когда девочка подрастет. Из дому уйдешь в ней...

— Оставь хоть что-то и себе, не беспокойся так за меня,— запротестовала Фазика.

— А что мне с этим делать? — беспечно спросила Халимат.— Разве у меня еще есть дочь на выданье? Была бы твоя мать, покойница, жива, та не так бы беспокоилась. Но что я могу еще сделать?.. — Халимат прослезилась.

Фазика увидела это и не смогла справиться со слезами, которые все рвались наружу. Она вытерла рукой дождем льющиеся слезы и обняла чужую женщину, как родную мать.

На второй же день родственники провожали Фазику и Тазрета. Ко двору Жамбота подошли соседи, чтобы попрощаться с гостем. Они с удивлением смотрели на Фазику, шепотом высказывали предположения.

— Вы только посмотрите, посмотрите на нее, как вырядилась!

— После смерти матери никогда не видела ее такой нарядной!

Они переговаривались у уха Халимат, чтобы мачеха

слышала и могла оценить их слова. Но когда женщины расхрабрились и начали приставать к ней с расспросами, что бы это значило, Халимат вынуждена была сказать:

— Едет в Кабарду. Друг отца зовет в гости!

— Ах, вот что это значит? Ну так бы и сказала,— еще больше удивлялись соседки. Они окружили и без того растроганную и смущенную Фазику.

— Счастливая, увидит Кабарду!

— Доброго пути тебе!

— Передай привет другу отца...

Тазрет, Фазика и все провожающие направились вниз по улице. Фазика вдруг остановилась, оглянулась на свою бедную саклю.

Жамбот глядел на дочь, наклонив голову набок, и в его глазах Фазика прочла столько скорби, что сердце девушки готово было разорваться.

— Бедный мой, до свидания!.. — шептала она, глотая слезы.

Скоро Фазика и Тазрет скрылись за горой. Жамбот вернулся в свой двор. Один из его близких соседей Хажибекир, прихрамывая, подошел к хлеву и увидел ладную лошадь с белой звездочкой на лбу. Он долго разглядывал спокойно жующего сено жеребца.

— Слушай, Жамбот, гость твой прибыл с двумя лошадьми, а увел только одну... Как это понимать? — спросил он, плохо скрывая зависть.

Не умел врать Жамбот и долго не мог придумать ответа. Растерялся. Молчал. Но Хажибекир повторил вопрос.

— Зарамук послал,— наконец сказал Жамбот. И сам застыдившись своей лжи, отвернулся.

— Пусть здравствует, воллаги, аллахом клянусь, это не спроста, Жамбот! Он, видно, что-то хочет от тебя. Ни с того, ни с сего таких подарков не присылают... А мы скоро, кажется мне, будем зависеть от тебя.

— С чего бы это?

— У нас нет лошадей...

— Если тебе нужна будет лошадь, я не заставлю долго просить...

Хажибекир, бормоча что-то под нос, отправился домой восвояси.

Тазрет и все, кто вышел проводить их, задержались у края аула.

— Вам пора возвращаться,— мягко сказал Тазрет, пожимая руку Халимат.

Жюнюс, Адил, Канамат обнимали сестру.

— Постарайся вернуться поскорей,— попросил Канамат. — Мы без тебя будем очень скучать. — Глядя на мальчиков, Фазика совсем погрустнела, глаза ее — уж который раз за день! — заволокли слезы. Сдерживая рыдания, она прижала к себе братьев по очереди. Расстроилась и Халимат, долго не находя слов утешения.

...После отъезда Фазики Жамботу казалось, что дом осиротел. Не было больше веселых семейных вечеров. Братья сидели смирно у очага, не шалили как при сестре, даже Канамат не вертелся, как прежде. Халимат без Фазики тоже жилось скучнее. Вместе они с утра до ночи, рука об руку хлопотали по дому. Теперь вся тяжесть легла на Халимат, весь день некогда было словом перемолвиться. Да и не с кем. Жамбот не долго оставался в ауле.

— Всю зиму я проведу в горах, с отарами,— объявил он жене,— будь внимательна к детям. Но не разбалуй.

— За них будь спокоен.

— Как только доеду до коша, Ислама отправлю домой, тебе в помощь.

Жамбот, ведя на поводу стройного жеребца с белой звездочкой на лбу, вышел за ворота. На пути ему встретился Хажибекир.

— Уезжаешь, Жамбот?

— Да, до свидания.

— Счастливого пути. Ну подожди, пожалуйста, выскажу тебе обиду.

— Что еще за обида такая? — Жамбот придержал коня.

— Выдал дочь за этого кабардинца, а нам и словом не обмолвился? Никогда не ожидал от тебя! Ведь столько лет вместе...

— Что-то ты путаешь, Хажибекир.

— Значит, и в ауле ничего не знают, как по-твоему? Нет, Жамбот. Все понимают. Тут ты ошибся! Надо было рассказать! А конь-то ведь калым за дочь!

— Хажибекир, замолчи! Ну что ты говоришь... Я ничего тебе объяснить не могу.— Безнадежно махнув рукой, Жамбот вскочил на коня и помчался вверх по ущелью.

Солнце скрывалось в своем ночном логове. Чем глубже пряталось, тем темнее становилось в Большом ущелье, а когда дневное светило совсем смежило ресницы, оно погрузилось в глубокую тьму.

— Пока дорога видна, мы должны одолеть Большое ущелье,— сказал Тазрет и ногами чуть коснулся боков

гнедого. Тот прибавил ходу. Жеребец вспотел, но, казалось, не хотелось ему подводить хозяина и мчался во весь опор.

— Дай коню напиться! Грешно! Видишь, как он косит глаз на реку.

— Нет, Фазика. Он разгорячился, а потного коня нельзя поить.

— Почему?

— Может пасть...

— Упаси аллах!

У Тикла путь им преградили два всадника с ружьями за спиной.

— Элбек и Сулейман,— шепнула Фазика, прижавшись к Тазрету.

Всадники гарцевали перед конем Тазрета.

— Эх-е, ведь это Фазика! В добрый путь, девушка...

— Спасибо,— буркнул Тазрет.

— Подожди, а кто ты будешь? — спросил Элбек.

— Я это я,— с вызовом ответил Тазрет.

— Посмотрите на него!.. Разве сыну Кужона так отвечают? Сейчас научу, как надо отвечать! — завопил Сулейман.

— Вы все шутите, а нам еще ехать далеко. — Тазрет повернул коня, хотел проехать стороной.

Элбек схватился за уздечку гнедого.

— Вижу, руки у тебя чешутся? — Тазрет взялся за ножны.

Глаза Элбека блеснули ненавистью.

— Да это же сын того кабардинца, друга Жамбота,— сказал Сулейман Элбеку. — Видно, женился на Фазике.

— Ах, так? Ну а что тут скрывать? — Элбек сердито отбросил уздечку. — Сопляк этакий! Езжай, чего стоишь?! А ну езжай дальше, говорю!

Тазрет хотел было сойти с коня, вытащил ногу из стремени, гнедой подскочил, чуть не свалив седоков на землю. Элбек и Сулейман громко расхохотались. Грубый смех подхватило эхо. Кровь у Тазрета закипела, он опять хотел соскочить с коня, чтобы рассчитаться с нахалами.

— Смолчи, отцом и матерью прошу тебя, оставь их, поехали дальше,— взмолилась Фазика.

Тазрет промчался мимо.

— Эй, плешивый черкес[1], коль еще приедешь, не за-

[1] Черкес — так балкарцы называют кабардинцев.

будь привезти подарков мне, с женой твоею я первый познакомился! — крикнул вдогонку Элбек.

Ни Тазрет, ни Фазика не могли этого слышать — они были далеко.

— Ты хорошо хлестнул жеребца, будто шайтан в него вселился, как он подскочил! — с хохотом выкрикивал Элбек.

— Удивляюсь, как они усидели в седлах.

— Что не говори! Если черкес сидит на коне, его не оторвешь!

Друзья галопом помчались вверх по берегу.

Тазрет и Фазика выехали из ущелья, когда совсем стемнело. Проехали немного по дороге, Тазрет направил коня в лес.

— О, ясное небо мое, что, теперь поедем в потемках через лес? — ужаснулась Фазика.

— Нет, нет, остановимся надолго, передохнем сами и дадим перевести дух коню.

Тазрет соскочил, помог сойти Фазике. Он долго всматривался в чащу, хотя увидеть там ничего не мог. Их окружал мрак. Трижды коротко свистнул.

— Что это значит? — Фазика схватила Тазрета за руку.

— Сейчас увидишь.

Из лесу ответили тремя свистками. Фазика только охнула от страха.

— Не бойся, здесь нас ждут.

Фазика молчала, жадно глотая воздух. Тазрет свистнул снова. Зашелестели кусты. От деревьев отделился человек. Фазика не могла больше сохранять самообладание, она спряталась за спину Тазрета. Ноги ее подкашивались.

— Фазика, а ну глянь сюда, кто это? — Тазрет посторонился.

— Дадаш!..

24

Промелькнуло четыре года. Наступил 1913. Жизнь в Акташе, на первый взгляд, текла по старому руслу. Бедняки, не покладая рук, работали на богачей, богачи считали, что порядок этот установлен веками и навечно.

Сыновья Жамбота росли. Исламу исполнилось двадцать — это уже не мало для горца! Даже Жюнюс считался одним из самых видных жигитов в Акташе.

Адил и Канамат помогали Халимат, львиную долю работы взяли на себя.

Майский день в разгаре.

Халимат пристроилась на солнышке, чешет шерсть. Увлечена работой и не замечает, что концы платка спустились на глаза. Руки в беспрерывном движении похожи на крылья летящего аиста.

Солнце припекало. Халимат встала, чтобы перейти в тень. Бросила взгляд на дорогу, увидела мужа. Жамбот шел не торопясь. Она вышла за ворота, чтобы встретить мужа, и ужаснулась. Щеки его так густо заросли щетиной, кроме глаз и носа ничего нельзя было рассмотреть. Одежда висела лохмотьями, как у нищего, что ходит с сумой по домам. Он много месяцев не был дома.

— О, аллах, и не узнать тебя, здравствуй,— засуетилась Халимат, провожая Жамбота в саклю. — Чтоб закрылись мои очи. Что с тобой? Как ты похудел!

Как только Жамбот очутился в комнате, он почти без сил упал на топчан, вытянул ноги, словно налитые свинцом. Халимат нагнулась и стащила с него чабуры.

— Вот это да, это что там? — встрепенулся Жамбот.— Печь, что ли? — он вглядывался в угол комнаты.

— И не спрашивай... Это такое удобство в доме. Зиму провели мы просто играючи.

— И кто сложил печку-то?

— Сырга.

— Что-то не слыхивал я такого имени. Что он за человек?

— Никто ничего про него не знает. Пришел невесть откуда, живет тут. Добрый человек, видать. По-балкарски говорит. Руки золотые.

— Чем занимается?

— Все он умеет, говорят. Поправил старую кузницу.

— Значит, он кузнец.

— Да так оно и есть. А молотобойцем у него — наш Ислам.

— Что, что?

— Да ведь ты ничего не знаешь! Ислам его первый друг.

— Он что, молод?

— Нет, не сказать, чтоб так уж молод. Средних лет. Ну о нем тебе лучше расскажет Ислам. Сейчас он в кузнице. Дотемна оба работают. С тех пор как Ислам с ним, мы не особенно нуждаемся. Все есть.

— Значит, эту печь он сложил по просьбе Ислама?

— Да. Сложил он такие же печи у Хасау и Хызыра.

— Наверное, кожу содрал за такое чудо у этих бедняков.

— Ничего не взял. Как бы на память — ничего не берет.

— Значит, и вправду добрый человек. Надо поскорее повидать его.

— Увидишь, он часто заходит к нам.

— Семья у него есть?

— Нет, живет один.

— А где живет-то?

— И ест и спит в кузнице.

— А вы-то хороши! Разве во всем селе нельзя найти ему угол?

— Сколько угодно таких углов. Люди звали к себе наперебой, а он не хочет.

— Что за чудеса! А к нам-то звали?

— Ислам много раз приглашал, и я тоже. Никак не хочет.

Жамбот так внимательно слушал жену, что забыл про усталость.

— От Фазики нет вестей? — внезапно спросил он.

— Ой, забыла тебя обрадовать. Только магарыч за тобой! Внука тебе родила. Назвали — Азретом.

— Что ты говоришь, женщина! — Жамбот просиял и не мог усидеть на месте. — Кто сказал-то!

— Недавно Ислам к ним ездил.

Жамбот позабыл про все свои беды. Лицо его, заросшее щетиной, светилось от радости.

— Как они живут? Что рассказал Ислам?

— Говорит, что все у них хорошо. Зарамук с Куной любят Фазику, как родную...

— А Дадаша Ислам видел?

— Нет. Ислам не застал ни Тазрета, ни Дадаша. Они с табуном были далеко от дома.

Один за другим с шумом и гамом в дом ворвались сыновья: Жюнюс, Адил, Канамат. Они мигом окружили отца.

— Почему так долго тебя не было? — упрекнул его Канамат.

— Теперь чаще буду приходить,— Жамбот улыбнулся. — Без меня на что вы годитесь?

— Видал кучу камня во дворе? — спросил Канамат. — Вот мы ее натаскали.

— Молодцы, достроим еще две комнаты,— сказал отец. — Тогда будет всем свободно.

— Они хотят еще три комнаты,— сказала Халимат, продолжая хлопотать вокруг очага.

— Если силы позволят, так и три построим.

— Почему не хватит сил? — удивился Канамат. — Мы еще натаскаем камня.

— Дело не только в камне. Лес нужен, лес. А где взять лес?

Адил и Жюнюс молча переглянулись.

— Хочу поговорить с Кужоном. Мне в этом году не хочется уходить с отарой. Если бы удалось, заготовили бы и лесу.

— Серго обещал нам арбу собрать,— перебил Канамат отца.

— Кто такой Серго?

— Друг нашего Ислама. Кузнец...

— Зовут его Серго?

— Да, Серго.

Жамбот, прищурившись, посмотрел в сторону Халимат, как будто говоря: а как ты, мол, назвала этого кузнеца?

В это время неторопливо вошел Ислам, лицо и руки его были в саже. Отцу он показался огромным, широкоплечим. Сердце Жамбота переполнила радость за сына, на душе светлело. Жизнь до сего времени трепала Жамбота, как мельничную колотушку. А сегодня? Он давно не видел в своем бедном доме такого оживления, как в этот вечер, столько радости. Жамботу казалось, что никогда еще он не был так счастлив. Сияло свежепобритое лицо. Разгладились морщинки, но даже вновь собираясь вокруг глаз, когда Жамбот улыбался, они казались веселой данью времени, а не следами тяжело прожитых лет.

Над аулом плыла ночь — теплая и светлая. Сыновья Жамбота решили ночевать на крыше. Халимат постелила мужу и себе в доме.

— Э, киши, ты что, уснул, что ли? Сказать хотела тебе вот что...

— О чем ты? — Жамбот с трудом разомкнул веки.

— Исламу не терпится жениться...

— Что ты говоришь? — Жамбот приподнялся на локте.

— Аллахом клянусь...

— Я не против. Но как можно? Какое у нас имущество? На пустую ладонь и птица, говорят, не садится. Кто же за нашего сына отдаст дочь без калыма?

— И я об этом говорила...

— Вот как только со мной Кужон расплатится — посмотрим. А пока невозможно. Договор через три года закончится.

— Ислам не станет ждать три года...

— Пожар, что ли? Может, приглянулась ему девушка какая?

— Да, приглянулась.

— Кто же она?

— Мария.

— Какая это еще Мария?

— Дочка твоего кабардинского друга.

Жамбот снова приподнялся. Халимат не могла в темноте увидеть его лицо, но поняла, что новость поразила мужа.

«Вот почему он все время рвался туда»,— подумал Жамбот.

— Торопится он потому, что многие сватают девушку. Вода камень точит — Мария может выйти за другого, более настойчивого. Ислам волнуется... С Фазикой говорил, просил ее помочь, она считает, что не надо тянуть с этим делом. Теперь ждал тебя, не знает, что ты скажешь на это...

— Быть мне гяуром, если знаю, что сказать! С пустыми руками я не могу пойти к Зарамуку, просить, чтобы он породнился со мной. Стыдно...

— Разве он тебя не знает? Не станет же он настаивать на большом калыме. С пустыми руками и мы не пойдем к нему. Брат хотел подарить мне телка. И у нас — один телок. Добавим к этому и корову нашу.

— Как же мы сами будем жить без коровы? На что?

— На то, что аллах пошлет. Нельзя огорчать Ислама.

— Ну, надо подождать, пока построимся. Сама посуди, куда мы введем жену Ислама?

— Не буду спорить. Жить им негде. В этом ты прав.

Жамбот долго размышлял — как быть? — и заснул только под утро.

Как только встало солнце, Жамбот вместе с сыном пошел в кузницу. Серго раздувал мехи, чтобы разжечь огонь. Жамбот увидел сухощавого, высокого человека в рваных сапогах, ветхой одежде. «О нем ли говорили?» — вопросительно глянул он на сына. Ислам кивком головы ответил «да».

«Так ведь он победнее нас»,— подумал Жамбот.

— Салам алейкум.

— Алейкум салам.— Серго опустил ручку мехов, протянул руку Жамботу. — Проходите, будьте гостем.

— Спасибо, мое почтение вам.

— Это мой отец,— сказал Ислам.

— Ах, так? Очень хорошо, очень... — Серго снова крепко пожал руку горцу. — Проходи вот сюда, садись на стул. Я сейчас чайник поставлю.

— Спасибо, Серго, спасибо! Мы только что поели. Я пришел просто так... Говорю «просто так», а на самом деле — познакомиться с вами.

— Правильно поступил. Я тоже хотел видеть тебя.

Жамбот пристально смотрел на Серго.

— Он что, помогает тебе? — он показал на сына.

— О-о, сын твой — хороший помощник,— Серго похлопал Ислама по плечу. — Молот в его руках словно плеть! А ты когда спустился с гор?

— Вчера,— Жамбот оглядел кузницу. — Хорошо, что ты привел кузницу в порядок. В Акташе ее не хватало. Из-за всякого пустяка приходилось бегать в нижний аул.

В углу кузницы кучей навалены лопаты, косы, зубила... Чего только там не было!

— Гляжу, работы хватает,— отметил Жамбот.

— Да, что там говорить, хватает! Мы времени не разбираем, не смотрим — ночь, день! Но всего не переделать. Угля не хватает. На прошлой неделе из Нальчика пригнали двух ишаков с углем, а теперь! Вот, погляди, кончается. Еще надо будет сгонять. Неделя пройдет в пути туда и обратно. Теперь мы хотим привезти сразу на пяти-шести ишаках.

Жамбот подошел к деревянному невысокому топчану в глубине кузницы. На нем лежали две телячьи вытертые шкуры, какая-то ветошь. Вчетверо сложенная бурка, видимо, служила подушкой.

— Серго, неужели во всем ауле для тебя угла не найдется! Что здесь за жизнь? Давай переходи ко мне. Поместимся.

— Нет, Жамбот, спасибо тебе. Ислам тоже звал, но для меня и этот угол хорош. К зиме хочу отгородить закуток, печь сложу.

— Непонятно мне твое упрямство, друг! Никуда не годится такое дело...

— Не привык людей стеснять... И потом... — Серго почему-то не стал продолжать.

Что-то скрывает, так понял Жамбот. Но не стал донимать вопросами.

— А с едой как устраиваешься?

— По этой части нет особых хлопот... Люди приносят мяса, муки, сыру. Готовить я умею. Без айрана не сижу. Привык к нему, без друга могу обойтись, а вот без айрана свет не мил,— пошутил Серго.

— Ты, я вижу, настоящим балкарцем стал...

Хлопнула дверь. Вошел Каспар. В руках — коса без черенка.

— Жамбот! — Каспар радостно бросился к чабану. — Когда явился?

— Вчера... А ты домой надолго?

— А, всего на несколько дней. Год семьи не видел.

— Как там — за Тереком?

— Сытые края. Солнце печет нещадно.

— А когда обратно двинешь?

— Завтра уже...

— Тогда зачем тебе коса?

— Помочь надо дома. Да сынишка-паршивец ручку оторвал да забросил куда-то. Собрался я было в нижний аул, а тут женщина сказала, что у нас у самих теперь кузница есть. Вот и помчался сюда.

— А сына чего не отправил?

— Нет его дома. И не повидаюсь... В Гюрене, к тетке уехал. Ислам, ну а ты как поживаешь? Машалла, не сглазить тебя, тьфу... Отца перерос! Подмога семье. А тут как? Справляешься?

— Стараюсь... — Ислам пошире развернул плечи.

Каспар раньше Серго не видел, не знал, как к нему обратиться, и искоса поглядывал на кузнеца.

Ислам понял, что надо вмешаться:

— Каспар тоже чабан... Как и мой отец. Познакомьтесь.

— Да?.. — Серго приветливо улыбнулся Каспару.

— Я понял, ты торопишься? — спросил Серго, беря из рук Каспара косу.

— Хотел бы помочь дома и уехать.

— Приходи сразу после обеда...

— Спасибо, приду. Только денег у меня нет... Что принести?

— Ничего не возьму.

— Неудобно так-то,— смутился Каспар.

— Не беспокойся. Мы должны уважать друг друга. И помогать. Иначе — чего мы стоим?

Поговорив еще о том о сем, Каспар и Жамбот вместе вышли из кузницы.

— Сказали мне про него утром,— уже на улице проговорил Каспар. — И не верилось мне, что есть такой хороший человек.

Каспар повернул к своей сакле, а Жамбот направился к дому Кужона.

Хышмыш сидел у ворот и правил косу. Погруженный в работу, батрак не услышал шагов Жамбота. Чабан поздоровался. Хышмыш ответил небрежным кивком.

— Дома хозяин? Он мне очень нужен,— сказал Жамбот.

Хышмыш отложил в сторону косу и, окинув посетителя взглядом исподлобья, вошел во двор. Через несколько минут он воротился, что-то пробормотал и снова принялся за прерванную работу.

Жамбот стоял, а когда ноги устали, присел в стороне на камень.

В воротах наконец показался Кужон. Жамбот поднялся, пошел навстречу.

— А-а-а, это ты меня спрашиваешь? — Кужон посмотрел на него сверху вниз. — Давно прибыл?

— Вчера...

— Как овцы?..

— Больных нет, головы целы все.

— Хорошо, хорошо. Заходи в дом.

— Спасибо, почтеннейший, я... я по срочному делу к тебе.

— Ну говори здесь, коль так.

— Хочу дома побыть до конца года.

— С чего бы это?

— Надо кое-что дома сделать.

— Как понять «кое-что»?

— Лесу надо будет заготовить... Хочу пристроить комнаты к дому... Семья велика. Все подросли.

Кужон вытянул шею, словно баран, приготовившийся к прыжку. Жамбот видел, как разозлился его хозяин, не стал продолжать, не осмелился. «Что ты, беда какая, что ли, стряслась?» — подумал Хышмыш и, бросив работу, смотрел со страхом то на одного, то на другого. Но Кужон взял себя в руки и спокойно сказал:

— Хорошо, Жамбот, я пойду тебе навстречу,— и с важным видом скрестил руки на груди.

— Спасибо, почтеннейший!

— Но прежде ты должен мне обещать...

Жамбот с удивлением посмотрел на хозяина. Он не ожидал такого оборота.

— Сам видишь, скоту прибавляется, а чабанов не хватает. Сыновья твои теперь покрепче твоего смогут держать в руках скот.

— Нет, ребят оставь в стороне,— твердо сказал Жамбот. — Я их в чабаны не отдам. Хватит, сам хлебнул не мало горя.

— Ах, так? — Кужон разозлился вновь. — Сколько бы ты ни противился, запряжем и твоих сыновей. Если не согласишься по-хорошему, придется поступать по-плохому. Понял?

Знал Жамбот: спор с Кужоном ни к чему не приведет, поэтому решил не продолжать. Кужон долго выкрикивал какие-то ругательства, но Жамбот молчал, и богач несколько остыл.

Домой вернулся Жамбот разбитым.

Жюнюс, чистивший хлев, выглянул, когда услышал скрип калитки, сразу заметил, что отец очень недоволен. «Видно, разговор с Кужоном закончился плохо»,— но отца ни о чем не спросил.

Жамбот сел во дворе на камень. Долго размышлял, позвал Жюнюса. Но не мог сказать сыну об условиях Кужона.

— Не желает оставлять меня дома этот кровопийца,— начал Жамбот. — Если, говорит, не пойдешь в горы — не получишь и гроша ломаного. И ничего со мной не сделаешь! Не заплачу — и все. Не знаю, что и придумать. — Жамбот вздохнул.

Вспомнились ему все беды, выпавшие на его долю. Мрачные мысли затмили белый свет — будто черная шаль спустилась на глаза. Чего только не пришлось испытать с четырнадцати лет, как потерял отца. И днем и ночью тянул лямку, как вол тяжелую арбу. Начинал-то он батрачить еще когда и отец был жив. Но в одну из суровых зимних ночей отец отправился на поиски отставших овец, отморозил руки и ноги, да так и не поправился. Умер. «Умру за работой, но не пойду с сумою по миру»,— дал он себе после смерти отца зарок. Так и прочабанил до старости. «Выпал ли мне хоть один светлый день?» — прикидывал Жамбот. Нет! Сплетенная из одних только горестей жизнь его не подарила ему ни одной счастливой минуты.

— Отец, ну если так обстоит дело, придется мне податься в кош вместо тебя,— прервал Жюнюс невеселые мысли отца. Он поднял голову и посмотрел на сына с жалостью: «Пойти ты пошел бы, сынок, но не хочется мне, чтобы ты испытал все те тяготы, что и я».

— Ты уже не молод, отец, и здоровья нет прежнего, теперь пора и дома посидеть,— добавил сын.

— Попадешь, сынок, в клеть, не выбраться потом. Хватит и того, что я перевидел.

— Ты за меня не беспокойся.

Через несколько дней после этого разговора Жюнюс, перекинув через плечо хурджун, пошел по тропинке в горы, чтобы заменить отца. А Ислам и Серго, погоняя ишаков, подались в Нальчик за углем.

25

На пастбище Залука батраки-кабардинцы подняли бунт против хозяев. Весть об этом событии, словно бураном занесенная в Большое ущелье, вмиг облетела каждую саклю. Она, эта весть, преодолевая горы, пригорки, поля и реки, стремительно распространилась по всем аулам, как пожар в жаркий день, пожирающий сухое сено. В Акташе только об этом и говорят. По-разному. «Батраки одержали верх»,— торжествовали одни. «Батраки понесли большие потери»,— возражали другие. Ну а те, у кого чесался язык, говорили жамауату, что приходило в голову, и сбивали всех с толку. Жена Сосрана Кудас трещала больше всех.

Богачи не подавали виду, но понятно было и без того — спокойными оставаться они не могли. Чтобы выяснить, что же все-таки произошло, Кужон даже гонцов послал в Нальчик.

Жамбот долго не верил своим ушам. «Видно, врут люди,— думал он. — Ведь самое главное — нет оружия. Как же могли бедняки взять верх над хозяевами?» И раньше случалось — взбешенный очередной несправедливостью бедняк позволял погорячиться, но чтобы выступить против богача, такого еще никто не слыхивал.

Вернулись из Нальчика с углем Серго и Ислам. Они подтвердили, что в Кабарде, действительно, произошли какие-то события — бедняки возмутились, кое-кто даже поднял руку на хозяев. Но подробностей — что же именно произошло — и они не знали. Жамбот поверил, что произошло нечто не совсем обычное.

— Удивляюсь я все-таки, как батраки петли не испугались? — задумчиво сказал Жамбот.

— А если у них больше не было сил терпеть? — спросил Серго. — Если стало невмоготу, тогда как? Что им оставалось?

— Ты верно говоришь, но даже если и наше терпение кончится, как поступать? Богатые сильнее. Все принадлежит им. И царь за них.

— По тому, как ты судишь, дорогой Жамбот, мы должны, зная что богатые сильнее нас, находиться всю жизнь в кабале, так ли?

— Ну, а что, что мы можем сделать?

— Бороться,— отрезал Серго. — Чтобы выйти к свободе и счастью, другого пути нет.

— Интересно ты рассуждаешь! А я знаю, что овцы на волков никогда не нападают.

— Но ведь мы не овцы,— возмутился Серго. — Люди мы.

— Я говорю о том, что в руках у нас нет силы.

— Наша сила — это наше единство.

— Все это не так, друг мой! Кому мы нужны? Кто сможет собрать воедино всех нас, чтобы мы померялись силами с этими...

— Есть такие люди, Жамбот!

— Где?

— В России.

— Кто они?

— Поживем — увидим.

Жамбот постоянно возвращался мыслями к залукинскому бунту. Но не разделял он мнения Серго о том, что смогут бедняки добиться свободы, смогут одолеть богачей...

Поговорили о бунте в Кабарде, поговорили, но так никто правды не узнал, и стали затихать эти толки. Поняли одно: батраки в Кабарде не смогли терпеть нищеты и поднялись против хозяев. Но в схватке не победили. Балкарцы-бедняки сочувствовали. А князья были довольны: «Вот вперед и наука. Разделались со взбешенными голодранцами!» Значит, пусть жизнь идет как прежде. Ничего менять не нужно.

Толки-то затихали, а сомнения в душе Жамбота все укреплялись. Тревожила мысль: «Если восстали чабаны в Залуке, то Дадаш не мог остаться в стороне. Он ведь тоже там». И днем и ночью он ждал вестей от зятя. Хотел опять послать в Кабарду Ислама. Но раздумал: время тревожное.

Жамбот поговорил с Хасау о своих тревогах. Тот ничего определенного посоветовать не смог.

Однажды Жамботу встретилась вездесущая Кудас.

— Ты ли это, Жамбот? Говорят, ты больно заносчив

с тех пор, как отдал дочь в Кабарду. Что грустный такой? Не приезжал, что ли зять твой черкес? Он бы рассказал, как там все было. А может, он и сам бунтовал?

Жамбот встрепенулся.

— Нет, нет, что ты?

— Тогда режь овцу, принеси ее в жертву. А говорят, ни одного чабана из тех... не оставили в живых. Всех перебили. Но слух есть такой, что и балкарцы среди безобразников были...

— Не может быть...

— Аллахом клянусь.

— Кто тебе-то сказал?

— Из уст самого Кужона слышала. А чего ты испугался?

— Ничего, спокоен я...

Жамбот поспешил уйти от Кудас. Но дома места себе не находил.

Вечером после работы вместе с Исламом пришел Серго. Они, глядя на Жамбота, встревожились.

— Почему не весел? Не болен ли? — забеспокоился сын.

— Плохую весть услышал. Будто в бунте участвовали и балкарцы. За Дадаша боюсь.

Серго со слов Ислама хорошо знал, кто такой Дадаш. Ему давно хотелось повидаться с мужем Фазики. А тут подумал — вдруг дело обстоит действительно так, как подозревает Жамбот? Нет, рано еще печалиться. Никто ведь подробностей не знает.

Поговорили они, прикинули. Незаметно промелькнули часы. Когда Серго встал, чтобы уйти к себе в кузницу, время подошло к полуночи.

— Куда ты пойдешь так поздно? — спросил Жамбот.— Оставайся у нас.

Серго заколебался. В дверь громко постучали.

— Кому это не спится? — Ислам пошел открывать.

Некоторое время длилось молчание.

— Тазрет! — воскликнул Ислам.

У Жамбота кольнуло сердце. Он вскочил.

Да, это был Тазрет. Но в каком виде! Одежда на нем висела лохмотьями. Правая штанина была оторвана пониже колена. Слева на брюках зияла дыра. Чарыки торчали носами кверху, словно лыжи. Левая рука висела на привязи из веревки. Локоть замотан в старое тряпье. Шея и лицо в царапинах, над левой бровью особенно глубокая. Казалось, на всем его теле нет живого места. Одни

только глаза, как всегда, блестели, как угольки.

Все молча глядели на пришельца. Никто не задавал вопросов. Каждый тревожился по-своему. «Видно, что-то случилось с Дадашем»,— решил Жамбот. Мысль эта сверлила мозг Жамбота, как бурав. В ушах зазвенело.

Первым опомнился Ислам.

— Откуда ты взялся, Тазрет? — спросил он, как мог спокойнее.

Тазрет промолчал, недоверчиво посмотрев краешком глаза на незнакомца.

Ислам понял, что все надо объяснить.

— Это и есть Серго. Я же рассказывал о нем, когда заезжал последний раз. — Потом повернулся к Серго. — Друг нашего Дадаша... Кабардинец,— добавил он.

Вышедшая из другой комнаты Халимат не сразу узнала Тазрета: «Скорее всего, бедняк ходит, побирается, просится переночевать». Всмотревшись, жена Жамбота наконец поняла, что это Тазрет, и растерялась.

— Ты ли это Тазрет, что с тобою, сынок? — только и смогла она вымолвить.

— Айрана, пожалуйста, если есть,— разжал Тазрет спекшиеся губы.

— Сейчас! — Халимат быстро наполнила чашу айраном.

Тазрет здоровой рукой взялся за дно чаши. Выпил залпом, не отрываясь. Протянул чашу Халимат, вытер рот рукавом.

— Может, еще выпьешь, сынок?..

— Нет! — отрицательно покачал он головой. Перевел дух. — Девятнадцать дней скрывался я в горах... — сказал он, садясь на камень у очага. — Ел траву, корешки. Вы-то знаете, что было в Залуке?

Все сбились в тесный круг вокруг ночного гостя. Некоторое время в доме царила тишина.

— А что, и ты там был? — спросил вместо ответа Ислам.

— Да, и я, и Хачим... Мы оба были там.

— А он где? — наконец спросил Жамбот.

— Мы с трудом ушли. Скрывались от преследователей.

— Да жив ли он? — снова задал вопрос Жамбот.

Ислам прикрыл на мгновение глаза.

— Хачим бежал в сторону Бештау [1], я сюда, к вам.

---

[1] Бештау — пять гор, отсюда и Пятигорск.

Жамбот облегченно выдохнул воздух.

Опять помолчали. Тревожную тишину нарушил Жамбот:

— А что с рукой?

— Пулей задело. К счастью, кость невредима. Заживет.

— Только горе принесла ваша затея,— покачал головой Жамбот. — С чего начался бунт?

— Долго к этому шли. С давних пор бедняки и богачи в Кабарде все чаще цеплялись. Берегли мы свои клочки: кто — для посева, кто — для травы. Ну а князья из жадности хотели и это последнее отобрать. Вот и началось: слово за слово...

— И что же?

— Что?.. Бедняки сговорились, отобрали у богачей земли и поделили. Вот только солдаты помешали...

— Много они солдат вызвали?

— Много... Не было у нас оружия, а то мы с ними бы справились. Хачим из охотничьего ружья уложил нескольких. А одного вилами заколол.

— Раз так, в живых его не оставят, если попадется!

— Он им не попадется! Не таков! Он и Аслан — батрак Хатута — дрались, как львы. Солдаты окружили Аслана...

— И поймали?

— Поймали...

— Расправились с ним?

— Не знаю. Но прошел слух, что они всех до одного хотят повесить...

— Вот видишь, Серго, а ты еще говоришь, что богачей надо за горло брать.—Жамбот посмотрел на кузнеца.

— Ты думаешь, я откажусь от своих слов. Нет, Жамбот, выхода другого нет!..

Тазрет доброжелательно взглянул на Серго. Жамбот решил больше не спорить — опустил голову и замолчал.

Халимат принесла горячее мясо на блюде. Заботливо придвинула к Тазрету:

— Быть мне жертвою твоей, сынок, ты не обращай на них внимания, ешь, не стесняйся.

— Говорят, и балкарцы были с вами, это правда? — спросил Жамбот, хлебая шурпу.

— Были. Батраки Урусбиевых из ущелья Баксан. Бросили отары на Жаймаша, все бросили, пришли к нам.

Жамбот недоверчиво усмехнулся.

Укладываясь спать, Тазрет напомнил:

— Никто не должен знать, что я был там... Со всеми. Узнают, тут же схватят.

— Кабы не стали тебя здесь искать твои хозяева,— вздохнул Жамбот.

Тазрет потянулся.

— Хотел бы я, чтобы мои знали обо мне. Могут подумать, что я погиб...

— Ты не беспокойся,— сказал Жамбот. — Завтра же отправим в Урух-кабак Ислама. Он и Фазику привезет заодно. Что ей теперь там делать? Дадашу нельзя теперь появляться ни в Балкарии, ни в Кабарде.

26

Покой покинул дом Зарамука. Зачастили полицейские, допрашивали всех, даже Марию — куда скрылись Хачим и Тазрет. Зарамук, Куна и Фазика молчали, Мария потихоньку плакала. Поняв, что семья кабардинцев правды не скажет, отстегали во дворе плетьми Зарамука и Куну. Фазике и Марии погрозили...

Ислам прискакал в Урух-кабак поздним вечером. Услышав конский топот, Куна и Фазика перепугались, подумали — опять нагрянули! Мария, схватив на руки сына Фазики и Дадаша, спряталась у себя в каморке. Зарамук даже не пошевелился, безучастно продолжая сидеть на стуле у стенки. Все мысли его были о сыне: «Где он? Что с ним? И мы лишились к старости опоры!»

Ислам, распахнув двери, вбежал в саклю. Зарамук, не двигаясь, смотрел на сына Жамбота, не веря глазам. Куна просияла, как луна, вышедшая из облаков. Глаза Фазики заискрились от радости.

Ислам, убедившись, что посторонних нет, коротко сказал:

— Тазрет у нас!

— При этой нежданной вести все лица осветились радостью.

Зарамуку показалось, что после душной ночи наступило свежее утро.

Куна и Зарамук впервые за много времени спали эту ночь спокойно. И Фазика была счастлива. Теперь, когда она услышала о том, что муж смог скрыться от преследователей, в душу вселилась надежда на встречу... Она уснула в комнате стариков, прижав к груди маленького сынишку. Но счастливее всех в этом доме были Ислам и

Мария. Оба, взволнованные встречей, не сомкнули глаз до самого утра. Сердце Ислама полыхало огнем. Марии казалось, что окно снаружи завешено темным полотном. Она то и дело поглядывала — скоро ли рассвет. Оба — и молодой жигит и девушка — торопили время. Но ночь не хотела сдавать свои владения утру.

Исламу постелили в комнате Фазики. Он ворочался с боку на бок. Встреча с Марией прогнала усталость, но и сон не шел. Радужные мечты бередили душу, переполнили радужными надеждами.

К утру Ислам все-таки крепко заснул. Снилось ему, будто он с отцом блуждает в темном ущелье, отбиваясь от диких зверей. Он проснулся внезапно, с тяжестью на душе. Было светло. Раздумывая над сновидением, он приподнял голову с подушки и увидел Азрета — своего племянника — на другой кровати. Сын Дадаша и Фазики, сбросив одеяло, спал сладким сном.

Ислам оделся, вышел во двор. Солнце успело подняться довольно высоко. Ислам заглянул в хлев. Фазика доила корову.

— Как спалось? — спросила Фазика, улыбаясь брату.

— Хорошо.

— А мне не нравится, как ты выглядишь...

Внимание Ислама было отвлечено.

С двумя ведрами на коромысле вошла в ворота Мария. Тяжесть оттягивала ей плечи, оттеняя гибкость стана.

Ислам посмотрел на Марию, словно поздравляя девушку с ясным утром. Она смущенно улыбнулась, поставила ведра, повесила коромысло на гвоздь у двери. Снова взялась за ведра, скрылась в доме.

— Застеснялась Мария,— Фазика глядела вслед девушке. — Такая воспитанная и славная. Слов не найдешь, чтобы передать, как она хороша.

Никому дружба Марии и Ислама не казалась странной. Все в округе знали: отцы их ближе, чем родные братья. Никому и в голову не приходило, что молодые люди полюбили друг друга. Сначала они и сами не знали, отчего терют покой при свиданиях. Но время шло, они взрослели. Их чувства выплескивались наружу, как перебродивший айран. Они принуждены были сдерживаться. При людях они не то чтобы подойти друг к другу, а и взглянуть друг на друга стеснялись. Раньше Ислам держался просто с Зарамуком, теперь при виде его краснел, словно был в чем-то виноват, покрывался испариной.

Фазика собирала пожитки, чтобы ехать с братом в родной аул.

— Как жаль, что ты решила нас покинуть,— говорила ей Куна, помогая укладываться. — Без тебя в доме будет пусто. Как мы будем жить без Азретика! Даже в голову не могло прийти, что разорится наш счастливый дом, что мы останемся без вас.

Мария нянчила Азрета. Со вчерашнего дня он капризничает — вертится, хныкает.

Зарамук и Ислам беседуют в первой комнате. Ислам, чуть подавшись вперед, внимательно слушает хозяина дома.

— Скажи Тазрету, чтобы здесь не показывался. Лучше, если о нем совсем забудут. Хорошо бы ему устроиться где-нибудь подальше от родных мест... Может быть, наняться батраком...

В дом, вежливо поздоровавшись, вошли двое. Люди уже в возрасте. Один высокий, худой, другой пониже ростом, плотный.

Зарамук и Ислам встали навстречу гостям, пригласили пройти, усадили на топчан.

— Чей ты будешь, парень? — спросил тот, что был ростом повыше. — Родственник здешнего богача Хатута? — Он искоса посмотрел на Ислама, затем на Зарамука.

— Сын Жамбота...

— А-а-а... Того балкарца? Хорошо, хорошо... Ну как у тебя жизнь? Много работы? Все ли хорошо?

— Да так, стараемся существовать, Кадыр,— отозвался Зарамук.

И Кадыр и его сосед Абдул впервые переступили порог дома Зарамука. И это заставило насторожиться хозяина. Он понял — посетители пришли не просто в гости, а с какой-то задней мыслью.

— Где Куна? — спросил Кадыр, развалившись на топчане.

— Дома,— коротко ответил Зарамук.

— Хорошо, очень хорошо! Что слышно про твоего сына?

Зарамук не торопился отвечать. В душе забеспокоился: с камнем за пазухой явились.

Кадыр заметил, что вопрос о сыне взволновал Зарамука, и он решил быть осторожней:

— Мы с Абдулом добра тебе только желаем, Зарамук.

— Пусть аллах вас наградит за это.

— Молодой сын у тебя, горяч. Сам того не желая, пошел вслед за лентяями и придурками. Но ты не волнуйся.

Не держит зла за него Хатут, не думай. Он не так глуп. Был бы дураком — и богачом бы не был. Не так я говорю, Абдул?

— Точно так, аллахом клянусь, так говоришь,— поспешно поддержал Абдул.

Кадыр продолжил:

— Благодари аллаха за то, что сын вышел живым из этого водоворота.

— Откуда мне знать, жив ли он... — Зарамук не мог простить себе этой вынужденной лжи и про себя просил аллаха не гневаться на него.

— Ты поверь мне, жив,— угодливо сказал Кадыр. — Наверное, блуждает где-то. Не потеряется, придет.

— Конечно придет,— добавил Абдул.

Из внутренней комнаты вышла Куна. Гости поздоровались.

— Навестить тебя решили, Куна,— сказал Кадыр.

— Пожалуйста, дорогие, очень рады.

Исламу дышать стало нечем, на лбу выступил пот. Его беспокоил приход незваных людей, не понравилось, что они явно лицемерят. Показалось также, что он здесь совсем лишний. Он тихо встал и вышел из дому.

На улице было темно. Ислам бродил вокруг дома. В окно он увидел Фазику и Марию: они, склонившись друг к другу, о чем-то шептались. Ислам подошел к другому окну, в комнате все еще сидели гости. Кое-что из разговора долетало до его ушей. Он не понимал всего, что говорилось по-кабардински, но весь превратился в слух.

Кадыр тянул, начинал издалека, говорил ненужные слова, старался в чем-то убедить хозяев. Потом Ислам ясно услышал:

— Говорят, послы и сваты не подлежат обвинению, не обессудьте нас, мы к вам с важным делом. Хоть и пришли в первый раз в ваш дом, но с добром. Вы хорошо знаете среднего сына Абдула Хажукурмана. Если есть в селе у нас хорошие жигиты, то он один из них. По матери он доводился мне родней. И дочь ваша мне очень нравится. Все ее хвалят. Если соединят два хороших молодых человека свои судьбы, жизнь у них сложится на славу...

Кровь ударила Исламу в голову, зазвенело в ушах. Горе придавило грудь камнем. Хотел было броситься в дом. Но трезвая мысль подсказала: «Подожди, не торопись, не ломай дров». И он не двинулся с места, ждал, что будет дальше. Он не видел ни неба, ни земли, искал выхода, как зверь, попавший в капкан.

— Сами знаете, сейчас нам не до этого, много горя у нас,— сказал Зарамук. — Сейчас мы вам ничего не сможем ответить...

Ислам прильнул к стеклу.

— И мы не торопим, не говорим, что вот сию минуту вы должны отдать нам Марию. — Кадыр был несколько озадачен. — Мы только хотим сейчас вашего согласия, благословления. Назовите любой срок, мы готовы ждать...

— Пока не узнаю что-нибудь о сыне, не смогу об этом и думать. Не до праздников нам сейчас.

Самообладание стало возвращаться к Исламу. На сердце его, словно в летний пасмурный день, когда между облаками вдруг блеснет солнце, начинало проясняться. Он дышал спокойнее, вытер пот. «Если б Зарамук был бы согласен отдать дочь за какого-то Хажукурмана, не стал бы откладывать».

Сваты не уходили, прося назвать срок для свадьбы, но Зарамук ничего утешительного им не сказал. К полуночи гости встали, чтобы уходить. Зарамук и Куна проводили их за порог.

— Богом клянусь тебе, Зарамук,— уверял Кадыр,— о чем бы кого я ни просил, не знаю отказа. — Он не мог уйти, не высказав обиды. — Ведь сам знаешь, из какой я семьи. Все в моих силах. В трудный день твой подмогою стал бы. Но еще не поздно. Подумай. И о судьбе сына подумай. И потом, не знаю, кто этот Хачим, но из-за него Хатут сердит на тебя. Я, как могу, пока сдерживаю его. Если б не я... Плохо бы это все кончилось.

— Что же нам остается делать? Как аллахом предписано, так и будет,— твердо сказал Зарамук.

Куна с Зарамуком все смотрели вслед гостям, пока они не растаяли во мраке ночи.

— Не знаю, женщина, правильно ли мы поступили,— говорил Зарамук задумчиво. — Не долго и ошибиться. Абдул, конечно, не находка — плохой он. Теперь будет точить зубы на нас. Но не дай аллах такого зятя нам, как его рябой сын. Пусть лучше девушка всю жизнь просидит дома.

— Да, да... — утвердительно кивнула головой Куна.

Утром Фазика взяла сына на руки и вышла на дорогу. Ислам, неся пожитки, шагал рядом. Дочь Жамбота успела всем понравиться, и теперь соседи дружно провожали ее. Одни, жалея невестку Зарамука, даже чуть всплакнули, другие улыбались, вспоминая ее доброту... По мере

того, как Фазика и Ислам удалялись, Марии чудилось, что ясный день становится все мрачней и мрачней. Она не могла показывать горе людям и поспешила скрыться с их глаз.

27

Жаркая пора лета. Всех одолевает эта жара — и животных и людей. Земля потрескалась от жажды. Склоны гор пожелтели.

Косари встают с зарей, косят, пока не наступает пекло, прячутся по шалашам, как медведи в берлоги, и не выходят, пока солнце не начинает клониться к западу.

Жамбот вместе с сыновьями был на покосе за скалой Чокрак в глубоком ущелье, где ему была отведена маленькая делянка. Теперь он возвратился домой. Адил и Канамат остались, чтобы перетащить сено на горку.

Жамбот отправился по соседям — просить волов. Он решил заготовить бревна, не теряя даром времени. «Если перевезти лес до конца месяца, останется только сложить стены»,— размышлял он и завернул к Хасау.

Хасау с сыном собрались в горы на покос.

Хасау и Жамбот потолковали.

— Трех волов я достал,— закончил Жамбот,— еще бы одного...

— Возьми моего,— предложил Хасау. — А новости-то ты о лесе слышал?

— Какие новости?

— Говорят, леса теперь в руках Кужона.

— Ничего подобного не слыхал!

— Точно я не знаю. Но люди говорят, что Агачлы-кабак теперь в его владении. Вроде бы он загородил лес со всех сторон и поставил сторожей.

— Это еще зачем?

— Видно, не хочет, чтобы люди пользовались...

— Не может такого быть,— изумился Жамбот. — Не верится. Думаю, неправда это.

— Не знаю, говорю, что слышал.

Жамботу в этот день не раз еще рассказали, что Кужон завладел лесом. Ислам, вернувшись домой, подтвердил этот слух.

— Глупости все,— возмущался Жамбот. — Лес принадлежит всем, как же это Кужон мог присвоить его?

Рано утром Жамбот, Ислам и Тазрет, погоняя четырех волов, отправились в Агачлы-кабак.

По пути они встретились с людьми, которые побывали в лесу, а теперь возвращались домой. Расспросили их — как, что там? Те были из другого аула, но узнав, что Жамбот и спутники его с Акташа, стали жаловаться.

— Ваш кровожадный Кужон решил проглотить всю землю со всеми ее дарами. Хотели бревен заготовить, как видите, возвращаемся ни с чем.

— Как, ни с чем? — удивился Жамбот.

— Аллахом клянемся, палки одной не разрешили взять. Весь лес теперь охраняют люди Кужона. И вам советуем возвращаться, зря время не тратить.

— Не осудите за любопытство, откуда вы? — спросил Жамбот.

— Из Гыжгыта.

— Что же вы сразу об этом не сказали! — рассмеялся Жамбот. — Знаем мы, какие вы все шутники!

— Не смейся, дорогой, мы — балагуры, это верно, но тут далеко от всяких шуток,— сказал человек постарше.

Жамбот стал серьезным. Он понял, что всем этим людям попортили немало крови. «Нет, не похоже, что они шутят».

— Прошу простить меня. Слышал я про это. Но я не верил почему-то.

— Ну коль так, продолжайте путь! — Жители Гыжгыта бросились сзывать и выводить на дорогу волов. Животные разбрелись в разные стороны.

— Эй! — крикнул Жамбот. — Нельзя же возвращаться вам ни с чем! Пойдем вместе обратно, добудем леса.

— Ничего мы не сделаем! Целую неделю потеряли. И еда теперь кончилась.

— У нас есть запасы, хватит на всех. Я батрак Кужона, и мне он не откажет. Попрошу заодно и для вас.

— Хорошо, вернемся, если просишь, но не верим, чтобы из этого толк вышел.

По пути в Агачлы-кабак Жамбот узнал от жителей Гыжгыта, что им лес нужен тоже для построек. Один пожаловался даже, что в его сакле пол провалился, семья живет в хлеву. Жамбот рассказал о своих горестях. Весть о том, что Кужон присвоил Агачлы-кабак, не давала покоя Жамботу. «Чтоб дом его совсем смело с лица земли, как он осмелился взять в свои руки аллахом данный лес! Как может прийти в голову такое безрассудство одному человеку? Не одобрит этого аллах, а люди возмутятся». Они прибыли в Агачлы-кабак во второй половине дня. Там собралось немало народу... Тут и там стояли шалаши,

крытые сеном. Мычали волы. Слышались обрывки разговоров.

— Раз приехали, будем ждать.

— Видишь там под скалой шалаш? — спросил один из жителей Гыжгыта. — Хорошо, что не разобрали перед уходом. Издали он кажется небольшим, а внутри вместительный. Все мы сможем в нем устроиться. А то и другой поставим рядом.

Жамбот не расслышал последних слов спутника — он внимательно осматривался. Вокруг леса протянулся частокол, за ним шныряли люди с ружьями. Приезжие за бревнами ругали на чем свет стоит этих вооруженных людей, а сами, словно муравьи, сновали взад и вперед вокруг ограды. Шум, гвалт. Только волы не ведали людских забот, разбрелись и щиплют сочную траву вокруг, жуют бесконечную жвачку.

Жамбот, не веря собственным глазам, направился к ограде. Ислам и Тазрет последовали за ним. Жители Гыжгыта остались стеречь волов.

— Я из Акташа,— крикнул Жамбот через ограду. — Саклю хочу починить и вот приехал за бревнами.

— А у тебя разрешение есть?

— Какое еще разрешение?

— Ну, если тебе нужен лес, нужно тебе и разрешение Кужона,— нехотя объяснил сторож.

— Да я же его чабан. С детских лет стерегу его баранов.

— Это не мое дело,— огрызнулся сторож. — Лес принадлежит Кужону. Без его приказа не могу дать вам ни бревна, ни палки.

Жамбот вышел из себя.

— Лес — это богатство аллаха, как же Кужон может им распоряжаться?..

— Пойди объясни ему это сам!

Жамбот загнал топор в бревно частокола.

— Ни с кем я не стану говорить! Повторяю — лес принадлежит всем.

— Эй, эй, а ну не шали! — Сторож прикладом толкнул в грудь Жамбота.

Тазрет взмахнул над сторожем плетью.

Ислам схватил камень. Сторож погрозил им ружьем. Собрался народ. Поспешили на помощь сторожа.

— Держитесь спокойнее! — предупредил один из них. — Силой вы здесь ничего не добьетесь. Завтра Кужон приедет, вот и поговорите с ним. Без него ни один из вас не

войдет в лес. Мы для этого поставлены. Придется уж подождать. А если вздумаете брать силой, как бы вам не прогадать.

— Чтоб он пропал, этот Кужон! — крикнул незнакомый Жамботу черноусый здоровяк. — Спокон веков лес этот общий! Никто не может сказать, что я вру. Кужон — подлый пес. Если он творит свои собачьи дела, мы тоже не будем молчать!

— Правильно,— поддержали в толпе.

— Верно говоришь!..

Толпа глухо шумела.

Вперед вышел белобородый старик:

— Жамауат! — крикнул он.

Все вокруг смолкли.

— Не судите меня за смелость, я самый старший среди вас! Если вы не против, призываю вас сохранять спокойствие. Давайте подождем Кужона. Что он скажет!

Возражать ему не стали. Все, проклиная Кужона, разбрелись по своим шалашам.

Жамбот никак не мог успокоиться, не мог взять в толк — все-таки что же произошло.

«Кто слышал про такое бесчинство!» — раздумывал он, не находя себе места. Переполненное гневом сердце, казалось, не вмещалось в груди.

Ислам и Тазрет поставили шалаш...

А люди все прибывали. Каждый, услышав о самоуправстве Кужона, плевался. Посылали проклятья сторожам, нанятым Кужоном.

К вечеру к Агачлы-кабак собралось так много народу, что лес напоминал осажденный лагерь, а приезжие — войско, расположившееся на отдых. Гомон прекратился только глубокой ночью. Затухали костры. Ночь прикрыла собой все горести и нужды, принеся людям сон.

— Кто же это был, тот черноусый? — спросил Тазрет Ислама.

— Никогда не встречал я его.

Жамбот так и не спал всю ночь. Сколько горя может еще причинить ему этот спесивец? Всю жизнь преследовал батрака, так и продолжает жить безнаказанно за счет других. «Правду сказал кузнец Серго, зря я сомневаюсь! Он все туже стягивал петлю вокруг моей шеи! Но ведь и не моей только. Тысячу раз прав Серго. Не взойдет для нас солнце без борьбы... Сгорела бы такая жизнь. Лучше умереть с честью, чем всю жизнь жить в бесчестье...»

Рано поднялись люди. Они, сбившись в группы, собрались в лес с топорами в руках. Сторожа хватались за ружья.

— Где этот волк Кужон? — крикнул вчерашний черноусый. Он вскочил на камень и возвышался надо всеми. Эхом размножили горы его слова.

— Кажется, человек он бывалый, кто же он такой? — спросил Жамбот стоящего рядом.

— Из нашего аула. Асхат. Батрак Хажомара.

— Асхат, говоришь? — Жамбот задумался. — Кажется, я слышал о нем. Несколько лет тому назад, говорили, якобы один смельчак из Гыжгыта огрел хозяина своего палкой. Не он ли, этот человек.?

— Он самый. Три года из-за этого отсидел. Не терпит несправедливости.

— Молодец, аллахом клянусь!

Когда солнце достигало зенита, вдали показались два всадника. Они, подымая пыль, мчались к лесу.

Ислам влез на камень и первый узнал Кужона.

— Справа он, справа! — крикнул Ислам.

Люди зашумели. Сын Жамбота не ошибся — один из всадников был Кужон. В другом узнали старшину Большого ущелья Мыртаза.

— Чего вы тут собрались? — спросил Кужон, не слезая с коня.

Никто не ответил Кужону, сдерживая готовую прорваться ненависть.

Асхат, перекинув топор через плечо, вышел из толпы.

— Ждем тебя.

— А что вам нужно? Дело ко мне, что ли?

— Да. Нам нужен лес.

— Ах, вот как! — багровея крикнул Кужон. — Если вам нужен лес, платите деньги.

— Нет. Платить мы ничего не будем,— спокойно возразил Асхат.

— Тогда разъезжайтесь по домам!

— Это почему же? — спросил Асхат. Он поближе подошел к Кужону. — Мы без леса не вернемся.

— Эге-е-е, смотрю, больно много у вас прыти... — Кужон ударил коня плетью — жеребец встал на дыбы. — Я хозяин леса.

— Нет, Кужон.— Асхат схватил лошадь под уздцы.— Ты никогда не был хозяином леса и не быть тебе им. Народ — хозяин этих лесов. Так всегда было.

— Ты кто? Что тебе, жить надоело? — Кужон поднял

плеть над головой Асхата. — Исчезни с глаз моих, вшивый голодранец!

— Не кипятись, Кужон, выбирай слова.

— А ну послушайте,— заговорил молчавший все время Мыртаз. — Оттого, что будете шуметь, ничего не изменится. Ничего вы криком не добьетесь. Полковник Морханов передал лес в руки Кужона. Покажи-ка им документ...

Кужон вытащил бумагу, сложенную вчетверо, и поднял ее над головой.

— Зря вы собрались,— продолжал Мыртаз. — Не теряйте времени! Отныне будете покупать лес у Кужона.

Люди угрожающе подняли топоры. Асхат вскочил на камень.

— Что за посмешище они устроили?

— Кто слышал о таком бесчинстве?

— Лес наш, так было всегда.

— Подождите! — крикнул Мыртаз.

Никто уже ничего не слушал. Словно гром в грозу, люди, сердца которых были переполнены злостью, разразились проклятьями, угрозами. Внезапно поднявшийся шум удивил даже волов. Они, подняв морды от земли, посматривали в сторону, откуда доносились крики.

— Кужон, ты совсем потерял стыд! — Асхат погрозил кулаком со своего возвышения.

Все повернулись к Асхату.

— Ты — собака, Кужон, у тебя глаза волчьи! Ничем ты не насытишься!

— Ты что это себе позволяешь?

Кужон соскочил с коня и бросился к Асхату. Но увидев в поднятой руке батрака острый топор, остановился поодаль.

— Пусть мне пойдет не впрок молоко моей матери, если я не распорю тебе брюхо!..

— А тебе и так не пойдет впрок это молоко,— огрызнулся Асхат. — Ты не человек, ты собакой вскормлен.

От толпы отделился Жамбот.

— Прав ты, Асхат, он питается людской кровью. — Жамбот, поравнявшись с Кужоном, плюнул ему в лицо. Кужон изо всех сил стеганул плетью Жамбота и вскочил в седло.

Люди подняли топоры и пошли на Кужона.

Кужон и Мыртаз, не сговариваясь, ускакали прочь.

— В лес! В лес! — командовал Асхат.

И все ринулись к лесу, размахивая топорами. Сторо-

жа стреляли в воздух, но это не остановило разгневанных батраков. Они разом разрушили изгородь, отделявшую их от леса, выгнали сторожей, которые, изрыгая проклятья, разбежались кто куда.

Наступил вечер. От частокола не осталось следа, тут и там валялись порубленные бревна. Батраки возвратились к шалашам. Они чувствовали себя воинами, победившими врага, гордость переполняла их сердца. В шалашах не затихал разговор о храбрости Асхата и Жамбота. Жители Гыжгыта гордились земляком, радовались знакомству с Жамботом.

Утром следующего дня они с топорами и пилами ринулись в лес. До самой ночи кипела работа: слышались удары топоров, визг пил. Падали срубленные деревья.

Было совсем темно, когда батраки возвратились на свои стоянки. Разговоры не были такими жаркими, как вчера, все устали. Перекусив, расположились на отдых.

Жамбот и его сыновья свалили четыре дерева, успели очистить их от коры. Но надо было заготовить еще столько же. Однако Жамбот решил без промедления доставить бревна домой.

С половины ночи полил дождь. Сено на шалашах пропускало воду, спать было невозможно. Дождь не переставал и утром. Но бедняки решили продолжить работу.

Жамбот, Ислам и Тазрет вывезли заготовленный лес на дорогу.

— Ты, Ислам, один доставишь бревна домой,— сказал Жамбот. — Поторапливайся и возвращайся скорей. Пока ты обернешься, мы срубим еще деревья. Не забудь прихватить из дома еды — она на исходе.

Волы с трудом тронулись с места, волоча бревна. Жамбот и Тазрет проводили Ислама, вернулись.

После обеда дождь перестал, небо очистилось от облаков.

— Солдаты! Солдаты! — разнесся по лесу чей-то взволнованный возглас.

Бедняки, бросив работу, по одному выходили из лесу. Прозвучали выстрелы.

— Все, как один, сюда! — раздалась команда. — Вы окружены!

Приказ повторился. И бедняки, сгрудившись на опушке, в нерешительности смотрели друг на друга.

— Плохи дела! — крикнул Асхат. — Конные войска окружили лес.

— А как теперь быть? — спросил кто-то растерянно.

— Слушайте,— поднял он руку,— Кужон пригнал их сюда не для того, чтобы погладить нас по голове. Были бы ружья, не дались бы в руки этим... просто так. Перед смертью отомстили бы за себя. Но пять шесть ружей не выручат нас. Надо спасаться!

Асхат повел за собой бедняков. Они могли двигаться только к востоку. Лес на востоке упирался в горы и был недоступен солдатам, с любой другой стороны они могли подойти.

Осторожно пробирались беглецы по лесу, следуя за Асхатом.

Вдруг послышался крик по-русски:

— Стой! Стрелять буду!

Асхат, не долго думая, нажал курок. Звук выстрела громко прозвучал в тихом лесу.

— Не отступать, все за мной! — скомандовал Асхат. Слова его поглотили выстрелы. Люди ринулись в стороны — кто куда. Жамбот споткнулся о корень дерева и упал, на миг потеряв сознание. А когда пришел в себя, почувствовал, что кто-то, взяв его за пояс, старался оторвать от земли.

— Жамбот, что с тобой, что с тобой?

— А-а, это ты, Тазрет? Подожди-ка, что-то голова кружится. Из глаз искры посыпались...

Тазрет в полной темноте усадил Жамбота под деревом. Как сквозь вату, доносились до ушей Жамбота отдаленные выстрелы. Он дотянулся рукой до лба. Пальцы коснулись чего-то липкого. «Голову рассек о корень»,— подумалось ему. Послышался шорох. Тазрет нащупал топор, выпавший у него из рук.

В темноте угадывались две фигуры.

— Сдавайтесь! — прозвучала команда. Тазрет наугад бросил топор. Кто-то, охая, повалился на землю.

— Тазрет, спасайся! — взмолился Жамбот.

Но Тазрет не стал его слушать, взял Жамбота под мышки и потащил в чащу. Но один из солдат ударил Тазрета прикладом по голове. Он выронил ношу и сам потерял сознание.

28

С самого утра жители Акташа все шли и шли к межгиту. И стар и млад стекались туда — и группами и поодиночке.

Хасау с сыном возвращались с покоса и издали уви-

дели сборище у межгита. «Что-то не к добру»,— смекнули оба. Они обогнули скалу Чокрак. Хасау не терпелось узнать, что произошло, но никто не попадался на тропинке. Наконец и отец и сын остановились у межгита.

— Люди, что тут такое? — спросил Хасау. Ему не отвечали. Жители аула, сгрудившись, смотрели на тех, кто в середине. Хасау стал пробираться вперед. Он увидел Жамбота с окровавленной бритой головой. Старик был крепко-накрепко связан. Увидав друга в таком унизительном виде, Хасау еле удержался на ногах. Рядом с Жамботом стояло несколько вооруженных солдат.

Кужон, Сосран-эфенди, Камбот, Элбек, самодовольные, как сытые петухи, оживленно что-то обсуждали, время от времени брезгливо поглядывая в сторону Жамбота. Дети богачей выбегали вперед, плевали Жамботу в лицо и хохоча возвращались на свои места.

— Не троньте отца, псы, отстаньте от него! — кричали Адил и Канамат и плача бегали вокруг людского барьера, не в силах пробиться вперед.

Фазика рвала на себе волосы.

— О горе мне! О несчастный отец мой! — причитала она.

Женщины старались удержать ее, хватали за руки, успокаивали, сами будучи не в силах удержать слезы:

— Видно, аллах послал твоему отцу такую участь! Возьми себя в руки.

Халимат тоже горько плакала, соседки разделяли ее горе.

Ислам, понимая, что не в его силах помочь, стоял впереди толпы, опустив руки. Он был бледен, время от времени покусывал губы. Глаза блестели, как две свинцовые пули, готовые пронзить сердце врагов. Скрежет зубов его слышали стоящие рядом. Не мог он смотреть на бедного, униженного отца. Он готов уничтожить смеющихся детей, что плюют в его отца. Да только Серго удерживает его, сжав ему руки так, что и с места не двинуться!

Жамбот глядел себе под ноги. Похож был он на отколотый кусок того камня, к которому был привязан.

Кужон осмотрелся и хотел было что-то сказать.

— Жамауат, прошу тишину. Кужон будет говорить,— предупредил Сосран.

Шум затих, словно колесо мельницы, когда вода иссякла. Все вокруг замерло, только, словно отставший от оркестра скрипач, тихонько плакала Фазика.

— Соседи,— начал Кужон, вытягивая, насколько мог,

свою жирную шею. — О позорном случае в Агачлы-кабак вы наслышаны. Со всех сел собрался туда сброд голодранцев. Их спины едят вши! Эти нищие ничем не могут набить свои пустые животы и хотят сорвать зло на мне. Но затея их, как видите, закончилась провалом. Около шестидесяти негодяев солдаты погнали в Нальчик. Всех их сгноят там в тюрьме. А собаку эту... — Кужон, не поворачивая головы, указал на Жамбота. — Его я выпросил, чтобы шариат решил, как с ним поступить. Он — пес, но мы-то — люди. Жаль детей его. Хоть и дурак их отец, пусть не останутся сиротами, пусть помнят его сыновья и внуки про доброту мою! Ведь жалея их, спас я этого подлеца от тюрьмы. Вот об этом я и хотел сказать. А суд над негодяем пусть проведет Сосран-эфенди, как положено по шариату.

— Кужон,— сказал Сосран,— душа у тебя добрая и широкая, как небо над нами.

— Так, правильно говорит эфенди! Это действительно так,— вторили Сосрану князьки.

— Ты заботишься о детях, о слабых,— продолжал эфенди. — Мы не в силах отплатить тебе таким же добром, пусть аллах воздаст тебе за все! Но такие, как Жамбот, друзья мои, не понимают такой доброты. Такие завидуют твоему богатству,— эфенди перевел дыхание. — Накануне это было... Прося у аллаха рай для умерших, я засиделся здесь в межгите. Уходил отсюда поздней ночью без попутчика и услышал со стороны могил плач какой-то. «Что же это такое?» — думаю и смотрю в ту сторону. Пусть и врагу это не привидится. Мертвецы повыходили из могил в белых саванах и в схватке душили друг друга.

— Астоуфируллах... Астоуфируллах.. — в страхе бормотала толпа.

— Отчего не спокойны умершие, думаю. Прихожу домой и открываю священную книгу. И сказала она мне, в наших местах будут твориться бесчинства, что не в угоду ни людям, ни аллаху.

— Астоуфируллах, астоуфируллах,— молились вокруг.

— Нет покоя, о жамауат, не только живым, но и мертвым от таких, как Жамбот. И если даже мы простим ему такой проступок, не простит ему аллах. Среди тех, кто душой и телом предан дьяволу, был зачинщиком бунта и этот пес, что привязан к камню. По шариату следует присудить ему сто плетей.

— Охо-о-о! — раздалось всеобщее волнение.

— Старому, ослабевшему человеку сто плетей? — выкрикнул Хасау, подавшись вперед.—Не боитесь вы аллаха.

— Лучше бы отправили в тюрьму,— предложил кто-то сзади.

Поднялся шум. Солдаты прикладами оттеснили Хасау назад.

Кужон рукой подал знак, чтобы начали. Солдаты развязали бечевку, опутавшую Жамбота, раздели его до пояса, бросили грудью к земле.

— Не бейте, оставьте моего бедного отца! — кричала Фазика.

Отчаянный крик дочери Жамбота, казалось, повис в воздухе.

Кужон что-то шепнул на ухо эфенди. Тот вышел вперед.

— В Агачлы-кабаке Кужон сам ударил плетью преступника. Кужон просит из ста исключить одну. Просьбу эту шариат счел справедливой. Итак, осталось девяносто девять.

— Бейте меня, все сто мне! — Ислам стянул с себя рубаху и стал рядом с отцом. Наступила тягостная тишина. Ожидая, что будет дальше, никто не решался открыть рот. Только эфенди и Кужон о чем-то шепотом совещались. И опять громко заговорил эфенди.

— По шариату допустимо, когда кто-то другой берет вину на себя. Но сейчас право это отменяется.

Ислам затеял спор с Сосраном. Но эфенди отрицательно качал головой. Один из солдат хотел было отшвырнуть Ислама. Но Ислам толкнул врага. Два других солдата скрутили Исламу руки.

Сын Жамбота бился как рыба в сети, ему удалось высвободиться, нагнувшись, он начал искать, чем бы ударить противников. Не нашел он ни палки, ни камня, вцепился ногтями в землю, набрал полную горсть и только поднял руку, чтобы запорошить им глаза, полицейские окружили его и придавили к скале.

— Ведь подросток он еще, пожалели бы! — не выдержал Серго, видя, как Исламу связывают руки.

— Какое тебе дело до него, неверный! — зло глянул на Серго Сосран.

Жамбота начали бить плетью, считая удары. Не все могли выдержать это издевательство над честным, работящим чабаном, отворачивались, уходили прочь.

Богачи торжествовали, когда плеть в очередной раз ударяла Жамбота по спине.

Когда расправа была закончена, Хасау и другие друзья Жамбота взяли его почти безжизненное тело и перенесли в саклю.

Все соседи собрались в доме Жамбота, старались облегчить ему страдания. Делали примочки из трав, протирали спину водой. Но Жамбот был очень слаб, не мог выговорить ни слова. Всю ночь домашние, Серго, Хасау, соседи хлопотали вокруг побитого Жамбота. На другой день только к вечеру Жамботу как будто стало легче. Он попросил воды. Фазика принесла айрану. Но Жамбот отказался...

— Холодной воды принесите,— сказал он, еле выговаривая слова.

Фазика принесла деревянный ковш с водой. Ислам и Серго приподняли голову Жамботу. Он с трудом сделал несколько глотков.

Фазика хотела унести ковш, но отец остановил ее.

— Чего тебе, отец?

— Открой-ка сундук матери.

— Что там, отец?

— Кинжал. Мой кинжал. Принеси его сюда.

Фазика повиновалась: принесла отцу кинжал с серебряной рукояткой, хранившийся в сундуке.

— Возьми, отец.

Жамбот дрожащей рукой взял кинжал, осмотрел его со всех сторон. Вытащил из ножен.

— Сын,— сказал он Исламу. — На, отомстишь за меня! — Он замолк.

Все видели: минуты Жамбота были сочтены. Он глубоко вздохнул, голова его склонилась набок.

— Отец! Ой, отец... На кого ты нас оставляешь?.. Отец! — рыдала Фазика, припав к телу отца.

Ислам с кинжалом в руке встал на колени рядом.

На второй день весь аул хоронил Жамбота. Плач, заполнивший старую саклю Жамбота, находил отклик в сакле каждого бедняка.

Близилась полночь. Стояла темная ночь. Ислам вышел из дому и направился в сторону дома Кужона. Остановился на берегу реки, вытащил кинжал из ножен. Перед ним как из-под земли вырос Серго.

— Это я, Ислам.

— Серго! — удивился Ислам. — Что ты делаешь здесь?

— Тебя оберегаю.

— Разве ты знал, что я приду?

— Э-э, Ислам, сердце многое чувствует. — Серго взял

парня под руку. — Ты решил исполнить завет отца, не так ли?

— Да.

— Подумал?

— О чем тут думать? Я должен отомстить.

— Убить Кужона?

— Да.

— Допустим, ты его убил. И что же? И тебя убьют. Какой толк? Из-за того, что умрет Кужон, других кужонов не убудет.

— А завет отца?

— Не торопись ты! Давай, подумаем. Я не научу тебя, чтобы ты забыл последнюю волю Жамбота. Но, по-моему, ты должен глубже понять его завет. Убив одного Кужона, ты не отомстишь. В несчастной судьбе Жамбота не один Кужон виновен. Вина в первую очередь лежит на царе, на всех богачах. И отец отдал тебе этот кинжал не затем, чтобы ты пролил кровь одного. Он хотел, чтобы ты с этим кинжалом боролся против всех угнетателей. Я так толкую завещание твоего отца.

— Я не смогу выполнить то, о чем ты говоришь.

— А я не говорю, что один ты с ним справишься. Это долг и твой, и мой, и всего народа. Бедняки, батраки должны объединиться. Тогда только пепел останется от таких, как Кужон...

— Этому не сбыться,— перебил Ислам. — Не удерживай меня сейчас.

— Подожди. Будет именно так, как я говорю. Поверь мне. Рано или поздно — это должно случиться.

У Ислама в сердце от нетерпения пылал костер.

— Я не могу каждый день видеть Кужона живым...

— Подожди, друг мой, недаром говорят: «Торопливая речушка до моря не доберется».

Ночь словно подслушивала этот тихий разговор. Все вокруг молчало — ни звука. Только тихонько ворчала река.

Весть о том, что умер Жамбот, дошла и до Урух-кабака. Через несколько дней после смерти друга прибыл в Акташ и Зарамук. Ислам проводил Зарамука на могилу отца. Зарамук долго стоял у могилы. Она казалась ему бугорком, полным горести и печали. «Несчастный! Насилие и бедность рано загнали тебя. Пусть та твоя жизнь будет светлой. Будь обитателем рая!»

Уходя с кладбища, Зарамук сказал Исламу:

— Сын, оставшийся без отца, должен туже стянуть

пояс. Быть терпеливым. Держись, тяжесть на тебе большая. Ты не один — у тебя сестра, братья. Им надо помогать. Теперь — ты старший мужчина в семье.

Несколько дней погостил Зарамук в Акташе. Расспрашивал о сыне. Но люди знали только одно: Тазрета отправили в тюрьму.

29

Пришла осень. Время страды. Ислам один управлялся в кузнице. Серго ушел в Нальчик за углем и пропал на целую неделю.

— Что могло с ним случиться? Никогда он не задерживался так долго,— думал Ислам постоянно: и раздувая мехами огонь, и ударяя молотом по раскаленному железу. Работы стало много. Гора металла пылилась в углу кузницы. Хозяева часто захаживали, поторапливали. Но что он мог сделать один? Не хватало времени. Иногда заходил к нему сын Хасау Мажит — помогал раздувать огонь. А сегодня и он не пришел.

Ислам накалил кусок железа докрасна, достал его щипцами, положил на наковальню. Взял в руки тяжелый молот Серго, в это время снаружи донесся стук копыт. У двери кузницы остановился вороной жеребец, на нем восседал сам Кужон. Глаза Ислама вспыхнули злостью. После смерти отца он первый раз видел Кужона. От мощного удара молотом кузница вздрогнула. От раскаленного железа в сторону полетели искры.

— Эй, где этот кузнец?

Ислам промолчал. Он колотил и колотил молотом по наковальне, словно пред ним — змея, которую надо уничтожить. В эту минуту он не сознавал, чем заняты руки. Удар молота приходился то по железу, то по наковальне. Сердце его пылало, словно раскаленное железо. Разум твердил ему: «Возьми себя в руки»,— сердце перечило: «Нет, ты должен сейчас исполнить волю отца. Чего ты ждешь?»

Ислам помедлил, не знал — на что решиться. Подняв молот как меч, сын Жамбота выскочил из кузницы. Но кругом было безлюдно.

Только опомнившись, Ислам увидел удалявшегося всадника. И рука его опустилась сама собою, Ислам долго смотрел себе под ноги. Вернулся в кузницу, прилег на топчан Серго. Пытался успокоиться, но работать больше не было сил.

Когда солнце село, он закрыл за собою дверь кузницы и отправился домой. Выйдя на большак, он увидел кузнеца, погонявшего двух ослов без груза. Серго явно торопился.

— Где ты пропадал так долго? — Ислам пожал руку Серго. — Почему пустой вернулся?

— Потом расскажу. Давай-ка отгони их к хозяевам!

Серго скрылся в кузнице.

«Что-то стряслось, на лице ни кровинка...» Ислам погнал ослов вверх по улице. Вернувшись в кузницу, Ислам увидел, что Серго увязывает хурджуны.

— Что это значит?

— Видишь... Мне надо уйти.

— Куда? Что случилось?

Серго затянул шнурок на хурджуне, приподнял — не тяжело ли будет. Взвесил в руках, отложил в сторону, вытер тыльной стороной руки пот со лба. Вынул кисет, стал закручивать цигарку.

Ислам увидел, что у кузнеца дрожат руки.

— Ну скажешь, наконец, что случилось?

Серго затянулся дымом, выпустил сизый виток и сел на топчан. Ислам устроился рядом.

Серго молча курил, бросил окурок на железный хлам в углу и положил руку на плечо Исламу.

— Друг мой, теперь ты — хозяин этой кузницы. Ты уже научился. С любым делом справишься. Только надо тебе найти напарника...

— Ничего я не пойму, Серго. Скажи, что случилось, потом обо мне поговорим,— перебил его Ислам.

— Это длинный разговор,— сказал Серго, вставая.— Ну, а теперь давай попрощаемся. Мы еще встретимся...

— Когда?

— Неважно когда, но встретимся обязательно. — Серго крепко обнял Ислама. — Если кто наведается и будет спрашивать обо мне, скажешь, ушел куда-то к родным, а куда — не знаешь... До свидания, жигит.

Серго пошел по большаку вниз.

Ничего не мог понять Ислам, он долго стоял в растерянности и смотрел вслед, пока друг его не растворился в темноте.

Серго, выйдя из аула, последний раз оглянулся на Акташ, но дома его в темноте были неотличимы от скал.

Серго быстро шагал по берегу быстрого Черена. И вдруг почудилось ему, кто-то зовет его, кричит вслед.

Прислушался. Да, кто-то зовет его по имени. Серго отошел от дороги в сторону, присел на один из камней.

— Серго-о-о!

Он узнал голос Ислама — бывший помощник скоро догнал кузнеца.

— Что тебе, Ислам?

Ислам с трудом отдышался.

— Ведь проголодаешься в пути. — Ислам протянул ему сверток...

Умер отец, и растался он с другом. Очень тоскливо стало жить на свете Исламу. Каждый день проходит так, словно Ислам что-то потерял и найти не может. И что потерял — не знает, и где искать — не придумает. Надо было взять себя в руки, и он старался. Поговорил с Хасау, взял его сына Мажита в кузницу молотобойцем. И продолжал пылать огонь в кузнице, зажженный когда-то Серго.

Было раннее утро. Ислам и Мажит усердно работали. На улице, как когда-то, послышался топот копыт. Шестеро полицейских сошли с коней и, уставясь на вышедшего им навстречу Ислама, спросили:

— Кто ты будешь?

— Я кузнец...

— Напарник кто?

Ислам указал на стоящего у порога Мажита.

— Не крути хвостом, сопляк! — взревел один из полицейских и потряс угрожающе в воздухе кнутом. Приставил кнутовище к груди Ислама. — Говори, где сейчас Нико Бакрадзе?

— Что еще за Бакрадзе? Я такого знать не знаю.

— Как это не знаешь? Ведь вы работали вместе.

— Про такого никогда не слышал. Я работал с Серго... Серго Селидзе его звали...

— Вот-вот, о нем мы и спрашиваем. Где он?

— Сказал, что пойдет проведать родных.

— Когда ушел?

— Недели две прошло...

Полицейские тщательно обыскали кузницу. Они разобрали топчан, где любил отдыхать Серго, вынесли доски на улицу, разрубили на щепки.

— Что он сказал, когда уходил? — спросили Ислама.

— Ничего, попрощался...

— А до этого о чем он говорил с тобой?

— Учил своему ремеслу.

— Об этом после... Ты сперва скажи — где нам найти его.

— Не знаю где. Ушел к родным.

— Где живут его родные?

— Я же сказал — не узнавал я...

— Если ты сейчас крутишь хвостом, плохо тебе будет потом. Лучше скажи, что знаешь о кузнеце...

— Аллахом клянусь вам, не знаю ничего.

— А кто он на самом деле?

— Как кто? Человек... Кузнец он...

Полицейские взобрались на коней и галопом помчались к дому Кужона. Ислам был сбит с толку. Долго старался собраться с мыслями: «Вдруг исчез Серго куда-то... И приехали полицейские узнать — где он... Что он мог натворить?»

Ислам все еще был во власти своих дум, когда пришел растревоженный Хасау.

— Полицейские не причинили зла? — он спросил Ислама, потом посмотрел на сына.

— Нет! — в один голос ответили Ислам и Мажит.

— Вы и в толк, наверное, не возьмете, почему они преследуют Серго.

— Не знаем...

— Серго — большевик. Он сбежал из тюрьмы. Вот они и напали на его след.

Глаза у Ислама округлились, заблестели. Как это он не слышал об этом? Много хорошего говорил ему Серго о большевиках, а что сам большевик — не признавался. «Зачем он скрывал от меня? Видно, боялся, что проболтаюсь где-нибудь...» — с горечью подумал Ислам.

30

Прошел еще один год. Река Черен, как веретено старухи-балкарки, то вздувается, то оседает — течет привычным руслом, слизывая с берегов мелкий песок и глину. Акташ похож на старца, который, прижавшись к скале Чокрак, греется под лучами солнца или омывается струйками дождя.

Все, о ком мы ведем рассказ, живы, кроме тех, которых похоронили. Куда-то пропал Жюнюс. Как только он узнал о смерти отца, все время думал о мести кровавому Кужону. Жюнюс отделил двадцать голов овец для напарника Чинная за его труд, а всю отару угнал невесть куда. С тех пор никто ничего о нем не слышал.

Кужон посылал гонцов во все стороны, но никто не нашел Жюнюса. Так и остались у Кужона две дойные коровы, которых он посулился отдать тому, кто приведет ему этого Жюнюса. Но нет Жюнюса, и вести о нем неточные. Одни говорят, якобы Жюнюс продал баранов Кужона в Грузии и подался в Турцию, другие твердят, что он поселился где-то в Осетии. Но правда ли это — никто не знает и проверить нельзя. В эту весну много скота из отар Кужона угнали из Чатлы. Говорят, это дело рук Жюнюса. Кужон не знает, верить или нет. А отары так и пропали. Упоминают в Акташе о Жюнюсе изредка, чаще — батраки меж собой. Проходит время, забывается и Жюнюс и его проступок перед бием. Но Кужон помнит и своего врага и свои убытки. Имя Жюнюса не дает ему покоя ни днем, ни ночью, словно кость, застрявшая в глотке.

В ауле все чаще и чаще говорят о другом, перессорились между собой разные страны, напали друг на друга, началась большая война, и Россия тоже в эту войну вмешалась. Весть неприятная, но жителей горных ущелий поначалу она не очень и волновала. Ни у кого от этого не пропадал сон по ночам и никто не бросал работать. Но о войне стали говорить все чаще и чаще и это потому, что люди узнали: на фронт будут призывать отовсюду — и с гор и с полей. Это взволновало Акташ, все были уверены, что их не коснется дело, затеянное кем-то далеко в степных краях.

И вот однажды, ближе к полудню, в Акташ прибыл Мыртаз и вместе с ним два всадника в офицерских погонах. Они направились к сакле Кужона. Кудас увидела их издали, и теперь ничто не могло ее остановить, она помчалась туда же. Хышмыш водил вокруг коновязи взмыленных коней. Кудас отметила это и, не задерживаясь, поспешила в дом. Осталась только последняя ступенька перед дверью, когда Хышмыш схватил ее за подол своими огромными руками. Кудас не на шутку струхнула:

— О, день мой погасший, что тебе, Хышмыш?

Хышмыш разбросил руки в сторону и что-то бормотал, всеми силами стараясь дать понять жене эфенди, что в дом заходить не следует. Кудас справилась с испугом и заинтересовалась — в чем дело. Улучив момент, она оттолкнула Хышмыша и стремглав бросилась к двери. На этот раз Хышмыш схватил ее повыше бедер.

— Что тебе, сумасшедший? — возмутилась Кудас. На шум вышла из дому Баблина.

— Ты только посмотри на этого бесстыжего, привязался ко мне — не пускает! — пожаловалась Кудас.

— Нет-нет, Кудас, не пристает он к тебе,— возразила Баблина. — Ведь не дурак же он.

— Говорю тебе, госпожа, тянет меня за подол и хотел утащить в свою дыру, а я сразу смекнула, что пришло ему.

Кудас хотела было проскользнуть в дом, но Баблина, как гора, стала на ее пути.

Кудас с удивлением смотрела на жену Кужона.

— Люди снизу приехали к нам,— объяснила Баблина. — У них дела какие-то очень важные! Не обижайся, Кудас, Мыртаз не велел пускать чужих в дом.

— А в чем дело, не знаешь, госпожа? — заискивающе спросила Кудас.

— Клянусь покойной матерью, ничего неизвестно.

— Ну подслушала бы в дверь...

— Подслушала.

— И о чем они говорят?

— Не поняла я. Говорят по-русски.

— А может, я пойму. Кто знает, вдруг пойму!

— А ты что, знаешь русский?

— Ну мало ли, все равно...

— Нет, Кудас, не обижайся! Если что, нам попадет от бия. — Она прислушалась. — Спрячься за дверь. Они выходят...

Кудас не успела даже пошевелиться, как дверь распахнулась. На пороге появился Кужон. Он смерил презрительным взглядом Кудас, отыскал глазами Хышмыша. Батрак по-прежнему кружился вокруг коновязи.

Кужон жестом подозвал Хышмыша.

— Принимайся за дело! Быстро разделай барана.

Батрак бросился выполнять приказ — он хорошо понимал хозяина, а Кужон обратился к жене эфенди.

— Сулейман дома? — спросил он.

— Да...

— Пусть он... и Элбек созовут жамауат на сход. К межгиту. Элбек знает... Он уже выходит. Торопись,— Кужон повернулся к двери.

— Что случилось? — крикнула ему вслед Кудас. — Скажи... Нам ведь надо знать.

Кужон, не удостоив ее ответом, вошел в дом.

Кудас сбежала с лестницы и помчалась по улице. Полы ее платья раздувались.

Навстречу ей попался Хасау.

— Смотрю, по важному делу торопишься, Кудас! — засмеялся он.

— Хочешь не хочешь, надо идти. О, аллах, день мой погасший!

— Да куда ты торопишься?

— И не спрашивай! Снизу прибыли люди, наших созывают на сход.

— Когда?

— Сейчас! Упаси от бед нас, о, аллах...

Кудас побежала дальше. Она смешалась с толпой собравшихся у кузницы мужчин. Оповещенные Элбеком и Сулейманом жители аула быстро собрались у мечети.

— По какому поводу нас созвали?

— Что будет? — спрашивали они друг друга.

Но никто и догадаться не мог, о чем поведают им люди, приехавшие снизу.

Вокруг Кудас столпилось столько народу, что невозможно было услышать, о чем она там говорит.

— Идут, уже идут! — крикнул кто-то.

Все смотрели в сторону дома Кужона. По берегу Черена к межгиту шли четверо. По мере их приближения голоса собравшихся стихали — как будто в только что бурлящем котле выкипела вода.

Кужон, Мыртаз и два офицера остановились у двери межгита, повернулись к собравшимся. Воцарилась полная тишина...

Первым заговорил старшина:

— Эти господа офицеры прибыли из Нальчика. Они приветствуют вас.

— Пусть будет долгим их жизненный путь! — крикнули из толпы.

Офицеры склонили головы.

— Эти господа, уважаемые офицеры, прибыли к вам от имени его императорского величества царя Николая,— продолжал Мыртаз.

— Астоуфируллах, астоуфируллах,— раздалось вокруг.

Кто-то спросил:

— С каким делом прибыли-то?

— Сейчас узнаете все. — Мыртаз что-то сказал гостям по-русски. Один — постарше — вышел вперед. Люди с интересом разглядывали его погоны, окаймленные золотом.

— Господа горцы! — Офицер поднял правую руку. — Вы, наверное, все уже знаете, что началась война. Страны Европы, которые всегда были враждебно настроены

к России, во главе с Германией напали на нашу священную родину...

Никто не понимал языка, поэтому речь ни на кого не произвела впечатления.

— Горцы показали свою верность России еще во времена японской войны. Царь-батюшка Николай знает это. Он и теперь полагается на вашу помощь...

Офицер замолк и, желая, чтобы Мыртаз тут же перевел его речь, кивнул в его сторону головой. Мыртаз перевел и от себя добавил:

— Теперь, значит, так... Каждая семья по возможности должна помочь скотом. Из двенадцати домов с дымящимися трубами один человек пойдет защищать Россию.

— Ну и ну!.. — раздались возмущенные крики.

— Нечего тут «нукать»,— огрызнулся Мыртаз. — Благодарите Кужона, дешево отделались, а из других аулов взяли по человеку из каждых десяти домов.

Собравшиеся, поглядывая на Кужона, смолкли.

В Большом ущелье начался сбор скота, который назывался добровольным. Так его назвали, а для того, чтобы отнять у бедняков скотину, солдаты ходили по домам, им помогали богатеи, и уж последние никому не сочувствовали из своего аула.

Пришли и во двор покойного Жамбота. Канамат и Адил вцепились в ярку, которую хотели угнать: один держал за хвост, другой обнимал за шею. Сопротивлялись изо всех сил, но напрасно — громко блеявшую овцу солдаты подогнали к стаду отобранных животных.

Кто пойдет на фронт, пока было неясно. Очевидно, пока сбор скота был важнее, и пришельцы усердствовали изо всех сил.

Осень была на исходе. Похолодало. Снег с горных вершин спускался все ниже по склонам.

Канамат, погоняя овец домой с водопоя, увидел трех всадников, направлявшихся снизу вверх по аулу. Он долго всматривался в приезжих, бросил овец на дороге и помчался домой.

— Идут! — крикнул он и тут же скрылся за воротами. Все из сакли высыпали на улицу. Канамат бежал навстречу верховым, полы его бешмета развевались на ветру. Халимат и Фазика остановились у ограды. Адил вышел за ворота. Ждать пришлось недолго, вскоре гости оказались у ограды. В середине ехала женщина, голова

ее была покрыта белой шалью. Фазика, узнав ее, не знала, как поступить, не могла отвести от приезжих восторженного взгляда. Выбежала на улицу.

— Моя бесценная Мария!

Весть о том, что привезли невесту, быстро облетела дворы, и жители Акташа глазели на прибывших с крыш домов, повиснув на оградах.

«Кто такие?» — спрашивали они.

Ислам спешился первым. Адил подхватил Марию на руки и внес в саклю, опустил на пол во внутренней комнате, рядом с приготовленной на этот случай ширмой. И вскоре весь Акташ узнал о том, что Ислам привез жену из Кабарды. Всех волновал вопрос: какова эта кабардинка,— и каждому хотелось скорей увидеть ее. Соседи спешили к сакле, куда была внесена невеста. Все поздравляли Фазику и Халимат.

— Хвала аллаху! Наконец-то посетила радость этот бедный дом,— говорили они друг другу.

Фазика словно позабыла все горести, пережитые за многие годы. Оживилась, щеки разрумянились. Она хлопотала по дому. Улыбка освещала ее печальное много дней лицо.

К вечеру саклю переполнили гости. Все, кому удалось увидеть невесту, восхищались ею. Она была очень красива.

«Глаз от нее отвести невозможно — картина!»

Все чтили память Жамбота и поэтому не шумели, не танцевали, молчала гармонь. Собравшиеся ели, пили, желали молодым добра и счастья, но громко голоса никто не поднимал.

По обычаю горцев, когда все разошлись, Ислам вошел к невесте, обнял, вывел из-за ширмы. Прижался щекой к ее щеке, что-то пытался сказать. Но слов не хватало, и он молчал, подавленный счастьем, выпавшим на его долю.

31

1917 год. Весть о свержении царя как на крыльях прилетела и в дальнее горное селение. Теперь с уст бедняков не сходило слово «большевик».

«Большевики будут бороться, пока не очистят землю от биев»,— с надеждой говорили они. Эта мысль острием кинжала вонзалась в сердца богатеев. Имущие и слушать не хотели о большевиках. А если и упоминали, то только

в случае, когда переполняла ненависть и они не могли молчать. Они-то и оплакивали падение царя. А бедняки все больше и больше чувствовали себя людьми и смело говорили о своих правах, попранных богатыми.

В жизни горцев пока все шло по-прежнему. Одни работали на других. Богатые за счет бедняков еще больше богатели, присваивали плоды трудов неимущих.

Жизнь в Акташе текла, как в других аулах. И никто еще не мог предсказать, зарождается ли что-то новое. И никто еще всерьез не верил, что все изменится. Сложившиеся веками устои, обычаи казались такими же нерушимыми, как скалы вокруг аула. Откуда возьмется сила, способная сдвинуть с места эти скалы! И кто может верить в такую силу?!

Осенью Кужон всю шерсть со своих овец погрузил на лошадей, ослов и мулов и отправился в горы. Он хотел сбыть ее в Тифлисе подороже.

— Время тревожное, не стоило бы тебе ехать так далеко,— сказала Баблина. — Побыл бы лучше дома.

— Времена не хуже, чем всегда! — возразил Кужон.— Что за вздор ты городишь, катын! Шелеста мушиных крыльев боитесь. Чего ради — никак не возьму в толк.

— Сны мне страшные снятся...

— Мало что может привидеться, катын! Ничего особенного не происходит. Голодные овцы блеют. А голодранцы голодны. Вот и начали блеять. Когда сыты — помалкивают.

Караван Кужона тронулся в путь, и можно было подумать, что весь Акташ двинулся с места. Видны были только уши и хвосты животных, спины их целиком закрывали огромные тюки с шерстью. Впереди каравана гарцевал Кужон на гнедом непокорном коне. А пешие батраки подгоняли нагруженных донельзя животных.

Элбек проводил отца за Большое ущелье.

— Я вернусь самое большее через месяц. Смотри за овцами! — поучал Кужон сына. — Не распускай этих... бездельников.

Элбек по дороге домой повернул к кузнице. Ему надо было перековать коня.

Пока отец в отъезде, Элбеку предстоит много хлопот. Он должен наведываться от отары к отаре. Если у лошади стертые подковы, по горным кручам не проскочишь. Когда Элбек поравнялся с кузницей, Ислам и Мажит уже собрались по домам.

Ислам вешал замок.

Несколько человек у кузницы обсуждали дела аула.

— Эй, куда это вы торопитесь? — спросил Элбек, спрыгнув с коня.

— В Нальчик, за углем,— ответил Мажит. — Уголь весь вышел.

— Подождите! Смените-ка старые подковы у моей лошади. А после можете отправляться хоть на тот свет.

— Вот как! — усмехнулся Ислам. — Может, еще какой приказ поступит?

— Не будем болтать лишнее, дружок... — Элбек покрутил кнутом перед самым носом Ислама. — Пока вы не исполните то, что я прошу, и шагу не ступите отсюда!

Ислам пристально всмотрелся в лицо Элбека. «Ничего нет человеческого в его облике. Хочет силой заставить работать. Нет, ведь я не вьючное животное, и он должен наконец понять это!»

— Чего ты молчишь,— приставал Элбек к Исламу. — Времени у меня нету ждать.

— Я не буду менять подковы у твоей лошади,— спокойно произнес Ислам.

— Это что еще за новость?

— Ну, я пошел,— невозмутимо проговорил Ислам.

Элбек, стиснув зубы, схватил Ислама за руку.

Ислам отбросил руку Элбека.

— Советую тебе лучше не прикасаться ко мне.

— Я сказал тебе... — Элбек замахнулся кнутом.

Ислам, схватив за ворот сына Кужона, поднял его в воздух и швырнул на землю.

— Хе-хей-хей!

Люди помогли Элбеку подняться.

Элбек взгромоздился на коня.

— Ну, подожди ты! Я тебе еще покажу. Не только отца твоего вшивого надо было убить, но и всю твою семью вогнать в землю. Но еще не поздно!

Элбек стегнул коня и, оставляя за собой клубы пыли, поскакал вверх по течению Черен.

— Ислам, ты слишком далеко заходишь с этим... — сказал Каншау, один из соседей Ислама. — Не торопись сводить счеты. Я дело говорю. После смерти Жамбота вы только начали вставать на ноги. Не вызывай ты на дом твой несчастный пламень гнева. Никто им не сможет помешать: ни ты, ни я, ни кто-нибудь другой...

— Хватит, Каншау! — разозлился Ислам. — Ты — трус. Когда Камбот твоего младшего брата избил при тебе,

ты не смог заступиться. Убежал, спрятался за камень, подсматривал оттуда. Я так не смог бы поступить!

— Правильно говорит Ислам! — сказал кто-то из стариков.

Как бы там ни было, Ислам настоял на своем: отправился вместе с Мажитом в Нальчик за углем.

Элбек поскакал в аул Гюрен. Он думал только об одном, как бы заставить Мыртаза упрятать этого неслуха Ислама в тюрьму. Он доехал до Гюрена, когда стада загоняли по дворам. Мыртаза в присутствии он не застал. Старшина прогуливался по своему саду, разглядывая яблони, ветки которых плоды оттягивали чуть ли не до земли.

— А-а, это ты, Элбек? Будь гостем. Вон там с краю созрели отличные осенние сорта, а ну пойдем, попробуешь...

— Я по делу...

— Что еще за дело?

— Батраки совсем повиноваться перестали.

— Что произошло?

— Ислама ты должен знать. Гнида эдакая! Пошел я к нему, чтобы сменил подковы коню...

— Ислам? Постой, постой! Сын умершего Жамбота?

— Да. Не захотел мерзавец исполнить моей просьбы и на этом не остановился... Полез со мной в драку.

Старшина подробно расспросил Элбека, покрутил усы.

— Сейчас не надо лезть на рожон, Элбек. Большевики и так только ищут предлога, чтобы науськать на нас этих гнид, как ты говоришь. Все стычки наши с ними как раз врагам на руку. Вот только справится с ними Керенский, тогда, Элбек, таких, как Ислам, мы поставим на колени и перехлопаем, как мух. Всех до одного.

— И что же, большевики, действительно, представляют собой угрозу для нас?

— Не совсем угроза, Элбек. Подумай сам. Разве приятно слышать вой голодных волков вблизи дома? Безопасно, но жутко. Это не продолжится долго. И сейчас ведь мы долго не разговариваем с большевиком, если он нам попадется. Раз — и голова с плеч!

— Не узнал я вовремя, что этот кузнец был большевиком, а то я бы его... — стучал зубами Элбек.

— Это наш общий промах. Сразу не узнали — кто он. Уж и отчитывал меня полковник Морханов. Ведь в Ак-

таше батраков именно кузнец будоражил, а мы и этого не понимали! И еще теперь брожение продолжается.

Через несколько дней Мажит и Ислам возвратились в Акташ. Когда они сгружали уголь у кузницы, подошел к ним Хасау.

— Надолго задержались вы, мы уж бояться за вас начали. Что, нелегко было купить уголь?

— Нет, уголь мы сразу нашли. — Ислам улыбнулся.

— А что же вы задержались?

— Слушали речи разные...

— Какие речи?

— О, что мы слышали, Хасау, здесь еще никто не знает. — Ислам подхватил мешок угля и потащил в кузницу.

— Что такое вы могли услышать нового? — не отставал от него Хасау.

— Ленин! — торжественно сказал Ислам.

— Не пойму я что-то.

— Человек, который борется за счастье таких, как мы с тобой!

— Как ты назвал его?

— Ленин.

— Ленин... — повторил Хасау задумчиво. — И что же, выходит, и он, этот Ленин, тоже большевик.

— Он первый из всех большевиков. Возглавляет всех большевиков.

— Ах, вот как! — Хасау вновь задумался. — Значит, вы с ним повстречались в Нальчике?

Ислам рассмеялся.

— Нет. Нет, мы его не видели. Он не в Нальчике живет-то.

— А где?

— В России.

— Так далеко... Как же мы найдем его, чтобы пожаловаться?

— Разыщем! Вот увидишь...

Прошло несколько дней. Элбек все еще проводил время в горах, присматривал за отарами. Он добрался до самых Чатла, на границе Осетии. Там, кроме отары, которую пасли Хызыр и Каспот, бросили еще шесть. Элбек переночевал в Чатла. Он велел Хызыру разделать лучшего барана и, наевшись мяса, нахлебавшись шурпы, улегся спать. В середине ночи Элбека разбудили выстрелы, лай собак, крики.

— Что случилось? — он поднялся со своего ложа вместе с буркой, в которую завернулся перед сном.

— Видно, волк наведался в одну из отар,— сказал Каспот, стараясь в темноте определить, на которую из отар напал серый хищник. — Волков здесь много. Не дают покоя.

— Пойду, узнаю в чем дело.— Хызыр взял в руку палку и растворился в ночи.

Вновь послышались выкрики, вопли, лай.

— Эхе-хей, угнали овец!

Элбек помчался вслед за Хызыром. Он торопился — скользил, падал, и все же удалось ему добраться до коша Хасана, откуда доносился шум.

— Где овцы? — выкрикнул Элбек. — Чего вы застряли? Почему не преследуете воров?

— А что мы можем сделать? — Хасан развел руками. — Их много. И у каждого по ружью.

— Ах ты, песье отродье, ты что за свою подлую жизнь боишься? — Элбек ударил Хасана ногой пониже живота. — Разве ты не знаешь, что один баран ценнее твоей грязной души!

— Элбек, он не виноват,— заступился Хызыр.

— Аха, значит, никто из вас не виновен. Только я один, не так ли? Вот отец возвратится, он-то сумеет с вами посчитаться.

Цокот копыт слышался то там, то здесь. Элбек вертелся, как ужаленный, но ничего не мог поделать. И вдруг совсем недалеко от коша Хасана, где Элбек решил дождаться утра, прогремел голос:

— Эхе-ей! Скажите этому псу Кужону, что я еще не отплатил ему за отца!

— Жюнюс! — определил кто-то из чабанов.

Элбек повернул ружье в сторону, откуда доносился голос, нажал на курок. Выстрел зловеще прозвучал в ночной тиши.

— Подожди-ка ты, вшивая нечисть! — завопил Элбек и словно кот, преследующий мышь, бросился в темноту. Остальные не двинулись с места. Каждый прислушивался к стуку копыт, затухающему вдали. Все молча удивлялись смелости Жюнюса.

— Дождешься ты у меня, я еще покажу твой труп своим друзьям.

Элбек был готов грызть землю от злости. Оставшуюся часть ночи провел без сна. Как только начало светать, вскочил на коня и поскакал к старшине. Он прибыл в

Гюрен после обеда. Жеребец с трудом передвигал ноги и выглядел так, будто искупался в пенистых водах Гюрена. Когда Элбек спешился у конторы старшины, конь еле устоял на своих четырех ногах.

Элбек как ветер влетел в контору Мыртаза.

— Что случилось? Что случилось?.. — дважды повторил старшина, вглядываясь в бескровное лицо Элбека.

— Вчера ночью Жюнюс вместе с какими-то людьми из Чатлы угнал больше пятисот овец,— выпалил Элбек.

— Опять Жюнюс!

— Да, сын Жамбота!

— А ведь люди мои искали его даже в Осетии. Не нашли. Может, это не он. Ты не ошибаешься?

— Нет-нет, нисколько,— перебил Элбек старшину.— Он самый. Чабаны, что служат у нас, узнали его по голосу.

— Где ты сам-то был?

— Там и был.

— Ну, надо было догнать этого пащенка!

— Бросился я... Стрелял даже, но было темно. Хоть глаз выколи! Ничего не видно. Что мог я сделать? Убежал подлец... Мыртаз, надо его поймать!

Мыртаз встал из-за стола, крикнул в окно, во двор:

— Чонкай, где Саламелик?

— Пошел напоить лошадей,— отозвались снаружи.

— Как только придет, оба зайдите ко мне.— Мыртаз подошел поближе к Элбеку.— Можешь не беспокоиться, если он ходит по земле, я его найду. Чонкай и Саламелик — лучшие полицейские. Помнишь, когда ты ходил к дочке Жамбота, избил тебя тот, ну... Как его звали?..

— Дадаш...

— Да, Дадаш... Чонкай и Саламелик разыскали его у перевала Жоба. Опрокинули его там же...

Вошли полицейские, остановились у двери.

— Есть дело,— начал Мыртаз.— Слышали вы об акташевце Жюнюсе?

— Да, да...

— Он, говорят, в Осетии. Во что бы то ни стало разыскать его и привести сюда. Вчера ночью угнал пятьсот овец у Кужона.

— В прошлом году вы же посылали туда людей. Они вернулись ни с чем...— сказал Саламелик.— Уверяли, что Жюнюса нет в Осетии.

— Они наврали. Видно, не смогли разыскать. Они еще получат по заслугам. Ну, а теперь не задерживайтесь...

Несколько лет ничего не было известно о Жюнюсе, и вдруг весть о нем долетела до Акташа. Братья радовались, что он жив и здоров. Сестра и мачеха разделяли эту радость. Но вместе с тем все беспокоились: вдруг полицейские теперь его отыщут, и месть Кужона, конечно, будет жестокой.

Элбек каждый день спрашивал о Саламелике и Чонкае. Но вестей о полицейских не было, хотя миновало десять дней с их отъезда. Элбек надеялся, что Жюнюса поймают до приезда отца. Если Кужон вернется и услышит об угнанных овцах, Элбек знал — гнев его будет страшен.

На тринадцатый день полицейские вернулись в аул. Направились, не заходя никуда, к старшине.

— Мы напали на след Жюнюса в ущелье Цей,— сказал Саламелик. — Но он не один шатается в горах, с ним много людей. Мы не смогли одолеть их. Сражались, пока пули не кончились. Ну, а когда кончились, что нам оставалось делать?..

— Очень надеялся я на вас... — нахмурился Мыртаз.— Ну, ладно, отдыхайте. Я отправляюсь в Нальчик. Полковник Морханов вызывает. Вернусь, посмотрим. Если дело обстоит так, как вы говорите, надо будет туда послать отряд.

Элбек быстро узнал, что полицейские стреляли без толку, у него чуть сердце не разорвалось от злости. А через несколько дней вернулся Кужон вместе с батраками. Все они поздоровели, загорели. Кужон был в самом добром расположении духа. Видно, купля-продажа его на этот раз принесла больше выгоды, чем раньше. Он привез целый караван с добром, а когда въехал в аул, весь Акташ вышел навстречу из любопытства. Кужон по пути одаривал детей конфетами.

Но войдя в дом и услышав о том, что угнаны овцы, Кужон разразился бранью.

— Будь я трижды проклят, если я весь этот род не изрублю собственными руками! — ревел он, словно разъяренный бык, и схватил с гвоздя на стене саблю с позолоченной рукояткой.

— Подожди, остынь, торопиться некуда. — Камбот преградил зятю путь.

Кужон всю злость излил на сына.

— Тебе нельзя даже старого ишака доверить. Почему не смотрел за овцами? Собак гонял на водопой, что ли? Сколько раз предупреждал тебя! Нет, не выйдет из тебя настоящего хозяина!

Вечером в дом покойного Жамбота заявились Хышмыш и еще двое батраков Кужона. Хышмыш, не церемонясь, вывел из хлева стельную корову, из загона выволок овцу с двумя ягнятами. Распахнул ворота, погнал животных в сторону сакли Кужона.

— О, день мой погасший, что это вы делаете! — закричала Халимат. — И Ислам уехал в Урух-кабак: Зарамук заболел. Заступиться некому.

На шум из сакли вышли Фазика и Мария.

— Кужон нас послал,— виновато сказал один из батраков. — Велел весь ваш скот перегнать к нему.

— Почему это? — возмутилась Халимат.

— Думаю, что из-за Жюнюса. Если он найдется, пригонит отару, Кужон обещал возвратить ваше добро.

— Кто это слышал, о люди! Мы с голоду пропадем, единственную кормилицу угнали! — Халимат схватила корову за рога. Хышмыш замахнулся дубиной, и женщина в ужасе отпрянула.

— Эй, бийский пес, ты чего это делаешь? — Адил, выбежав из сакли, бросился к Хышмышу.

Фазика за ремень удержала брата.

— Чтоб я умерла, если тронешь его! Потерпи, вернется Ислам...

Соседи высыпали на улицу. Люди сочувствовали семье покойного Жамбота и плевались, вспоминая Кужона. Но что толку... Батраки Кужона угнали весь скот.

Кужон намеревался серьезно поговорить со старшиной и направился к нему верхом. «Что за посмешище такое? Разве таким должен быть старшина?!» Кужон считал, что Мыртаз должен брать за глотку любого провинившегося батрака, чтобы тот и пикнуть не смел, тени своей боялся. И что же теперь творит этот чертов Жюнюс! И этого проходимца старшина не может приструнить. «Нет, Мыртаз, так дело не пойдет. Ты своего долга не выполняешь. Зря я хлопотал за тебя. Но, друг мой... Если ты в ближайшие дни не схватишь этого ублюдка и не приведешь прямо ко мне, даю клятву, расстанешься с должностью. Два слова только скажу полковнику Морханову... И делу конец...»

Размышления Кужона прервал всадник, скачущий навстречу.

— Ах, это ты, Хажомар? Алейкум салам... Куда держишь путь?

— К вам я еду, честное слово, давно дочь не видел...

И слышал я, что ты вернулся из-за гор. Вот и думал — проведаю...

— Ну коль так, езжай дальше. Я скоро вернусь. До Мыртаза только я, дело к нему.

— Зря ты к нему направился...

— Это почему же?

— Мыртаз в Нальчике. Говорят, неделю тому назад туда уехал. Я тоже хотел его видеть, заезжал. Никто не знает, когда вернется он.

— Плохо получилось... — Кужон повернул домой.

— Ты, наверное, из-за овец своих, угнанных из Чатла... — предположил Хажомар.

— Но есть и другое дело к нему. В последние времена эти голодранцы аллаха перестали чтить...

— Так оно и есть,— быстро поддержал его Хажомар.— Кусаются, словно дворовые псы. Кто бы раньше этому поверил!

— Все это из-за плохой службы Мыртаза. Недаром предки говаривали, кто не может ладно держать уздечку в руках, того конь уносит. Не думал, что Мыртаз такой беспомощный. Клянусь аллахом, если б я был на его месте, на четвереньках ползала бы эта вся нечисть вокруг.

— Правильно говоришь. Вот и у нас вернулся этот Асхат из тюрьмы и такие дела творит, про какие раньше мы и не слыхали.

— Про какого это ты Асхата? — Кужон переменился в лице и придержал коня своего.

— А вот про того, что в Агачлы-кабаке на тебя зубы точил.

— И он же вернулся из тюрьмы, говоришь?

— Точно.

— Когда же?

— Недавно.

— Ты только погляди, какие дела... Ведь сколько просил я и Морханова и других тогда, чтобы нога его не ступила больше в эти места. Ну что же это такое?

— Присудили его к четырем годам, вышло время, и его освободили. Но хорошо, вышел... Сидел бы теперь себе спокойно. А то нет! Пришел, пристал к двум моим лучшим батракам. Чего это вы прислуживаете Хажомару, спросил, и они наотрез отказались пасти моих овец.

— Хм...

— Вот за этим и пошел вчера к Мыртазу... Думал, пусть бы прижал он этого Асхата.

— Даю тебе клятву, если он не приберет его к рукам, сделаю это я.

— А сам он через пару слов на третьем «большевик» кричит. И откуда на нашу голову взялись эти большевики!

— Подожди-ка, я ему покажу большевиков...

Кужон с Хажомаром за жаркой беседой не заметили, как подъехали к дому. Ариубат обрадовалась отцу, улыбаясь и шмыгая своим большим носом, кинулась к воротам.

Свежее мясо и горячая шурпа заставили подобреть двух пышущих от злобы богатеев. Их лица стали похожи на старые чарыки, смазанные маслом.

Наевшись досыта, они полулежали на топчанах. Вдруг во дворе громко залаяли собаки, затопали лошади.

— Видно, кто-то пожаловал,— нехотя поднял свое тяжелое тело с топчана Кужон.

В дверях показался Мыртаз. В лице его не было ни кровинки. Глаза бегали.

Хажомар и Кужон с испугом уставились на взволнованного старшину.

— Очаг наш потух навсегда, друзья мои,— выдавил Мыртаз наконец, забыв поздороваться. — Я — из Нальчика.

— Что за беда такая приключилась?

— Большевики! Скинули Керенского и прибрали власть к рукам.

Кужон, как петух, готов был броситься в драку.

— Оставь шутки, что ты городишь? — Кужон носом почти коснулся носа Мыртаза, лицо его позеленело, словно картошка под солнцем. — И что же?

— Что же... Большевики хотят отобрать земли у чанки и раздать бедным. Хотят, видите ли, все поделить поровну. Вот как!

— А мы что же, так и отдадим свою землю и все добро? Нате, мол, раздавайте кому хотите!..— От злости Кужон весь дрожал.

Хажомар не в силах был слово вымолвить, будто язык проглотил. Он стоял возле топчана и глядел на Мыртаза круглыми от изумления глазами.

— В Нальчике сейчас ничего не разобрать. Шум везде, гам. Большевики говорят, мы, мол, теперь будем все решать.

— Как же терпит все это Морханов? Почему он всех не раздавит разом?..

Весть о том, что большевики взяли верх, всколыхнула Акташ. Но никто пока не осмеливается говорить об этом громко.

Всей правды беднякам пока никто не рассказывал.

32

Светало. Фазика проснулась, дрожа от холода. Прижавшись к ней, посапывал ее шестилетний Азрет. Одеяло сползло.

— И чего ты все время сбрасываешь одеяло? — обратилась мать к сладко спавшему сыну. — Пора теперь тебе, милый, спать отдельно. Ты уже вырос! Ты, действительно, теперь совсем взрослый.

Фазика согрелась под шерстяным одеялом, глаза ее сами собой закрылись. И ей привиделось: будто весь аул высыпал на улицы. Люди всматривались в какого-то всадника, парившего в воздухе над вечной скалой Чокрак. «О, земляки, что вы там видите?» — Фазика подняла глаза, вгляделась. Это был отец ее Жамбот верхом на белом коне. Концы белого башлыка развевал ветер. Жамбот летел по воздуху на своем красавце-скакуне и, обращаясь к сельчанам, что-то говорил. А по скале к нему подползали змеи, и когда жеребец опустил копыта на землю, змеи старались ужалить его в стройные ноги. Но белый конь Жамбота поражал каждую из тварей ударом копыта. И вдруг появилось чудовище, извергающее огонь из пасти. «Оте-е-ец!» — закричала Фазика. Люди от страха закрывали лица руками. Фазика в страхе ждала, что будет дальше. Невесть откуда появился другой всадник, тоже на белом коне. Снаряженье у него из серебра, но так и блещет под лучами солнца. «Серго... Серго...» — слышится вокруг. Кузнец хватает за глотку крепкой рукой чудовище и повергает его, бездыханного, вниз, к подножью скалы. Чудовище, извиваясь и пружинясь, словно туго накрученная нить, грохнулось о землю и осталось лежать недвижимым. А отец кричит — Фазика явственно слышит крик: «Не бойся, дочка!»

Женщина открыла глаза. Сердце колотилось, словно готово было вырваться из груди наружу.

— Что с тобой, Фазика? Чем ты испугана? — спросила Халимат, заглянув ей в лицо. Фазика рассказала сон мачехе.

— Астоуфируллах, к чему это может быть? — Халимат

стала быстро одеваться. — Может, сходишь к эфенди Чолау, он не ошибается, правильно толкует сны...

Со двора донеслось громкое мычание коровы.

— Похоже, что наша. — Халимат, полуодетая, выскочила во двор. И тут же вернулась обратно. — Фазика, наша корова во дворе! И овцы тоже.

— Не может этого быть!

Фазика накинула на себя одежду и быстро вышла за дверь. Халимат следом. Женщины загнали скотину.

— Может, не надо было их трогать,— тревожилась Халимат. — Кужон еще пошлет за ними людей.

Во двор заглянула соседка.

— Что это? Корова ваша вернулась? Видно, аллаха побоялся кровопийца.

— Кто знает? — усомнилась Фазика, закрывая двери сарая. — Может, они все сами пришли по старой памяти.

— Нет,— перебила Фазику соседка. — Я сама видела. На рассвете Хышмыш сам гнал и овец и корову к вашему двору. Собственными глазами видела.

«Что-то тут не то, просто так Кужон не отдал бы скотину. Что же произошло все-таки?..»

Как бы там ни было, о случившемся толковал весь аул. Каждый человек судил по-своему. Одни твердили: побоялся аллаха! Грех большой — оставить сирот без молока, другие рядили: большевиков, мол, испугался.

33

В последние дни Мария места себе не находила: «Что это Ислам так задержался? Может, отцу стало хуже?»

Хоть она и помалкивала, Халимат и Фазика волновались тоже. Время тревожное, Ислам не мог так запоздать без причины. Женщинам не хотелось еще больше волновать Марию, и они опасений ей не высказывали.

— Не надо так печалиться,— говорили они Марии время от времени. — Никак тебе нельзя плакать! Повлияет на будущего ребенка, перестань!

Шел снег пополам с дождем. Люди не выходили на улицу, разве только по очень важным и неотложным делам. Семьи собирались вокруг очагов.

Фазика и Халимат с самого раннего утра чесали шерсть, так и не поднялись с мест по позднего вечера. Огонь в очаге прогорел, но было тепло. Женщины раскраснелись. Мария сидела рядом с прялкой.

Как только женщины узнали, что у Марии будет ребенок, ей не позволяли браться за трудную работу. Но Мария не могла целыми днями сидеть без дела.

Адил и Канамат часто выбегают во двор, то за скотиной присмотреть, то кизяку принести.

Маленький Азрет, похожий на ягненка, вскормленного молоком матери, все шалит. От его словечек, от проказ все в доме приходили в восторг.

— Давай поборемся! — приставал он в этот вечер, вешаясь на шею то Адилу, то Канамату.

Вечер торопился расположиться хозяином в ущелье. В сакле потемнело.

— Фазика, хватит тебе! Давай передохнем немного. — Халимат отложила чесалку в сторону и разогнула уставшую спину. Во дворе зазвучали шаги. Все обратились в слух. Шалунишка Азрет притих и, словно ожидая кого-то, уставился на дверь глазенками и застыл.

— Может, Ислам... — Канамат соскочил со своего места.

Дверь распахнулась, на пороге появился человек. Он постоял, всмотрелся в темноту и не торопясь прошел к очагу. Мокрая одежда прилипла к его телу, как кора к дереву. Все молча глядели на него, словно лишившись дара речи.

Фазика старалась что-то сказать, но слова застыли на ее розовых пухлых губах, они дрожали.

— Дадаш! — наконец выдохнул кто-то, будто подсказывая Фазике слово, которое застряло в ее горле. С той минуты словно пчелы зажужжали. Домашние окружили Дадаша.

Одному Азрету невдомек, что там происходит, он, боязливо озираясь, схватился за подол Халимат. Отца своего он не помнил: ему было около года, когда Дадашу пришлось скрыться. Сердечко Азрета стучало, словно он что-то чувствовал.

— Посмотрите на него! — воскликнула Мария. — Ты чего это прячешься? Почему не обнимешь отца? — Она, взяв за руки Азрета, подвела его к Дадашу. Отец с сыном долго смотрели друг на друга.

Азрет все-таки решился: широко раскинув ручонки, приблизился, обхватил ноги отца.

Дом этот, где долгое время хозяйничала грусть, мгновенно озарился счастьем обитателей. Все радовались Дадашу, обнимали, расспрашивали. Только Фазика оставалась растерянной. Она стеснялась окружающих, стыди-

лась подойти к мужу, обнять его, дотронуться рукой до щеки.

Халимат пчелой кружилась вокруг Дадаша.

— О аллах, и откуда ты так вдруг взялся? Да падут все беды твои на мою голову... Мы и мечтать не смели о таком счастье,— бормотала она бессвязно.

Лицо Дадаша вдруг омрачилось.

— В Урух-кабаке я услышал про кончину Жамбота,— сказал он.

Все, глядя на него, с трудом сдержали слезы. Рана эта для всех еще была свежа.

Фазика тяжело вздохнула. Глаза Халимат наполнились влагой.

— Когда ты был в Урух-кабаке? — спросила Мария.

— Я оттуда.

— Как себя чувствует отец? Он ведь болен?..

— Поправился. Он и Куна приветы вам послали.

— Пусть долгой и счастливой будет их жизнь,— пожелала Халимат.

— А вы слышали, что Тазрета освободили?

— О, душа моя, неужели правда? — Мария вспыхнула.

— Да, Мария, он теперь свободен. Мы вместе с ним приехали в Урух-кабак. Зарамук был в постели. Как увидел он Тазрета — куда болезнь девалась? Исчезла без следа.

— Бедный... Видно, и болел-то он с горя.

— Видно, так...

— Ну а Ислам что? Не встретил его?

— Как же. Он тоже там. Хотел побыть с Тазретом несколько дней, вот и остался.

34

Кужон полулежа расположился на своем любимом топчане в комнате, где стояла железная печь, и смотрел в потолок. Временами он глубоко вздыхал, и вздох его напоминал кузнечный мех во время работы. Он не обращает внимания на восьмилетнюю дочь и на маленького внука, сына Элбека. Дети хотят поиграть с ним, но Кужон рассерженно отгоняет их от себя. У печи сидят Баблина и Аминат. Они, боясь разгневать Кужона, стараются говорить шепотом. Жена Элбека, Ариубат, то входит в комнату, то выходит — хлопочет по хозяйству.

— Э, киши, может, тебе хочется спать? Может, ляжешь, а? — спросила Баблина заботливо.

Кужон притворился, что не расслышал ее слов, она не повторила вопроса.

С тех пор, как из Петрограда пришла «холодная весть», Кужону не сидится и не лежится. Стал он еще более злобным, чем раньше. Ни с кем не говорит. В невеселых раздумьях проходят его дни и ночи. Вот и сейчас, что только не приходит ему в голову: «Как это Керенский мог уступить этим бездельникам? Нет, нет, не может этого быть. Какая армия у него! А может быть, он похож характером на нашего старшину Мыртаза. Не дай аллах такого...»

Кудас вбежала в дом, и мысли Кужона вдруг спутались. Женщина была испугана, бледна, дрожала, как лист под ветром.

— День мой погасший, да вы же ничегошеньки не знаете, сидите себе тут! — Кудас взмахнула руками, словно ворона крыльями.

— Что случилось, что случилось? — тревожно спросила Баблина, вставая с места.

Кужон приподнялся, будто сдвинутое с места бревно. Дети притихли, боязливо озираясь на Кудас.

— Умерший твой батрак возвратился с того света и развалился у очага. Все ублюдки там собрались и с восторгом на него взирают.

Кужон встал с топчана.

— Да кто, говори, женщина!

— Дадаш...

— Дадаш?

— Да, он самый!

Кужон не в шутку обозлился.

— Болтаешь ты невесть что, Кудас. Теперь уж и костей его не собрать! День жумы сегодня, не нужно болтать лишнее — грешно!

Баблина приняла сторону мужа.

— Да, помолчала бы ты! Грех болтать всякую чушь.

— Я вижу вы, действительно, меня сумасшедшей считаете. А я, слава аллаху, в своем уме.

Кудас выскочила из дома Кужона. Не стерпела Баблина и вышла следом.

Скоро она вернулась:

— Что-то в селе творится. Надо узнать, может, и правду болтала здесь эта дура.

Кужон презрительно глянул на старшую жену. Она была бледная, взволнованная. «И ты не умнее той балаболки, идешь на поводу!»

Кужон все-таки дома не высидел, вышел за порог. Над аулом нависла тьма. И, казалось, все вокруг тихо, но Кужон почему-то потерял спокойствие. По ту сторону Черена слышались голоса, лай собак. Кужон стоял, прислушивался. Вышел на середину двора, хлопнул трижды в ладоши. К нему подошел Хышмыш, за ним еще двое. Остановились рядом с Кужоном, переминаясь, словно лошади, готовые сорваться с мест.

— А где Хышмыш? — Кужон вгляделся в лица своих батраков.

— Отлучился куда-то... Может, за скотиной смотрит.

— Мне он нужен. Сейчас же!

Батраки разбрелись в поисках Хышмыша.

— Хышмыш! Где ты, тебя хозяин зовет!

Через несколько минут рядом с Кужоном стоял невысокий человек с палкой в руке.

— Ты звал меня, мой почтеннейший?

— Да, Хышмыш. Нужен ты мне.

— Говори. Все сделаю.

— Сходи-ка ты в дом к этому кузнецу Исламу, посмотри, что там творится, приди и расскажи!

— Хорошо.

Он мгновенно исчез, будто его и не было.

Кужон знал — кого послать! Уши Хышмыша хорошо слышали, а глаза — замечали все.

Побродив по двору, Кужон вернулся в дом. Баблина и Аминат вопросительно на него поглядели: «Ну что там?» Но Кужон промолчал. Он снова лег на свой топчан и по-прежнему вперился в потолок. Он не верил ни одному слову Кудас, но при упоминании ею имени Дадаша, все в нем взбунтовалось.

Одна из служанок тихонько вошла к хозяину в комнату и сказала, что стол накрыт. В этот же миг Кужон услышал голос Хышмыша, доносившийся из сеней. Кужон поднялся со своего ложа, низкорослый батрак остановился в дверях, низко кланяясь. Выражение лица Хышмыша заставило Кужона насторожиться.

— Что ты видел? — нетерпеливо спросил Кужон все еще низко кланяющегося Хышмыша.

Батрак молчал, будто проглотил язык. Он молча смотрел на хозяина, так ничего и не вымолвив.

— Ну что же ты! Говори, что видел.

— Дадаша в сакле Жамбота,— наконец выдавил Хышмыш.

— Как это?..

— Он жив, видел своими глазами... Народ окружил его...

Кужон, как овца, помахивая головой, подошел поближе к Хышмышу.

— Не торопись, мой почтеннейший,— отстранился Хышмыш,— я самого интересного не сказал.

— А это еще что?

— Все мы слышали, что дочь Жамбота Фазика вышла замуж за кабардинца?

— Да, это так! — перебил батрака Кужон.

— Нет, совсем не так. Муж Фазики — Дадаш.

Услышав это, Кужон словно превратился в надгробный камень. Застыл на месте. В дверь ворвался Элбек, бледный и трясущийся. Он подтвердил слова Хышмыша.

Люди из дома Жамбота разошлись поздно, задержался только Хасау.

— Что ты вернулся — это хорошо, Дадаш,— сказал он.— Но если опять эти чанки будут тебя преследовать? Как нам быть?

— Они почти бессильны,— отозвался Дадаш. — Теперь они не станут лезть, побоятся.

— Этого знать ты не можешь, Дадаш. Хоть ты и твердишь, что большевики взяли верх, здесь в ауле пока все по-старому еще.

— Не надолго... — возразил Дадаш. — Как бы ни было, теперь мы им не дадим себя топтать.

Хасау задумался.

— Вот уж не знаю. Не угомонятся они так сразу. Нельзя быть в этом уверенным, Дадаш. Надо действовать осторожно. За Ислама я что-то беспокоюсь. И на него зубы точат. И потом, как ты сам-то думаешь дальше жить? Надо собраться и саклю тебе построить.

— Вот это верно! — засмеялся Дадаш.

Хасау и Дадаш долго еще беседовали. Хасау встал, чтобы уйти, когда было за полночь. Дадаш проводил его и вернулся.

— Зайди в ту половину и отдохни,— предложила ему Халимат. — Ты что-то очень бледен. Устал, видно.

Фазика стелила постель. Дадаш медленно приблизился к жене. Фазика распрямилась и сжала руками голову.

— Ты знаешь, не верится мне, что это ты стоишь рядом со мной! Кажется, что это все — сон.

Прошла неделя. Возвратился Ислам. Всегда тихий Акташ походил на базар. Люди не устали еще дивиться одной вести, как возникала другая. Один говорил одно,

другой — противоположное. Кто бы не вышел за ворота, возвращался с какой-либо новостью. Ислам и Дадаш много рассказывали беднякам и батракам про Ленина... Богачи не знали, что предпринять, жили как на трясине. Хотели бы заткнуть людям рты, но были не в силах. Да и не знали — как.

Старшина Большого ущелья Мыртаз отбыл в Нальчик и долго отсутствовал. Кужон ждал его приезда...

35

С утра день выдался солнечным, теплым и ясным. Снежок, выпавший за дни ненастья далеко на горных хребтах, растаял.

Дадаш поднялся с зарей и позвал в помощники Адила и Канамата. Они сообща дубили кожу.

Средних лет мужчина в рваной одежде торопливо шел вверх по улице. Увидев Дадаша, он остановился у ограды. Поздоровался с Дадашем. Дадаш подошел к забору.

— Здравствуй, дорогой Чыннай, здравствуй! — Дадаш пожал ему руку. — Заходи в дом.

— Да нет. Я иду в межгит.

— Намаз совершать?

— Говорят, какой-то сход там будет. Ну, а ты разве не идешь?..

— Я даже не слышал о сходке...

— Как не слышал? Ведь сохта Сосрана-эфенди ходили по саклям.

— К нам никто не заглядывал,— сказал задумчиво Дадаш. — А о чем разговор будет?

— Этого не знаю.

— Надо пойти, послушать.

Дадаш вышел вместе с Чыннаем. Им составил компанию и Адил. По пути к межгиту они свернули к кузнице. Ислам и Мажит ничего не знали о предстоящем сходе, работали вовсю.

— Может, скрыть от нас чего-то хотели,— сказал Ислам, снимая фартук, перепачканный углем.— Мажит, брось работу! Давай собирайся, послушаем, может, что скажут интересное...

Возле межгита гудел народ. Кужон, Камбот и другие чанка перешептывались, сбившись в кучу у двери. Заметив Дадаша и его друзей, явно остались недовольны, посматривали на них исподлобья.

Наконец из двери вышел Сосран-эфенди с Кораном

в руке. Остановился у порога на лестнице, обвел взглядом собравшихся, что-то шепнул подошедшему Кужону. Шум стих, как плеск переставшего дождя.

Эфенди погладил козлиную бородку, еще раз оглядел собравшийся люд и начал:

— Жамауат, мы сегодня стеклись сюда от имени великого аллаха. Прошлой ночью видел я во сне пророка Магомета, с ним говорил я. Да будет вечная слава ему.

— Вечная слава аллаха ему,— повторили в толпе.

— Он передал мне завет: подлинный мусульманин не должен сходить с истинного пути. И землю, и воду раздал людям сам аллах, подтвердил Магомет. Потом пророк Магомет поведал мне, что очень осерчал на мусульман, которые поверили большевикам. Аллах не пощадит таких, не простит им грехов. Такой человек угодит после смерти прямо в ад. Вот и собрал я вас всех, чтобы поведать об этом. Мы мусульмане, о жамауат! С верою в это мы должны покинуть эту землю и сойти в могилу. Аминь!

— Аминь! Аминь!

— Если есть такие, что сбились с истинного пути, прошу молить аллаха о прощении во время намазов.

— Ты только послушай, что он болтает! — Дадаш толкнул локтем Ислама. — Как обманывает! Не видел он никакого сна. Не говорил он и с пророком Магометом.

— Тише, Дадаш, услышать могут,— сказал Чыннай.

— Пусть слышит!

Снизу мчалось несколько верховых. Жамауат повернулся посмотреть — кто это. Всадники повернули к межгиту.

— Аллахом клянусь, это старшина! — Кужон отделился от толпы, направился к подъезжающим.

Он не ошибся — Мыртаз, с ним три солдата.

— В честь чего сход? — крикнул Мыртаз еще издали.

Кужон коротко объяснил суть дела.

— Хорошо, очень хорошо!

Старшина повернулся к собравшимся:

— Я из Нальчика. Привез радостную весть. На Кавказе создано Дагестано-Терское правительство. Для борьбы с большевиками.

— Как это здорово! — Богатеи захлопали в ладоши.

— Путь большевикам на Кавказ перерезан. Дагестано-Терское правительство собрало большое войско. Его не осилить любой другой армии. Армия эта создана из чеченцев, ингушей, дагестанцев, осетин, кабардинцев и карачаевцев. Лучших сынов Балкарии решено тоже при-

влечь. Вот эти люди,— указал он на солдат,— прибыли к нам по этому поводу.

Чем дальше говорил Мыртаз, тем светлее становились лица богатеев, тем радостнее становилось у них на душе.

Старшина закончил речь, его окружили, благодарили, крепко жали ему руки. И солдатам, прибывшим с Мыртазом, оказали большую честь: приглашали по домам — праздновать.

Мыртаз и его попутчики отправились к Кужону. Богачи менее влиятельные поплелись вслед.

— Аллахом клянусь, тебе, Мыртаз,— начал Кужон,— раз привез ты хорошие новости, так и быть, прощаю тебе все свои обиды.

— Подожди, друг... — сказал Мыртаз, выпячивая грудь вперед. — Если Кавказ отделится от России и мы сами будем хозяевать, вот тогда, действительно, заживем!

— Хорошо, так бы было!

— Убей тогда меня своими руками, если хоть один из этих ублюдков посмеет поднять голову.

— Подожди, Мыртаз, я тоже тебе сообщу очень странную весть,— вдруг вспомнил Кужон. — Не одному мне удивляться!

— Какую еще странную весть? — удивился старшина.

— Помнишь о моем батраке Дадаше?

— Да, конечно.

— Так вот — он жив.

— Как это может быть?

— Наврали тебе тогда твои полицейские, что убили его.

— Не может быть!

— Клятву даю! Он где-то скрывался, теперь появился вдруг.

— Он что, неужели в ауле?

— Да, большевиков все хвалит, головы людям морочит.

— Подожди, доберусь я до него теперь уже сам! И такую мороку устрою! — Мыртаз даже скрипнул зубами. — Саламелик и Чонкай, значит, наврали мне. Пусть я буду последней собакой, если не вырву им языки!

Дома Кужон приказал слугам:

— Быстро разделать лучшую овцу.

Мыртаза и попутчиков его Кужон пригласил в зал. И чанки заняли места согласно своему состоянию и положению.

— Теперь вот какие дела,— начал Мыртаз, когда все

расселись и приготовились слушать. — По решению Дагестано-Терского правительства, надо укрепить полк в Нальчике. Из бездельников туда не возьмут ни одного человека. Только из семей высших сословий! Мы побывали в нескольких аулах и записали в полк подходящих. Теперь очередь за Акташем.

Все молчали.

Один из попутчиков Мыртаза вытащил из сумки бумагу и карандаш, приготовился писать.

— Чего молчите? — спросил старшина, глядя попеременно на каждого. — Ни одного человека, который мог бы держать в руках ружье, мы не можем оставить в ауле. Кто первый вызовется?

Какое-то время молчание висело в воздухе.

— Пишите нашего парня,— сказал Камбот, высоко вскинув голову.

— Фамилия, имя, год рождения? — спросил тот, кто держал бумагу.

— Багирханов Сафар... Двадцать два года ему.

— Ну, а еще кто?

— Пишите Элбека, пишите. — Кужон сообщил нужные сведения о сыне.

— Теперь кто?

— Пусть и наш идет. — Сосран нахмурился. — Надеюсь, аллах сохранит его от бед.

В списке оказалось около двадцати человек.

— После вкусного ужина Мыртаз встал и стал прощаться.

— Сегодня вторник,— сказал он, обращаясь к акташевским богачам. — К пятнице сыновья, их кони должны быть готовы, припасы и вещи собраны. До свидания!

Старшина со свитой побывал во всех аулах и наконец прибыл в Гюрен. Он не стал заходить к себе в дом. Во дворе «присутствия» два полицейских чистили ружья.

— Где Саламелик и Чонкай? — спросил грозно старшина.

Полицейские переглядывались. Каждый не желал выкладывать, что знает. Хотел, чтобы это сделал другой.

— Я вас спрашиваю! А ну отвечайте...

— Их нн-нет...

— Как так?

— К-к-куда-то сбежали они.

— Почему?

— Вас испугались,— сказал один из полицейских, обретя дар речи. — Услышали про кого-то в Акташе...

— Хватит! — Мыртаз грозно поднял кнут, покрутил им в воздухе.

Полицейские дружно зажмурились и съежились, как дождевые черви.

— Приведите их ко мне, найти, хоть из-под земли достать!

— Хорошо, хорошо, сейчас! — Полицейские кинулись к лошадям, привязанным к изгороди.

Свита старшины безмолвно следила за происходящим.

— Стойте! — крикнул Мыртаз полицейским.

Оба остановились как вкопанные, превратившись в каменные глыбы. Так и остались стоять спинами к старшине.

— А где Шаутай? — спросил Мыртаз.

— Недавно домой ушел,— промямлил один из полицейских.

— Пошлите за ним.

— Есть!

Мыртаз вошел вместе с сопровождавшими его воинами в контору. Он был красен, казалось, кровь его брызнет из вен.

— Дайте только освободиться от большевиков,— говорил он, прохаживаясь по комнате. — И вы увидите, какой порядок я установлю. Не буду больше терпеть всякие бесчинства. И непослушание.

Вошел Шаутай — первый помощник старшины. Он весело поздоровался с начальником и с другими. Но через секунду от веселости его не осталось и следа. Небольшой, сухощавый, он на глазах еще похудел и как бы уменьшился ростом.

— Что за гулянки! — гремел старшина. — Стоит мне отлучиться — и сейчас же какое-то безобразие! — Старшина потряс Шаутая. — Куда подевались Саламелик и Чонкай?

Шаутай хотел что-то сказать. Но Мыртаз не дал ему и рта раскрыть.

— Пошли сейчас же людей! Собрать сюда чанка и узденей.

— Хорошо. Сейчас.— Шаутай бросился к двери.

— Подожди-ка! Пошли в Акташ полицейских, пусть они привезут сюда этого... Дадаша.

— Есть. Но... — Шаутай запнулся.

— Что еще?

— Есть еще у нас... Один задержанный.

— Кто это?

— Асхат... Из Гыжгыта.

— А что он натворил?

— Заехал дубиной по голове узденю Судохану и чуть не убил несчастного.

— За что?

— По-моему, Судохан затеял спор с батраками... насчет земли. Кого-то из них огрел кнутом. Асхат палкой ему голову пробил.

— Что за дела такие, что?.. — Мыртаз зашелся в крике. — Где этот Асхат сейчас?

— В конюшне.

—Пусть и сидит там. И Дадаша приведите туда же... А наутро обоих в Нальчик отправим. Я напишу бумагу начальнику полицейскому. Через два-три дня сам поеду туда. Сделаю так, чтобы они сюда больше не возвращались. Давай быстро узденей созывай.

Дело шло к полуночи. В конюшне, сложенной из камня, полная тьма. Асхата заперли там еще днем. И хотя стояла полутьма, Асхат, когда закрыли за ним дверь, успел рассмотреть, что кроме кобылы, которая не в силах была встать на ноги от слабости, в конюшне ничего и никого больше не было. К вечеру полицейские пригнали еще пять лошадей. Асхат сидел в углу на сгнившем сене. Ему было слышно каждое слово, произнесенное снаружи полицейскими. Но они только переругивались. Асхат выжидал — он решил сбежать.

Пропели петухи — миновала полночь. Как поступить? Полицейские ходили взад-вперед. Асхат слышал каждый шаг. «Нет, так дело не пойдет». Асхат поднялся с места, подошел к двери.

Вдруг послышались громкие голоса и топот копыт.

«Хотят усилить надзор», — решил Асхат.

Двери на миг распахнулись, полицейские втолкнули в конюшню какого-то человека.

— Здесь, наверное, и черти завелись! — весело захохотал кто-то из полицейских. Дверь закрыли наглухо. Асхат удивился.

«Кто это может быть?» — вглядывался он в темную фигуру у двери. Но как бы ни всматривался, узнать было невозможно: темно, хоть глаз выколи. И приведенный стоял не двигаясь, глаза его понемногу привыкли к темноте.

— Кто ты? — спросил Асхат.

Дадаш, не ожидавший, что в конюшне есть кто-то, кроме лошадей, вздрогнул.

— Не бойся,— сказал Асхат, приближаясь.— Дадаш!..

Неужели это ты?! Никогда не думал, что мы можем с тобой так встретиться!

Они крепко обнялись. С детских лет Дадаш и Асхат дружили. Мать Дадаша была из Гыжгыта, и когда умерли его родители, Дадаш жил у старой тетки. В детстве Дадаш и Асхат почти не разлучались. И нанялись в батраки вместе. Однажды Дадаш остался как-то один в коше. Ночью забрался в стойло волк и задушил несколько овец. Услышав это, Бийберт, у которого служили друзья, стал стегать кнутом Дадаша — мальчику не было еще и двенадцати лет. Избил ребенка до полусмерти. И вот тогда-то Дадаш убежал в Акташ, нанялся в чабаны к Кужону. И после встречались они нередко с Асхатом. Но с тех пор, как Дадаш поколотил Элбека и скрылся, друзья не встречались

— Слышал я, что ты возвратился, поверь мне, не скоро пришел в себя от удивления,— сказал Асхат.— Хотел нагрянуть, чтобы повидаться с тобой. Поверь, никогда еще не видел я воскресшего человека, кроме тебя!

Не похожи были в эти минуты два горца на несчастных узников, скорей напоминали друзей, которые встретились на тое[1] и рады друг другу так, словно столкнулись после многих лет разлуки.

— За что тебя здесь заперли? — спросил Дадаш, когда первые минуты радости миновали.

— Привели, втолкнули, вот и сижу.

— За что?

— Знаешь ты большебрюхого Судохана?..

— Косого, что ли?

— Да. Стукнул я ему палкой по голове. А тебя за что привели?

— По правде сказать — не знаю. Может, думаю, Кужон хочет свести счеты.

— Может быть, может быть. — Асхат помолчал. — Кое-что я никак не возьму в толк. Когда пришла весть, что власть перешла к большевикам, богачи присмирели, как буганы со сломанными рогами. Теперь снова озверели. В чем тут дело?

— Не знаю, насколько верно, но, говорят, якобы богачи Кавказа создали новое правительство. Все сговорились. Хотят, видимо, отделить Кавказ от России, чтобы большевиков не пустить сюда. Сыновей ихних собирают в армию.

---

[1] Той — праздник.

Асхат хмыкнул, поглаживая концы усов.

— Клянусь тебе, действительно, почему-то они храбрятся. Плохи наши дела, значит. А что будем делать?

...Мыртаз проснулся рано. Гости, напившись вина из Сванетии (каждый год Мыртаз, обменивая на скот, привозил несколько бочек отличного вина из Грузии), сладко похрапывали. Хотел и Мыртаз еще поспать. Но мешал храп гостей. Когда он понял, что не заснуть, быстро оделся и вышел во двор. Дул пронизывающий ветер, Мыртаз сразу продрог.

— Уж зима настала,— сказал он себе. Застегнул пуговицы на черкеске, украшенной серебряными газырями. Вспомнил, что дел сегодня много. Решил ими заняться, пока гости спят. Вышел из ворот и услышал топот копыт.

— Кто это в такую рань решил размяться? — оглядываясь, продолжал путь. Через минуту всадник стоял рядом. Это оказался Шаутай.

— К тебе торопился я, Мыртаз.

— Что случилось?

— Упустили...

— Кого, чего упустили?

— Асхата и Дадаша.

— Чтоб вам поперек горла стало молоко матери! — Мыртаз быстро зашагал вперед, от быстрой ходьбы полы его черкески разлетались в стороны.

Шаутай, ведя лошадь под уздцы, плелся следом.

Прошло два дня. Полицейские были посланы на розыски беглецов. Но от них не поступало никаких известий...

Мыртаз и его гости обошли Гюрен, собрали всех, кто должен был пойти в армию, и однажды утром тронулись в путь.

Матери, что вышли проводить сыновей, плакали. Отцы же не показывали горя, гордо смотрели вслед. А молодые жигиты, похожие на дружек, посланных за невестою, веселились, торопясь покинуть аул.

— Я задержусь в Нальчике на несколько дней,— предупредил старшина Шаутая.— Если поймаете этих двоих, везите прямо туда, в Нальчик.

Мыртаз собрал в Большом ущелье более ста человек в армию. Морханов похвалил его за это и повысил в звании.

36

1918 год, февраль был на исходе. В Акташе жизнь напоминала туманный день. Непонятно было, как она текла. С тех пор как стало известно об образовании Дагестано-Терского правительства, богачи снова сдвинули шапки набекрень. Но про себя очень волновались за судьбы сыновей — о них долгое время ничего не было слышно. Ходят отцы к эфенди, те открывают страницы священной книги, говорят предписания великого аллаха, а гадалки раскладывают фасоль и кукурузные зерна...

Кужону не сидится дома. Каждую неделю он повадился в Гюрен, встречается там со старшиной, старается что-то выспросить, но возвращается, так ничего и не узнав. У Мыртаза только один ответ: «Пока ничего не известно».

Кужона волновала деятельность Дагестано-Терского правительства, об этом он тоже хотел знать. Только оно может служить опорой, бий это понимал. Если б это содружество окрепло, Кужон и за себя и за сына меньше бы волновался. И другие богачи надеялись. Обретут же они душевный покой только тогда, когда сыновья вернутся по домам. Но все пока неизвестно, нет никакой ясности.

Бедняки помалкивали, словно выжидая конца событий. Батраки по-прежнему служат богачам, и слуги с утра до позднего вечера ухаживают за хозяевами.

Ислам занят своим делом. Он целыми днями пропадает в кузнице. Но исчезновение Дадаша лишило его спокойствия. Нет места, где бы не побывал Ислам: в Осетии, в Кабарде, расспрашивал соседей. Но напрасны были его поиски, никто ничего не знал ни о Дадаше, ни об Асхате.

Фазика тоже пригорюнилась, ни один новый день не приносил ей радости. Ее настроение передалось всей семье.

Светало. Ислам прислушался. Мария стонала.

— Что с тобой? — испугался он.

Мария не смогла ему ответить, она ворочалась с боку на бок и громко стонала. Ислам быстро оделся, разбудил Фазику:

— Вставай, там с Марией что-то...

— О боже мой! — Фазика соскочила с постели. Не стала она одеваться, прямо из постели побежала к Марии.

Проснулись и другие в доме. Халимат тоже пошла к Марии. Адил и Канамат, ничего не понимая, выжидательно смотрели на Ислама. Только один Азрет был спокоен. Ему ни до кого не было еще дела. Не дали выспаться — разбудили, вот и трет он кулачками глазки. Раздался отчаянный крик Марии.

Азрет испугался и захныкал. Адил и Канамат недоумевали.

— А ну, затопите печь, быстро,— распоряжалась Фазика.— Ставьте воду на огонь.— Она успела накинуть на себя платье.

— Что случилось? — спросил Адил.

— Невестка рожает. Быстро грейте воду.

Адил и Канамат принялись за дело. Ислам вышел из дому. Канамат растапливал очаг. Адил схватил два ведра, умчался к реке. Он быстро принес воду. А огонь в печи уже занялся, шумел, горел, потрескивал.

— Однако мигом ты вернулся,— радовался Канамат, ставя чугун на плиту. — Здесь будем греть воду, Фазика так велела.

Из другой половины все еще доносились крики Марии. Фазика сновала по дому. Нашла нитки, ножницы. Выбросила все из сундука, нашла там чистые тряпки и быстро унесла туда, откуда слышались крики и вздохи Марии. Выбежит, подойдет к печи, пробует — согрелась ли вода. Азрет хватает ее за подол, она просит его не мешать.

Халимат как вошла в ту половину, так и не показывалась. Видно, у нее тоже там немало хлопот.

Ислам работал в хлеву. Давно этим не занимался — капли пота от напряжения выступили на лбу. Очистив хлев, принес сухой подстилки.

Адил и Канамат с криком прибежали к нему:

— Мальчика родила невестка, мальчика!

От этого известия на душе Ислама стало светло. Он быстро умылся, ушел в кузницу, чтобы никто ему не мешал раздумывать над радостной новостью.

...Наступил март, но тепла пока не чувствовалось. Снег таял медленно. Дороги развезло. Островками чернела земля, освободившаяся от снега.

Дело близилось к вечеру. Ислам и Мажит собрались домой и закрыли кузницу. И вдруг увидели группу всадников.

— Кто это может быть?

Ислам и Мажит всматривались в приезжих, но узнать не могли. Несколько всадников повернули к Акташу, другие помчались вверх.

Мажит взмахнул руками:

— Слушай, да это же сынки богачей, те, что пошли на войну с большевиками!

Ислам молчал. Он не отрывал взгляда от наездников. Все они были перевязаны, у того — голова, у другого — рука... Лохмотья свисали с них, как длинная шерсть с блудливых овец.

— Говорят, осел захотел, чтобы рога ему приставили, а вернулся без ушей! — наконец вымолвил Ислам. — Так и эти вояки домой возвращаются...

Люди выходили из домов, взобрались на крыши свои, смотрели на жалкое зрелище. Дети бегали по улицам. За минуту все село зажужжало, словно улей голодных пчел. Быстро разъехались «жигиты» по своим домам. Зрители же не торопились расходиться по домам, тихо переговаривались между собою.

Ислам не торопясь шагал к своей сакле по берегу реки Черен. Каждый, кто встречал его, останавливал вопросом:

— Наверное, ты знаешь что-нибудь, с чем вернулись эти паршивые псы?

Об этом же спрашивали Ислама соседи с крыш.

— Ничего я пока не слышал,— отвечал Ислам. Ему самому не терпелось узнать правду. Можно было зайти в дом к кому-нибудь, послушать. Но никто из них не был бы ему рад — это Ислам понимал прекрасно. Мир с этими людьми — невозможен, как у собаки с волком. Ислам поравнялся с саклей Кужона и уже свернул было на тропинку, чтобы пойти домой, когда услышал душераздирающий вопль. Он оглянулся и увидел жену Сосрана-эфенди. Та, причитая, рвала на себе волосы. Она колотила себя в грудь кулаками, рвала платье. Она выбежала только что из дверей сакли Кужона, рвалась из рук женщин, старавшихся ее удержать.

— Несчастное дите мое, погибшее в бескрайней степи! — кричала Кудас, что было сил. — Ушедший в землю без савана, сын мой несчастный, стал жертвой врагов, мое сокровище.

Вопли Кудас слышны были на другом конце аула. Люди спустились с крыш и, не заходя в дом к себе, стекались к дому эфенди Сосрана. Пока все сочувствующие успели

посетить эфенди и выразить соболезнование, поднялись крики на другом конце села, в другой сакле.

Полночь. Окна дома Кужона сверкали как в праздник. Домочадцы собрались в гостиной. Элбек растянулся на топчане. Другие окружили его и внимательно слушали его рассказ.

— ...Значит, привозят нас во Владикавказ. Накануне Нового года мы делаем набег на большевиков. Советы, комитеты, все разнесли в щепки. Любого, кто встретится на пути, не щадим! А к одному большевику мы с Сулейманом прямо домой зашли, там и задушили его вместе с женой.

— Так им и надо! — прошипел Кужон сквозь зубы.

— ...Вышли мы оттуда и направились в другое большевистское гнездо, но тут кто-то из-за угла ухлопал Сулеймана. Другая пуля просвистела мимо моих ушей.

— Видно, дошли до аллаха мои молитвы,— промямлила Баблина.

— ...После этого били мы их в Грозном и в Нальчике... поймали одного, повесили вверх ногами. Каждый из нас вырезал из него какую-либо часть, так и отдал душу аллаху.

— Как это можно! — вскрикнула Аминат и со страхом глянула на Элбека.

— ...Поначалу дела у нас шли отлично. Но потом все же большевики начали допекать. Хоть бы вы видели этих батраков, как голодные шакалы сбегались со всех сторон. Выстроились они за большевиками, помогли им, вот и довели нас до падения! Разве их всех можно перебить. Кажется, вся земля усыпана трупами.

— Чем же все кончилось и где сейчас Дагестано-Терское правительство? — спросил Кужон.

— Нет теперь правительства, отец! Мы тоже еле ноги унесли.

— Значит, власть перешла в руки большевиков?

— Да.

Кужон побледнел, потом на щеках его выступили багровые пятна. Глаза смотрели, как две свинцовые пули, готовые поразить цель. На миг в доме воцарилась мертвая тишина. Кужон не мог сосредоточиться, не мог дальше расспрашивать. Мрачная весть забралась за пазуху ядовитой змеей и свернулась клубком. Он пристально смотрел на сына. Глаза, полные злобы, как бы спрашивали: правду ли ты говоришь, не путаешь ли? Элбек хотел было отвести свои глаза в сторону. Но это не удава-

лось. «Нет, ты уж говори как есть, не крути!» — читал он во взгляде отца. Не хочет бий поверить в то, что земля уходит из-под ног.

— Как же погиб сын Кысыка? — спросила Баблина, чтобы нарушить тягостную тишину.

— Во время терских боев,— ответил Элбек, оторвав взгляд от отца и уставившись на мать. — Заметил я, как он с воплем падал с коня.

— Несчастный...

— Многие погибли из Гыжгыта. Погиб и сын Курмана,— говоря об этом, Элбек посмотрел на отца. Курман был одним из близких друзей Кужона. Элбек думал, что весть о гибели сына друга отвлечет отца. Но Кужон и бровью не повел. Весь он кипел злобой.

Хоть и старались все эти вести скрыть от бедняков, они все же узнали правду. Они торжествовали и не считали нужным скрывать радость. И кто-то уже песню сочинил по этому поводу:

Парни чанка в путь шли гордо,
Каждый был как зверь.
Им в бою набили морды —
Лечатся теперь.

37

С самого утра слышен стук кузнечного молота. Если и умолкает, то ненадолго. Перед обедом Мажит, вытирая рукавом выступивший пот с лица, вышел из кузницы. Он заметил трех всадников, приближавшихся с нижней стороны аула; они миновали место ныгыша и направились прямо к кузнице.

— А эти кто же такие? — спросил громко Мажит.

— О ком ты там говоришь? — выглянул в дверь Ислам. И он увидел верховых. В течение минуты несколько раз лицо Ислама менялось. Сердце застучало неровно. И вдруг показалось Исламу, будто сильные руки подхватили его и побросили в воздух. И он сам не понял, как очутился за порогом.

— О-о! Ислам, каким мужчиною ты стал,— обратился к нему один из верховых, придерживая коня. Он с трудом выбрался из седла и заключил в объятия еще не опомнившегося Ислама.

— Серго... Серго... — Голос Ислама дрожал. — Здравствуй!..

— Здравствуй, друг мой, здравствуй!.. Разве не гово-

рил я тебе, что увидимся еще... — Серго повернулся к друзьям. — Это Ислам. О нем я так много рассказывал.

— Поняли мы, что это он. — Попутчики Серго весело поздоровались с Исламом.

— Эхе-е, а Мажита и не узнать! — Серго обнял помощника Ислама, смущенно приблизившегося к нему. — Ты тоже вырос. Живи долгие годы! Как отец?

— Хорошо, здравствует.

— Прекрасно.

Всадники спешились.

Люди собирались в кузнице. И скоро все в ауле узнали о возвращении Серго.

Бедняки приветствовали Серго как родного, обнимали его. Они не забыли его доброты. Когда Серго скрылся, а полицейские явились в аул, чтобы узнать, куда тот девался, неимущие волновались.

— Не дай аллах, чтобы Серго попался в руки этим псам. Да он и не дался.

О возвращении кузнеца Кужон услышал за обедом. Он со злостью отстранил миску с мясом, встал, схватил со стены заряженное ружье.

— Собачье отродье, теперь ты не уйдешь от меня!

Домочадцы с ужасом смотрели на хозяина. Кужон нахлобучил на голову папаху и вышел из дому. Баблина, Элбек, Аминат и Ариубат кинулись за ним. Кужон остановился у ворот и издали глазел на народ, собравшийся у кузницы.

— Э, киши, остуди кровь свою! Разве в ауле некому взять ружье в руки, кроме тебя? — Баблина нерешительно подошла к мужу.

Руки и голова Кужона тряслись. Он долго стоял, потом что-то вспомнил, вернулся в саклю. Вслед за ним, еле переводя дыхание, вошел и Камбот.

— Что будем делать, Кужон! Снизу большевики пожаловали в село, не знаю, что они замышляют, но народ уже собрался.

— Надо пойти и нам! Если не пойдем — подумают, мы испугались.

— Значит, ты думаешь, что...

— Да, не только ты да я должны идти. Уздени, чанка соберутся у кузни.

Кужон решил так: если все богачи сойдутся вместе, то большевики не решатся сказать всего, что думают. «И наши голодранцы тоже опустят хвосты...»

Кужон велел оседлать гнедого. Серебряные газыри на

белой черкеске биа и украшения на поясе поблескивали под лучами солнца. Коричневая каракулевая папаха дополняла его праздничный наряд. Он гордо подбоченился. Все богатеи двинулись за Кужоном. Подъехав к кузнице, узнали Серго. Он с каменного забора говорил:

— ...Восемнадцатого марта в Нальчике состоялся первый съезд трудящихся Кабарды и Балкарии. Съезд восстановил Советскую власть в Кабарде и Балкарии. Да здравствует Советская власть!

Бурные хлопки людей и возгласы заполнили ущелье. Кужон направил своего коня, грызущего удила, прямо к Серго.

— Чего морочишь головы людям? — грозно спросил он. — Кто дал тебе такие права?..

— В первую очередь, Кужон, ты должен поздороваться,— бесстрашно заметил Серго. — Прошло немало времени, как мы с тобою не виделись.

— Много чести, несчастный голодранец!

— Чего ты с ним церемонишься? Сруби голову с плеч этого пса,— провизжал кто-то из свиты Кужона.

Бедняки сжали кулаки и грозили богачам. Серго поднял руку. И опять стало тихо.

— С сегодняшнего дня бедняки и батраки — все свободны. Труд ваш будет принадлежать вам. Земля и вода ваши. Так сказал Ленин.

От радостных возгласов зазвенели горы.

— Слово предоставляется председателю народного Совета Нальчикского округа Жантемирову Сафару,— объявил Серго.

Человек средних лет, с цепкими и яркими глазами, забрался на забор рядом с Серго.

— Братья мои, сестры,— начал он. — Товарищ Бакрадзе вкратце объяснил вам суть дела.

— Что за Бакрадзе еще? — спросил кто-то.

— Я говорю про Серго,— ответил незнакомец, улыбаясь. — Наверное, не все знают, что Серго — это прозвище, а имя и фамилия его — Нико Бакрадзе.

Тихий гул, словно шелест травы под ветром, пробежал в толпе.

— Дорогие акташевцы,— продолжал приезжий,— с сегодняшнего дня решено в вашем ауле установить Советскую власть. Теперь все свои дела будете решать сами. Прошло время, когда все вынуждены были кланяться богачам. Советская власть установлена во многих балкарских аулах. Чтобы и у вас так было, надо организовать

Совет, выбрать комиссара. Кто достоин этой чести? Называйте!

— Пусть Ислам будет! — крикнули из толпы.

— Да, мы его хотим,— подхватили голоса.

Вся собравшаяся беднота подтвердила желание видеть комиссаром Ислама. Серго и его попутчики поздравили сына Жамбота.

Ислам от смущения не знал, куда деваться, краснел, терялся.

После этого выбрали членов нового сельского Совета.

Все попытки богачей протестовать — разбивались настойчивостью бедноты. Кужону и его приспешникам не давали и слова сказать.

— Жамауат! — удалось наконец Кужону заговорить.— Не давайте обмануть себя! Они хотят, чтобы двери ваших домов навсегда закрылись, а очаг был залит водой.

При первых же словах Кужона бедняки покинули сход.

Только богачи слушали болтовню Кужона. В кузницу к Исламу пришли приезжие.

— Вот, друг мой, настало то время, о котором мы так долго мечтали,— сказал Бакрадзе. — Ну, а теперь — проводи в жизнь линию Советской власти. Только запомни одно: будь осторожен. Вокруг подстерегают враги. Их еще много у нас с тобой. Видишь, как подняты гривы у этих имущих. Они вне себя от злости и будут всячески бороться, пойдут и на ложь и на убийство.

Гости покидали Акташ. Ислам настаивал, чтобы те зашли к нему в дом,— перекусили и только потом продолжили путь. Но приезжие торопились: они попрощались и двинулись дальше — вверх по ущелью — в сторону аула Гыжгыт.

В Акташе настал праздник. Бедняки ходили друг к другу, делились радостью: наступила новая жизнь.

Ислам не мог успокоиться. Все ему казалось, что он видит чудесный сон и вот-вот проснется. «Кто мог предполагать, что настанет новое время! Как здорово все получилось! Как теперь все хорошо...» — душа его пела, и ему чудилось, что она выплескивается за горы, что окружали его с детских лет.

И несмотря на предупреждение Серго, он даже угадать не мог, какие трудности встретятся ему на пути, как извилиста будет дорога к полному счастью. Нежданно-негаданно на второй день из Гыжгыта пришло тяжелое известие. Будто бы, когда Серго выступал на сходе, кто-

то в него выстрелил. Услышав это, Ислам поскакал в Гыжгыт. С ним — несколько человек из бедноты. Они и доехать не успели до аула, как увидели арбу с впряженными в нее волами, она по ущелью двигалась медленно им навстречу, а по обе стороны ее молчаливые люди. Ислам соскочил с коня. Он увидел: на сене — смертельно бледный Бакрадзе. Ислам на миг задохнулся.

— Серго! Что это случилось? — смог только вымолвить Ислам, склонившись над другом.

Бакрадзе с трудом разомкнул глаза и молча глянул на Ислама.

— Рана тяжелая, пуля попала в грудь,— сказал Сафар, сопровождавший среди прочих Серго. — Надо побыстрее доставить его в Нальчик.

Когда поравнялись с Акташем, весь аул у дороги скорбно встретил арбу. Женщины запричитали было, но узнав, что Серго, несмотря на тяжелое ранение, жив, порадовались.

Ислам хотел сопровождать Бакрадзе до самого Нальчика, но Сафар воспротивился этому.

— Ты комиссар, дел у тебя сейчас много. Нельзя тебе отлучаться из аула.

Ислам еще не вполне понимал — в чем заключалась его роль. Он по-прежнему ковал железо в кузнице — и только. Больше и делать вроде бы нечего. Никто не приходил с жалобами и просьбами. Богачи умолкли. Все вроде бы тихо-спокойно. Члены Совета тоже молчали.

Никто и не думал, что в один прекрасный день в аул нагрянут вместе Дадаш и Жюнюс. Все, от бедняков до богачей, были изумлены их появлением.

— Если эти двое ничего не боятся, значит, и верно, что Советская власть установлена,— говорили в Акташе.

Дадаш и Жюнюс сидели дома, разговаривали с соседями, которые заходили, чтобы их проведать.

Фазика светится, как солнышко, все в доме радуются. Азрет не слезает с коленей отца.

Дом Жамбота полон гостей. Все, кто приходит поговорить, слушают, раскрывши рты, попеременно то Дадаша, то Жюнюса.

— Асхат и я в тот же вечер,— рассказывал Дадаш,— когда сбежали из конюшни Мыртаза, добрались до Чатла. Ну, оттуда подались в Осетию. Долго бродили, оказались во Владикавказе. Асхат говорил, что у него там есть верный друг, вот мы и пошли искать его. В конце концов отыскали. И действительно, дай аллах ему дол-

гой жизни, человек оказался на редкость добрым. Зовут его Сосланом. Познакомились они с Асхатом еще в Нальчике, в тюрьме, подружились там же. Как бы там ни было, Сослан очень радушно нас принял. Ну, а чтобы никто не знал, что мы беглецы, он созвал соседей, говорил им, что мы — его родственники из Балкарии. Несколько дней мы жили в его доме. Как трудно сидеть без дела, я это понял тогда. Асхат и я очень скучали. Говорим Сослану, так, мол, и так. Он нас знакомит с рабочими из Садонской шахты, и мы устроились на работу. Однажды выходим на базар, чтобы обуться, одеться. Кончили с покупками, возвращаемся и столкнулись лицом к лицу с Жюнюсом.

— О, аллах, представляю вашу радость!.. — сказал один из гостей.

— Ну а как вы думаете, конечно! Жюнюс не отстал от нас, пока мы не согласились ехать с ним вместе в одно село. Едем, а там, оказывается, у него дом свой, жена осетинка-красавица.

— Эхе-е-е... — глянули люди на Жюнюса.

Жюнюс опустил глаза.

— Ну, мы с Асхатом возвращаемся опять в шахту, начинаем работать. А после вступили в большевистский отряд, воевали с беляками. И когда узнали, что установлена Советская власть, решили вернуться в родные края.

— Чего это жену не привезли? — упрекнула Халимат.

— Не беспокойся, мать, настанет время — привезем,— ответил Жюнюс.

Мария хлопотала во дворе. Вдруг она вошла в дом — бледная и дрожащая.

— Кужон к нам явился.

Все переглянулись.

— Что это ему нужно? — Ислам поднялся и вышел во двор.

— Говорят, твой брат вернулся, верно это? — спросил Кужон, даже не поздоровавшись.

— Да, прибыл,— коротко ответил Ислам.

— Вызови его сюда.

Ислам помедлил, потом приоткрыл дверь и крикнул брата. Жюнюс немедленно вышел. Вслед за ним остальные — и гости, и хозяева.

— Салам алейкум,— сказал Жюнюс Кужону.

— Где овцы? — мрачно спросил Кужон.

— Какие такие овцы?

— Не болтай много, говори, куда девал моих овец?

— Я и видеть не видел твоих овец!

— Думаешь, так легко отделаешься от меня?

— Нет, Кужон, я так не думаю. Мой отец долгое время гнул на тебя спину, мы еще не рассчитались сполна.

— Собачье отродье, разве ты не знаешь, что отец твой сдох моим должником? — проревел Кужон.

— Кужон, попрошу не забываться. Ведь чту твой возраст я, а кричать я тоже могу.

— Верни овец по-хорошему. Если не так, я сумею поступить по-плохому.

— Не надо тешить себя надеждой, Кужон. И не пытайся меня испугать. Если я тебе сейчас пообещаю пригнать овец, стану лжецом, не только перед тобой, но и пред аллахом, и перед собой, что самое страшное.

— Ах, так?

— Да, да, именно так.

— Тогда посмотрим! — Позеленевший от злости Кужон важно удалился.

— Как бы он не натворил чего, сын мой! — забеспокоилась Халимат.

Жюнюс рассмеялся.

— Не беспокойся, мать, теперь они для нас не угроза...

Жюнюс долго смотрел вслед удаляющемуся Кужону, и кровь в нем кипела от ненависти. И неожиданно вспомнил он вдруг свои детские годы. Годы, когда он играл с сынками богачей, превращался для их забавы в четвероногое животное. Ему от этого воспоминания стало не по себе, он ненавидел себя в эту минуту.

38

Прошло около месяца. Сафар с несколькими товарищами снова посетил Акташ. Они и на этот раз прибыли прямо в кузницу.

— Как хорошо, что вы приехали! — Ислам весело здоровался с гостями. — Мы не знаем своих обязанностей. Не ведаем, с чего начать.

— Как это не знаете? Землю поделили? — спросил Сафар.

— Нет.

— Почему же?

Ислам пожал плечами. Сафар приказал собрать членов Совета. Созвать всех взялся Мажит.

— Как Серго? — спросил Ислам. — Мы слышали, поправляется.

— Ничего. Начал подниматься. Прислал приветы.

— Пусть здравствует долгие годы!

— Тот раз ты рассказывал о Дадаше. Что, еще он не вернулся?

— Вернулся, как же!

— Дома ли?

— В горах. Он должен сейчас прийти.

— Хорошо,— Сафар задумался. — Надо будет отвести помещение для сельского Совета. Без конторы дело не пойдет.

— Об этом и я думал. Но в селе нет свободных домов.

— Сафар долго рассматривал кузницу снаружи и внутри. И сказал:

— Пока постройте новый, этот годится. Надо перегородить, двери пробить с улицы, а на крышу водрузить красный флаг.

Постепенно собрались все члены Совета. Пришел и Дадаш.

— Открываем первое заседание Совета. Есть ли среди вас знающие грамоту? — спросил Сафар.

Никто не ответил.

— Если так, протокол веди ты, Мазан,— обратился Жантемиров к одному из прибывших вместе с ним. Тот вытащил из черного мягкого портфеля бумагу и карандаш.

— В первую очередь считаю нужным рассмотреть вопрос об укреплении нашего Совета. Не возражаете?

— Правильно, верно.

— Если так, я предлагаю в члены Совета избрать еще Боранова Дадаша. Кто что хочет сказать по этому поводу?

— Мы согласны!

— Правильно.

— Кто за него, поднимите руки... Итак, Дадаш, ты становишься отныне членом Совета. Второй вопрос, о разделе между бедными земель богачей.

Одни захлопали в ладоши. Другие недоверчиво смотрели на Сафара.

— Настает время пахоты,— продолжал Сафар. — У бедняков должна быть земля. У вас нет ни возможности, ни права затягивать дальше это дело. Надо учесть число членов каждой семьи и, исходя из этого, наделять их землей. Поняли?

Члены Совета растерянно переглядывались. Чыннай хотел было что-то сказать, он уже раскрыл рот. Но воздержался. Сафар это заметил:

— Говори, здесь таиться нечего!

Чыннай отрицательно покачал головой, его долго уговаривали соседи, наконец он встал:

— Если мы начнем делить хозяйские земли, что скажут сами хозяева?

— Забудь это слово «хозяева»,— сказал Сафар. — Не хочешь нового, значит, будем жить по-прежнему. Боимся, как бы не возмутились чанка! Так выходит, решение Советской власти надо выполнить. Земля теперь принадлежит не богатому. Вы теперь ее хозяева. Поняли?

Чыннай пожал плечами и сел.

— Бояться больше нечего и некого. Дело так не сдвинется. Кто еще что хочет сказать?

— А чанкам тоже полагается доля земли? — спросил Ислам.

— Да, по числу членов семьи, как всем. Одинаково... Исключений нет и не будет. Поняли?

— И луга подлежат дележке? — недоуменно выкрикнул тот же Чыннай.

— Все-все будете делить! Ни одна семья не должна остаться без надела.

...На другой день Ислам с Дадашем поднялись рано. В кузнице оказался один Чыннай.

— Где другие? — спросил Ислам.

— Не видать пока никого.

Когда первые лучи солнца протянулись из-за горы к Акташу, все члены Совета, кроме Шохая, собрались в кузнице.

— Может, заболел он. — Ислам попросил Мажита позвать Шохая.

Мажит вернулся смущенный.

— Где Шохай? — спросил Ислам.

— Не придет.

— Как это не придет?

— Сказал: не буду вмешиваться в дележку земли.

— Почему это? — встревожился Ислам.

— Этого он мне не объяснил. Просто сказал: не буду.

— А-а,— вмешался Чыннай,— ведь жена его — родственница Камбота. Видно, неудобно перед ним.

— Если так, без него обойдемся,— сказал Ислам.

Перешли на другой берег реки. У скалы Чокрак начинались земли Кужона и тянулись до Волчьих пещер. Как будут делить земли, еще вчера уточнили на заседании Совета после отъезда гостей в Нальчик.

— Сперва надо разделить земли других богачей, а

потом бросаться за земли Кужона,— говорили некоторые члены Совета. Но Ислам не был с этим согласен.

— Если надо повалить наземь бугая, то не за хвост его берут, а за рога!

Как только члены Совета оказались на земле, принадлежавшей Кужону, сбежались к скале его жены, Элбек, Ариубат и слуги. Элбек держал ружье наперевес. Хышмыш вооружился длинной палкой. Глаза Элбека налились кровью, он вплотную приблизился к Исламу.

— Всех вас перебью, как собак, если сию же минуту не покинете землю нашу,— скрежетал он зубами. — Пользуетесь тем, что отец в Нальчике.

Дадаш взял Элбека за ворот рубахи и внушительно сказал:

— Не греми-ка, друг мой, не гневи меня вновь. И так руки чешутся!

Хышмыш поднял палку над Дадашем. Но его вовремя за руку схватил Ислам. Работа в кузне помогла Исламу. Он вышиб палку у Хышмыша и оттеснил его к скале.

— О день мой померкший, вы же можете убить человека, съесть его мясо, сдирая по куску,— била себя в грудь Баблина. — Что здесь, на нашей земле, головы ваших умерших предков? Чего вы здесь потеряли, вонючие голодранцы? — визжала она. — Не стерплю, подожгу ваши вонючие сакли.

— Что-то разболтались вы тут, тетушка,— смеясь сказал Чыннай. — А ну, умолкни!

— Ой, аллах, вы только посмотрите на этого вшивого... И тебе земля нужна? А может, вместо этого возьмешь все мои болезни на свою голову, а?.. — оскалила Баблина зубы.

На шум сбежался весь аул. И млад и стар, все собрались там. Их сопровождали дворняги. Шум стоял немыслимый.

— А знаете, как возмутится бий, коли приедет да узнает, что вы тут затеяли,— сказала Ариубат, бросаясь на помощь свекрови. — Аллахом клянусь, не пощадит он вас!

Ислам, не обращая на все это никакого внимания, начал шагами отмерять землю.

— О аллах, пошли ты этому оборванцу такую болезнь, чтобы он и шагу не мог отныне сделать, чтобы встать он на ноги был не в силах... — Баблина долго проклинала Ислама.

Элбек направил дуло своего ружья на Ислама. Кто-

то в общей свалке успел отвести ружье в сторону. Пуля попала в скалу, отбила кусок.

Люди лавиною пошли на Элбека. Жены Кужона и слуги разбежались. Убедившись в своей беспомощности, и другие чанка разбрелись по домам.

— Харун, твоя земля начинается отсюда и доходит вон до той темной глыбы,— обратился Ислам к горцу, одежда которого свисала лохмотьями, и крепко пожал бедняку руку.

Тот словно не мог поверить своему счастью — долго смотрел на Ислама.

— Чего это ты такой нерешительный! Аллах тебе в помощь, пусть он пошлет тебе счастье вместе с землей!— Хасау пожал Харуну руку. Лицо Харуна посветлело. Глубокие морщины на лбу разгладились. Он взял горсть земли и приложил к щеке.

— Каншау, а твоя земля — вон до того бугра, видишь? — продолжал Ислам. — Кожак, а ты иди сюда... Видишь, тот замшелый камень. Вот часть, что тянется оттуда, вся твоя...

За день были розданы земли Кужона. На другой день делили земли других биев. Никто уже и не пытался протестовать. Видно, поняли богачи, что ничего не поделаешь. Надо смириться.

Жители аула после передела приступили к работе на своих новых участках. С нетерпением ждали богачи возвращения Кужона. Гадали, что он предпримет? Но Кужон молчал. Ни светлым, ни черным словом не поминул членов Совета. Непонятно было, что у него таилось на душе, делиться своими мыслями он не стал ни с кем.

39

В начале июня вызвали Ислама в Нальчик на совещание. Жюнюс тосковал по семье в Осетии и вышел из дому вместе с братом, намереваясь тоже отправиться в путь.

Вдруг Фазика воспротивилась:

— Уехать всегда успеешь, побудь с нами еще немного.

Жюнюс прикинул, Дадаш начал строиться, что подумает он, если уеду — не помогу, и остался.

Лил дождь. С появлением солнца преобразились склоны гор, берега, оживились и люди. Все радовались светлым дням. Новые хозяева любовались зазеленевшими пашнями.

Не было веселья только у чанка. Они предпочитали сидеть по саклям. Говорили только между собой, бывших бедняков не замечали. Или при встрече с ними хмурились.

Быстро растут стены сакли Дадаша. Пять мужчин работали наперегонки: Дадаш, Жюнюс, Адил, Канамат и Мажит. Начинали с зарей и трудились до поздней ночи.

Сегодня был жаркий день. Умывшись, они сели перекусить, когда вошел Ислам, явно чем-то встревоженный.

— Плохи дела,— сказал Ислам, садясь на топчан.— Богатеи поднялись против Советской власти.

Лицо Дадаша вытянулось и стало похожим на пасмурный день.

— Ты что это, может, шутишь?

Ислам отрицательно покачал головой.

— Говорят, главарь у них — какой-то Шкуро. Сюда же придет кабардинский князь... Даутоков, по другому зовут его Серебряковым. Две фамилии носит. Надо быть начеку. Теперь опять подымут головы богатеи.

— Так и будет, клянусь тебе. Плохо, что мы безоружны.

— Я привез с десяток ружей и патронов.

— Э, это совсем хорошо! Где нашел-то?

— Серго выхлопотал.

Неприятная весть распространилась быстро. Кое-кто из новых хозяев земли боялись выходить на поля. Богатеи подняли головы.

— Богачи хотят сломить нас. Хотят, чтобы мы снова служили им. Но теперь мы этого не потерпим,— говорил Ислам.— Не станем спокойно подчиняться, терпеть гнет. Бояться нечего. У кого ружье, пусть берет! У кого есть топор — пусть вооружится им. Вилы тоже пригодятся в умелых руках.

Слухи множились, каждый день приносил что-нибудь новое. Люди были насторожены, как перед грозой.

Ислам ружья, что привез из Нальчика, раздал таким испытанным жителям, как Мажит, Дадаш, Жюнюс. Адил и Канамат обижались. Им оружия не досталось.

— Наберитесь терпения, если понадобятся, и для вас найдем,— успокаивал их брат.

...Ислама ночью разбудили выстрелы. В доме царила полная тьма. Он соскочил с постели и нечаянно разбудил Марию. Проснулся и Алим, заплакал.

— Что случилось, Ислам?— спросила Мария испуганно.

— Присмотри за ребенком. Я и сам ничего пока не пойму.

Ислам, кое-как одевшись, вышел из своей половины. Дадаш, Жюнюс, Адил и Канамат были на ногах.

— Кажется, беляки прибыли уже! — Ислам выскочил во двор.

Дадаш, Жюнюс и Адил — следом. Канамата остановила Фазика:

— Чего тебе надо? А ну сядь на место...

На улице тоже было очень темно. Все: Ислам, Дадаш и Жюнюс — перепрыгнули через забор, очутились на улице. Адил, взяв в руки вилы, поспешил за ними. То там, то здесь раздавались выстрелы. Ислам остановился в нерешительности — куда же податься? Вдруг уловил в темноте крадущиеся фигуры. Люди шли снизу. Все они были вооружены.

— Один, два, три, четыре... — про себя считал Ислам, прижав приклад ружья к плечу. Один из вооруженных показал рукой на дом Ислама.

— Вот здесь,— прошептал он. Дом окружили.

— Кто вы? — крикнул Ислам. — Погодите!

Вооруженные бросились врассыпную. Беспорядочно палили из винтовок. Ислам и его помощники тоже открыли огонь. Один из налетчиков, вопя на весь аул, упал у забора. Пули, задевая камни, со свистом пролетали то там, то тут.

Жюнюс заметил двоих, бежавших по противоположной стороне улицы, и бросился следом. Он вдруг споткнулся, постарался удержаться на ногах, шатаясь добрел до каменной ограды и упал на нее грудью.

— Что с тобой — Дадаш уже стоял рядом.

— Беги за ними.

Жюнюса, явно терявшего силы, подхватил на руки Дадаш.

Ислам и Адил подбежали к брату.

— Оставьте меня,— умолял Жюнюс. — Догоняйте этих псов... Не отпускайте!

Дадаш и Адил внесли Жюнюса в саклю.

Женщины запричитали, принялись рвать на себе волосы.

— Перестаньте,— распорядился Дадаш. — Чего оплакиваете живого? — Он внимательно осмотрел рану при огне лучины. — Воды горячей, быстро! — бросил он через плечо.

Пуля разворошила правую икру, кость оказалась незадетой.

Дадаш быстро перевязал рану, вышел за порог.

Занимался рассвет. Выстрелы раздавались издалека. Ислама и Адила поблизости не было. Выли собаки, заглушая остальные звуки.

Дадаш подошел к убитому, взял его винтовку.

Появился Адил.

— Как там Жюнос?

— В порядке. А куда вы подевались?

— В кузнице были. Мажит ухлопал одного. Его ружье отдали мне. Вот.

— Ислам где?

— Был с нами. А сейчас с другими у скалы Чокрак.

— Зачем он там?

— Туда, говорят, убежали эти... враги.

— Тогда пойдем туда тоже!

Канамат выскочил из дому:

— Прошу вас, возьмите и меня,— просил он.

Дадаш отдал ему винтовку, которую только что взял у убитого.

— Охраняй домашних,— приказал он брату.

Канамат от такого ответственного поручения почувствовал себя взрослым. Держа винтовку наперевес, шагал взад и вперед вдоль забора. Только побаивался подойти ближе к убитому.

Вышла во двор Халимат и обомлела, увидев вооруженного Канамата.

— О день мой ясный! — вскричала она. — Чего это ты с ружьем-то? Не молод ли?

— Не шуми, меня оставили вас охранять,— с гордостью произнес Канамат.

...Ислам и его друзья, возвращаясь домой, подошли к дому Кужона. Бий, прогуливавшийся по двору, посмотрел на незванных гостей неприветливо.

— Кто такие, что напали ночью на село? — в лоб спросил Ислам.

— Не знаю,— нахмурился Кужон.

— Нет, знаешь,— твердо сказал Ислам.

— Говорю, не знаю.

Кужон не отвечал на вопросы.

Аул будоражило. Жители разделились, одни толпились у кузницы, другие осаждали саклю Ислама. Любопытные вглядывались в лица убитых.

Но угадать, кто это такие, никто не мог. Рассмотрели, что оружие — немецкое.

Ислам беспокоился: «Кто мог сюда явиться с иноземным оружием?»

На взмыленном коне к сакле подскакал Асхат.

— Слава аллаху, все живы! — сказал он, видя Дадаша и Ислама. — Я беспокоился. Неужели, думаю, эти псы и с вами разделались.

— Откуда ты узнал о нападении? — спросил Ислам.

— Не одних вас беда настигла. Вижу, вы легко отделались. У нас — события пострашнее.

— Значит, напали и на вас тоже?

— Комиссара убили, много раненых.

— Вот тебе раз!

— А о Гюрене вообще не спрашивай. Там и комиссара и других членов Совета уничтожили. Контору подожгли.

— Кто такие?

— Бандиты из-за гор. Прислали их оттуда...

— Кто послал-то?

— Скорее всего, бывшее Дагестано-Терское правительство.

— Ну?..

— Мы-то не знали, а главари сбежали и обосновались в Грузии, оказывается.

— Ну да!

— Они там вели переговоры где-то и с немцами, и с турками, попросили у них оружия и послали наемных бандитов.

— Откуда тебе это известно?

— Мы поймали двоих. Все они выдали. Надо соблюдать осторожность. Они могут еще раз напасть.

Каждую ночь начеку стояли ребята Ислама. Но пока было тихо.

Рана Жюнюса затягивалась, но вставать он еще не мог.

Вдруг долетела недобрая весть в Акташ: Шкуро захватил Нальчик, большевики разгромлены, Советская власть свергнута. И незадолго до этого в Большое ущелье вошла армия Серебрякова.

Голова Ислама распухла от дум. «Как быть? Неужели мечты о лучшей жизни окажутся только мечтами? И бедный снова будет батрачить на биев? Теперь чанка вовсе озвереют. Они с каждого сдерут по семь шкур. Будут мстить. Так, так... Что это я ударился в невеселые размышления. Серго разве этому учил? Жить надо в по-

стоянной борьбе. Если нападает стая волков — разве от них спрячешься. Все равно настигнут! Надо истребить до единого, иначе они тебя растерзают!»

— Ислам, нельзя сидеть сложа руки,— перебил Дадаш размышления комиссара. — Пришло время на что-то решиться!

Ислам поднял голову, внимательно посмотрел на Дадаша, помолчал. Потом стремительно подошел к стене, снял висевший на ней отцовский кинжал. Вынул из ножен.

— Отец! — сказал он торжественно. — Чтобы выполнить твой завет, готов даже на смерть. Но жизнь свою дешево не отдам!

Все, оценивев, смотрели на Ислама. Он повесил кинжал на ремень.

— Канамат, ты не покидай дома. — Ислам похлопал по плечу младшего брата. — Видишь, к Жюнюсу еще не вернулись силы. Женщинам нужны мужские руки, мужская забота.

Ислам, Дадаш и Адил взяли винтовки.

Погода портилась. Из-за скалы Чокрак выползали черные тучи, нависли над аулом.

— Каждый, кто готов биться за Советскую власть, присоединяйтесь! — С этими словами Дадаш, Ислам и Адил заходили в сакли бедняков. К середине дня у кузницы собралось более сорока человек. Одни — с топорами, другие — с кинжалами.

Пришли к единому мнению, что врага лучше всего встретить у местечка Нартла в Большом ущелье. Отряд двинулся вперед, чтобы сражаться с врагом революции. Пока мужчины не скрылись из виду, жители смотрели на них с крыш.

Недолог путь до Нартла. Здесь стены ущелья почти сходились. Издали казалось, что каменные груды стен плотно смыкаются. Река Черен ревела особенно грозно и походила на чудовищного змея из сказки.

Давно народом сложено предание о Нартла. В незапамятные времена, когда овцы летали по небу, а птицы ходили по земле, жили в горах два знаменитых нарта. Двинулись в горы с низин какие-то чужеземцы, чтобы покорить и разорить местных жителей. Два могучих нарта уперлись спинами о скалы и сдвинули их. Никто не мог пройти вверх по ущелью — путь врагам был прегражден. Только река Черен пробила себе путь сквозь скалы.

...В расселине Нартла отряд разделился на два. Ислам

со своим переправился на правый берег реки. По крутой стене скалы, цепляясь за ветви кустарника, люди с трудом взбирались вверх. А группа, что осталась на левом берегу реки под водительством Дадаша, обосновалась на вершине скалы, которая склонялась через реку к соседке. Нелегко было даже опытным горцам взобраться по отвесным стенам скал. Ноги скользили, руки с трудом цеплялись за кусты, ветки порой обламывались, порой растения выдергивались с корнями. Пот застил глаза, из-под ногтей выступала кровь.

Вконец измученные храбрецы заняли противоположные, склоненные над рекой скалы. До захода солнца оставалось еще немало времени. Оба отряда, обосновавшиеся на вершинах, собирали в кучи камни, проверяли оружие.

Почти одновременно оба отряда заметили конницу, устремившуюся в узкий проем. Сверху всадники напоминали отару овец.

— Скрывайтесь между валунами! — тихо распорядился Ислам. — Нас не должны заметить!

Враги верхом двигались вдоль реки где-то далеко внизу, белые башлыки разлетались от ветра, как крылья птиц.

Когда всадники оказались у щели, Ислам приказал быть наготове.

— А ну, бросать камни! — скомандовал он.

Внизу все смешалось — испуганные кони ржали так громко, что было слышно здесь, далеко наверху. Зазвучали беспорядочные выстрелы. Тела, сброшенные конями, подхватывали волны Черена и волокли вниз. Враги спешились, прячась за камни, наугад стреляли вверх, откуда каменным дождем скатывались булыжники. Те, что не слезли с коней, сумели проскочить в узкий проход, один тут же от удара камнем слетел с коня.

— Молодец! — похвалил Дадаш Адила.

Кто-то из отряда Ислама полетел в пропасть. Дадаш, увидя это, разгорячился еще больше.

Враги все стреляли, не сообразив, что усилия их безрезультатны, принялись взбираться вверх по крутым подъемам. Трудно было разглядеть этих людей за камнями и зарослями. Некоторым удалось добраться до вершины, началась схватка.

«Не стоит рисковать жизнью храбрецов»,— решил Ислам и приказал своему отряду спускаться в ущелье. Недолго раздавались выстрелы и на другом берегу. Враги

все-таки прорвались через Нартла и двинулись вверх по Большому ущелью.

Ислам собрал своих. Смотрели они невесело. «Кто что думает!» — Ислам вглядывался в глаза каждого. Все молчали, и было заметно — кое-кто пожалел о том, что находится здесь. Большинство смотрело на комиссара с надеждой и доверием. Ждали его приказаний.

Ислам наконец заговорил.

— Видно, кому-то на ум пришло, что мы побеждены...

— Да так оно и есть,— вымолвил Ибрахим с горечью.

— Нет, это не так! Мы еще победим! Борьба за счастливую жизнь только начинается. Пока я на ногах, не отступлю в этой священной борьбе. Кто хочет воевать дальше, пусть остается. А тем, кому кажется все это ненужной затеей, путь открыт!

Жигиты переглянулись. Несколько минут молчали.

Заговорил Ануар:

— Одно я не возьму в толк. Беляки свергли Советскую власть, и они уже тут. Как мы сможем победить такую силу?

— Если буран сломал ветку у дерева, оно не перестанет расти и цвести,— возразил Ислам,— пойдут новые побеги! Мы, Ануар,— одна из ветвей Советской власти. Не надо бояться врага, он силен, это верно, но и мы сильны убеждением в своей правоте.

Воцарилась тишина.

— Аллахом клянусь, Ислам, хотел бы я остаться с тобой,— сказал Ибрахим. — Но все знают, у меня отец тяжело болен. Нет другого выхода — я обязан идти домой. Дело аллаха. Никто не знает, что с моим отцом может приключиться.

— Кто еще хочет уйти?

За Ибрахимом еще трое повернули к Акташу.

Отряд Ислама молча спускался по кручам вниз к реке, чтобы встретиться с отрядом Дадаша.

40

Ибрахим и его попутчики вернулись в Акташ поздно. Аул не спал. Во дворах, где жили богачи, горели костры, бурлила шурпа в котлах. А у Кужона гости плясали под звуки веселой гармоники. Далеко разносился смех, говор и пение. На ныгыше тоже что-то происходило. Но Ибрахим и его друзья не могли понять, что именно! А подойти ближе боялись. Ныгыш оцепили солдаты.

Ибрахим, войдя в саклю, увидел, что никто и не думал ложиться спать. Вся семья сбилась, как испуганные овцы, прижавшиеся к скале над пропастью.

— О, день мой неясный, откуда ты взялся, сын мой? — обратилась мать к Ибрахиму. — Белые хотят всех нас убить. Заходят в каждый дом, чтобы оставить за собой позор и разруху. А Жюнюса — он даже и ходить пока не может, погнали куда-то. К Чыннаю пристали, говорят, большевик ты, мол, и увели его тоже. Ой-ой-ой, побереги, аллах, от таких злодеяний! Никто не смеет показаться на улице. Даже по своим делам не рискуем выйти. Корова мычит недоеная.

Ибрахим подошел к отцу, лежавшему в другой половине на топчане.

— Как чувствуешь себя?

— Да как тут скажешь... — Старик говорил с трудом.— Что, все, кто уходил, вернулись?

— Нет. Я и еще трое.

— А другие?

— Остались в горах. Хотят с врагами дальше драться.

— Они — настоящие жигиты, значит,— сказал больной, еле переводя дыхание.

Ибрахим опустил голову.

Наутро жители аула увидели на ныгыше виселицу: белые повесили двоих. Люди, проходя мимо, испуганно отворачивались. Никто пока не знал, с кем расправились враги.

Жюнюса увели еще ночью, и в семье не знали, где он. Утром, когда ушей коснулась страшная весть о том, как враги расправились с кем-то из аула, женщинам пришла в голову одна и та же мысль. Не сговариваясь, Фазика, Халимат, Мария вышли из дому — каждая старалась отогнать от себя чудовищное предположение, но напрасно. Предчувствуя недоброе, направились в сторону ныгыша и еще издали увидели, что один из повешенных действительно Жюнюс.

Белые ходили по дворам, сгоняя люд к ныгышу. Плач и крики разносились по селу. Даже многие мужчины были не в силах удержать непрошеные слезы. Фазика не помнила себя от горя. Она кричала, причитала, пока не лишилась чувств. Ее еле откачали.

— Ждет тебя, не дождется твоя красавица-жена,— приговаривала она. — Вражеская пуля вонзилась в твое тело. Кровавые следы оставлял ты на пути своем, но не переставал думать о нас, о нашем счастье, бедный мой,

добрый брат... Как ты предстанешь перед нашим бедным отцом, тоже ушедшим так рано? Скажешь ли ему, что тебя задушили изверги? Будь они прокляты трижды...

Шли посмотреть на ныгыш торжествующие победу богатеи. По ту сторону реки Черек показались всадники.

— Кужон... Едет Кужон,— переговаривались люди.

Впереди скакали Кужон и белый офицер. Породистые кони под ними рвались вперед.

У ныгыша лицо Кужона побагровело. Он нахмурил брови, показал на виселицы. Офицер вытащил кинжал из ножен, поднял его высоко над головой.

— Большевиков мы задушили! — закричал он, срывая голос. — С Советами разделались! Хорошенько всмотритесь в эти трупы! Всех, кто сочувствует большевикам и мечтает о переменах, постигнет такая участь. Отныне в Акташе вся власть у Кужона! Слушайте его! Подчиняйтесь...

Языка, на котором говорил офицер, не понимали.

Кужон, придержав коня, окинул собравшихся торжествующим взглядом:

— Ведь говорил я вам, не поддавайтесь обману! Говорил ведь? Да, говорил! Вы не хотели прислушаться к моим словам, хлопали в ладоши, встречая большевиков. А ведь посмотрите, как дело обернулось? Хуже всего для вас. Людей своих не пожалели! Хорошо еще, если только так отделаетесь. Клятву даю, буду мстить дальше.

Жители аула в глубокой скорби разошлись по домам:

Наступила осень. Склоны, уходящие к снежным вершинам, пожелтели, покрылись инеем. Но подножья гор по-летнему были зелены.

41

Почти не касаясь земли, ходили богачи, пьяные от радости и, казалось, соломинка не мнется под их ногами. Снова впряглись бедняки в работу. Даже у тех, кто раньше отказывались идти в батраки, теперь никто не спрашивал согласия. Отобрали земли, увели скот...

Но в Большом ущелье огонь не потух, там по-прежнему храбрецы боролись за счастье народа, прятались в горах и по ущельям, совершали смелые набеги. Ислам и Дадаш осели в самом сердце гор — в Сериуюн-кол. Из Гыжгыта к ним присоединился и Асхат, привел с собою нескольких смелых молодых жигитов.

Белые еще не покинули Большое ущелье. Они должны быть там, пока не перестреляют всех до одного, кто сопротивляется. Сверху дан такой приказ. Несколько раз атаковали они Сериуюн-кол. Но никак не смогли выбить оттуда упрямых горцев. Богачи были недовольны действиями солдат. Штаб расположили в «белой крепости» Кужона, как называли его сарай с башней, сложенный из белого камня.

— Месяц прошел, а вы все высматриваете этих холопов! — осмелился упрекнуть офицера Кужон. Но тот не внимал упрекам — его ничто особенно не беспокоило. Каждый день он ел свежее мясо, вместо воды пил вино — и не разделял нетерпения Кужона.

— Не беспокойтесь, мы их всех переловим и уничтожим! Сотрем с лица земли,— обещал офицер.

Что беспокоило богатеев? Горцы уводили скот. Жалобы приходили из Гыжгыта, Гюрена, волновались и богачи других аулов.

— Эти голодранцы, что прячутся в горах, ловят наших овец! Как бы не пустили по миру. Помогите поскорее!

Как-то Кужон заехал в «белую крепость». Он увидел у окна офицера. Он что-то мурлыкал себе под нос.

— А-а, это ты, Кужон,— даже не повернул он головы.

«Пьян...» — решил Кужон.

Он вплотную подошел к офицеру. Тот оторвал тусклый взор от окна, не торопясь повернулся к Кужону, посмотрел на него как бы спрашивая: «Чего тебе надобно?»

— Мне мысль пришла в голову...

— Какая? — поинтересовался офицер, покручивая усы.

— Может, капканы поставить для этих холопов?

— Как это понять?

— Жены Ислама и Дадаша...

— Аха,— перебил офицер Кужона. — Понимаю, понимаю... Они явятся, чтобы спасти жен. А мы в это время — цап!

— Да, господин офицер. И к тому же, скучновато у нас, а?.. С такими женщинами...

— Так, так...

— Больше будет вам по душе жена Ислама. Красивая. Сама из Кабарды... кабардинка.

— Так, так... Хорошая мысль пришла тебе в голову, дорогой Кужон.

Белый офицер не стал тратить времени. Он тут же приказал своим солдатам привезти в «белую крепость» Фазику и Марию. Те быстро выполнили приказ.

Бедняки аула были возмущены, но явно протестовать не решались.

Один Канамат бежал с дубинкой в руке вслед за солдатами. Но в башню его не впустили часовые, избили и силой доставили в Акташ.

— Как же вы до сих пор не показывали мне такую красавицу? — сказал белый командир, упрекая Кужона. Мария ему приглянулась. — Проводите в мои покои. С нею я сам... Так... так...

В это время адъютант доложил, что из Нальчика прискакали гонцы. Их пропустили к офицеру.

— Даутоков-Серебряков велел немедленно собрать отряд и возвращаться,— сказал один из них, вытаскивая пакет.

Офицер прочитал послание и схватил винтовку.

— Что случилось, господин офицер? — обратился к нему Кужон.

— Говорят, снова большевики поднялись. — Он со злостью затянул ремень. — Самсон!

Адъютант вытянулся перед командиром.

— Я здесь, ваше благородие.

— Соберите солдат, быстро в путь.

Адъютант пулей выскочил на улицу.

— Господин офицер, разве вы не оставите здесь несколько солдат? Всех хотите отозвать?

— Таков приказ. Так... так.

— Как же мы? Если узнают эти грабители об уходе армии, нам жизни не будет.

— Ладно. Оставлю около двадцати штыков.

— Спасибо, господин...

— Так... так... Как только разгромим большевиков, я обязательно вернусь. Очень понравилось мне здесь, в горах. И пусть Мария подождет меня.

— Хорошо. Только вы не задерживайтесь, будем ждать, даю клятву. Сделайте так, чтобы большевики эти больше не могли поднять головы. Разбейте их наголову. Передай мой горячий горский салам Серебрякову.

Прошло несколько дней.

Узнав, что белые частично оставили крепость, горцы решили спускаться вниз.

Ислам, Асхат, Дадаш шли во главе отряда. Весть о том, что большевики опять поднялись на борьбу, придала им уверенности. Лицо Ислама походило на глыбу, на которой застыл лед. Он мало говорил. Больше размышлял. Как узнал о том, как расправились с братом, он забыл,

как улыбаются. А весть об уводе из аула Фазики и Марии совсем озлобила его.

Кужон, другие богачи и оставленные офицером солдаты собрались в белой башне, держали совет. Снаружи раздался шум. Все выбежали во двор. К крепости мчалась конница, оставляя за собой рыжую пыль.

— Ребята! — Кужон направил было винтовку на всадников, но заметил, что отступают и прячутся белые.

— Эй, куда вы! Это они, голодранцы, разве вы не видите? И чего вы их испугались? Стойте! Стойте, говорю!..

Как ни напрягал Кужон глотку, его никто не желал слушать. Увидев, что солдаты разбегаются, и другие богачи притаились в саклях. Кужон был похож на кабана, попавшегося в капкан, не знал, что предпринять. В последнюю минуту он догадался выпустить Фазику и Марию.

— Идите домой! Чтоб гром грянул над головами белых. Они не щадят даже женщин. Идите скорей.

Женщины недоверчиво пожимали плечами, но вышли на дорогу.

Отряд Ислама был уже в ауле...

Акташ посветлел, словно озаренный солнцем. Бедняки воспряли духом. Советская власть, заново восстановленная в селе, словно солдат, у которого зажили раны, начала делать первые шаги. Земли снова вернули беднякам. Богачи подчинялись без протестов, сохраняли внешнее спокойствие.

«Не можем пока добраться до тебя, песье отродье. Ничего. Аллах поможет быстро убрать тебя»,— точил зубы на Ислама Кужон.

42

Ислам и Дадаш, позавтракав, вышли на улицу. Все было спокойно.

Снег, падавший всю ночь, к утру начал таять. Воздух неподвижно застыл. Люди занимались домашними делами: топили очаги, стряпали еду. Только стук молота из кузницы нарушал тишину. Стоял один из мирных дней 1918 года.

Беда приходит всегда незаметно. Громом разнеслась весть: «Белые снова поднялись против Советов». Ушло спокойствие, ушел покой, ущелье наполнилось бураном тревог. Бедняки, снова было вставшие на ноги, растерялись.

— Поеду в Нальчик, узнаю правду,— решил Ислам.

Но до города не добрался. Встретил по пути Сафара, вернулся вместе с ним. Сафар шел с поручением от народного Совета Нальчикского округа. В Акташе немедленно собрали народ. Этот день выдался холодным. Люди, закутавшись, собирались у кузницы, где должен был состояться сход. Были и такие, кто, полагаясь на молодость, оделся легко. Женщины: молодые и старые, в больших теплых шалях,— казались стройными соснами.

Сафар громко поздоровался.

— Что-то не видно на лице его тревоги. Видно, не так уж плохи дела,— решили некоторые, глядя на Сафара.

— Замерзли? — спросил Сафар.

— Есть немного...

— Сейчас начнем. — Сафар взобрался на каменную ограду. Разговор недолгий. — Дорогие акташевцы, как вы знаете, Советская власть опять в опасности. Опять подняли головы белые. Возглавляет их на этот раз Деникин. И он, как Шкуро, хочет захватить власть на Кавказе. Но разгромленным окажется он сам. Весь карахалк [1] Кавказа поднялся на бой с деникинцами. Каждая нация посылает своих лучших сыновей. Есть решение — создать полк из балкарцев тоже. Силою никто никого туда гнать не будет. Кто сам желает, кто не может сидеть сложа руки, когда Советская власть в опасности,— тот должен идти. Кто о чем-нибудь хочет спросить?

— Без оружия возьмете?

— Да! — отозвался Сафар. — Винтовки найдутся.

— Я обращаюсь к вам, люди! — Из толпы вышел аксакал. — Этих самых белых больше не пускайте в ущелье. — Они — звери, хуже чем звери!

— Не пустим,— пообещал Сафар.

Выступил Ислам.

— Те, кто решился идти в полк на борьбу с врагами, прошу в контору — записываться.

Ислам и Дадаш проводили Сафара, вернулись к кузнице. Внутри было холоднее, чем во дворе. Стены покрывал иней.

— Ислам, есть у меня одна мысль,— сказал Дадаш.

— Говори!

— Уйдем мы с тобой, войдут эти беляки в аул и не дадут покоя нашим: Марии и Фазике.

---

[1] Карахалк — трудовой народ, бедняки.

— А что, ты уверен, что беляки снова будут здесь?

— Кто знает! Я думаю — а вдруг?

— Канамат будет с ними.

— Ислам, что сможет Канамат сделать врагам?

— Клянусь, ты прав.

— А не послать ли их обеих в Кабарду?

Вбежал Канамат. Щеки его горели, изо рта шел пар.

— Когда начнется запись в полк? — спросил он еще с порога.

— Скоро,— ответил Дадаш. — А тебе-то что?

— Запишите и меня. Ведь сами сказали, что каждый, кто хочет, может записаться.

Канамат встал рядом со старшим братом, не отрываясь, глядел на него.

Ислам не решался ему отказать, обижать не хотелось.

— Чего молчите? Тем, у кого нет ружья, Сафар обещал выдать.

— Знаешь что, Канамат,— обратился к нему Дадаш, положив руку ему на плечо. — Если мы все уйдем, как будет дома?..

— Значит, и на этот раз я должен охранять баб. Пусть останется Адил.

— Ты еще молод.

— Но я сильнее Адила.

— А вы мерялись силами? — усмехнулся Ислам.

— Да. Я одолел его.

Ислам и Дадаш переглянулись.

Вошел Ибрахим.

— Записываете?

— Да, Ибрахим, записываем. А как твой отец?

— Так же. Не лучше.

— А не обидится, если бросишь его?

— Нет. Пришел я тогда домой, отбившись от вас, он был недоволен и по сей день упрекает...

— Давай запишем! Лошадь у тебя есть?

— Откуда может быть у меня лошадь?

— Найдется у нас. Выступаем послезавтра. Не забудь кинжал. Возьми кое-какие припасы на первый случай, оденься потеплее...

Ислам и Дадаш вернулись домой поздно. Они и замерзли, и проголодались. Устали, но сохраняли веселость. В полк балкарцев записалось свыше пятидесяти человек.

На следующее же утро Адил и Дадаш, как уговори-

лись, оседлали лошадей. Фазику взял себе в седло Дадаш, Адил — Марию. Они хотели оставить женщин в Урухкабаке, сами же отправиться дальше. К тому времени акташевский полк должен быть уже в Нальчике.

Наутро второго дня все жители аула высыпали на улицу. Богатеи с крыш глазели на храбрецов, снаряжающихся для борьбы с деникинцами. Соседи провожали храбрецов до околицы аула.

— О, аллах, прошу тебя, пусть они вернутся домой четвертованными! — сказала Баблина, глядя вслед всадникам.

В ауле вместо Ислама комиссаром остался член сельского Совета бывший батрак Кужона Хызыр.

43

Последние дни января. Снег глубоким слоем покрыл сакли, дороги, горы. Холод сковал все вокруг. Ветер сбивал с ног.

Сено даже у богачей подходило к концу. Если затянутся морозы — хорошего не жди. Но делать было нечего!

Кужон размышлял и об этом, лежа на своем топчане и прислушиваясь к завыванию ветра. Он все время прислушивался. Иногда ему казалось, что ветер выговаривает какие-то слова, шепчет что-то важное... Кужон ждет. Он похож на тигра, что, прижавшись к земле, выжидает момент для прыжка. Каждый шорох снаружи заставляет Кужона насторожиться. Он запретил домашним громко разговаривать.

— Отец, Мыртаз приехал,— крикнул Элбек с порога.

Кужон, как всегда при волнении, вспыхнул. Глаза заблестели.

Появился Мыртаз. Кужон, облокотясь, уставился на гостя. Лицо Мыртаза напомнило ему кизяк, подброшенный в печь и занявшийся ярким пламенем. И бий перевел взгляд на губы неожиданно приехавшего гостя, на сосульки усов над посиневшими губами.

— На этот раз, Кужон, не отделаться тебе паршивой овцой!

— Заходи, Мыртаз, заходи.

— Деникин взял Нальчик!

Кужон соскочил с топчана и чуть было носом не столкнулся с подходившим Мыртазом.

Он не знал еще, что за радостное известие сообщит

Мыртаз, но у Кужона от предчувствия какого-то чуда задрожали руки.

— Правду говоришь?

— Разве я врал когда-нибудь? — громко спросил Мыртаз. — Кто идет во главе стальной армии Деникина, ты знаешь?

— Кто?

— Даутоков.

— Серебряков?

— Да.

Лицо Кужона просияло, как у ребенка, которому посулили гостинец.

Без музыки готовы были плясать богачи, когда весть распространилась по аулу. Они собрались в доме Кужона. Сосран-эфенди и Кудас явились тоже.

— Хоть бы этот Деника сделал так, чтобы большевики больше не поднялись,— сказала жена Камбота.

— Не Деника, а Деникин,— поправил ее Мыртаз.

Разговор стал общим.

— Пусть как угодно зовется, но победит.

— Он не шутит шутки, как Шкуро. У Деникина армия огромная!

— О, аллах, помоги ему!

— Кабардинский князь Даутоков на этот раз не станет церемониться! Не только у большевиков, но и у произносящих это слово срубит головы!

— А как же те, кто ушли воевать против? Эти батраки, чабаны?

— Их и следа не сталось! Голову даю на отсечение!

— Значит, дошли наши мольбы до великого аллаха! — Кудас подняла глаза к потолку.

— И наши...

— И наши!

Темными опять стали дни для бедняков Акташа. Не дошла еще до гор белая армия. Но богачи уже начали бесчинствовать. Они еще осенью отобрали сено у бедняков, которое роздал Ислам. Даже заставили перетаскать его, откуда брали. Кужон велел привести обратно коров, овец и их перегнал в отары и стада бия. Кое-кто пытался противиться воле Кужона, но их приструнили.

— Посмейте хоть пикнуть! — говорил он. — Ваши вшивые сыны ускакали на моих лошадях. Вы и их должны мне вернуть,— шипел он, словно каленое железо, упавшее в воду.

Семье Ислама, к тому времени вернувшейся из Кабар-

ды, даже осла не оставил. Канамата избил чуть не до смерти, когда тот попытался воспротивиться. Халимат заступилась за сироту, так он ее закрыл в курятнике.

Как только деникинцы заняли Нальчик, Хызыр превратился в бескрылого орла. Комиссаром он оставался, но решал все Кужон. Богачи открыто смеялись над Хызыром, ругали, в лицо оскорбляли.

— Пусть только придут белые, они тебе покажут, где находится гнездо кукушки.

Семья Хызыра жила в тревоге.

— Уходи, пока тех еще нет здесь,— тревожилась жена.

Но Хызыр и не думал скрываться.

— Как я посмотрю в лицо людям потом? Что скажет Ислам, когда вернется? Нет, нельзя идти на постыдное дело, лучше умереть.

44

На смену зиме, как всегда, пришла весна. Жигиты, ушедшие воевать с белой армией, по слухам, не раз колотили врага на поле битвы. О мужестве их говорили в горах. Балкарский полк вместе с другими революционными отрядами гнал деникинцев до самой Ингушетии. Но там, в селе Долак полк был разбит деникинцами. Оставшиеся в живых жигиты ушли, кто — в горы, кто — в Россию.

Переждали время. Где-то уговорились собраться и встретились все в Цейском ущелье. От полка не осталось и половины. Ислам был ранен в голову — в последнем бою вражеская сабля только чудом не пробила череп. Дадаш хромал. У Ибрахима перевязана правая рука.

Одежда истрепалась. Бороды отросли. Волосы лохматыми, грязными клочьями свисали с голов. Тела — иссушены голодом.

— Если в наше село еще не вошли белые, надо будет тайком проникнуть домой. Передохнем, сменим белье,— сказал Ислам.

— А если белые уже там, двинемся к перевалу Жоба. С Асхатом так условлено.

— А почему вы выбрали перевал Жоба? — Ибрахим покачал головой. — Уж очень скудные места. А теперь — и говорить нечего.

— Места-то скудные, но нам выгодные,— возразил Ислам. — Если очень туго придется нам, подадимся в Грузию. Надеюсь, бедняки-горцы помогут. Кроме того, хозяева держат на той стороне овец. И это нам на руку. А

самое главное — беляки не двинутся в такие малодоступные горы. Если даже и наведаются они к нам, мы будем в выгодном положении. Каждый камень, каждый бугорок и каждая пещера помогут нам.

— Правильно, очень верно говоришь,— согласились жигиты с Исламом.

Двинулись к Акташу. Перебирались через глубокие расселины, взбирались на крутые склоны, спускались с отвесных стен. Три дня шли они голодные, немытые, исцарапанные кустарником.

Ущелья Чыганаклы они достигли, когда уже стемнело. Ислам решил здесь задержать отряд.

— Надо в первую очередь узнать, занят ли аул белыми. Кого пошлем?

— Давайте я пойду.— Адил вышел вперед. Он был самым младшим из жигитов. Вызвались еще двое.

Ислам возразил.

— Не нужно! Достаточно одного. Пойдет Адил.

Адил взобрался на солнечную сторону ущелья Чыганаклы, вскарабкался по крутой скале ловко, как кошка.

Оставшиеся в ущелье Чыганаклы устроились, как могли. Но оказалось, что дело даже не в усталости — мучительно хотелось есть. В ущелье Цей они обращались за помощью к осетинским чабанам, те поделились, чем могли, но еда была уже уничтожена до крошки.

Адил вернулся часа через два. Ребята окружили его.

— В селе полно белых,— сообщил он. — Нельзя нам туда заходить.

— Плохи дела,— подытожил Ислам, когда первое потрясение прошло. — Когда они появились?

— В полдень.

— Как ты это узнал?

— Мельник Хажомар предупредил. Кужон заколол двенадцать коров...

— Ты Хажомару не сказал о нас?

— Нет.

— Правильно поступил. А кроме него кого-нибудь встретил?

— Никого.

— А Хажомар тебя ни о чем не расспрашивал?

— Спрашивал, конечно, Мы, говорит, считали вас всех погибшими. Откуда ты взялся, мол? Очень удивился, увидев меня.

Ислам молчал. И другие умолкли. Ночь словно сама заснула — ни звука кругом, ни ветерка.

— Надо двигаться, ребята,— наконец заговорил Ислам, взяв в руки винтовку.— Нельзя нам здесь задерживаться. Если нас обнаружат белые, мы пропали. Мы не можем даже вступить в бой. Надо добираться до перевала Жоба. По пути добудем поесть. Другого выхода сейчас нет.

Ислам вышел вперед, жигиты двинулись за ним. В темноте они спотыкались, падали, старались не отставать, держаться друг подле друга. К утру они достигли реки. До Акташа пешком оттуда можно было дойти за полдня. Некоторые из отряда хотели остановиться, отдохнуть. Но Ислам предложил идти дальше.

— Неподалеку должны быть кошы. Надо дойти.

Солнце выглянуло из-за гор, набрало сил и начало согревать землю. Отряд остановился на пригорке и рассмотрел на дальнем склоне стадо коров.

Путники облегченно вздохнули, усталость отступила.

Пастухи увидели отряд.

— Кто это может быть? — спрашивали они друг друга. Среди них был давнишний батрак Кужона — Каспот.

— Ах, это же наши ребята,— обрадовался он, издали узнав Ислама и Дадаша.

Встреча была сердечной. Тотчас же пастухи принялись варить шурпу из теленка.

— Кужон не простит нам такой вольности, но что тут поделаешь,— сказал Каспоту напарник, краснощекий маленький пастушок.

— Ничего, Зуфар, что он нам может сделать? Наш-то скот он себе присвоил... Нам даже отдавать нечем.

Ислам, слушая разговор, засмеялся:

— Он легко отделается, если дело окончится только тем бычком, что вы закололи!

— Что ты хочешь сказать? — удивился Каспот.

— Скот этот весь теперь будет нашим,— ответил Ислам спокойно.— И для еды хватит, и для продажи, чтобы купить оружие.

— Охо! О нас ты только позабыл, как же мы-то? Кужон живьем нас зароет в землю.

— Не бойся, Каспот, еще не известно, кто кого зароет.

Жигиты поели, отдохнули. Решили переночевать. А утром погнали коров к перевалу Жоба.

Через три дня они были там. Стоял уже май, но у перевала весна еще не наступала. Снег только начал таять.

Дадаш помнил, что у Шайтан-орун много больших и

малых пещер. По его совету всех коров погнали туда. На солнечной стороне Шайтан-орун снег сошел, открыв жухлую ржавую траву. О том, что скот будет голоден, беспокоиться не приходилось. Пастухи и жигиты Ислама сплели себе шалаши — временное жилье. Отряд обосновался не так уж плохо. Жигиты смогли отмыться, отчиститься и теперь выжидали время.

45

Дни проходили медленно — один за другим, не принося никаких новостей. Для Ислама они тянулись особенно долго. Он потерял душевное спокойствие. Он с нетерпением ждал возвращения людей, посланных через перевал в Грузию, чтобы раздобыть там оружие... Миновал месяц. По всем срокам должны бы, кажется, и вернуться. Друзья не отрывали глаз от тропинок, по которым посланцы должны были спуститься.

Время от времени Ислам посылал кого-нибудь из отряда, чтобы они могли взобраться на гору и посмотреть оттуда — не идут ли жигиты. Члены отряда возвращались ни с чем. Ислам, потеряв терпение, решил еще послать в Грузию людей из отряда, но против этого восстал Дадаш.

— Не дети, не заблудятся,— говорил он.— Надо сжать сердце в кулак и ждать. Другого выхода нет.

Чего только не приходило Исламу на ум: «Скорее всего, не смогли сбыть скот, что повели для продажи,— поэтому задерживаются. А может, не могут найти оружия... Но целый месяц! Могли бы кого-нибудь прислать?»

И еще одно обстоятельство очень смущало Ислама. Асхат твердо приказал прибыть сюда, к перевалу Жоба, ждать его, а сам тоже не идет. Кто-то говорил, что он собрал отряд и двинулся в сторону Чатла и будто бы там обосновался.

«Почему так произошло? Ведь правильнее всего было бы объединиться — мы представляем собой грозную силу. Может быть, и смогли бы выкурить белых из Большого ущелья».

...Близился полдень. Ибрахим, стоявший на карауле и наблюдавший с горки окрестности, заметил человека, который медленно шел со стороны Акташа к перевалу. Незнакомец покачивался, и даже издали караульному показалось, что человек этот ранен.

Караульный, стащив с головы папаху, подкинул ее кверху. Это было предупреждением тем, кто стоял на ка-

рауле в Шайтан-оруне. Там увидели подброшенную ввысь шапку. Один из караульных подкинул свою — просигналил, что сообщение принято во внимание.

С трудом добравшись до узкой ступенчатой тропки, которая вела к перевалу, человек, очевидно превозмогая боль, стал подниматься вверх, не замечая караульного. Ибрахим громко свистнул. Путник вздрогнул от неожиданности и обернулся.

— Эй, кто ты такой будешь? — крикнул караульный и помахал ему шапкой.

Путник в нерешительности остановился, словно раздумывая: стоит ли идти дальше. Караульный снова взмахнул рукой. Незнакомец стал осторожно спускаться все по той же узенькой ступенчатой дорожке — теперь уж от перевала. Он медленно направился к караульному.

— Это ты, Канамат? — с удивлением вскричал Ибрахим.

— Я, Ибрахим, я...

— Смотри ты. Откуда взялся-то?..

— Из аула иду. Где Ислам, не скажешь?

— Здесь, в Шайтан-оруне.

Канамат с недоверием посмотрел на Ибрахима.

— А говорили, вроде бы за горами он... в Сванетии.

— Нет, Канамат, мы все здесь...

Они вместе спустились к Шайтан-оруну. Ислам и Дадаш долго не могли прийти в себя от удивления, увидев Канамата. Они начали расспрашивать, что привело его сюда, почему он бросил аул.

— Такое бесчинство творят эти белые,— с трудом говорил Канамат. — Хызыра повесили...

Ислам побелел от гнева, Дадаш сжал кулаки.

— Теперь Хасау у них на очереди,— продолжал брат Ислама.

— Хасау? — переспросил Дадаш.

— Да.

— За что же?

— Отомстить вам хотят. Держат Хасау в кузнице. Били, говорят, чем попало. Как я понял, Кужон хочет видеть его мертвым.

От смуглых щек Дадаша отхлынула кровь.

— Как ты узнал, что мы здесь? — спросил брата Ислам.

— Много всякого о вас толкуют в ауле. Но никто не знает, что вы именно здесь. Все думают, что вы за горами. Если б не Ибрахим, я тоже ушел бы туда. А коли Кужон

узнает, что вы здесь, не быть вам живыми. Это вы угнали его скот?

— Да.

— Говорят, что когда услышал об этом бий, он два дня от злости не мог слова выговорить. А потом хотел отдать меня белякам на расправу.

— За что тебя-то?

— Чтобы вам отомстить за все.

— Как же тебе удалось спастись?

— Помог сосед — Бекир. Слуга Кужона, его родственник. Предупредил.

— Вот как!

— Он и сказал, что Кужон хочет схватить меня. Бекир пришел, сказал. Ну, а что же мне было делать? Ждать, когда за мной придут?

Канамата накормили. Он, сытый, вымытый и даже счастливый, что встретил брата, лег спать.

Вести, им принесенные, совсем лишили покоя Ислама. Он не мог заснуть. «Лучше бы умереть со стыда, чем прятаться в камнях. В родном ауле невинных людей терзают. Куда же девались ушедшие за оружием?»

Только под утро Ислам забылся сном. Проснулся, когда солнце уже взошло. Канамат возился у коша, увидев, что брат не спит, сказал:

— Дадаш хотел мне дать нож, но куда-то ушел.

— Найдется, не беспокойся,— ответил Ислам и быстро оделся.

Каждый день члены отряда выбирали из стада по бычку или корове для еды. И сегодня было, как всегда. Канамат еще спал, когда котел с мясом уже висел над костром.

— Куда девался Дадаш? — спросил один из тех парней, которые разделывали тушу. — Он лучше всех умеет жарить мясо.

Все всполошились.

— И правда, где Дадаш?

Не явился жигит и на следующий день.

Ислам очень тревожился. Он знал отчаянную храбрость Дадаша, знал и его доброту, способную растопить льды. Дадаш исчез неспроста. Но почему он ничего не сказал Исламу? Жигит совсем запечалился и даже был несколько обижен.

«Может, по-прежнему мальчишкой меня считает? — размышлял Ислам. — Я ведь моложе его. Но все-таки дол-

жен он был хотя бы посоветоваться со мной как с командиром...»

Пять дней прошли в тревоге и печали. И когда казалось, что дело совсем уж плохо — в Шайтан-оруне приняли сообщение от караульного:

— Идут! Идут из Грузии!

Еще не зная подробностей, жигиты ликовали, обнимались, бросали вверх папахи.

Все сгрудились на скале и старались рассмотреть — кто идет. С северной стороны Шайтан-оруна приближались люди и ослы с поклажей.

— А Дадаш вместе с ними? — спросил Ислам, не видя среди направляющихся к ним ребят друга.

— Нет его,— ответили несколько человек одновременно.

Радость Ислама погасла, как огонь, залитый водой. Он думал: Дадаш ушел в Грузию разыскать посланных туда людей, и тешил себя надеждой, что он вернется с ними вместе.

«Если не там, то где он?» — Ислам не знал, что и предположить.

Животные шагали с трудом, видно было, что проделали длинный путь и поклажа их нелегка. Люди старались казаться веселыми, но тоже еле-еле ступали.

— Что случилось? Почему вас не было так долго? — Ислам глядел на вспотевшие лица Мажита и Адила с сожалением и сочувствием.

— Долго искали винтовки,— объяснил Адил. — Вдруг встретили грузинских большевиков. Они хорошо знают Серго, они и помогли нам. А то могли бы вернуться с пустыми руками. Отличные винтовки мы привезли. Сто штук. Немецкие. И ящики с патронами.

— Долгой вам жизни! — пожелал Ислам. — Теперь мы можем померяться силами с врагом!

...На небе ни звездочки. Партизаны сидели у костра и расспрашивали пришедших, как живут люди за горами. Быстро текло время. Дрова прогорали, угли покрывались пеплом. Скот в стороне жевал свою жвачку.

Вдруг тишину прорезал громкий свист. Жигиты вскочили с земли. Все знали: караульный предупредил об опасности. Из темноты был слышен говор.

— К оружию,— приказал Ислам.

Жигиты разбежались по кошам — за винтовками. К угасающему костру подошли двое.

— Кто это? — спросил Ислам.

— Мы, мы...

Жигиты держали винтовки наготове. Удивлению не было конца — в пришедших узнали Хасау и Дадаша.

— Ушел, не предупредив,— смущенно сказал Дадаш.

В растерянности он снял шапку. Ислам хотел было его упрекнуть, но раздумал, сжал зубы.

Больше других удивлялся и радовался Мажит. Он и предположить не мог, что здесь встретится с отцом. Он не знал о том, что отца его пытали белые. Друзья скрывали эту весть от парня, хотели, чтобы Мажит отдохнул, волнений и так было немало.

Бывает, человек хочет пить, и никак не может напиться. Так Хасау, глядя на своих земляков, не мог нарадоваться.

— Друзья мои,— говорил он, прижимая к груди то одного, то другого. — Ни за что бы не поверил, если бы мне сказали, что встречу вас всех живыми и здоровыми.

Хасау и Дадаша усадили на камни у костра. Каспот, не мешкая, принес гостям деревянное блюдо с мясом.

— Не остыло еще, угощайтесь. Мы только что поели!

Хасау медленно говорил:

— Когда же все это кончится? О аллах, пощади, глаза мои бы никогда всего этого не видели! В Акташе стало как в тюрьме. Кужон и его друзья распоясались. Мы ничего поделать не можем... Все разворовали, унесли, теперь принялись за наших девушек...

Ислам вскочил как ошпаренный. Взгляды всех присутствующих устремились на него.

— Мы отомстим за все это, Хасау. — Ислам потряс кулаком. Его звонкий голос повторили скалы, дремавшие в объятиях темной ночи.

— Мы и не ждем. — Хасау тоже встал. — Просто жить дальше невозможно. Все зашло далеко. Или они, или мы. Другого не осталось. Хоть родной аул бросай!

Ислам внимательно вслушивался в слова Хасау.

— Что бы там ни случилось, держитесь друг друга. Будьте опорой друг другу. Мы ведь сердцем с вами всегда. Если б не Дадаш, мне тоже не миновать бы виселицы!

Каспот, взявшийся было за блюдо, чтобы убрать, спросил:

— Расскажи, что там было.

— Днем меня вызывали на допрос. Спрашивали о вас. Били, все тело в синяках. Два пальца сломали. — Хасау показал на перевязанную руку. — А еще пообещали повесить! Заперли в кузнице.

Хасау тяжело вздохнул.

— И что же потом?

— В середине ночи кто-то стучал в дверь, кто-то кряхтел. Я, готовясь в последний путь, молился. Вдруг двери кузницы распахиваются и кто-то входит внутрь. Думал я, время настало — пришел смертный час. Смотрю — Дадаш! Но он молчал. Он казался в темноте изваянным из камня.

46

Месяц готовил Ислам свой отряд к наступлению на белых. Дадаш и Хасау наряду со всеми мечтали о скорейших действиях. И вот отряд Ислама вместе с остальными вышел из Шайтан-оруна, готовясь к бою. Ясное солнце только что выглянуло из-за горы Казбек.

Отряд двинулся по теневой стороне каменистого ущелья, которое начиналось от самого перевала Жоба. Люди шли по склону и наконец выбрались на ровную местность, повернули направо к Акташу. Идти теперь было гораздо легче, чем спускаться по крутизне. Жигиты, смеясь, обгоняли друг друга, подтрунивали над отстающими.

— Не торопитесь, путь наш еще долог! — Ислам пытался остановить бегущих впереди.

Утренний ветерок пронизывал до костей. Как-никак, а приближалась зима. Горные хребты кое-где покрыты были молодым снегом.

Когда отряд дошел по поляны «Шорхалы», жигиты издали заметили несколько человек, шедших навстречу.

— Белые!

Жигиты сняли винтовки с плеч, приготовились.

— Нет, не походят на белых,— сказал Ислам, глядя вперед. — Белые ехали бы на конях. Ну, а эти пешие, как и мы. Видно, те, кому удалось сбежать от белых.

Отряд опять двинулся вперед. С каждой минутой расстояние между идущими сокращалось.

— Если б это был Асхат,— мечтательно произнес Дадаш.

— Что-то съешь раньше меня ты,— засмеялся Ислам.— И я об этом же подумал.

Ислам опять задержал отряд: «Что-то уж больно дружно держатся путники, идут почти вплотную друг к другу».

— Да ведь они из Гыжгыта! — Ибрахим поднял вверх руку. Он сказал так громко, что услышали все.

— Клянусь аллахом, это они! — утверждал Ибрахим.— Вот прихрамывает мой зять Шакман. Я его с самой высокой горы узнаю.

Одни приняли сторону Ибрахима, другие спорили.

Сердце Ислама забилось. Вскоре черные брови поднялись от удивления, а глаза засияли, словно озера под солнцем.

— Серго!.. Наш дорогой Нико Бакрадзе!

Ислам не ошибся. Но не ошибся и Ибрахим. Весело встретились жигиты, радости не было конца.

— Живи долгие годы, друг мой! — Серго крепко обнял Ислама. — Мы шли к вам. И мечтать не смели, что столкнемся так скоро!

Спутники Серго показались Исламу чем-то опечаленными. «Видно, устали»,— решил он.

— Где же Асхат? Почему он не с вами?

Несколько мгновений все молчали.

— Живите долгие годы, а он погиб,— сказал Серго, опуская голову.

Услышав это, Ислам и его друзья опустили головы.

— Как это случилось? — вымолвил Ислам.

Серго печально посмотрел на жигитов. Глаза кузнеца постепенно наливались кровью.

— Хотел выгнать белых из родного аула. И дрался, как настоящий жигит. Но сил у врага оказалось больше. Многие погибли. Асхата поймали и повесили. Это был настоящий человек, храбрый горец. Никогда не забудет народ своих сыновей, так смело сражавшихся за правду, за нее погибших. — Серго положил руку на плечо Исламу. — Ну, а вы куда направились?

— Мы хотим очистить аул от белых.

— Понятно. Но придется немного повременить.

— Почему?

— Белых надо гнать не только из одного аула. Со всего Северного Кавказа.

— Да...

— Для этого надо объединяться... Сейчас большевики в Кабарде, Чечне, Дагестане, Осетии, Карачае собираются с силами, и мы должны следовать их примеру. Жантемиров ушел в Чегемское ущелье. Он должен объединить партизан в горах.

— Нехорошая примета у горцев — возвращаться с дороги,— невесело сказал Ислам.

— Ничего, не печалься. Дорога дороге рознь, брат мой,— сказал ему Бакрадзе.

— Ты, Кужон, не сердись,— унтер-офицер расстегнул пуговицы на кителе.

— Как это мне не сердиться, если эти голодранцы бродят по горам, да еще моих коров жрут. А вы...

— Говорю тебе: как только потеплеет, мы всех их как мышей выловим и уничтожим. Ни одного не оставим.

— Пока настанет лето, они весь мой скот слопают.

— Не торопись. Недолго осталось ждать,— унтер-офицер глянул в окно.— Пусть пройдем март. Растает снег в горах. Потом апрель... Да, апрель... Пусть и он пройдет. Земля подсохнет. Гм, понимаешь? Потом будет май. И вот настанет время, когда у коней не скользят копыта. И я покажу этим партизанам!

— Значит, ты до мая трогать их не будешь. Я так понял?

— Да, правильно.

— Нет, друг мой, так дело не пойдет. Если ты их боишься, доверь мне ребят. Уж я покомандую ими. У меня терпение лопнуло...

— Остынь, Кужон.

— Ты трус, как я погляжу. Я завтра пойду к Даутокову с жалобой на тебя.

Кужон вышел из белой башни, дрожа от злости, как в малярийном приступе. В дом ввалился, как бык, готовый бодаться,— сначала просунул в дверной проем голову. Все попрятались кто куда. Только Элбек остался стоять, словно кол, вбитый в землю.

— Завтра отправишься со мной в дорогу,— бросил отец.

— Куда?

— Надо побывать у Даутокова. Зря мы надеемся на этого офицера с гнойными глазками. Он своей тени боится. Говорит, что может искать воров только с наступления мая. А до этих пор холопы съедят всех до единого баранов. Надо пойти с поклоном к Даутокову, чтобы тот распорядился поймать разбойников, засевших в горах.

— Хорошо, отец, поедем.

Солнце, завершив свой долгий путь, спряталось за далекими горами. Смеркалось. Стерлись очертания хребта. И вскоре ночь прибрала к рукам аул.

Кужон не может уснуть. Ворочается с боку на бок. Ему чудятся разбойники, бродящие в горах с оружием. Как он ненавидит этих шайтанов. Если мог бы — выпил

кровь каждого до капли. Готов лопнуть от злости! Нет, пока те будут живы, Кужону не обрести покоя.

«Вот возвращусь я от Даутокова, тогда покажу всем! Каждую овцу вырву из вас с кишками. Я вам...»

Кужон не заметил, как захрапел. Снится ему: вышел он с сыном на охоту. Вот взобрались на гору. Достигли снегов. «Отец, посмотри, видишь горных коз». — Элбек протягивает руку, показывая ею на противоположный склон. «О-о, как много их там»,— удивляется Кужон и хватает ружье. Элбек тоже целится. И вдруг слышит Кужон какой-то гул с неба. Смотрит вверх: сползает снег с вершины, с грохотом мчится лавина. Все вокруг в белой кипени. «Бежим»,— кричит Элбек. Кужон слышит этот крик, но сына не видит. Кужон никуда бежать не собирается. Даром, что ли, забрался он так высоко. Надо будет пристрелить хоть одного козла! Нажимает курок. И тут открывает глаза.

— О, аллах, что за сон! — сказал он, протирая глаза. Спать совершенно расхотелось. Он приподнялся, посмотрел в окно.

Занималось утро.

— Э-э, да уже время тронуться в путь. — Кужон быстро вскочил.

Вошла Баблина. В руках ее горела лампа.

— Хотела я разбудить тебя. — Баблина поставила лампу на сундук у двери.

— Элбек поднялся?

— Сейчас узнаю. — Баблина пошла к двери. Вдруг на улице загремели частые выстрелы. Баблина вздрогнула, повернулась к мужу. Их испуганные взгляды встретились.

Первым опомнился Кужон. Он схватил винтовку, что висела у двери, и выскочил на улицу.

В утренней мгле ничего нельзя было рассмотреть. Одни стреляли, другие что-то кричали, ругались. Лаяли собаки. Наконец Кужон сообразил: белые сгрудились вокруг его «крепости». Несколько человек стреляло в сторону скалы Чокрак, спрятавшись за большие камни.

В это время со скалы Чокрак кто-то крикнул:

— За Советскую власть!

Кужону сначала померещилось, что его сразила молния. Потом — будто лавина мчится на него с гор.

— О, голодранцы,— шипел он, как змея, в бессильной злобе топая ногами. Лицо его покрылось красными пятнами. Сердце горело пламенем. Кужон готов был убить,

растоптать, развеять врагов. Нет, никого он не пощадит. Кровь даст вылакать собакам.

Он вне себя от гнева бросился к белой башне.

— Ислам, берегись,— крикнул Серго, увидя, что Кужон мчится к башне. Но Ислам не слышал. Он сам словно камень, катившийся с горы. Не было сил, способных удержать его в эту минуту. Партизаны наступали с гор, как лавина, от которой нет укрытия. Белые дрогнули.

— Стойте, куда вы?! — кричал Кужон.

Но уже никто его не слышал. Каждый из этой банды думал только о своем спасении. Кужон, потрясая рукой, слал всем проклятья.

Глядя на своих врагов, надвигающихся, как возмездие, он не мог перевести дух. И дыхание его пышет жаром. Он укрылся за камнем. Зарядив винтовку, прицелился. Один из жигитов упал, словно споткнулся о камень.

Кужон облизал губы. Опять прицелился. В это время кто-то, подойдя сзади, прижал ногой к земле ствол его винтовки. Кужон посмотрел — кто посмел это сделать! Ему хотелось взреветь, но он злобно прошептал:

— Ислам...

— Да, это я.

Кужон не мог оторвать взгляда от кинжала в руке Ислама, он поднялся на ноги, зачарованно вперившись в сверкающую сталь клинка. Перевел взгляд на Ислама. Они смотрели друг на друга, как львы, готовые к схватке.

— Ах ты, собачье отродье! — прошипел Кужон сквозь сжатые зубы. Он выхватил из ножен кинжал и наскочил на Ислама, ревя, словно бешеный бугай. Кинжалы скрестились, летели искры, звенела сталь.

Враги бросались друг на друга, полные ненависти.

Кинжалы скрестились. Шла борьба — кто останется жив!

. . . . . .

Ислам держал кинжал в опущенной руке, с острия капала алая кровь на прибрежные камни, на траву. Жигит медленно брел к реке. Перестрелка, крики, ругань заглушали рокот неугомонной Черен. Душераздирающие вопли звоном отдавались в горах. Но Ислам ничего не слышал. Он спускался к Черен по узкой тропке, что струилась

вниз к самому руслу реки. Пошел вверх по течению. Он в эти мгновения ни о чем не мог думать, кроме одного: месть свершилась. Он не заметил, как дошел до кладбища. Мохом и травой заросли старые могилы. Ислам остановился у одной, уже осевшей, и долго стоял молча, не выпуская из рук окровавленного кинжала.

— Отец, слышишь ли, это я,— заговорил он. — Хотел тебе сказать первому, поэтому пришел...

Исламу померещилось — могила вздрогнула.

«Хорошо сделал, что пришел. Я доволен. Но не торопись прятать кинжал в ножны. Еще круты пути, по которым ты пройдешь!»

Вдруг зашуршала галька — кто-то шел к Исламу. Он обернулся: Серго.

— Понимаю, брат мой, все понимаю,— кивнул головой Бакрадзе. — А ну оглянись!

На крыше старой кузницы развевался красный флаг. У Ислама просияло лицо.

У межгита собрались жители Акташа.

— Дадаш поймал главаря белых, привел туда и привязал его к камню,— сказал Бакрадзе.

Яркое солнце щедро согревало землю. Лучи его ласкали белые папахи гор. Это было солнце новой жизни, солнце, которое никогда не померкнет!

ПЕРЕВАЛ

ПОВЕСТЬ

I

Утро готовилось к дождю. Небо, затянутое тяжелыми мутными облаками, казалось, вот-вот опрокинет на землю потоки воды. Но к полудню распогодилось, солнечные лучи расплавили белесую хмарь, легкий ветерок зашептал с листьями, травами, цветами, и вся земля засияла праздником радости под лазурью небосвода.

«Эх, красотища! — восхитился Мазан, выглянув в окно,— живи да радуйся!». Он выскочил из дома, словно заряженный солнечной энергией, помчался по улице.

Не переводя дыхания, ворвался он в комнату Салима и плюхнулся на диван. Салим сидел за столом, обложенный учебниками и тетрадями.

— Ну, ты даешь! — воскликнул Мазан, подпрыгнув на диване. — Окопался, как солдат на передовой. Я думал, он заболел, а он, оказывается, зубрит. Ты посмотри какая погода! Бросай свою тягомотину, айда прошвырнемся, искупаемся!

— Что ты? — тяжело вздохнул Салим, устало откинувшись на спинку стула. — Через неделю экзамены. Знаешь, какой в университете конкурс? Готовиться надо серьезно. Я сплю по четыре часа, а ты говоришь на речку... Извини, Мазан, но я буду заниматься. Очень хочется поступить.

— И поступим! И ты, и я! — Мазан вскочил и начал ходить по комнате. — Я же тебе объяснял, какие у отца связи и в университете, и в министерстве. Он и слово замолвит кому надо, и подмажет кого надо. Он мне твердо обещал. Или ты думаешь, что отец и о моем лучшем друге не побеспокоится, я с ним поговорю и все будет в порядке. Считай себя студентом! Пошли купаться!

— Нет, Мазан, если ты и вправе надеяться на отцовские связи, то я не могу. Я буду рассчитывать на собственные силы.

— Да брось ты! Кому нужны твои собственные силы...

— Пойми меня,— смущенно проговорил Салим,— не

хочу я проскакивать в университет через головы других. Хватит знаний — поступлю, а на нет и суда нет!

— Что ты из себя невинного корчишь! — раздраженно воскликнул Мазан. — Будто сам не знаешь, как в университет поступают. Кто на собственные силы полагается, идет ишачить, а у кого связи — тем путь открыт. Ты вот корпишь с утра до ночи, аж глаза покраснели, а те, у кого знакомства, поступят, не зная таблицы умножения. И сколько ты не бейся, хоть разбейся, без поддержки ничего не получится... К примеру, сын нашего завмага Баршауа. Ты его знаешь. Скажешь, он в прошлом году сам поступил? Он ведь школу-то еле закончил. Ребята, его одноклассники — отличники, сейчас спину гнут, кто в колхозе, кто на ферме, а он студент! Папаша его прекрасно понимает, что без бумажки ты какашка, а с бумажкой — человек. Всех своих дружков подключил, поднес кому надо стопочку дензнаков и порядок!

— У меня, Мазан, «стопочки дензнаков» нет! И рассчитывать мне не на кого, тем более на твоего отца,— сказал Салим, снова раскрыв книгу. — Не понимаю я всех этих вещей и понимать не хочу.

— Поймешь, дорогой, только поздно будет.

— Я твои советы выслушал, выслушай и ты мой. Не надо бы тебе на отца надеяться, занимайся, готовься, не теряй времени. Немного недоспишь, недокупаешься, зато сам своего добьешься. Силу свою почувствуешь...

— Тебе бы не в студенты, а в лекторы готовиться,— перебил его Мазан и, не прощаясь, вышел из комнаты.

Белая «Волга» свернула с шоссе и запылила по дороге в село. Заметив ее, Мазан отступил на обочину и остановился. Поравнявшись с ним, машина затормозила. Открылась дверца, и на дорогу, разминая затекшие ноги, выбрался высокий крупный человек средних лет с густыми усами. В глаза бросался глубокий шрам, рассекавший его левую бровь. Это был Каирбек — председатель колхоза и отец Мазана. Он хмуро посмотрел на сына и спросил:

— Ты что камни на дороге считаешь? Почему дома не сидишь, почему к экзаменам не готовишься?

— А ты разве не разговаривал со своим другом? — вопросом на вопрос ответил Мазан.

— С каким еще другом? — не понял отец.

— С тем, который преподает в университете.

— Что?! — взревел Каирбек, он хотел добавить пару слов покрепче, но, оглянувшись на водителя, осекся и

стал рыться в карманах. Шофер протянул ему сигареты, Каирбек закурил и, справившись со своим гневом, сказал спокойно, но все, что следовало, Мазан прочитал в его глазах:

— Сгинь отсюда! Марш домой!

Он резко повернулся и всей тяжестью рухнул на сиденье, громко хлопнув дверцей. Машина, будто тоже рассердившись, резко рванула с места, и Мазан остался на дороге один в облаке сухой горячей пыли.

...Мать сразу же обратила внимание на угрюмое настроение и кислое выражение лица Мазана.

— Что с тобой, сынок? Не заболел ли? — засуетилась она.

— Не заболел, здоров,— буркнул Мазан. — Только я не трактор, отдохнуть-то мне можно? Десять лет в школе пахал...

— Отдыхай, ради аллаха, кто тебе мешает?

— Кто? Отец, конечно. Встретил его только что, разорался на меня посреди дороги — почему, мол, гуляешь, к экзаменам не готовишься. А когда я его по-человечески спросил, разговаривал ли он со своим приятелем из университета, совсем рассвирепел.

— Не волнуйся, не переживай,— залепетала мать. — Я сама с ним поговорю, все разузнаю. А ты поешь да поспи. Сон для здоровья — самое главное.

— Есть не хочу, спать не буду. Я на речку пойду.

— Ну, иди, иди, искупайся, поплавай. Это тоже полезно. Только не заплывай далеко, будь осторожен. Я так за тебя волнуюсь!

— Чао, мамаша! — крикнул Мазан и, подхватив на крыльце прутик, которым по утрам выгоняли телят со двора, со свистом рассекая воздух, помчался к реке.

Заседание правления колхоза кончилось поздно, и Каирбек, очень усталый, вернулся домой затемно. Жена, хотя и пыталась дождаться его, все-таки задремала. Стук входной двери разбудил ее, и она услышала тяжелые шаги мужа, направившегося в свою комнату. Саният бросилась к зеркалу, поправила прическу, разгладила атласный халат с крупными цветами, провела пальцами по густым черным бровям, еще раз придирчиво осмотрела себя и осталась довольна. Неслышными шагами, в мягких тапочках, она проскользнула на кухню. Через несколько минут оттуда донесся ее певучий сладкий голосок:

— Дорого-ой! Иди-и ужинать!

— В университет, конечно. Хотя, зачем нам университет? Ты ведь, наверно, знаешь, где он живет?

— Кто? — не понял шофер.

— Университетский друг мужа.

— А-а-а, Асхат. Конечно, знаю.

— Тогда вперед!

Через несколько минут шофер затормозил у подъезда пятиэтажного дома.

— Здесь,— сказал он. — Третий этаж, восьмая квартира.

— Жди меня,— приказала Саният и скрылась в подъезде.

Она нашла нужную квартиру и позвонила. Через несколько секунд дверь распахнулась, на пороге стояла невысокая моложавая брюнетка.

— Прошу прощения, дорогая,— Саният превратилась в саму любезность. — Извините за беспокойство, за вторжение, скажите, пожалуйста, Асхат дома?

— Его нет. Он на работе.

— Еще раз извините,— не унималась Саният,— а вы ему кем доводитесь?

— Жена его.

— Ах, так вы Балжан! — воскликнула Саният и, просияв, бросилась обнимать женщину.

Балжан немного отстранилась и спросила:

— А вы кто?

— Наши мужья такие близкие друзья, как братья родные,— наступала Саният. — А мы до сих пор не знакомы, ни разу не виделись... Я — жена Каирбека!

— Что же вы сразу не сказали, я так рада познакомиться с вами! Проходите, пожалуйста. Вы для нас желанная гостья! Вот и Каирбек навестил недавно. Так приятно было его видеть после долгой разлуки. А как муж был рад... — говоря это, Балжан провела Саният в комнату, усадила в кресло. — Я вас оставлю на минутку — чай приготовлю.

Когда Балжан вернулась, Саният вполне освоилась в комнате.

— У вас так красиво, так своеобразно, сразу видно какой хороший вкус у хозяйки.

— Я и вправду люблю свой дом,— смущенно ответила Балжан.

— А я бы, наверно, не вынесла городской жизни — жарко, душно, на улицах ни клочка тени.

— Мы уже привыкли. За столько лет научились не

замечать неудобств,— вежливо ответила Балжан, пытаясь догадаться, зачем пожаловала к ним жена председателя. Саният не заставила ее долго ждать:

— И как только мой сын здесь приживется, он у меня мальчик хрупкий, болезненный...

— Ваш сын собирается жить в городе?

— Да,— притворно вздохнула Саният. — У нас с Каирбеком один сын, больше детей аллах не послал. Он в этом году школу закончил, в университет надумал поступать. Мечтает стать инженером.

— Молодец. Инженеры теперь везде нужны — время такое. И чем больше, тем лучше... Сейчас напою вас чаем...

— Что вы, спасибо, у меня ни минутки времени нет. Очень рада нашему знакомству. Жаль только, что Асхата не повидала, не сумела передать ему нашу просьбу... относительно сына,— осторожно проговорила Саният.

Балжан сделала вид, что не поняла этих слов, но гостеприимно предложила:

— Асхата вы можете подождать, правда, сегодня он будет поздно, у них заседание кафедры...

— Нет, нет, Балжан, может быть, вы сами передадите эту нашу просьбу. Между нами говоря, мой муж ни в чем передо мной устоять не может. Мне кажется, что и ваш ни в чем не откажет такой красавице-жене,— лукаво подмигнула Саният.

Балжан ничего не ответила, вышла на кухню и скоро возвратилась, неся поднос, уставленный чайниками, чашками и тарелочками с лакомствами.

Саният, уже не отказываясь, приняла дымящуюся чашку и продолжила:

— Если муж не подчиняется воле жены, его надо брать лаской, терпением, любовью. С моим — ой как не просто, а все же ладим.

— И мы с мужем дружно живем,— быстро проговорила Балжан, будто желая закончить этот разговор.

Саният поняла ее.

— Жаль, что живем мы далеко,— сказала она. — Если бы виделись почаще, я уверена, и подружились бы. Но ведь расстояние для женщин не помеха, и на расстоянии мы сумеем понять друг друга...

С этими словами она потянулась к своему свертку, развязала его и достала рубашку в ярком запечатанном пакете. Широко улыбнувшись, протянула ее Балжан.

— Извините меня еще раз, не могла себе позволить

прийти к вам в дом с пустыми руками. Это рубашка для Асхата — пусть носит на здоровье. А платье — для вас, кажется, я и размер угадала, и цвет к вашим волосам подойдет...

— Ну к чему это? — Балжан было явно не по себе, она даже покраснела.

— Берите, берите,— замахала руками Саният,— обычай у нас такой, клянусь покойным отцом. И ведь верный обычай! Мне и муж мой давно выговаривает: почему, мол, не найдешь времени посетить моего друга, пригласить его с женой к нам в гости. Вот я, наконец, и решилась. Ему и себе приятное сделать. Только как-то неловко все сегодня получилось. Как-то на ходу, да и подарки более чем скромные. Но у нас ведь все еще впереди. Правда? Скажу, не хвастаясь, дом у нас полная чаша: и отложено кое-что, и связи нужные есть... Так что, если позволите, я вас еще раз навещу, уже не наспех...

— Мы вам всегда рады. Приезжайте запросто, как к своим. Только очень прошу, не надо тратиться на подарки, иначе я обижусь.

— Пустяки, пустяки,— тараторила Саният. — Приезжайте и вы к нам... И еще знаете что, давайте перейдем на «ты», как подруги.

И Саният, не давая Балжан опомниться, обняла и поцеловала ее.

— Ну, а теперь разреши откланяться, побегу... Жаль, не увидела Асхата, не познакомилась с ним. Передай ему большой привет!

— И Каирбеку привет,— отозвалась Балжан.

— Обязательно передам.

Саният направилась к выходу, но вдруг обернулась и как бы невзначай спросила:

— А правда ли, что в этом году в университете большой конкурс?

— Понятия не имею.

— Ой-ли? Будто муж не делится с тобой университетскими делами?

— Да я просто не интересовалась. Если спрошу, думаю, расскажет.

— Ах, Балжан, дорогая, он должен помочь нашему сыну. Ведь если он не поступит, его сразу в армию заберут. А там он просто не выдержит. У мальчика здоровье совсем слабое. Какой из него солдат?

— Да не волнуйся ты так, Саният. Больных в армию не берут.

— Кто, кроме матери, знает о здоровье своего ребенка? Врачи сейчас, сама знаешь, какие. Разве их это интересует? Станут они о чужом здоровье беспокоиться. Одна надежда на вас. Кроме Асхата, у нас в университете знакомых нет. Поговори хорошенько с мужем. Объясни, что единственный ребенок Каирбека только на него надеется... — Не переставая говорить, Саният спускалась по лестнице.

Асхат вернулся домой поздно. День был трудный. «Сильно я стал уставать,— подумал он,— силенки уже не те». Он присел на диван, вытянул ноги, закинул руки за голову и прикрыл глаза. Все чаще и чаще возвращался он в мыслях к годам юности, у его матери было восемь детей. Отец умер, когда Асхату не было шестнадцати. Надо было помогать семье. Асхат тогда пошел работать на завод, поступил в вечернюю школу. Учился серьезно, недосыпал, но, казалось, сама работа и учеба заряжают его энергией и бодростью. Трудные были годы, но счастливые... «Наверно, если человек часто стал вспоминать молодость, значит, старость не за горами,— подумал Асхат.— А стареть-то не хочется. Но что сделаешь — закон жизни. Природа не ошибается...».

Эти грустные мысли прервал голос Балжан. Асхат вышел к ней на кухню, поужинал, а когда вернулся в комнату, увидел разложенные на столе подарки Саният.

— В честь чего это у нас обновки? — спросил он жену.

— Жена Каирбека наведывалась, привезла подарки.

— С какой стати?

— Сказала, не может в первый раз прийти в дом с пустыми руками.

— Странно,— пожал плечами Асхат.

— Ничего странного,— пояснила Балжан.— Больше всего она о сыне своем говорила — как ему хочется в университет да как они на твою помощь надеются.

— Понятно. Выходит, аванс принесла... А ты посмела взять. И за себя и за меня решила...

— Она мне это чуть не силой всучила. Обычай, сказала, такой. Не сумела я отказаться... Пусть руки мои отсохнут, если я этого хотела.

Несмотря на усталость, Асхат долго не мог заснуть. Ворочался в постели и думал: «Знает ли Каирбек о поступке своей жены? Вряд ли. Если бы знал, никогда бы ей такого не позволил. Дать мне взятку? Нет, мой друг Каирбек на такое никогда не пойдет».

Каирбек вошел, грузно опустился на стул и молча принялся за еду.

Саният хорошо знала своего мужа, видела, что он не в духе, и не приставая с расспросами, только подкладывала ему на тарелку любимое кушанье. Когда он удалился в спальню, она повременила немного, а затем тихо на цыпочках последовала за ним. Скинув халат, молча юркнула под одеяло.

— Что-то ты не весел сегодня,— заворковала она.— На правлении замучился? Ох, не люблю я, когда ты такой. Мрачный, как ущелье в грозу. Еще чуть-чуть и обвал...

— Не стрекочи,— прервал ее Каирбек, отворачиваясь к стене,— поболтать ты мастерица.

Но Саният снова прильнула к нему.

— А в город ты сегодня ездил? Асхата навестил?

— Оставь меня в покое, дай отдохнуть,— снова проворчал Каирбек.

— Ты же хотел встретиться с другом из университета,— не унималась Саният.— Встретился, поговорил? Ведь только мы с тобой за сына в ответе. Если не мы, кто о нем побеспокоится? Ответь же, наконец.

— Встречался, встречался я с Асхатом,— раздраженно сказал Каирбек.

— Так он поможет Мазану?

— Прежде всего, Мазан сам себе помочь должен. Будет готовиться по-настоящему — и поступит. Это Асхат сказал, и мое мнение такое же.

— А может, он деньжат хочет? Мы же не поскупимся...

— Ты что?— рассердился Каирбек, и в его голосе Саният почувствовала рокот горного обвала.— Если бы Асхат был таким, я бы первый перестал с ним здороваться.

— Ладно, ладно,— поспешила успокоить мужа Саният,— пусть будет твой Асхат таким честным, но что плохого, если поможет Мазану зацепиться за университет?

— За университет цепляться не надо. Надо заниматься как следует. А я этого бездельника после школы ни разу за книгой не видел.

— Совсем сына не жалеешь. Он и так десять лет отучился. Дай ему отдохнуть немного. Я так за его здоровье беспокоюсь — голова у него частенько болит...

— Что у него в голове болеть может? Воздух? От безделья она у него болит. Лоботряса ты вырастила. Все

холила, лелеяла... «Слабенький он у нас, единственный...» — передразнил Каирбек жену.

— Так ведь действительно единственный. Что ж теперь делать? Хороший ли, плохой, все равно наш...

— Лучше б вообще ему не быть, чем таким шалопаем вырасти,— в сердцах проговорил Каирбек и тяжело вздохнул.

В такт ему вздохнула и Саният. Она еще что-то долго говорила мужу. Но он, не отвечая ни на ее слова, ни на ласки, окончательно отвернулся и скоро заснул, мощно похрапывая.

II

Через несколько дней после этого разговора, сославшись на какие-то важные хозяйственные дела, Саният собралась в город... И вот уже служебная «Волга» мужа мчит ее по шоссе. Очень жарко. Трава по обеим сторонам дороги выгорела и пожухла. Листья на деревьях почернели и сморщились, словно летучие мыши, повиснув на ветвях. Но Саният чувствует себя неплохо. Удобно расположившись на переднем сиденье, опустив стекло, она подставляет раскрасневшееся лицо горячему ветерку и думает о делах, которые надо сделать в городе, и о самом главном деле, от которого зависит судьба ее горячо любимого сыночка.

Машина уже мчалась по городским улицам, когда Саният увидела большие витрины нового универмага и сделала шоферу знак остановиться. Она молодо выпрыгнула из машины, и каблуки ее туфель тотчас увязли в расплавленном зноем асфальте.

— Вы надолго? — спросил водитель.

— Нет-нет, я быстро,— ответила Саният и, поправив платье, слилась с потоком людей, втекавших в широкие двери магазина.

Она действительно появилась довольно скоро и, тяжело дыша от жары, вновь расположилась на сиденье, пристраивая на коленях большой сверток, перевязанный широкой лентой. На лбу ее блестели капельки пота.

— И как только люди в этих городах живут,— проворчала она, промокая лицо платочком. — Все толкаются, суетятся, друг друга не замечают, к каждому прилавку локтями пробиваться надо... Ладно, поехали дальше.

— Куда? — спросил шофер.

III

Приближались вступительные экзамены в университет, и из дальних и ближних районов, сел и деревушек съезжались в город абитуриенты. Волновались все — шутка ли — решается судьба, ведь учеба — это не только выбор профессии, это выбор жизненного пути, выбор своего будущего. Поэтому даже у самых уверенных, самых подготовленных в глубине души таился холодок сомнения — а вдруг неудача, вдруг провал... Об этом не хотелось и думать...

Каирбек тоже привез сына в город. Посмотрел, как тот устроился в общежитии, чтобы обо всем рассказать жене, зашел ненадолго по делам в кое-какие учреждения и поехал домой. Но мысли о сыне не оставляли его. Он видел, что готовился Мазан совсем мало, знания у него слабые. А все же не хотелось, чтобы он отстал от одноклассников, все-таки сын председателя. Надо бы поговорить с Асхатом, выяснить, какие шансы у парня. Но когда это сделать? Во время экзаменов или теперь? Каирбек был не из тех людей, которые откладывают неприятные дела на потом.

— Стой! — приказал он шоферу. — Разворачивай обратно в город!

«Ну, попрошу я Асхата помочь Мазану. Что в этом такого? Вытянет его по математике и физике — останутся пустяки... Конечно, Асхат не откажет мне. Ведь наша дружба испытана войной, кровью, горьким солдатским хлебом... Но как стыдно просить его за такого шалопая...»

Машина остановилась, и Каирбек неуверенно, пересиливая себя, направился к дому.

Дверь открыл сам хозяин.

— О, Каирбек! — обрадовался он. — Милости просим! — И обернувшись в глубину квартиры, воскликнул:— Балжан, к нам гость дорогой, собирай на стол! — Обняв Каирбека за плечи, Асхат повел его в комнату.

Когда сели за стол, Асхат приоткрыл дверцу холодильника и спросил:

— По сто грамм фронтовых?

— Спасибо, что-то не хочется.

— А помнишь, как под Кеннигсбергом мы с тобой до спирта дорвались и от части отстали?

— Помню, конечно. Молодые ведь были совсем, глупые... А помнить надо все. Любая крупица памяти о войне драгоценна.

Пообедав, поговорив о житье-бытье, друзья сели за шахматы. Но Каирбек не мог сосредоточиться и проигрывал партию за партией. Наконец, он заговорил о сыне:

— А я ведь своего Мазана сегодня в город привез, экзамены сдавать.

— Серьезно он готовился, не посрамит отца? — с надеждой спросил Асхат.

— Да вроде старался... — неуверенно произнес Каирбек и замолчал, видно было, как тяжело продолжать ему этот разговор.

Асхат пришел на помощь другу:

— Не волнуйся, если парень способный и действительно хочет учиться, я ему помогу.

Балжан, молча слушавшая этот разговор, испытующе посмотрела на мужа. Асхат понял ее, но как сказать Каирбеку о поступке его жены? «Не могу я заставить Каирбека краснеть перед нами»,— подумал он.

— Спасибо тебе за гостеприимство,— с облегчением сказал Каирбек. — А мне пора в колхоз. Время сейчас горячее, сенокос. Надо людей в горы поднимать.

Уже на площадке он услышал голос Балжан:

— Большой привет Саният!

— Обязательно передам,— ответил он автоматически.

А Балжан добавила:

— Она у вас такая обаятельная!

Каирбек остановился.

— Разве вы знакомы?

— Конечно, она недавно навестила меня.

— Странно, а мне ничего не сказала. Наверно, забыла... Тоже ведь постарела... — пробормотал Каирбек и натянуто улыбнулся.

...Едва переступив порог дома, Каирбек позвал жену:

— Ты зачем к Асхату в гости ездила? — спросил он строго.

— А разве плохо, что я познакомилась да поболтала с женой твоего друга? — засмеялась Саният.

— А почему от меня скрыла? За Мазана просить ездила?

— Неужели им мое посещение не понравилось? Что они тебе сказали?

— Да ты меня в глупое положение поставила! Знал бы, что ты у них была, сегодня не стал бы людей беспокоить.

— Велика беда! Пусть только Мазан поступит, больше я в их дом ни ногой!

— Какая же ты бестактная и неблагодарная!

— Ладно,— отозвалась Саният,— во-первых, воспитана я не хуже других, а во-вторых, твердо знаю, что каждый человек для себя, а не для других на свете живет...

— Легче камни грызть, чем с тобой спорить,— в сердцах сказал Канрбек и, окончательно рассердившись, вышел из дома, громко хлопнув дверью.

IV

Мазан сидел за столом в комнате общежития и пытался заниматься, но голова без привычки соображала туго, глаза слипались и, наконец, он не выдержал, швырнул учебник на кровать и сладко, с хрустом, потянулся. «На сегодня хватит». Он достал из чемодана свой любимый пестрый галстук, причесался, полюбовался на себя перед зеркалом и вышел из комнаты.

Вечерело. Потоки праздных людей неторопливо текли по улицам города. «Счастливые,— подумал Мазан,— ни забот, ни хлопот. Гуляют, смеются... Ни экзаменов у них, ни конкурса...» Ему и в голову не пришло, что эти люди уже и отучились, и отработали — заслужили свой отдых. «Наведаюсь к Жамиле»,— решил он, торопливо зашагав в общежитие медицинского факультета.

Суровую вахтершу долго пришлось уговаривать:

— Понимаете, мы с ней из одного села, одноклассники,— объяснял он.— Она врачом хочет стать, и я в университет поступаю. Мне бы только на минутку повидать ее.

В конце концов каменное сердце вахтерши не выдержало, и через несколько минут чернобровая, с длинной косой девушка легко сбежала по ступенькам. Мягкие черты лица выдавали ее скромность и добрый характер.

— Опять пришел,— сразу же стала выговаривать она Мазану,— мы же договорились сегодня не встречаться.

— Не могу я без тебя ни минуты,— взмолился Мазан.— Пойдем погуляем, хоть в парк ненадолго...

— Как ты можешь! Через два дня первый экзамен, ты и сам провалишься, и я из-за тебя провалюсь...

— Да ладно, не бойся. Все будет в порядке...

— Не обижайся, Мазан,— твердо сказала Жамиля,— но я сегодня никуда не пойду. Мы с девочками сидим и зубрим химию.

— Не мучай меня, Жамиля!

— Будь умницей, не упрямься. Иди в общежитие и садись за книги.

— Без твоих советов обойдусь и без зубрежки.

— А я не обойдусь,— сказала Жамиля и резко повернулась. Мазан схватил ее за руку.

— Стой! Ты меня знаешь, я долго просить не стану, раз откажешь, тогда...

— Что тогда? — спросила Жамиля. Очень ей не понравился тон Мазана. — Что тогда?

Но Мазан промолчал.

— Кстати, сегодня Салим приехал, про тебя спрашивал,— сказала она,— я ему объяснила, где тебя разыскать.

— Ладно, сиди, зубри. А я пойду в общежитие, может быть, Салим уже меня ждет?

И, махнув на прощанье рукой, он зашагал по оживленной улице.

«Парень, конечно, обиделся,— думала Жамиля, глядя ему вслед,— но ничего, после экзаменов помиримся. Нельзя же все бросить и идти гулять, как ни в чем не бывало. Сейчас каждый час дорог. И так вчера поддалась на его уговоры, и полдня вместе проболтались. Теперь этого времени и не хватает».

У себя в комнате Мазан действительно застал Салима.

— С прибытием, друг мой! С прибытием! — завопил Мазан. — Пошли скорее!

— Куда?

— Это же событие — приезд Салима в город! Непременно надо отметить.

— Брось, Мазан, после экзаменов отметим, сейчас не до того.

— Да хватит вам! Только и слышишь со всех сторон: экзамены, экзамены! Они еще не начались, а я уже от них одурел! Пошли,— решительно сказал он и потащил друга из комнаты. На улице он болтал без умолку, радуясь, что не придется проводить вечер одному за книгами. Незаметно они очутились перед рестораном. До них доносился веселый шум множества голосов, яркие огни светомузыки ритмично вспыхивали на шторах за громадными стеклами витражей.

— Смелее, друг! Вперед! — подталкивал Мазан Салима к широким дверям.

— Не хочу я,— пытался сопротивляться Салим. — Пошли лучше в какое-нибудь кафе, перекусим, а потом и заниматься...

— Про учебу ни слова! — воскликнул Мазан. — Сегодня гуляем. Вперед! Мы же теперь городские люди, а ты трусишь, как деревенщина.

— Я не трушу, просто там мест нет, да и с деньгами у меня не густо...

— Сегодня я угощаю! А насчет мест не беспокойся, меня здесь уже знают, посадят. Ну, идем!

Зал ресторана оглушил их. Даже самоуверенный Мазан слегка растерялся, но затем быстро пришел в себя. Оставив Салима у колонны, он куда-то исчез и вскоре вернулся с официанткой, которая провела их к маленькому столику в углу зала.

А ресторан гудел. Вулканы сигаретного дыма клубились в пространстве зала. Гремел оркестр. Разговаривали все — не слыша себя, не слыша друг друга. Произносились витиеватые тосты, звенели бокалы. Разгоряченные вином посетители яростно отплясывали на площадке перед оркестром. Не выдержавшие веселья засыпали, сползая со стульев. Официанты ловко курсировали между столиков, расставляя полные бутылки, тарелки, собирая выручку. Красные, потные лица, тяжелое дыхание, жаркие запахи кухни, выкрики и нестройное пение, мелькание огней — все это окружило двоих друзей-абитуриентов.

— Может, уйдем? — робко попросил Салим. Он испуганно оглядывался, съежившись на самом краешке стула, будто боясь, что вихрь пьяного веселья закружит и унесет его. Мазан же, наоборот, вальяжно откинулся, распустил галстук и, строя из себя завсегдатая, принялся небрежно обмахиваться накрахмаленной салфеткой.

— Чувствуй себя как дома, Салим. Мы же взрослые люди. Привыкай отдыхать по-городскому.

Подошла официантка с блокнотиком.

— Значит так... — начал Мазан,— нам парочку гедлибже и бутылочку...

— Сухого? — спросила официантка.

— Нет, водки!

— Не надо, Мазан,— попробовал вмешаться Салим.

— Действительно, не многовато ли на двоих? — поддержала официантка.

— Это уж позвольте мне решать. Я плачу, я и заказываю!

Больше с ним никто не спорил. И через некоторое время он уже разливал водку по рюмкам, и подражая взрослым, начал тост:

— Я хочу выпить за нашу новую жизнь! Теперь мы не

какие-то школяры, мы — мужчины! Мы сами можем решать наши проблемы. Сами прокладывать себе путь к успеху! За удачу!

Лихо опрокинув рюмку, Мазан понюхал корочку хлеба и отправил ее в рот.

— Ну, смелей! — обратился он к Салиму, который с ужасом смотрел на свою рюмку, не решаясь ее пригубить.

— Давай, давай! — ободрял его Мазан. — От этого еще никто не умирал. Бери пример с меня...

Салим, которому предстояло выпить первый раз в жизни, глотнул и сразу же закашлялся, на глазах его выступили слезы... Люди за соседними столиками посмотрели на них и заулыбались.

— Ну и слабак же ты,— с досадой сказал Мазан и, чтобы реабилитироваться перед соседями, принялся опрокидывать рюмку за рюмкой. Его быстро развезло, галстук пестрой веревкой сбился набок; жирными пальцами он размазывал пот по лицу и болтал, болтал без остановки. Салиму стоило больших трудов уговорить его уйти.

На свежем воздухе Мазан немного пришел в себя, но все равно, чтобы удержаться на ногах, вынужден был уцепиться за локоть Салима. Пытаясь хоть как-то оправдаться перед другом, он пьяно залепетал:

— Н-никто ме-меня не понимает. Н-ни от-тец, ни ты... Д-дум-маешь, почему меня сегодня выпить так потянуло? Не знаешь. Из-за Жамили. Я ее так хотел видеть, а она ни за что...

— Так у нее времени, наверно, нет. Тоже экзамены впереди.

— Плевать на экзамены! Любовь важнее! Я без нее жить не могу, а она сидит, зубрит...

— Как же поступить иначе?

— А вот так! — выкрикнул Мазан, собрался с силами и, отпустив руку Салима, преградил ему путь.— Вот так! Как я! Поздравь меня: я уже студент. Не веришь? А я уверен!

— Хорошо, хорошо! — пытался успокоить его Салим. — Хорошо, что ты уверен, а заниматься все-таки надо.

— Чепуха! Сейчас поступают только по знакомству. А у меня такое знакомство есть! И папашу надо иметь в начальниках. А мой папаша — председатель! Понял?

— Если и вправду все так, как ты говоришь, мне университета не видать,— грустно сказал Салим.— Может, и готовился я напрасно..

— Не бойся, друг, отец и за тебя словечко замолвит,—

хвастал Мазан, снова повиснув на Салиме, чтобы не упасть.

Незаметно пролетели два дня. И вот рано утром Мазан с Салимом отправились на первый экзамен. Университет бурлил. Сотни юношей и девушек, принаряженных, приглаженных, толпились в коридорах и на лестницах, ожидая звонка. Вчера еще беззаботные школьники, сегодня они пытались вести себя по-взрослому: чинно прогуливаясь или рассудительно беседуя. Но немногих хватало на это, то и дело раздавались взрывы смеха; кто-то кого-то искал, кто-то, держа раскрытый учебник, поднимал глаза, словно молитву, повторяя формулы; кто-то дочитывал последние записи, словно не мог надышаться перед погружением в неизвестность. Звонок уравнял всех. Абитуриенты растеклись по аудиториям, гул стих, и напряженная тишина воцарилась под сводами университета.

Экзамен был письменный, и друзья сели за один стол. Мазану достаточно было одного взгляда на условия своих задач, чтобы понять, что ему с ними не справиться. Одна надежда на Салима. Мазан толкнул его под столом коленом, глазами показал на свой листок и вопросительно поднял брови. Салим сделал успокаивающий жест: решу свое, помогу тебе.

Мазан огляделся. Для ребят в аудитории мир не существовал. Только цифры, формулы... Но одни лихорадочно исписывают страницы черновиков, другие, подперев голову руками, напряженно вспоминали правила и методы решений... Шелест бумаги, редкое покашливание... Двое преподавателей поочередно сидели за столом или прохаживались между рядами. Мазан заметил, что один из них все чаще обращает внимание на него. Он единственный в аудитории, кто вертится за столом и ничего не пишет. Мазан хватает листок и, подражая самым активным, начинает черкать на нем какие-то каракули. Наконец, Салим осторожно подвигает ему черновик с решениями. Друзья переписывают все начисто и, сдав преподавателю, выходят одновременно со звонком.

Салим, бледный от усталости, остановился в коридоре и вытер платком лоб, даже ладони его вспотели.

— Ну, как ты думаешь, что нам поставят? Четыре? Пять? — весело спросил Мазан.

— Не знаю. Решено вроде правильно. Завтра увидим. Пошли перекусим и в общежитие — заниматься. Устный экзамен пострашнее письменного.

— А может, хватит на сегодня? Отдохнуть бы надо. Махнем в кино. Говорят, фильмец клевый идет.

— Ты как хочешь, а я буду учить,— твердо сказал Салим, и они вместе направились к выходу.

На скамейке в сквере перед главным входом они увидели мать Мазана. Прижимая к груди какую-то коробку, она бросилась к ребятам.

— Ну как, успели? Все решили? — посыпались вопросы.

— Да, вроде, все в порядке,— ответил Салим.

— Слава аллаху! Ты, Салим, иди, а мне с сыном поговорить надо,— сказала Саният и повлекла Мазана в глубину сквера. Усадив его, громко зашептала:

— Я тут уже кое с кем поговорила — обещали помочь. Я их, конечно, тоже не обижу.

— А отец почему не приехал?

— Послезавтра будет, тоже похлопочет.

— Мама, надо бы и за Салима слово замолвить...

— Ты что! Может, мне еще весь твой класс в университет тянуть? Нет уж, он не сирота. У него мать, отец тоже есть. Пусть они сами о своем сыне побеспокоятся... Кстати, деньги у тебя есть?

— Если привезла, не откажусь.

— Держи, сынок. Жизнь в городе дорогая. Вот тебе и туфли новые. — Саният протянула Мазану коробку. — Носи на здоровье! Теперь пойди, отдохни, а я еще здесь побуду, нужных людей поищу.

Саният умчалась, а Мазан пошел разыскивать Жамилю. Она сдала химию на пятерку. В прекрасном настроении, они немного погуляли, а потом Мазан вновь остался один — Жамиля ушла в библиотеку заниматься. Он сходил в кино, заглянул к Салиму, который все еще сидел за книгами, и завалился спать.

На следующий день друзья отправились в университет. Пробравшись к спискам, нашли свои фамилии — Салим получил «четыре», Мазан — «три».

— Странные дела здесь творятся,— возмутился Мазан. — И списал я все точно, и мать с нужными людьми договорилась, почему же «тройка»?

Разумеется, Салим ничего не мог ответить ему, только пожал плечами.

Каирбеку казалось, что он подъедет к университету слишком рано. Но он ошибся, множество абитуриентов уже ждали начала экзамена. «Всю ночь они что ли здесь дежурят?» — удивился Каирбек. Он хотел было пойти

разыскивать Асхата, но тут к нему подбежали Мазан с Салимом.

— Как хорошо, что ты приехал! — радостно воскликнул Мазан. Он и в самом деле был очень рад появлению отца. «Теперь-то все будет в порядке,— ликовал он. — Можно не беспокоиться. Пятерочка мне обеспечена». И он с гордостью посмотрел на Салима: «Видишь, какая надежная у меня опора!»

— Боитесь? — спросил Каирбек.

— Есть малость! — ответил Салим. А Мазан пренебрежительно хмыкнул.

В это время раздался звонок.

Группа абитуриентов, притихшая и взволнованная, собралась возле дверей аудитории. Мазан и Салим присоединились к ним. Когда в глубине коридора показался Асхат вместе с другим молодым преподавателем, Мазан шепнул:

— Гляди, вот это и есть друг моего отца.

Асхат поздоровался и вошел в аудиторию. Молодой экзаменатор сказал:

— Первые четверо могут войти. — И тоже скрылся за дверью.

— Ну, ребята, дело дрянь! — сказал высокий вихрастый парень. — С математиком — Асхатом шутки плохи. Я в третий раз поступаю. Точно знаю — его не уболтаешь. Если всего курса не знаешь, лучше сразу документы забирать. Так что, кто смелый — вперед!

— Пошли!

Салим подтолкнул Мазана к дверям.

— Нет. Мне надо после всех. Отец так сказал...

— А мне терять нечего. Чем здесь психовать, лучше сразу...

Салим и трое ребят вошли в аудиторию.

— Берите билеты, рассаживайтесь, готовьтесь,— сказал молодой экзаменатор. — И предупреждаю, тот, кто попытается шпаргалить, будет от экзамена освобожден.

Салим вытянул билет, прочитал и в глазах его потемнело, но он сел, взял себя в руки, сосредоточился... и, о чудо! — все, что учил он солнечными днями и бессонными ночами, вспомнилось, выстроилось в ясную систему, и ручка уверенно заскользила по бумаге.

Через некоторое время Асхат, который до этого что-то быстро писал, не обращая на ребят ни малейшего внимания, поднял голову и спросил:

— Кто-нибудь готов? Прошу ко мне.

Все сидели не шелохнувшись.

Через несколько минут Асхат повторил:

— Прошу поторопиться. Не забывайте, что за дверью ждут ваши товарищи.

Никто не решался пойти первым. Тогда Салим встал и направился к экзаменаторам...

Голубоглазая девушка, которая в щелку двери наблюдала за экзаменом и комментировала происходящее, повернулась к Мазану и сказала:

— Твой друг самый смелый, первым пошел...

Салим протянул свои листки Асхату, тот быстро просмотрел их и передал второму экзаменатору.

— А теперь ответьте мне на такой вопрос...

Салим отвечал быстро и уверенно...

— Ой! — воскликнула девушка за дверью,— по билетам даже не спрашивает.

— Я же предупреждал, по всему курсу гонять будет,— сказал вихрастый парень, и «болельщики» в коридоре взволнованно загалдели. Только Мазан, прислонившись к стене, чувствовал себя спокойно.

... — У меня вопросов больше нет. А у вас? — обратился Асхат к другому экзаменатору.

— По-моему, все ясно,— отозвался тот.

— Молодец! Математику хорошо знаешь. Ты из села? — спросил он Салима, записывая что-то в ведомости.

— Да, из Узкого Ущелья.

— Знаю, знаю, бывал там в молодости. Хорошее село и колхоз хороший, ничего не скажешь...

Салим вышел, закрыл за собой дверь и глубоко вздохнул, словно освободившись от тяжкого груза. Счастливая улыбка засветилась на его лице.

— Ну как?

— Что получил?

— Пя-а-ать! — выдохнул он.

— Счастливчик!

— Поздравляю! — сказал Мазан, крепко пожимая руку друга.

К ним подошла девушка-«комментатор» и обратилась к Салиму:

— Отвечал ты здорово, я видела. А вопросы трудные достались?

Салим протянул ей тетрадь.

— На, посмотри, здесь все подробно записано.

Девушка взяла тетрадь и, перелистывая ее, пошла в

тихий конец коридора. Салим еще немного поболтал с Мазаном, а потом пошел вслед за ней.

— Тебя как зовут?

— Меня — Верой.

— А меня...

— Знаю, знаю... — Салимом тебя зовут.

— Откуда ты знаешь? — удивился Салим.

— Да вот здесь написано,— засмеялась девушка, показывая на обложку тетради.

— Верно.

Салим неожиданно смутился, покраснел и, не находя больше слов,, стоял, как ему казалось, очень глупо, переминаясь с ноги на ногу и вертя в руке тетрадь.

А экзамен шел своим чередом. Из аудитории одни выходили счастливыми, другие мрачными и растерянными, кто-то и со слезами на глазах. Что поделаешь?.. Одних знаний на экзамене мало. Надо уметь подать эти знания, собраться с мыслями, показать, что знаешь больше, нежели спрашивается в билете, ведь любой наводящий вопрос выдает неуверенность и ведет к провалу.

Мазан долго маялся в коридоре и наконец вошел в аудиторию. Когда последний абитуриент закончил отвечать, он встал и подошел к Асхату.

— Слушаю вас.

Мазан молчал.

— Идите к доске и отвечайте.

Мазан взял в руки мел, но все так же молчал, исподлобья посматривая на Асхата.

— Ну что же вы?

— Очень трудный билет,— выдавил он из себя.

— Напротив, билет самый легкий. Вам повезло, как никому сегодня. Начните со второго вопроса.

— Я что-то не совсем разобрался...

— Вы и на третий вопрос не можете ответить?

Мазан отрицательно повертел головой.

— Зачем же вы пришли на экзамен?

— Разве вы не узнали меня? Я сын Каирбека.

— Узнал. И фамилию прочитал,— сказал Асхат.— Только зачем ты об этом говоришь? Ты ведь, парень, пришел математику сдавать. Впрочем, ладно. Бери другой билет, садись и готовься. Вспомни все, что знаешь, и не торопись.

«Чего это он? — подумал Мазан. — Власть свою показывает или принципиальность? Поставил бы четверку и дело с концом».

Через полчаса он снова стоял у доски.

— На первый вопрос я не смогу ответить,— сказал, теребя билет.

— А на второй?

— Это пожалуйста!

И Мазан начал быстро писать на доске.

— Стоп, стоп! — остановил его Асхат. — Подумай еще.

О чем думал Мазан в этот момент — неизвестно, только не о математике, потому что ни на один вопрос Асхата ответить он не смог. И когда он взял из его рук экзаменационный лист и прочитал в нем «Неуд.», такая волна обиды захлестнула его, что в глазах потемнело. Слышал ли он слова Асхата, пока уныло брел к выходу из аудитории?

— Плохо! Очень плохо, Мазан! Ты совсем ничего не знаешь. Стыдно так приходить на экзамен! Даже мне стыдно и за тебя, и за твоего отца...

VI

После разговора с Асхатом Каирбек не сомневался в благополучном исходе дела, но все же решил подождать сына, чтобы дома подробно рассказать обо всем жене. Он сидел на скамейке, подставив лицо солнцу. Рядом лежала кипа свежих газет, но он не спешил раскрывать их, радуясь неожиданной передышке в напряженной текучке колхозных дел. Но когда он увидел расстроенное лицо Мазана, благодушное настроение его мгновенно улетучилось. Сердцем он почувствовал недоброе.

— Хорош у тебя дружок! — с ходу выпалил Мазан. — Беги, благодари его за помощь!

— Что случилось?

— Завалил он меня — вот что случилось!

— Как это завалил?

— Двойку поставил!

— Сам Асхат поставил тебе двойку?

— Ага. И привет тебе передал,— ехидно сказал Мазан.

— Ладно, отправляйся в общежитие, а я пойду, поговорю с ним.

Каирбек направился было к университетским дверям, но затем нерешительно остановился и подумал: «Там людей полно, толком не поговоришь». Он вернулся на свою скамейку и сел так, чтобы видеть всех выходящих из здания. Каирбек чувствовал, как волна гнева захлестыва-

ет его. «Как мог Асхат поставить двойку моему сыну? Как мог вот так легко перечеркнуть все будущее парня? А может, он просто припугнул Мазана, чтобы тот занимался серьезнее? — пытался успокоить себя Каирбек. — Может, он уже исправил отметку... Тоже ерунда какая-то. Но если Асхат так держит свое слово, какая же цена нашей дружбе, нашему фронтовому братству?..»

Каирбек вспомнил молодого Асхата, и мысли его непроизвольно перенеслись в далекий сорок третий...

...Сталинград. Беспрерывные взрывы крошат и сотрясают землю. Огонь, смерть и мороз царят здесь. Снежные заряды мечутся среди разрушенных стен, непроходимых завалов. Лейтенант Асхат получил приказ занять со своей ротой позицию в северной части города. Небольшими группами пробирались солдаты через горящие развалины. Собрались в подвале разрушенного дома.

— Можно перекурить, — разрешил Асхат и принялся сворачивать самокрутку. — Через полчаса в атаку. Проверить оружие и приготовиться.

В подвале относительно тихо — гул разрывов и вой ветра сюда почти не доносятся. Бойцы притихли, только огоньки самокруток вспыхивают в темноте. От теплого людского дыхания, крепкого мирного запаха махорки в подвале даже стало уютно. Но скоро в атаку и, кто знает, кому из этих людей посчастливится встретить завтра рассвет?

Рядом с Асхатом Каирбек. Он прикуривает, и пламя самодельной зажигалки освещает его лицо.

— Боишься, земляк? — спрашивает Асхат, кладя ему руку на плечо.

— За себя нет. Мать жалко. Один я у нее...

— Ничего, мы еще поживем... Победим и вернемся.

Он подносит к глазам светящийся циферблат часов и встает.

— Рота, к бою! — командует Асхат. Лязгают затворы автоматов. — Вперед! За Родину! За Сталина!

Он первым выскакивает из укрытия, солдаты за ним. Наверху светло, как днем, все тонет в адском грохоте, треске огня. Ползком, перебежками ведет свою роту Асхат. Каирбек старается держаться к нему поближе и вдруг видит, что совсем недалеко от заданного рубежа Асхат падает, пытается подняться и падает снова. Огонь становится плотней. Вжимаясь в землю, зарываясь в снег, Каирбек подползает к Асхату.

— Что с тобой, лейтенант?

Асхат еле шевелит запекшимися губами:

— Видно, конец. Отвоевался твой командир...

И теряет сознание.

— Нет, не конец! Мы еще повоюем! Держись, земляк... — шепчет, задыхаясь, Каирбек и тащит командира вперед, туда, где стрекочут автоматы их роты, туда, где победа... Узкая полоска крови тянется вслед за ними по серому предрассветному снегу...

...Каирбек провел ладонью по лицу, отгоняя воспоминания, и рука непроизвольно погладила планки на пиджаке, где среди других была и ленточка медали за этот бой в Сталинграде.

Из дверей университета вышел Асхат. Он сразу же заметил одинокую фигуру Каирбека на скамейке и остановился. «Наверно, меня ждет,— подумал он. — О чем он сайчас думает? Угадать нетрудно. Винит меня, конечно. Не помог другу в трудную минуту. Как объяснить ему? Поймет ли?»

— Асхат, вы домой? — окликнул его один из коллег.— Я на машине, давайте подвезу. Уж очень у вас вид усталый.

— Спасибо. У меня еще здесь одно важное дело.

Он подошел к Каирбеку и поздоровался. Тот вздрогнул, словно застигнутый врасплох, встал и молча посмотрел на желтое осунувшееся лицо Асхата.

— Давно ты здесь?

— С утра.

— Сына видел?

— Видел.

— Все знаешь?

— Знаю. Обрадовал ты нас.

— Ладно. Пошли домой, там поговорим.

Каирбек, не сопротивляясь, зашагал рядом с Асхатом.

— Скажи, ты действительно поставил Мазану «двойку»? Может, попугать его решил?

— Твой сын совсем математики не знает. Честно говоря, даже непонятно, как он аттестат получил.

— Ну, это не твоя забота,— грубо сказал Каирбек.

— Зря ты так. Поверь, мне руку легче было бы себе отрубить, чем ставить ему «двойку».

— Разве дело в этом шалопае? Обо мне ты мог вспомнить? Ведь я же просил тебя. Думаешь, легко мне было просить?

— Допустим, ради тебя я поставил бы ему хорошую оценку. А дальше что?

— Как что? Сдал бы экзамены и учился, как все.

— Нет, не как все. И ты это прекрасно понимаешь. Вспомни войну, Каирбек, когда смерть поджидала нас каждый час, не теряли мы своего достоинства.

— Война давно кончилась, и я не понимаю, чем бы пострадало твое достоинство, если бы ты помог парню пройти в университет.

— Вот именно «пройти». Без трудностей, без знаний, занять чужое место.

— Да разве не обязаны мы направить наших детей на жизненный путь?

— Конечно, обязаны. Нет таких отцов, которые не заботились бы о судьбе своих детей. Но не таким же способом. Я тебя не узнаю, Каирбек. Где твое мужество? Где твой трезвый взгляд на жизнь? Смотреть правде в глаза надо не только из председательского кабинета. К чему приведет такое мягкосердечие? Сегодня ты засунешь сына в вуз, избавишь его от армии, завтра пристроишь на работу, на тепленькое местечко. А что останется ему самому? Характер, личность формируется в трудностях, избавляя от них сына, ты принесешь ему только вред. Он разочаруется во всем, станет циником; жизнь покажется ему пустой и бесцельной. Ты сам приучаешь его только брать и брать, а ведь надо будет и отдавать. Отдавать так, как отдаем мы с тобой...

— Это все философия... — перебил его Каирбек.

— Философия — стержень жизни...

— Ты лучше скажи, чем твоя философия может сейчас парню помочь?

Асхат пожал плечами. «Все-таки Каирбек не понимает серьезности ситуации,— подумал он. — И не хочет понять».

— Я могу сказать только одно: на нашем факультете он учиться не сможет.

— Но парень мечтает стать инженером.

— Мечтать — это хорошо. Но ведь надо что-то делать. Из одной мечты инженеры не получаются. А Мазан, похоже, трудиться не привык.

— Слушай, Асхат, давай говорить просто: попадет парень в университет, приложит все силы, день и ночь будет заниматься... Исправь ты как-нибудь эту «двойку». Он ведь искренне расстроен, а уж как Саният переживать будет, слов нет. Она спит и видит сына студентом.

В ответ Асхат только тяжело вздохнул и покачал головой.

VII

В самом мрачном настроении вернулся Каирбек из города. Едва он переступил порог дома, Саният кинулась с расспросами:

— Как дела? Как наш сынок?

Каирбек молча прошел в комнату, сел ссутулившись, тяжело положив руки на колени. Он как бы постарел за этот день. Саният почувствовала недоброе.

— Ну, что ты молчишь? Как мальчик сдал экзамен?

— Плохо. «Двойку» получил.

Саният не поверила своим ушам.

— Ты шутишь что ли? Я тут беспокоюсь целый день, места себе не нахожу, а ты шутишь.

— Наверно я уже никогда не смогу шутить,— удрученно сказал Каирбек.— Он действительно получил «двойку».

— Да как такое могло случиться? Разве не друг твой принимал экзамен?

— Он самый, Асхат.

— И что же?

— Два раза билет брал, ни на один вопрос не ответил... Пытался Асхат его вытянуть...

— Пытался? Да он назло тебе его провалил! Тебе и мне! — Саният заводилась не на шутку. — Решил свою силу показать. Вы мне — в ножки, а я вам — шиш!

— Да что ты мелешь? — пытался унять ее Каирбек.

— Все из-за тебя! «Асхат мой друг. Асхат не подведет». Если бы ты нас не обнадежил, я бы сотню путей в университет нашла...

— Да какие еще могут быть пути? — пытался отмахнуться Каирбек.

— Самые разные! И пути! И дорожки! И тропинки! И возможности! И знакомые! — вопила Саният. — Все их находят и проскакивают. Денег не жалеют. И я бы не пожалела! Всех бы подарками завалила! Ах, дура я, дура! Поверила в вашу святую дружбу. Забыла на чем свет держится: ты — мне, я — тебе. И твой Асхат до последнего дня хороший куш ждал. Конечно, я им пустяки поднесла, так ведь то для начала, для знакомства...

— Как тебе не стыдно? Что ты говоришь?

— Мне не стыдно! Теперь мне ничего не стыдно! Пусть твоему дружку будет стыдно! Какое он имеет право калечить мальчику жизнь? Кто он такой?

— Асхат — человек порядочный...

— Значит, берет больше, только и всего. Ничего, теперь

я этим делом сама займусь. Всех на ноги подниму. Завтра же в город поеду.

— Да не позорься ты,— попытался урезонить ее Каирбек. — Сама знаешь, что парень ни черта не занимался. Асхат сказал...

— Плевала я на твоего Асхата! — закричала Саният.— Он свое сказал. Пошли ему за это, аллах, все болезни мира! Пусть руки его отсохнут! Язык отнимется!

Каирбек остался сидеть на диване, прикрыв уши ладонями, а Саният, не переставая причитать, накинула на голову платок и выбежала из дома. Вихрем промчавшись по центральной улице села, она взбежала по ступенькам магазина и забарабанила в дверь. Но было уже поздно, и в ответ раздалось глухое звяканье громадных замков.

Не теряя ни минуты, Саният побежала дальше. Дом завмага — один из лучших в селе — был недалеко. Она постучала в окно и, не дожидаясь ответа, толкнула дверь и влетела в комнату. Баршау сидел в глубоком кресле перед телевизором и дремал. Громко всхлипнув, Саният плюхнулась на диван, и слезы, сдерживаемые на улице, обильно потекли по ее щекам. Завмаг вскочил и спросонья уставился на жену председателя:

— Что случилось? Несчастье какое? Деньги потеряла? Муж заболел?

— Ах, Баршау,— сквозь слезы проговорила Саният,— только ты можешь мне сейчас помочь.

— Да что же случилось?

— Мазан на экзамене «двойку» получил.

— У-ф-ф! — Баршау облегченно вздохнул и опустился в кресло.—Напугала ты меня, Саният. Я подумал, горе какое...

— Для нас горе. Прошу тебя, помоги.

— Да чем я-то здесь могу помочь? Я, слава аллаху, в университете не преподаю.

— Назови мне того человека, который помог твоему сыну поступить. Сведи меня с ним. Сколько скажет — столько дам. И ты в накладе не останешься.

— Э-э, куда хватила! Ничего не выйдет. Выгнали того человечка. Едва под суд не угодил за взятки. Пронесло, слава аллаху, а то он многих бы за собой потянул.

Слезы с новой силой хлынули из глаз Саният. Желая хотя бы успокоить ее, Баршау стал расспрашивать о подробностях. Заканчивая свою горестную историю, где крупицы правды совсем потонули в океане вымысла, который Саният тут же придумала и сейчас же в него поверила, она сказала:

— Видно, придется искать справедливости у того, кто сегодня Мазана завалил, к нему на поклон идти.

— Кто же он? — полюбопытствовал завмаг.

— Есть там такой математик — Асхат,— со злостью произнесла она ненавистное имя.

— Знаю я его! — воскликнул Баршау. — Упаси аллах с ним связываться. Мерзкий человек. На зимней сессии моему сыну тоже «двойку» поставил. Я пять раз в город ездил уламывать его. Ни в какую!

— А ты ему предлагал?

— Еще бы! Пять бумажек в карман сунул. А он меня за руку — мужик здоровый — и говорит: «Сейчас свидетелей соберу и в милицию вас отведу». Еле упросил его шум не поднимать. Страшный человек. Лучше с ним не связываться.

— У меня выхода нет. Если не выйдет ничего, так хоть выскажу, что о нем думаю,— решительно сказала Саният. — Чтоб ему камни грызть на том свете!

С этими словами она покинула дом завмага.

Рано утром, не решившись попросить у мужа машину, Саният рейсовым автобусом отправилась в город. Немного поплутав, она все же разыскала нужный дом. Дверь открыл сам Асхат. За его спиной улыбалась Балжан.

— Здравствуй, Саният! — первой поздоровалась она.

— Так это Саният. Рад познакомиться,— радушно, но и настороженно проговорил Асхат. Он сразу же понял, для чего пожаловала жена Каирбека в их дом, и приготовился к неприятному разговору. Ее провели в комнату, усадили за стол, и через несколько минут хозяйка разливала по чашкам крепкий ароматный чай, придвигая Саният тарелочки со сладостями. Разговор перескакивал с одного на другое, касаясь трудностей городского и прелестей сельского житья-бытья. Саният сдерживалась изо всех сил, стараясь быть вежливой и любезной. Однако беседа все чаще прерывалась, и напряженная неловкая тишина возникала в комнате. Наконец, Асхат не выдержал и сказал:

— Наверно, вы хотите поговорить о своем сыне, Саният?

— Как это вы догадались? Конечно. О ком же еще беспокоиться матери?

— У меня вчера уже был разговор с Каирбеком. Поверьте, тяжелый для меня разговор. Наверно, он передал вам его. Очень бы не хотелось повторяться...

— Вы уж сделайте милость, повторитесь. Объясните

глупой матери, за какие грехи так наказал ее близкий друг мужа?

— Вы здесь ни при чем, ведь я не у вас принимал экзамен.

— Да вы что, в самом деле не понимаете, что натворили? Вы нашу семью разбили! Горе в дом принесли!

— Успокойтесь, Саният, зачем принимать все так близко к сердцу? Поговорим по-человечески.

— Так и я о том же. Вы эту ошибку совершили, вы и исправить должны.

— Простите меня, но я не могу поставить приличную оценку человеку, который совсем не знает моего предмета.

— Хватит притворяться! — Саният еле сдерживалась, чтобы не вспылить. — Мы люди свои. Знаем, как в университет проходят. Скажите откровенно — сколько? Ни одна живая душа не узнает. Даже Каирбек.

Асхат встал. Эх, был бы перед ним мужчина, он бы использовал свой последний довод. Но...

— Я попрошу вас уйти,— голос его прерывался от бешенства. — И кстати... Балжан! — позвал он жену. — Верни Саният тот сверток и проводи.

Балжан вынесла тщательно перевязанный пакет. Саният вскочила, выхватила его и, как бы взвешивая его на руках, сказала:

— А вот это моя ошибка. Мало я принесла. Мало.

— Вон отсюда! — закричал Асхат.

Саният пулей вылетела из квартиры. А Асхат, тяжело опустившись на стул, поглаживая правой рукой сердце, с усилием проговорил:

— Ничего она не поняла. Ничего.

— И как только Каирбек живет с такой женщиной? — печально сказала Балжан.

— Да-а, это испытание почище фронтовых...

VIII

Несмотря на все «героические» усилия матери найти обходные пути в университет, Мазану пришлось забрать документы и вернуться в село. Дома было несладко. Видно было, что между отцом и матерью что-то произошло, и виной тому, пожалуй, он. Впервые в жизни им овладело чувство стыда за свое легкомыслие и беспечность. Стыдно было перед соседями за то, что он вернулся из города не солоно хлебавши. Он мучительно краснел при встречах с одноклассниками, объясняя почему провалился на экза-

менах. Но и в четырех стенах сидеть было невмоготу, постоянно слыша тяжелые вздохи матери и ворчание отца. Едва проснувшись, он натягивал на себя одежду и задами, стараясь никем не быть замеченным, выбирался из села. Целыми днями он бродил по горам, валялся на траве, но от себя не спрячешься, и Мазан становился все мрачнее, неразговорчивее и нелюдимей.

Как-то вечером Каирбек зашел в комнату сына.

— Не дело так себя распускать, Мазан. Ты что же, теперь до конца жизни будешь от людей прятаться? Знаю, что не легко тебе, но от неудач никто не застрахован, хватит дичиться, лучше давай вместе подумаем, чем тебе заняться. Мне кажется, ты уже понял, что твоя судьба в твоих руках, за тебя ее никто не решит...

Да, сейчас слова отца падали на благодатную почву. Он и сам уже понял, что никто не решит за него собственную судьбу, что надо самому выбирать свою дорогу, только бы нашелся добрый человек, помог разобраться, поверить в свои силы, подтолкнуть. И таким человеком, конечно, должен быть отец.

Во время своих одиночных прогулок Мазан часто возвращался к школьным годам: отец суровым председательским голосом нередко выговаривал ему за «двойки», за пропуски уроков. Учителя жаловались на шалости и провинности, но все сходило с рук, мать — вот постоянная защита, поддержка и утешение. Когда отец, теряя терпение, готов был взяться за ремень, мать была на страже: «Успокойся, дорогой, не глодай кости ребенка, маленький он еще, глупый, подрастет, возьмется за ум». А маленький, хоть и вымахал выше отца, при любой трудности прятался под материнское крыло и находил утешение и ласку. А прав-то оказался отец. Первое же серьезное испытание опрокинуло его, и теперь все зависело только от него самого: найдет силы, выправится, станет человеком, а нет — превратится в родительского захребетника, а там — куда кривая вывезет.

Еще и солнце не взошло, а Каирбек уже на ногах. Едва открыл глаза, по старой солдатской привычке сразу же стал одеваться. Выглянул в окно. Заря занималась. «Хороший будет день — отлично»,— подумал он. В пору сенокоса не только каждый день, каждый час в цене. С улицы раздался автомобильный сигнал — шофер председателя, как всегда, точен. Каирбек хотел уже выйти, как вдруг из дверей своей комнаты показался Мазан.

— Ты куда в такую рань? — спросил он сына.

— Можно с тобой на сенокос? Я ведь знаю, как сейчас каждые рабочие руки дороги.

Каирбек внимательно посмотрел на сына. Он увидел темные круги под глазами и покрасневшие от недосыпа веки и все понял. Нет, не словами, не нравоучениями поможет он сыну, только работа, только участие в общем деле поможет парню найти себя.

— Одевайся, жду в машине,— сказал он и вышел.

Не близок путь до сенокосных угодий Узкого ущелья. Когда Мазан с отцом добрались туда, солнце уже стояло высоко. Перед ними открылся вид на долину, где рассыпались маленькие фигурки людей. Все в белом, будто под руководством невидимого дирижера четко и слаженно трудились они. Загоревшие статные парни по пояс утопали в высоких сочных травах. Ритмичные взмахи, всплеск солнца на лезвии косы — и с легким звоном травы послушно ложатся под ноги косарей. Девушки идут вслед и сильными, но мягкими движениями разгребают сено для просушки. Над полем звучит красивая балкарская песня. Голос нежен и немного грустен, как звук свирели в руках спустившегося с гор пастуха. Кажется, работа идет играючи, но резкое тяжелое дыхание парней выдает усталость, а девушки, с трудом выпрямляясь, опираются на деревянные вилы, окидывают взглядом поле и подруг, перебрасываются шутками,— хоть несколько секунд передышки. Да и солнце палит немилосердно.

Увидев девушек, Мазан вспомнил Жамилю. Тоска и обида защемили сердце: «Как-то она там одна в городе? А ведь мог быть сейчас рядом с ней. Сам виноват. Такая девушка одна долго не будет. Подружится с кем-нибудь из студентов и — прощай, Жамиля!». Он тяжело вздохнул, отгоняя от себя эти мысли, и побрел к отцу, которому Шаухал — бригадир косарей — докладывал, как идут дела.

— Джигита нам в помощь привезли? — спросил он.

— Да. Ты, Шаухал, найди ему дело, а я к другим бригадам поеду.

— Все будет в порядке, председатель. Дел хватает.

Он обратился к Мазану:

— Косить, верно, не умеешь, так что давай пока к девчатам сено собирать.

Мазан насупился: «И здесь меня сразу принимают за неженку и бездельника».

— Я косить буду,— упрямо сказал он.

Шаухал понял, что обидел парня и быстро поправился:

— Конечно, конечно, ты же мужчина. Пойдем, подберу тебе косу и поставлю на место.

После короткого перекура Мазан в ряду с другими парнями начал работу. Рядом с ним пошел бригадир. Пропустив Мазана вперед и понаблюдав за его торопливыми резкими движениями, он короткими точными фразами стал поправлять его:

— Не спеши. Трава здесь мягкая, не надо так сильно... Вали легонько... вот так... Мягче, мягче... Широко не замахивайся — устанешь быстро... Посмотри, как я делаю.

Мазан нервничал, видя удаляющиеся спины других косарей. Но бригадир все время шел рядом, и его спокойная поддержка помогала обрести уверенность и ритмичность. Он почувствовал упругость и податливость травы, и все чище и ровнее становилась выкошенная им полоса. Однако, быстрая усталость с непривычки давала себя знать и, хотя спины парней перестали удаляться, Мазан чувствовал, что долго не выдержит — пот заливал глаза, ноги дрожали.

— Стоп! — скомандовал бригадир. — Надо косу поточить.

И так каждый раз, как только он видел, что парень на пределе, останавливал его, то поправить косу, то показать птичье гнездо или выбрать камни. И немного передохнув, спокойно глотнув горного воздуха, они снова взмах за взмахом продвигались вперед.

— Главное, не торопиться, к любому делу человек постепенно привыкает. Придут к тебе опыт и умение.

Когда же на склоне дня Мазан вдруг обнаружил, что довольно далеко ушел от бригадира, у него открылось второе дыхание.

Шаухал слыл самым опытным косарем в округе. Мазан этого не знал и, конечно, не догадался, почему на самом деле бригадир так отстал от него — новичка.

Вечером после ужина косари привычно разобрались в два кружка. Люди постарше завели неторопливую беседу, покуривая и попивая айран. Среди молодежи раздавались шутки, взрывы смеха, девушки негромко напевали. «И как у них еще сил хватает после такого трудного дня?» — подумал Мазан, глядя на парней, мерявшихся силой в национальной борьбе. Сам он не мог даже пошевелиться — так ныло и болело все тело.

Откуда-то появилась гармошка. Под ее заливистые переборы парни и девушки повели хоровод, хлопая в ладоши в такт музыке так заразительно, что и Мазан не утер-

пел и, забыв о своих болях, вошел в общий круг. На лице его засветилась счастливая улыбка. Как раз в этот момент на обратном пути в село появился Каирбек. Увидев Мазана, он усмехнулся в усы и с довольным видом, стараясь остаться незамеченным, сел в машину и укатил.

Весь этот вечер чувствовал Мазан на себе чей-то изучающий взгляд. Но сколько он ни всматривался в лица ребят, все, казалось, занимаются только собой, не обращая на него ни малейшего внимания. И вдруг, словно ожог,— черные сияющие глаза, не мигая, смотрели на него. Он улыбнулся, и в ответ красивый изгиб девичьих губ тоже тронула легкая улыбка, но сразу же пропала, будто спрятавшись под сенью длинных ресниц. «Ах, вот это кто — Фаризат! Мать считает, что в нашем селе только она заслуживает внимания — самая скромная, самая трудолюбивая, самая и красивая, но в обиду себя не даст». И тут же вспомнилась Жамиля. Кольнула мысль: «Как она там без меня?»

Солнце спустилось за верхушки гор, Мазан вышел из круга и в сумерках побрел в сторону. Грустно стало и тоскливо.

Около месяца пробыл Мазан в бригаде. Нельзя сказать, что время это пролетело незаметно. Он здорово уставал, забывался в работе, часто от души веселился с молодежью, но иногда накатывали воспоминания — он вновь переживал свой позор в университете, тосковал о Жамиле, мучился от своей никчемности и бесцельности существования. Мазан прекрасно понимал, что некого винить в своих бедах, что сам виноват во всем, и от этого было, пожалуй, еще хуже. В такие дни из веселого общительного парня он превращался в угрюмого раздражительного нелюдима. Сразу же после работы уходил с полевого стана и до темноты проводил время в одиночестве, стараясь не попадаться никому на глаза.

IX

Саният стирала яростно и самозабвенно. Клочья пены летели во все стороны, вода в корыте клокотала, как прибой в скалах. Разгоряченная, мокрая до нитки, она сноровисто выкручивала сильными руками груду белоснежного белья. Это был ее фронт, ее поле битвы,— здесь она была и командир, и бесстрашный солдат.

Почтальону три раза пришлось окликнуть, прежде чем она обернулась и непонимающе воззрилась на него.

— Вот, распишитесь и получите,— сказал почтальон.

Саният обтерла руки, черканула в толстой книге и двумя пальцами приняла голубоватый листок. Прочитала и обмерла. Солнце померкло в ее глазах, тяжелым молотом застучало сердце. Крупные слезы потекли по щекам. Это была повестка.

Для Каирбека же день выдался на редкость легким и спокойным. Все дела решались быстро и вовремя. Он рано освободился и в прекрасном настроении подъехал к дому. Мертвая тишина поразила его. Во дворе груда неразвешенного белья. На кухне никого. Войдя в комнату и увидев лицо жены, Каирбек не на шутку перепугался.

— Что случилось?

Не в силах вымолвить слово, Саният молча показала на повестку.

— Фу ты,— облегченно вздохнул Каирбек, прочитав текст. — Только и всего, а я уж подумал...

— Не знаю, что еще страшнее ты мог подумать, но теперь я твердо знаю: у тебя в груди не сердце, а камень. Ох, горе мне, горе!

— Да какое ж горе, глупая женщина! Радоваться надо, что сын твой уже взрослый мужчина, пойдет служить наравне со всеми.

— Не бывать тому! — воскликнула Саният. — С его здоровьем куда-то там служить?!

— Не говори ерунды. Здоровьем парень не обижен, да и окреп за лето.

— Не разрывай мне сердце,— зарыдала Саният. — Надо спасать нашего сыночка — врачей искать, связи в военкомате...

— Да пойми, обязан он отслужить в армии, закон такой. Раз не поступил в университет...

— Вот-вот! — зацепилась Саният. — Сначала ты его в университет не сумел устроить, а теперь и вовсе избавиться хочешь. Я понимаю — уйдет Мазан из дома — тебе же легче,— ни забот, ни хлопот.

— Да не на войну ж его отправляют. Ему армия только на пользу пойдет. Самостоятельным станет, сильным, характер проявится.

— Аллаху нужен его характер? Он дома должен быть с нами, под присмотром — сытым, одетым...

— Не волнуйся, в армии не голодают, обуют, оденут, накормят, да еще добавки дадут.

— Совсем не любишь ты своего сына,— всхлипнула Саният.

— А по-твоему, любить — значит обратно его в люльку положить, соску засунуть и погремушку дать?

— Да что им в этих военкоматах солдат мало? Одним больше, одним меньше. Обойдется армия без нашего мальчика.

Хлопнула входная дверь. Саният замолчала. На пороге появился Мазан. Он понял, что застал родителей врасплох, посреди серьезного разговора и не решался войти.

— Тебе повестка, читай,— сказал Каирбек, внимательно наблюдая за реакцией сына. Мазан прочитал и улыбнулся:

— В армию — так в армию. Чем раньше, тем лучше. Пожалуй, даже вовремя, а то я никак не соображу куда себя деть.

Каирбеку слова понравились. Он даже подивился хладнокровию, с которым сын принял известие.

— Нелегко тебе будет. Да и не только тебе. Вы в горах и к вольному воздуху привыкли, и к вольной жизни, а в армии главное — дисциплина.

— Знаю, в кино видел. И ребята отслужившие рассказывали.

— Кино смотреть да рассказы слушать — одно, а на своей шкуре испытать да пару сапог солдатских сносить— совсем другое.

Саният сидела со скорбным видом, не сдержала себя, бросая исподлобья взгляды то на мужа, то на сына. А они как-будто и не замечали ее, увлеченные разговором на равных.

— Повезло, конечно, что довелось мне на войне уцелеть,— продолжал Каирбек,— а все-таки службу считаю счастливой порой жизни.

— Перестань, перестань, врагам такое счастье,— не выдержала Саният. — Голова болит от твоих заумных речей.

— Если у тебя болит голова, ложись в постель и прими таблетку, пройдет,— проговорил Каирбек спокойно, но по голосу, по тому, как он закурил, Саният поняла, что он с трудом обуздал свой гнев и, горестно вздыхая, бормоча то ли молитвы, то ли проклятия, вышла из комнаты.

А отец с сыном говорили еще долго. Несколько раз вскипал на плите чайник, росла горка окурков в пепельнице, и в ночной тишине, под уютным оранжевым абажуром будто повеяло гарью военных лет, вспомнились тяжелые страшные годы.

Было далеко за полночь, когда Каирбек, загасив последнюю сигарету, сказал:

— Поздно уже, давай спать. Утро вечера мудренее.

Он посмотрел в глаза Мазана, и сердце защемило от близкой разлуки с сыном. Захотелось обнять его за плечи, прижать к себе...

Саният лежала в кровати, улиткой свернувшись под толстым одеялом, и оттуда едва доносились ее всхлипывания. Каирбек в сердцах скрипнул зубами и сорвал с нее одеяло:

— Знаешь ведь, что терпения во мне заложено на троих, но сегодня ты перешла все границы! Хватит кудахтать! Парень на верном пути, наконец-то все понял и портить его больше не дам!

— Это я его порчу? — Саният вскочила на постели, глаза ее сверкнули, она приготовилась к новой словесной баталии.— Какой же ты отец после этого? Не жалеешь собственного ребенка. А я спасу его. Всех на ноги подниму. Справку о плохом здоровье достану. Завтра же в военкомат поеду.

— Теперь слушай меня в последний раз. — Голос Каирбека звучал глухо. Слова ложились раздельно и тяжело. — Я, конечно, не стану привязывать тебя, как барашка к забору, но запомни: никуда ты не поедешь, фамилии моей позорить не позволю. Слезы льются — плачь. Душа болит — терпи. А сына собирай в дорогу. Все!

Силы оставили Саният. Таким глава дома бывал редко, и перечить ему было бесполезно.

...Через несколько дней рано утром они проводили Мазана на призывной пункт.

X

О том, что Мазана забрали в армию, Жамиля узнала случайно от подруг и долго не хотела верить. «Сплетни. Не мог он уйти в армию, не простившись со мной. Расставаться на два года и не захотеть увидеться? Не может быть»,— уговаривала она себя. Но известие подтвердилось, и на душе стало горько и обидно. «Уехал и не вспомнил об мне. Так вот сразу и разлюбил. А может, и не любил вовсе. Так, встречался от нечего делать. А ему частенько было нечего делать — да, языком трепал, что жить без меня не может».

Мысли о предательстве Мазана не оставляли Жамилю. Хотелось побыть одной, но куда там — днем лекции, вече-

ром библиотека, общежитие — в комнате еще три девушки, бесконечные расспросы, шутки... Насмешек или сочувствия она и боялась больше всего. Пока не наступили холода, ей удавалось выбраться одной в парк, побродить по аллеям, где они когда-то гуляли с Мазаном. Ей казалось, что она знала его всегда, с самого рождения. Да оно, пожалуй, так и было. Жили они рядом, вместе пошли в школу, учились в одном классе. Ранняя симпатия друг к другу выражалась у них, как и у всех детей, своеобразно: мальчики дергали девочек за косы, а девочки придумывали мальчикам обидные клички. Они часто ссорились, но всегда были вместе. Называлось это дружбой, но когда Мазан в восьмом классе прислал ей по почте открытку на 8 Марта, где писал: «Хочется, чтобы каждый день в году был 8 Марта, тогда бы я смог поздравлять тебя каждый день», и в первый раз подарил цветы, они поняли, что это любовь. С Мазаном было весело и просто. У него всегда было хорошее настроение. Ей нравился его открытый легкий характер. «И вот теперь,— думала она,— с той же легкостью, с какой любил, он позабыл обо мне. Значит, и мне надо забыть его. Постараться и забыть».

Но как избавиться от воспоминаний, от печали по утраченной любви? Она стала как-то лихорадочно развлекаться. Ни минуты не оставалась одна. Тормошила и заводила подруг. Не отказываясь от приглашений парней, зачастила в кино, театр, на танцы. В таком вихре летели дни, и для грусти, действительно, не оставалось времени.

Вот и зима, спустившись с гор, обосновалась в городе. Выложив свои богатства — снег на крыши и деревья, лед на пруды и речки, драгоценные сосульки на карнизы домов,— застветило холодное тусклое солнце.

Однажды в воскресенье Жамиля вместе с подружками сбежала по ступенькам общежития и лицом к лицу столкнулась с Салимом.

— Привет, а я к тебе,— заговерщицки сказал Салим. Он сильно замерз и, подняв воротник пальто, все время терся об него покрасневшим носом, пытаясь согреться. — Отойдем, разговор есть.

— Девчонки, идите! Я догоню,— крикнула Жамиля.

— Куда это вы такие веселые?

— В кино идем. Если хочешь, можем и тебя пригласить.

— Спасибо, в другой раз. Я вот письмо получил. — Салим начал озябшими руками рыться в карманах. — От Мазана...

— Ну и что? Мне-то какое дело?

— Как это? — Салим изумленно заморгал. — То каждый день ко мне бегала — нет ли вестей от Мазана, а теперь тебе и дела нет. Я же не просто так пришел. Он в письме о тебе спрашивает.

Салим достал измятый конверт.

— Это, конечно, большое счастье,— иронически сказала Жамиля,— только я больше в нем не нуждаюсь.

— Да ты прочти.

— Не имею ни малейшего желания.

— Почему? Что случилось?

— Что ты притворяешься, ведь прекрасно знаешь, что Мазан забыл обо мне, а я забыла о нем. И что он там пишет в письме к тебе,— она подчеркнула слово «к тебе»,— меня совершенно не интересует. Спасибо за заботу, но больше по этому поводу можешь не беспокоиться. Пока!

Жамиля побежала догонять подруг, а растерянный Салим остался один.

XI

Жамиля сидела на лекции, ничего не видя и не слыша, отрешенно выводя в тетради бессмысленные завитушки. Разговор с Салимом не шел из головы. Мысли о Мазане снова овладели ею. «Что он писал обо мне? Почему я не прочитала письмо? Это не гордость во мне говорила, а вздорность...»

Соседка коснулась локтя Жамили:

— Записывай. Сессия через неделю. «Хвост» хочешь заработать?

Жамиля вздохнула, сосредоточилась и написала несколько фраз. Но скоро рука ее вновь принялась за завитушки, голос лектора не доходил до сознания, на душе было так тяжело, что хотелось выбежать из аудитории, забиться куда-нибудь в уголок и выплакать свою любовь и свое одиночество.

Наконец, прозвенел звонок. Студенты загалдели, торопясь к выходу, только это и вывело Жамилю из оцепенения. Она начала медленно укладываться, когда к ней подскочила соседка по общежитию и весело затараторила:

— Пляши, Жамиля, пляши! Письмо тебе!

— Давай. Это из дома.

— А вот и не из дома. Письмо солдатское. Пляши!

— У Жамили перехватило дыхание. Она протянула руку и равнодушным голосом сказала:

— Ладно, не устраивай цирк. Давай письмо.

— Пожалуйста,— обиделась подруга,— я-то спешила, бежала всю дорогу...

Но Жамиля уже не слышала ее, конверт словно обжигал пальцы. Она торопливо вышла в коридор, нашла пустую аудиторию — так не хотелось, чтобы кто-нибудь помешал — и достала письмо...

«Здравствуй, Жамиля! Привет тебе с Дальнего Востока! Вспомни географию и поймешь, насколько мы далеко друг от друга. Жамиля, дорогая, ты на меня в обиде. Я чувствую это через тысячи километров, что нас разделяют. Я ни на минуту не забываю о тебе и каждую ночь вижу во сне. Представь, как тяжело мне было не писать и не знать о тебе ничего.

После провала на экзаменах я стал посмешищем для всех и, наверно, для тебя. Стыд заслонил от меня весь мир. Я прятался от соседей, друзей и больше всего от тебя. Но от себя не спрячешься. С ужасом вспоминал свое хвастовство, когда я как должное принимал слова односельчан, мол, председательскому сынку не о чем беспокоиться, дорога у него накатанная. Я много раз, клянусь, порывался написать тебе, но о чем? Не хватило у меня сил поделиться той пустотой, в которой я очутился. Ни от кого не ждал я поддержки.

Но теперь все позади. Я многое передумал и, кажется, стал чуточку другим. Ты — умница, ты должна все понять. Пожалуйста, не сердись на меня и обязательно ответь. Я очень жду.

С солдатским приветом, Мазан!»

Жамиля еще раз перечитала письмо. Душа ее наполнилась какой-то сладкой теплотой. Она словно оттаяла, ожила, пелена тревоги спала с ее глаз. Она взглянула в окно и совсем по-новому увидела людей, деревья... Давно забытое чувство, чувство радости ощутила она.

Она села за стол, достала ручку, бумагу. Слова шли с трудом, вновь горечь обиды напомнила о себе, и письмо получалось совсем не таким, как хотелось ее сердцу:

«Здравствуй, Мазан!

Прочитала твое письмо и растерялась. Я была уверена, что ты забыл меня, и постаралась смириться. Если человек может обойтись без другого день, он может обойтись неделю, месяц, всегда. Ты уехал в армию так надолго и даже не сообщил мне, чтобы мы не увиделись на вокза-

ле, не попрощались. Значит, не хотел. Я очень хочу понять тебя, а ты при первой же своей жизненной неудаче затаился, спрятался от меня, значит, считаешь, что я могу разделить только веселые беззаботные дни и не способна быть рядом с твоей горестью. Может быть, не надо было писать этого, но я прожила с такими мыслями все месяцы нашей разлуки и хочу, чтобы ты знал о них. Но, главное, я очень рада твоему письму и, конечно, буду отвечать и думать о тебе.

Жамиля.»

С почты, отправив письмо, Жамиля шла медленно, окружным путем добираясь до общежития. Ей снова хотелось быть одной, но эта жажда одиночества была иной, нежели прежде,— какой-то светлой и спокойной. Она понимала, что отныне жизнь ее обретает особый ритм — от письма до письма...

Новые вести от Мазана пришли через месяц:

«Моя милая!

Только сегодня мы возвратились в часть после больших учений. И — о, радость! — письмо от тебя. Всю усталость как рукой сняло. У меня будто крылья появились— жаль, что я не служу в авиации. Вначале даже смысл не доходил до меня, я любовался твоим почерком, знакомым с детства, таким родным. В казарме уединиться трудно, а то перецеловал бы каждую букву.

Мы, действительно, немного разучились понимать друг друга, но это не страшно. Главное, быть искренними, ничего не скрывать, делиться своими сомнениями, и все у нас наладится. Я по-прежнему предан тебе, люблю и буду всегда любить.

Пожалуйста, напиши мне подробнее об учебе, о себе. Я ведь так далеко, и меня все интересует. Салим прислал мне учебники и каждую свободную минуту пытаюсь заниматься...»

Жамиля прижала письмо к груди. Волна небывалой нежности захлестнула ее. Глаза наполнились слезами. Счастливое сердце билось ровно, и на душе стало совсем спокойно и радостно.

XII

Мазан довольно часто писал домой. Каирбек внимательно читал о солдатских буднях сына, каждый раз вспоминал о своей военной молодости, и такие вечера становились для него праздником.

Саният же тяжело переживала разлуку, считала, что сын пишет редко, укоряла его, и в этом проявились ее тоска и вечные страхи... Идеальным для нее было бы получать от Мазана по два письма в день: утром, чтобы спокойно хлопотать и вести хозяйство, и вечером, чтобы спокойно спать ночью. Самым желанным человеком в эти дни стал для нее почтальон. Сколько слов благодарности выслушивал он, когда приносил письмо,— и чаша айрана, и душистый чай были ему наградой за весточку из армии. Частенько и без обеда — несмотря на отказы — не отпускала почтальона счастливая гостеприимная хозяйка. Но не приведи аллах, если в его сумке не было ничего от Мазана. Все проклятия в адрес почты и Министерства связи принимал в своем лице бедный почтальон. В такие дни он огородами осторожно, как партизан, пробирался мимо дома Каирбека, чтобы не привлечь внимания гневной председательши.

В один из таких «рейдов» он был врасплох захвачен Саният.

— Только не вздумай сказать, что для меня ничего нет,— грозно начала она.

— Есть, конечно, есть,— пробормотал почтальон, высматривая пути к отступлению.

— Тогда прошу в дом,— лучше моего айрана ни у кого нет.

— Спасибо, хозяйка, но на этот раз для вас только это.

И он вынул из сумки журнал «Работница».

— На кой он мне нужен! Ты же знаешь, что я письмо от сына жду.

— Память у меня крепкая, и она говорит, что письмо было совсем недавно. Ты что же думаешь, солдатам в армии больше делать нечего, только письма строчить? Не волнуйся, как только письмо придет, сразу доставлю.

— Ах, эта почта, чтоб ей... — завела Саният старую песню.

Но почтальон, не дослушав ее, поспешил побыстрее ретироваться.

Однако, на душе Саният в этот день было особенно неспокойно. Ей мерещились такие страхи и ужасы, что на-

скоро закончив уборку в доме, она отправилась к знахарке Хорасан, что жила на самой окраине села.

Она постучала в покосившуюся дверь маленького с подслеповатыми окошками дома.

— Можно, Хорасан?

— Входи, входи,— раздался скрипучий голос.

В полутемной комнате на кровати сидела горбатая старуха и теребила шерсть. Ее пальцы настолько высохли и истончились, что, казалось, потрескивают во время работы.

— Сон в руку,— проскрипела она,— сон в руку.

— Какой сон? — насторожилась Саният.

— Приснилось мне, что ты навестишь меня скоро, вот и не ошиблась. Подойди ближе, рассказывай, с чем пришла.

— Гостинец вам принесла. — Саният положила на лавку промасленный сверток. — И очень прошу погадать.

— Неужто влюбилась?

— Ерунда какая! — Саният даже покраснела. — В мои-то годы... От сына из армии давно вестей нет, так беспокоюсь, что днем все из рук валится, а ночью глаз не сомкну.

— Поможем твоей беде, поможем.

Старуха кряхтя сползла с кровати и подсела к старому выщербленному столу, согнав с него рой недовольно зажужжавших мух.

— Эх-хе, сейчас я тебе все раскрою,— забормотала старуха. — Гаданья, заговоры от аллаха идут, а люди в бога верить перестали и вообще верить перестали, суетятся, суетятся, а о том, что ад им уготован, и подумать не хотят...

— Аллах свидетель, как я ему и тебе верю,— заискивающе проговорила Саният.

— Ты молодец, настоящая раба аллаха. — Старуха бросила на стол горсть кукурузных зерен. — Говоришь, сын из армии не пишет? Переживаешь... Так, так... — Она начала выкладывать зерна рядками. — Так, так... Вот что с твоим сыном происходит. Все видно, как в зеркальце.

Но Саният видела только ряды кукурузных зерен.

— Ничего не понимаю, объясни, Хорасан.

— С сынком твоим все в порядке. Жив, здоров. Письмо написал, в пути оно. Скоро получишь.

— Правда?

— Клянусь аллахом!

— Спасибо. Успокоила ты меня. Пусть и тебя аллах обрадует. Я пойду. Сто лет жизни тебе, Хорасан.

бы прогуляться по селу, по родным местам, она кинулась к его чемодану, и безошибочное чутье сразу же подсказало ей, что искать. Толстая пачка писем оказалась в ее руках. Она быстро прочитала, одно, другое... и ей захотелось порвать их на клочки, топтать ногами, вырвать слова любви из памяти сына. А когда на глаза попалась фотография Жамили со словами «Моему любимому», ярости ее не было предела: «Не бывать по-твоему. Ишь, чего захотела — такого орла подцепить! Дрянь городская! Такой снохи мне не надо...» И Саният, накинув платок, выбежала из дома.

Она вихрем ворвалась в домишко старой Хорасан и, не отдышавшись, завопила:

— Несчастье надвигается на мой дом! Помоги, добрая женщина! Умоляю, помоги! Сделай что хочешь — заговори, заколдуй, зелье приготовь, только спаси нас от бесчестья!

— Что теперь-то случилось? — прошепелявила старуха.

— Дочка Шамхани, эта незаконнорожденная Жамиля, сына моего приворожила. Женить его на себе хочет. А он-то молод, в людях не разбирается, влюбился да сам в силки лезет. Ой, смерть моя наступит, если это произойдет!

— Не волнуйся, дорогая, все в наших силах и в руках аллаха. Так сделаю, что шарахаться будут друг от друга. Довольна будешь?

— Рабой твоей стану, только помоги.

— Я хороший рецепт отворотного зелья знаю. Две курицы нужны — черная и белая...

— Сейчас принесу.

Саният готова была немедленно бежать за курами.

— Подожди. Еще индюк нужен, самец...

— Несу.

— Не спеши. Несколько волосков от хвоста черной коровы захвати... Смешаю кровь куриную с кровью индюшачьей, волоски сожгу, пепел зарою... Ладно, этого тебе знать не надо. Иди.

Саният очень скоро принесла все, что требовала старуха.

— Вот и хорошо,— сказала старуха. — К завтрашнему дню все приготовлю.

Саният полностью доверяла знахарке. С облегчением вернулась она домой и принялась стряпать, ведь завтра суббота, гостей назвали видимо-невидимо...

А старая Хорасан, полюбовавшись курами, запустила

их в свой курятник. Индюка же с помощью соседа зарезала и пригласила на пир всех своих внуков. Так редко удается зазвать их к себе, побаловать чем-нибудь вкусненьким.

XIV

Каирбек пришел домой рано и в отличном настроении — во-первых, гости ожидаются — друзья Мазана — очень хорошие ребята; во вторых, на работе все в порядке: сегодня посчитали, почти все планы по сдаче выполнены, а до конца года еще далеко. Он присел на диван и залюбовался, как спорится дело в руках Саният. Столы уже были составлены, накрыты свежими скатертями и красиво сервированы. Из кухни доносились фантастические запахи, тут его жене равных не было.

Первыми пришли Салим и Жамиля. Увидев девушку, Саният изменилась в лице и незаметно выскользнула из дома,— благо все уже приготовлено.

Старуха Хорасан сидела за столом и из глубокой миски хлебала горячий индюшачий суп,— лоб ее вспотел, как от тяжелой работы.

— Здравствуй, дорогая, присядь, отведай, что аллах послал...

Но Саният перебила ее:

— Извини, некогда мне рассиживаться. Скажи лучше — приготовила?

— Готово, все готово, сейчас.

Старуха еще несколько раз зачерпнула из миски, а Саният переминалась с ноги на ногу, торопилась,— очень уж не хотелось, чтобы дома заметили ее отсутствие. Наконец старуха насытилась, с трудом выбралась из-за стола и достала из сундука маленький пузырек с мутной жидкостью.

— Надо сделать так, чтобы девушка выпила это. Придумай что угодно — можешь в чай подмешать, можешь в пищу...

Саният схватила пузырек:

— Это не трудно, она сейчас у меня в гостях. Как-нибудь изловчусь.

— Тогда считай, дело сделано. Можешь плюнуть мне в лицо, если после этого она не покажется твоему сыну в образе шайтана.

— Дай аллах тебе здоровья, живи долгие годы нам

на радость... — рассыпалась в благодарности Саният и поспешила домой.

Все гости уже были в сборе. Ребята окружили Мазана, требуя все новых и новых подробностей о службе. Каирбек, дымя сигаретой, тоже прислушивался — эти истории он мог слушать бесконечно.

Саният сразу же энергично принялась рассаживать гостей. Не выпуская из поля зрения Жамилю, она усадила Фаризат на почетное место поближе к Мазану, потом соседей, школьных учителей; ребята шумно расселись сами. Все получилось удачно и Жамиле досталось место в самом конце стола у дверей. Удовлетворенно окинув взглядом комнату, Саният удалилась на кухню.

Заметив, как далеко от него Жамиля, Мазан прошептал что-то на ухо Салиму, тот привел девушку, они потеснились и усадили между собой ее.

— Когда рядом доктор, чувствуешь себя спокойней,— пошутил Салим. Все рассмеялись, только Фаризат погрустнела и опустила глаза.

Сияющая Саният появилась в дверях с подносом дымящихся хичинов. Увидев, что Жамиля сидит рядом с Мазаном, она готова была швырнуть поднос на пол, но сдержалась, восстановила на лице улыбку и поставила угощение. Застолье началось.

Через некоторое время раздались звуки гармони и молодежь стала выбираться из-за стола. На просторной веранде начались танцы. Мазан вышел в круг, его глаза видели только Жамилю, они будто звали ее: «Выходи, я так хочу танцевать с тобой...» Но Саният не теряла контроля над ситуацией; она ловко втолкнула в круг Фаризат, захлопала в ладоши в такт музыке и весело закричала:

— Хлопаем все! Эй, дружней! Дружней!

Ноги сами несли Мазана, руки легко взвивались вверх и опускались, словно крылья большой птицы. Фаризат же, раскрасневшаяся и смущенная всеобщим вниманием, двигалась плавно, как лебедь, склонив голову набок.

— Какая пара! Какая чудесная пара! — восклицала Саният. — Они созданы друг для друга!

Она скосила глаза в сторону Жамили и увидела, что девушка хлопает и веселится вместе со всеми и открыто любуется Мазаном. Это еще больше разозлило Саният и подтолкнуло к новым действиям. Она пробралась через толпу гостей и позвала двух соседок:

— Помогите мне на кухне, надо бульон по чашкам разлить — молодежь подкрепить...

Жещины захлопотали на кухне, а Саният взялась относить чашки к столу. Ей не составило особого труда вылить в одну из них содержимое пузырька от знахарки и поставить ее перед стулом Жамили. Скоро все было готово. Саният подошла к гармонисту и положила ему руку на плечо. Музыка смолкла.

— Гости дорогие, прошу к столу, отведать бульону. Недаром у нас, балкарцев, говорят: мясо для мяса, а бульон для бодрости. А наплясаться успеете — вся ночь впереди.

Саният не спускала глаз с Жамили. Вот девушка пригубила чашку, попробовала, глотнула, причмокнула в восхищении: «Как вкусно!», еще выпила... С каждым ее глотком на сердце у Саният становилось все легче и легче. Только одна мысль вертелась в голове: «Когда же подействует? Сегодня? Завтра? Впрочем, неважно, главное, отделались от тебя».

Каирбек поднялся и приготовился говорить тост:

— Поверьте мне, что армия — серьезное испытание для каждого. И я рад, что мой сын это испытание выдержал, стал настоящим джигитом. Давайте все пожелаем, чтобы он поскореее отслужил свой срок и возвратился домой навсегда!

— Ура! — дружно закричали гости.

Все выпили и принялись закусывать. Каирбек поставил свою рюмку, вышел на веранду и закурил. Следом за ним вышел и Мазан. Кроме них, здесь никого не было. Из комнаты доносился оживленный говор, шутки смех. Они стояли молча, пока Мазан, будто продолжая прерванный разговор, не сказал грустным голосом:

— Одно мне только обидно — отстал я в учебе от своих ребят.

Каирбеку почудился упрек в этих словах, но Мазан быстро добавил:

— Я прекрасно понимаю, что сам во всем виноват...

Каирбек обнял сына за плечи.

— Не огорчайся. Твоя жизнь налаживается, ты и сам, наверно, это понимаешь. Закончишь службу и будешь поступать. Выберешь факультет полегче...

— Почему полегче?

— Подальше от этой математики. Одним она дается, другим — нет. Не обязательно же быть инженером. Выберешь другую специальность.

— Нет, отец, я твердо решил — учиться буду только на инженерно-техническом факультете.

— Ну, а с математикой-то как же? — Каирбек почесал в затылке. — К кому за помощью обращаться?

— Если бы ты даже захотел это сделать, я бы тебе не позволил. Буду готовиться по-настоящему и сдам не хуже других.

— А если попадешь к такому... — Каирбек поискал слово,— ну, вроде Асхата?

— Зря ты так говоришь о нем. Он человек неплохой, просто требовательный, принципиальный. Представится случай, именно ему пойду сдавать — не хочу, чтобы он считал твоего сына шалопаем.

Гостей проводили поздно, но Саният и не думала ложиться, пока не перемыла посуду, не прибрала в комнатах и на кухне. Затем вошла в спальню и устало села на кровать.

— Слава аллаху, все прошло хорошо,— сказала она мужу.

— Ты у меня молодец,— отозвался Каирбек. — Всего было вдоволь. Только индюшатины я почему-то на столе не заметил, а Домалай говорил, что ты самого жирного индюка у него выбрала.

— Индюк мне для другого дела понадобился.

— Для чего же?

— Э-э-э... Для важного дела. Потом расскажу. Давайка спать.

Каирбек знал — если жена что-то задумала, выпытывать у нее бесполезно. Да и вмешиваться в женские дела — не мужское занятие.

Рано утром Мазана разбудил стук в окно. Он вскочил, распахнул окно и выглянул наружу. Во дворе стоял Салим.

— Что случилось?

— С Жамилей беда — в больницу увезли.

— А что с ней?

— Ничего не известно.

— Подожди, я сейчас.

Мазан быстро, по-армейски, оделся и выскочил из своей комнаты. Из спальни выглянула Саният.

— Ты куда в такую рань?

С Жамилей что-то случилось, в больницу забрали.

— Ну и что? Сестра она тебе? Родня? К чему такой переполох?

Но Мазан, не слушая мать, уже был на улице.

«Странно,— подумала Саният,— видать, не подействовало еще снадобье Хорасан, ишь, как перепугался — ли-

ца на нем нет». Недовольно бормоча, она вернулась в спальню.

— Что у вас опять? — спросил разбуженный Каирбек.

— Ерунда. Этой Жамиле, что у нас вчера была, ночью видите ли, плохо стало, в больницу отправили, так наш помчался туда ни свет, ни заря. Охота так беспокоиться из-за этой непутевой...

— Кто непутевая?

— Дочка этой противной Шамхани.

— Жамиля?

— Кто же еще?

— Почему она непутевая? Прекрасная девушка — студентка.

— Вот-вот, студентка. За парнями в город потянулась, живет там одна, неизвестно чем занимается...

— Известно. Учится в медицинском.

— Знаем, как она там учится, дрянь эдакая.

— Откуда ты все знаешь?

— Люди говорят!

— Слушай, сколько раз я тебе говорил,— возмутился Каирбек,— поменьше слушай сплетни, да поменьше их разноси.

— Может, ты еще и в невестки хочешь ее заполучить?

— Это не наше дело. Кого Мазан полюбит, ту и приведет.

— Кого полюбит,— передразнила Саният. — Много он понимает? Окрутит она его и все. Он ей, оказывается, и письма из армии писал.

— Да хоть в это ты не вмешивайся,— возразил Каирбек.

— Конечно, пусть мальчик черт знает на ком женится, а я — не вмешивайся. Не бывать этому. Лучшая девушка в селе — Фаризат. Воспитанна, живет по нашим обычаям, намаз совершает, уразу никогда не пропустит...

— И Фаризат тоже хорошая девушка,— согласился Каирбек,— но если у парня сердце к ней не лежит...

— Лежит не лежит, а на другую невестку я не соглашусь.

В невестки ты ее, конечно, можешь взять, а захочет ли Мазан жениться на ней — вот вопрос,— ухмыльнулся Каирбек.

— Ты вопросы у себя на правлении ставь,— взорвалась Саният,— а в доме все не так просто решается...

— Ладно, поживем — увидим,— миролюбиво сказал Каирбек. — Иди, лучше завтрак готовь.

Мазан появился дома только поздно вечером. Голодный, сразу же набросился на еду. Саният, поджав губы, молчала.

— Как Жамиля? Что врачи говорят? — спросил Каирбек.

— Отравилась чем-то,— задумчиво ответил Мазан. — Сейчас опасности нет. Через несколько дней выпишут.

— Вот и хорошо. Навещать будешь — от нас привет.

Саният, ни слова не говоря, вышла.

XV

...Прошел еще год. Снова университет. Такая же гулкая толчея в коридорах. Та же самая аудитория. Вновь письменная математика. Но за столом сидел уже другой Мазан. Собранный, внимательный, он не ждал помощи, не искал у кого бы списать; решал уверенно и спокойно. «Все-таки где-то ошибся»,— подумал он на следующий день, когда узнал, что получил четверку.

«Как же все повторяется»,— удивлялся Мазан перед устным экзаменом, когда толпа абитуриентов затрепетала при появлении в коридоре Асхата. Опять нашелся всезнайка, который поведал о невероятной строгости этого экзаменатора. Раздались приглушенные вздохи, шелест страниц учебников — попытка еще что-то заучить, запомнить... В это время к Мазану протиснулись Салим с Жамилей и взяли его с двух сторон под руки.

— Боишься?

— Есть малость.

В аудиторию пригласили четверых, и Мазан решительно двинулся к дверям.

— Ни пуха, ни пера!

— К черту!

Он взял билет, начал готовиться.

Асхат внимательно посмотрел на него: «Что-то знакомое. Вроде бы сын Каирбека. Как изменился парень — возмужал, посерьезнел. Ладно, посмотрим прибавилось ли у него что-нибудь в голове».

Через двадцать минут Мазан вызвался отвечать.

— Прошу,— сухо сказал Асхат, не показав, что узнал его, и подумал: «Как бы опять не вздумал объяснять, кто его отец».

Но Мазан отвечал только на вопросы билета. Вопросы были сложные, гораздо труднее, нежели два года назад.

Мазан говорил быстро, постукивая мелом, четко писал на доске.

Редко кто видел улыбку на лице Асхата во время экзаменов. Но когда Мазан закончил, он улыбнулся.

— Как отец поживает? — спросил он вдруг.

— А при чем здесь отец?

— На этот раз отец, действительно, ни при чем. У вас есть вопросы? — обратился Асхат ко второму преподавателю. Тот задал два вопроса. И из ответов на них было ясно, что Мазан не просто вызубрил учебник, но действительно разбирается в предмете.

— Молодец. Отлично,— сказал Асхат. — А отцу все-таки передай привет и скажи, что я всегда рад его видеть.

Салим и Жамиля по счастливому лицу Мазана поняли, что все в порядке.

— Можно поздравить?

— Можно!

Друзья втроем вышли из университета. «До чего же хорошо, когда добиваешься чего-то своими силами, своей волей и упорством»,— думал Мазан. С лица его не сходила счастливая улыбка, и солнце светило ярче, и листья казались зеленее, и птицы пели громче и радостней...

Каирбек зарекся переступать порог университета. Но в середине дня не выдержал, сел в машину и поехал в город. Озираясь в толпе абитуриентов, родителей, болельщиков, он надеялся найти сына. Вдруг кто-то окликнул его:

— Каирбек, ты ли? Ищешь кого-то?

Он обернулся и увидел Асхата. Немного смутившись, проговорил:

— Мазан мой опять надумал...

— Знаю, знаю,— Асхат взял его под руку. — Можешь за него не беспокоиться и не искать, он первым сдавал и давно ушел.

Каирбек молчал.

— Да не волнуйся ты так, сдал он и очень хорошо сдал!

Лицо Каирбека расплылось в улыбке.

— Пошли ко мне чай пить,— предложил Асхат.

— Я на машине.

— Пошли пешком, поговорить надо.

Каирбек отпустил шофера, и они не торопясь пошли по аллее.

— Я знаю, что ты обиделся на меня в прошлый раз,— заговорил Асхат,— но когда я сегодня увидел вместо избалованного, легкомысленного мальчишки твердого, под-

готовленного к серьезной жизни молодого человека, я порадовался и за тебя, и за себя, я даже помолодел, наблюдая, как он держится, как собран и сосредоточен. Ты можешь быть спокоен за него. Я тебе и тогда говорил, что нет родителей, которые не любили бы собственного ребенка. Но любовь любви рознь. Всю жизнь таскать дитя на себе, боясь, что оно споткнется и расшибет коленки,— значит, не подготовить его к жизни, не выполнить своего родительского долга. Детей надо воспитывать, а не оберегать. Жизнь, как и наши горы, состоит из вершин и пропастей и перевалов. И к благодатным долинам нет легких накатанных дорог. Молодежь не всегда приемлет опыт старших. Она должна пробовать все сама, ощутить себя в реальной жизни, а не под родительским крылышком. Ты, верно, думаешь, что я опять «философствую», но я так чувствую, так понимаю, и ты, если трезво взглянешь на вещи, согласишься со мной... Да и судьба твоего сына — хороший пример.

XVI

Прошло три года. Спокойно, хотя и напряженно протекли они в доме Каирбека: главу семьи вновь выбрали председателем, Мазан заканчивает третий курс, Саният управляется по дому.

Весна в самом разгаре: дольше и горячей светит солнце; из плена почек появляются нежно-зеленые листочки; чистая легкая травка шелковистая, словно детские кудри, покрывает землю. Это самые чарующие дни в Узком Ущелье: еще не наступил летний зной, прохладный ветерок со стороны белоснежных вершин, и речка, полноводная от тающих снегов, бежит с гор и неумолчно шумит ночью и днем.

Но колхозникам некогда любоваться природой. С весной наступили напряженные дни — пора перегона скота на высокогорные пастбища. Каирбек целыми днями мотался по бригадам, частенько пересаживаясь с переднего сиденья «Волги» в седло, и порядком уставал.

Поздно вечером после одного из таких дней Каирбек приблизился к дому, и владели им только два желания — поужинать и на боковую. Саният он застал мрачной, неразговорчивой.

— Что случилось? Заболела? — встревожился он.

— Ничего не случилось. Садись ужинать,— отозвалась Саният.

Каирбек поужинал.

— Может, ты все-таки расскажешь, что произошло?

— Ничего, ровным счетом ничего,— ответила Саният и, заметив, что муж начал клевать носом на стуле, добавила: — Иди ложись, постель разобрана.

Саният долго ворочалась рядом с похрапывающим Каирбеком — сон не приходил. Весть, которую сегодня под вечер принесла соседка, не давала сомкнуть глаз. Оказывается, сваты из Нижнего Села приходили к эфенди Осману просить руки его дочери Фаризат. Мысль, что такая милая ее сердцу сноха не попадет к ней в дом, была мучительна для Саният. А поделиться с Каирбеком было невозможно — он или не придаст этому значения, или, что еще хуже, отругает ее за то, что опять лезет не в свое дело.

Проснулась Саният поздно с головной болью и с удивлением стала наблюдать, как свежий, пахнущий одеколоном Каирбек аккуратно причесывается, надевает белую сорочку и возится с галстуком.

— Куда это ты так вырядился?

— Министра сегодня ждем.

— Какого еще министра?

— Здравоохранения. Новую поликлинику открывать приедет.

— А, ну-ну...

Визит министра совершенно не интересовал Саният — у нее были заботы поважнее.

Едва затворилась дверь за Каирбеком, Саният накинула платок и направилась к дому эфенди Османа. Застав Фаризат одну, кинулась ей на грудь и запричитала:

— Душечка моя, красавица! Неужели это правда? Неужели злодеи хотят похитить мое сокровище? Всю ночь без сна провела, глаз не сомкнула. Не верь им! Никому не верь. Только в моем доме ждет тебя счастье. Потерпи немного — всего две зимы. Закончит Мазан учебу — сыграем свадьбу. Мазан только тебя любит. Только моей снохой ты будешь!

Девушка стояла молча, побледнев, безвольно опустив руки. Эту сцену прервало появление матери Фаризат — Кебахан. Саният сразу же переключилась на нее:

— Не дело вы задумали, не дело! За кого дочь выдаешь? Или про наш уговор позабыла? Я Фаризат никому не уступлю. Чем плохо породниться с нами? Мой Мазан...

— Отстань, ради аллаха, со своим Мазаном! — со злостью выпалила Кебахан. — Хватит! Поиграла нашей честью, задурила головы, что еще тебе надо?

Саният опешила:

— Не пойму я тебя. Мне другой снохи не надо, да и вы о другом зяте не мечтали. Еще немного потерпеть — и свадьба на все село.

— Не хочу больше эти бредни слушать! — возмутилась Кебахан. — Если бы не ты, Фаризат давно бы замужем была, семью имела, внуков мне подарила... Какие чудесные парни сватались — всем отказала. Чего ради?

— Ради уговора нашего. Забыла ты его? Не веришь мне? Затмение на тебя нашло? Чем тебе вдруг Мазан плох стал?

— С твоим языком только на собраниях выступать! Всем хорош твой Мазан, да только не жених он больше.

— Типун тебе на язык! Что ты несешь? Зачем всех нас радости лишаешь?

— Вот и радуйся со своей Шамхани!

— Причем здесь Шамхани?

— Ты, действительно, ничего не знаешь или притворяешься?

— Побойся аллаха, Кебахан.

— Тогда слушай: твой сын зарегистрировался в городе с Жамилей, дочкой Шамхани. Скажешь, не знала?

Саният стояла, словно соляной столб, побледнев, без кровинки в лице. Она смотрела на Кебахан, но ничего не видела. Рот ее был открыт, но вдохнуть она не могла. Казалось, сердце сейчас остановится, ноги перестанут держать. Язык не слушался.

— Кто тебе сказал? — прохрипела она.

— Вчера на базаре узнала.

— Вранье! Рот надо полоскать после таких слов. Не верю! Поссорить нас хотят! Не верю! И ты не верь!

— Пойди проверь,— ехидно сказала Кебахан.

— Горе мне, если это правда! Только через мой труп войдет эта Жамиля в наш дом.

Сдерживая рыдания, вышла Саният на улицу. Остановилась, придерживаясь за забор. «Не мог Мазан так опозорить меня. Жениться на этой... Не мог». Кое-как совладав с собой, она двинулась дальше. Через несколько шагов ее окликнули. Это была мать Салима — Ариубат. «Если то, что сказала Кебахан, правда, она наверняка это знает»,— мелькнуло в голове Саният, и она попыталась придать себе вид бодрый и беспечный.

— Ты разве на площадь не идешь? — спросила Ариубат.

— Что я там не видела?

— Митинг. Открытие поликлиники. Министр выступать будет. Ты что, каждый день министров видишь? Пошли, дела не убегут, все нам останутся.

Ариубат ни словом не обмолвилась о женитьбе Мазана, и на душе Саният полегчало: «Может, действительно, сплетни?»

Народу на площади собралось много. Среди цветастых женских платков возвышались мохнатые шапки чабанов. Вездесущие мальчишки, словно стайки воробьев, выпархивали из-под ног и, отчаянно пыля, носились друг за другом. Невысокая трибуна была обтянута кумачом, и это подчеркивало торжественность собрания. Толпа волновалась, ожидая начала митинга. Когда на трибуну поднялись руководители колхоза и гости, все зааплодировали.

Секретарь парторганизации предоставил слово министру. Пока он пробирался к микрофону, Ариубат легонько толкнула Саният локтем и шутливо зашептала:

— А что, на вид мужик неплохой — в меру упитанный, в меру рослый... Правда, седой больно...

— Вот именно: седой да старый, толку от него... — отозвалась Саният, с гордостью глядя на Каирбека. — На трибуне он выглядел самым кряжистым, самым крепким.

— Э-э-э, не скажи, подружка,— продолжала Ариубат, прыская в платок. — Молодость плечами крепче, зато старость — головою.

Министр снял очки, немного подумал, оглядывая толпу, и начал говорить:

— Дорогие товарищи, я в ваших краях во второй раз. Был здесь когда-то в период коллективизации. Разве могли мы тогда в далеких тридцатых мечтать о таком?

Он указал рукой на двухэтажное современное здание поликлиники. Солнечные блики играли на больших, чисто вымытых стеклах окон, широкие двери были приветливо распахнуты, и красная ленточка, натянутая перед входом, нетерпеливо трепетала от легкого весеннего ветерка.

— Разве мы могли мечтать о таком? — повторил министр. — Октябрьская революция открыла нам дорогу к процветанию. Неузнаваемо изменился наш край, и это хорошо видно на примере вашего хозяйства.

Кто до революции мог выводить слова на бумаге? В вашем, да и в других селах, им был один человек — эфенди. Это хорошо помнят аксакалы. А сегодня все умеют читать и писать. Мало того, десятки ваших односельчан получили высшее образование в разных учебных заведениях страны. Пятеро из них стали крупными учеными.

Образование и культура — залог дальнейших успехов. Медицина — страж нашего здоровья. У вас в селе прекрасная новая школа, Дом культуры — не хуже городского. Вы живете в отличных благоустроенных домах. А поликлиника, которую мы открываем сегодня,— свидетельство вашей успешной работы. Ведь далеко не каждый колхоз может позволить себе построить такой дворец здоровья. Я от души поздравляю вас. Желаю всем вам долгой и счастливой жизни, крепкого здоровья, созидательного и радостного труда!

Когда стихли аплодисменты, секретарь парткома, склонившись к микрофону, сказал:

— Товарищ министр, у колхозников к вам просьба.

— Слушаю, чем могу, помогу.

— Девушка из нашего села в этом году заканчивает медицинский институт. Если возможно, помогите распределить ее к нам в новую поликлинику.

Министр достал записную книжку, кто-то подал ручку.

— Как ее фамилия?

— Саубарова... Жамиля Саубарова.

— Хорошо. Я думаю, препятствий не будет. Лучше всего, когда молодой специалист возвращается в родные места. Здесь ему и помогут, и поддержат. Верно, товарищи?

Колхозники снова зааплодировали, тем самым и поддерживая просьбу и соглашаясь со словами министра.

Саният, услышавшую ненавистное имя, аж передернуло от негодования:

— Чего это они всем колхозом об этой непутевой пекутся? Ишь, специалист нашелся, да она тут всех перекалечит, лекарствами отравит...

— Саният, как тебе не стыдно хорошего человека грязью поливать, тем более собственную невестку,— проговорила Ариубат.

При этих словах Саният побагровела: «Значит, правда,— подумала она.— Ах, горе мне, горе! Попался в силки сын мой, пустоголовый. На все село посмешищем нас сделал! Не бывать тому! Все поломаю! Вырву Мазана из когтей гадины». Саният было уже не до митинга. Она обернулась, высматривая путь из толпы, и тут увидела Шамхани, лицо которой светилось таким открытым счастьем, глаза лучились такой радостью, будто не было груза тяжелых лет, будто молодость возвратилась к ней вместе с исполнившейся мечтой и гордостью за дочь. Она отвечала на приветливые взгляды односельчан и своей мягкой теп-

лой улыбкой словно хотела поделиться со всеми своей радостью.

Саният резко повернулась и грубо заработала локтями, прокладывая себе путь. Узнавая жену председателя, колхозники расступались, заметив же ее бледное лицо и стоящие в глазах слезы, недоуменно покачивали головами. На самом краю площади дорогу ей преградил молодой человек, обвешанный магнитофонами. Сладким голосом он вещал в микрофон:

— Дорогие радиослушатели, мы ведем наш репортаж из села Узкое Ущелье. Сегодня здесь большой праздник — открытие новой поликлиники. Попросим коренную жительницу села сказать нам несколько слов. — Он сунул микрофон под нос Саният:

— Представьтесь, пожалуйста.

Ослепленная своими обидами, она несколько секунд не могла сообразить, чего от нее хотят, так до конца и не поняв, плюнула под ноги ошарашенному корреспонденту, оттолкнула его и, не чувствуя земли под ногами, понеслась к дому.

Но и здесь не в силах была она совладать со своим волнением, чувствуя себя униженной и опозоренной перед всем миром. Работы по хозяйству было много, но все валилось из рук. Как сомнамбула, бродила Саният по комнатам, выходила во двор, снова возвращалась. Единственная мысль вытеснила из головы все. «Как спасти Мазана? Куда бежать? Кого просить? Что делать? Хорасан? Она ведь подвела уже один раз — зелье приготовила никудышное. Может, поэтому к ней и пойти? Потребовать, чтобы теперь расстаралась по-настоящему. Помоги мне, аллах!»

Хорасан сидела на пне возле дома и кормила кур. Для нее это было и дело, и забава. Неторопливо перебирая горку теплого зерна в подоле, она ждала, покуда куры медленно окружат ее, кудахтая и потрясывая гребешками, потом резко выбрасывала горсть кукурузы далеко в сторону и завороженно наблюдала за орущей, хлопающей, шуршащей лавиной крыльев, лап и клювов. Зерна мгновенно исчезли с земли, раздавалось разочарованное кудахтанье, и птицы вновь начали стягиваться поближе к тощим коленям старухи. Пестрая суетливая курица, растолкав остальных, бесстрашно приблизилась, пытаясь выхватить зерно прямо из подола. Хорасан отогнала ее и разразилась гневной тирадой:

— Кыш, окаянная, кыш! Прилипла, как репей. Пошли аллах все болезни на твою головенку! — Она замахала

своей иссохшей, переплетенной веревками вен рукой, ибо курица начала новую атаку на ее подол. — Чтоб хозяева тебя не досчитались! Повадилась ко мне на двор... Кыш! Кыш! Влезла в компанию к моим красавцам! Пошла вон, соскучилась я по тебе что ли!..

Саният несколько раз пыталась обратиться к старухе, но та была настолько занята, уличая соседскую курицу, что не замечала ее. Саният сменила тактику:

— Ах, какие чудесные куры, и так много! — произнесла она восхищенно.

— Много, много,— отозвалась, наконец, Хорасан,— сотня без двух. Только кормить их нечем. Слушай, председательша, похлопочи у своего муженька, пусть выпишет мне пару мешков кукурузы. А?

— Будет, будет у тебя кукуруза, только отвлекись, ради аллаха, на минуту, дело у меня есть.

— Ладно, ладно, пошли в дом.

...И снова проклятия в адрес Жамили, снова просьба поколдовать, зелье сочинить....

— Ума не приложу, почему в прошлый раз не подействовало? — прошепелявила старуха.

— Так крепко привязалась эта непутевая к сыну, ничем не отодрать.

— Значит, сильно любят друг друга.

— Как же, любят,— фыркнула Саният. — Окрутила она его, зарегистрироваться заставила. Позор на наши головы!

— Трудно теперь будет отвадить ее, но ты не беспокойся, придумаю что-нибудь. Такое зелье построю, что предстанут они друг перед другом в образе свиньи — сами разбегутся. Вот увидишь.

— Ты уж постарайся, Хорасан, да поскорей.

— За мной дело не станет. Добудешь кукурузы для кур — получишь желаемое.

Дома Саният застала недовольного Каирбека.

— Где ты бродишь целыми днями? С митинга убежала, сломя голову — я с трибуны видел. Вечером тебя нету.

— Много ты видишь со своей трибуны,— напустилась на него жена. — А то, что мы в посмешище превратились, тебе и невдомек, что дом наш опозорен, что сын пропадает — наплевать тебе!

— Да объясни толком, что произошло?

— Говорила я, что дочь этой гадины Шамхани обманет Мазана, говорила — вот и дождались, заполучил ты невестку — поздравляю! Женила эта пройдоха на себе на-

шего сына. Лучше бы мне на свет не родиться! Лучше бы в сырой земле лежать! Неба не видеть, такой вести не слышать! Лучше бы мне, несчастной...

Оглушенный воплями жены, Каирбек, сердито хлопнув дверью, вышел из комнаты и закрылся в спальне. Все равно унять Саният невозможно, а разговаривать с ней в таком состоянии бесполезно.

...В девушках Саният и Шамхани, мать Жамили, были самыми близкими подружками. Всюду они были неразлучны: рядом на колхозных работах, в одном праздничном хороводе. И неизменно поверяли друг другу свои важные сердечные девичьи тайны. Парни роем вились вокруг подружек. Шамхани была писаной красавицей, да и нравом была открытее, веселее, нежели Саният, поэтому львиная доля ухаживаний перепадала ей. Саният завидовала, переживала, но свою ревность и досаду прятала в глубине души, и на их дружбе это до поры никак не отражалось.

Как-то раз, во время сенокоса, Саният застала Шамхани врасплох — укрывшись за стогом, девушка читала письмо, попыталась спрятать, но не успела.

— Что это? Покажи скорее,— шутливо, но вместе с тем требовательно, сказала Саният.

Шамхани покраснела, но считала себя не вправе скрывать что-либо от подруги.

— Письмо от Каирбека,— пролепетала она.

Больших сил стоило Саният скрыть внезапную сердечную боль. Она буквально впилась глазами в торопливые строчки послания:

«Прости, милая Шамхани, что осмеливаюсь писать тебе,— говорить смелости не хватает. Мать мне покою не дает: когда, мол, женишься, все невест подыскивает, а я, кроме тебя, ни на кого смотреть не могу, к тебе сердце тянется... Дай знать — пойдешь ли за меня? Счастье мое в одном твоем слове...»

Саният скомкала недочитанное письмо, со злостью швырнула им в Шамхани и ушла, ни слова не говоря. Ревность и обида душили ее: «Вот гадина! Знает же, что я без ума от Каирбека, сплю и вижу его, так нет! — сама решила закрутить с ним втихую: и письмо приняла, и читала, затаившись...»

С того дня дружбе девушек пришел конец. Шамхани, не чувствуя за собой никакой вины, пыталась объясниться с Саният, но натыкалась на молчаливую стену враждебности и высокомерия. Ничего не осталось от былой

доверчивости и задушевности их отношений. Ненависть Саният разгоралась все сильней, и она повела настоящую войну против Шамхани, войну за свою любовь, за Каирбека. И в этой войне — тут уж надо знать характер Саният — она не брезговала ничем. И добилась своего — вышла замуж за Каирбека. Однако и после этого отношения их не восстановились.

XVII

Наступала суббота. Спокойное ясное утро предвещало теплый, веселый день. Но погода в горах коварна. К обеду небо закрыли тяжелые тучи, заморосил дождь, потом грянул ливень, сразу похолодало, и тяжелые градины нещадно забарабанили по гулким крышам, беззащитным листьям и стволам деревьев. Автобус Нальчик — Узкое Ущелье из-за непогоды задержался, и домой Мазан попал поздно, мокрый до нитки. Мать встретила его холодно. «Все знает»,— понял Мазан и приготовился к трудному разговору. Но, видимо, и Саният нелегко было начать его. Она дождалась, пока сын переоденется в сухое, приготовила ужин и, подперев голову, мрачно смотрела на него, пока он не закончил есть.

— Ты, мать, почему такая невеселая? — осторожно спросил Мазан.

— И ты еще спрашиваешь? — тяжело вздохнула Саният. — И язык у тебя поворачивается.

Мазан густо покраснел и опустил глаза.

— Лучше бы ты взял топор и сам, своими руками, отрубил мне голову.

— Мать!..

— Молчи! Лучше быть убитой сыном, чем опозоренной им.

— Да чем же я тебя опозорил?

— Как ты посмел зарегистрироваться с этой мерзавкой, с этой... — Саният аж задохнулась от гнева.

— Я люблю ее, очень люблю!

— Ложь! Окрутила она тебя! Обманула! Зельем приворотным тебя опоила. Небось, всех знахарок оббегала?

— Да она знать не знает, что такое знахарка.

— Как бы не так. И мать ее — ведьма! И сама она ведьма! — распалялась Саният все больше и больше. Все перепуталось в ее голове: и время, и люди. Двадцатилетняя ревность к Шамхани с ненавистью к ее дочери, боязнь потерять Каирбека — со страхом лишиться сына. Слезы,

крики, оскорбления лились потоком. Она не могла и не хотела замечать, как больно делает Мазану. Он пытался не вникать в ее слова, понимая, что не владеет она сейчас ни своими чувствами, ни разумом. Боялся какой-нибудь резкостью еще больше расстроить ее. Ведь от любви к нему страдала она, только от любви, неправильно понятой. Любовь частенько делает людей несправедливыми.

Мазану вспомнились слова Жамили, когда они направлялись в загс: «Не знаю отчего, но твоя мать очень плохо ко мне относится. Боюсь, трудно нам будет сойтись с ней». «Ничего,— успокоил тогда Мазан,— мать у меня с характером, но отходчивая, поворчит, поворчит, а потом полюбит тебя, как родную дочь». И, взглянув на убитую горем Саният, он невольно улыбнулся. Та сразу же истолковала эту улыбку в свою пользу:

— Ну вот, значит, одумался. — Она вздохнула и утерла слезы. — Не беспокойся, завтра поедем в загс, после регистрации всего несколько дней прошло,— объяснишь все, скажешь, что ошибся, я похлопочу — в два счета вас разведут. А Фаризат — для тебя девушка самая подходящая: красивая, приветливая, а главное — воспитана в нашем духе, нигде не сыщешь такой...

— Мама,— перебил Мазан,— я никого, кроме Жамили, не люблю и жены мне другой не надо.

— Если ты считаешь меня матерью, не смей произносить ее имени рядом с моим.

— За что ты ее так ненавидишь?

— Плевать я на нее хотела! Недостойна она тебя. И порога моего не переступит!

Новый шквал ругани готов был обрушиться на Мазана, если бы в этот момент не появился Каирбек. Увидев разъяренную жену и расстроенного сына, он сразу же оценил обстановку, но вида не подал. Похлопав Мазана по плечу, весело сказал:

— Здравствуй, сынок! Молодец, что приехал. Как дела? Как учеба? Друга моего Асхата видишь?

Глаза Мазана потеплели:

— Вижу, отец, часто вижу. Асхат Мурзабекович каждый раз тебе приветы передает, никогда не забывает. Завидую я.

— Чему же?

— Дружбе вашей. Столько лет прошло, а вы, хоть и редко видитесь, всегда друг о друге помните.

— Фронтовая дружба людей навсегда связывает, до конца, до самой смерти...

— Самое время о смерти поговорить,— проворчала Саният. Но Каирбек сделал вид, что не расслышал.

Охая и тихонько всхлипывая, она кормила мужа, не решаясь вмешаться в разговор отца с сыном.

— Чем думаешь в каникулы заняться? Может, отдохнуть куда поедешь? К морю или в Москву?

— Нет, отец, дома побуду. В колхозе поработаю и сенокос не пропущу.

— Правильно. У кого руки не работают — голова тоже не работает. На весь год заряд получишь. В здоровом теле — здоровый дух. Так у вас говорят?

— Так. Я еще спросить хотел: со мной в группе двое ребят из Мурманска учатся, можно им к нам на лето приехать?

— Конечно, вместе и приезжайте. Пусть горы наши получше узнают, косить научатся.

Мазан отправился спать пораньше — хотелось избежать дальнейших объяснений с матерью, да и вставать надо было рано, чтобы с первым автобусом поспеть в город.

Каирбек устроился на диване с газетами, а Саният, перемыв и убрав на кухне посуду, принялась стелить постели. Казалось бы, мир и уют воцарились под крышей дома, но Каирбек знал цену этому покою и первым обратился к жене:

— Я ведь знаю, какая для тебя мука молчать, давайка спокойно разберемся в том, что произошло.

— Спокойно? — вскинулась Саният. — Тебе лишь бы покой свой сохранить, а с сыном серьезно поговорить да отругать как следует не хочешь.

— За что же его ругать?

— Не за что? Он собирается в дом позор наш привести, смерть мою, а тебе все равно.

— Да раскинь ты мозгами: он девушку полюбил, она его любит, зачем мешать им?

— Запомни — моего согласия на это не будет!

— А что ты можешь сделать? Они люди взрослые, сумеют постоять за свое счастье.

— Конечно, Шамхани твоя старая любовь, и дочка ее тебе в невестки сгодится. Ты их обеих в дом приведи, а меня на улицу выгони. Зачем тебе старая Саният нужна?

— Совсем из ума выжила,— вздохнул Каирбек и махнул рукой.

XVIII

Прошло несколько месяцев. Для Мазана начались каникулы, и он отправился в горы на сенокос. Жамиля получила диплом, вернулась в родное село и начала работать в поликлинике. Для Саният же наступили черные дни. Все усилия разлучить сына с Жамилей ни к чему не привели. А знахарка Хорасан, как назло, тяжело заболела — нет у нее сил ни колдовать, ни зелье готовить. Дни идут — замыслы Саният не удаются, надежда проходит, только редкое упрямство мешает ей окончить борьбу.

Может быть, живи Саният безмятежно да благополучно, не беспокоили бы ее частые боли в животе,— иногда прихватывало так, что ни разогнуться, ни шагу ступить, однако, слава аллаху, обходилось без врачей и лекарств. Приступы тем не менее случались все сильнее и чаще, и однажды днем острейшая боль пронзила все тело Саният. Она едва доползла до кровати — рухнула и застонала.

Каирбек поздно пришел с работы и, застав жену в таком состоянии, не на шутку перепугался.

— Что с тобой? Что болит?

— Живот. Как огнем жжет. Зови скорее жену Соллоу.

— При чем здесь жена Соллоу?

— Она секрет знает, скорее зови.

— Чепуха какая,— сказал Каирбек. — Врача надо...

— Какого еще врача? Жамилю что ли?

— Конечно, другого у нас нет.

— Не смей ее звать, если смерти моей не хочешь!

— Ладно, ладно, сделаю все, как ты скажешь.

— Иди за женой Соллоу,— слабым голосом проговорила Саният,— да прихвати эфенди Хасау, он поплюет — мне легче станет. Ох!

Каирбек вышел на улицу и растерянно остановился в темноте. «Что делать? Позвать Жамилю? Как бы Саният от этого хуже не стало. Время терять — как бы беда не случилась». Через открытое окно он услышал ее стоны и быстро двинулся в сторону поликлиники, но, сделав несколько шагов, остановился. «Нет, надо все-таки исполнить ее желание»,— подумал он и повернул обратно.

Ни колдовство, ни заклинания жены Соллоу не помогали. На Саният было страшно смотреть — она быстро теряла силы. Когда Каирбек увидел, как помутнели от боли ее глаза, а вместо стонов раздались тяжелые хрипящие звуки, он, ни слова не говоря, выбежал из дома...

Жамиля быстро осмотрела больную, пощупала ее живот и взволнованно сказала Каирбеку:

— Срочно вызывайте свою машину, надо ехать в районную больницу. Дорога каждая минута.

Она сделала Саният укол, и через несколько минут председательская «Волга», рассекая фарами темноту, помчалась по направлению к районному центру...

Кто посчитает, сколько раз вспыхивала в душе Каирбека надежда и сколько раз сменялась она сердечной болью отчаяния? Кто измерит километры, которые прошагал он в эту ночь по больничному коридору, ловя приглушенные звуки из-за дверей операционной? И как медленно ползла минутная стрелка по большому белому циферблату часов. Уже рассвело, когда заветная дверь распахнулась и на пороге операционной показался хирург.

— Все в порядке,— сказал он, устало стягивая резиновые перчатки. — Не волнуйтесь, опасности нет. Но если бы чуть-чуть задержались, наше вмешательство не понадобилось бы.

...Вечером следующего дня Каирбеку разрешили навестить жену. Они уже обо всем переговорили, когда в палату робко вошла Жамиля.

— Разрешите? — спросила она.

— Конечно, входи. — Каирбек вскочил со стула и обратился к Саният: — Благодари свою спасительницу.

— Спасибо тебе, милая,— слабым голосом проговорила она и покраснела. На глазах ее появились слезы. — Прости меня за все, если сможешь, невестушка.

Каирбек в смущении покручивал усы, пряча улыбку.

А уже через две недели Саният выписали из больницы. Соседи и односельчане часто навещали ее — приносили гостинцы, расспрашивали о здоровье. Как-то забрела и старая Хорасан, которая все-таки выкарабкалась из своих хворей. Когда они остались вдвоем, старуха вынула маленький пузырек, и заговорщицки оглядевшись, стала совать его Саният.

— На, держи, выполнила твою просьбу. От этого все злые духи погибнут.

Но Саният отвела ее руку.

— Не надо. Нет вокруг меня никаких злых духов, только добрые. Очень добрые духи и люди.

На этом и кончается наша повесть. Но жизнь продолжается. Подобно бурному потоку горной реки, катит она, и перемешиваются судьбы людские, а вместе с ними и судьбы наших героев.

РАССКАЗЫ

ТАИНСТВЕННЫЙ УЗЕЛ

1

Это событие произошло в 1965 году...

Я помню Нальчик, когда он был небольшим городишком, из конца в конец можно было прошагать за часполтора. Невысокие домики, сложенные из речного камня, а чаще из самана или турлука, обмазанного с двух сторон глиной, ютились на высоком берегу, вдоль которого пролегала центральная улица, где по вечерам веселилась молодежь. Зато сейчас Нальчик, как говорится, раздался вдоль и вширь: застройки новых многоэтажек начинаются почти у самых холмов, покрытых лесом, оттого тут всегда чистый воздух, напоенный чуть ощутимым ароматом лиственной и грибной прели.

Северная часть города была заброшенной окраиной. В одном таком домике с маленьким палисадником, где по осени расцветали махровые георгины, и жила Лариса...

До свидания с ней у меня оставалось полчаса; надо было что-нибудь купить, не с пустыми же руками появляться у любимой. Я знал, что около продовольственного магазинчика всегда работает базарчик. Там я купил три крупные розы кремового цвета, расцветшие за ночь, и был доволен. Не забыл и про отца Ларисы, для него купил две пачки «Беломорканала». Он был заядлым курильщиком.

С Ларисой я познакомился недавно, прошло всего три месяца с нашей встречи на автобусной остановке. Мне пришлось задержаться на работе, такое в нашей следственной практике случается довольно-таки часто, на площадке куражились два отчаянных молодых джигита под изрядным хмельком; тут же в ожидании машины стояла девушка, со свертком в руке. Парни, конечно, не обошли незнакомку своим «рыцарским» вниманием. Обычная пошлость, скучная и назойливая: «Девушка, а у вас спина сзади». Пришлось вмешаться.

...Калитка, да и весь высокий дощатый забор были добротно сработаны хозяином уютного домика, петли не скрипнули, зеленая краска матово сверкнула в лучах заходящего солнца. Бесшумно я вошел во дворик, а меня уже поджидали, словно самого дорогого и почетного гостя. На крылечке появился отец Ларисы — Семен Гаврилович, высокий, чуть сутуловатый человек пенсионного возраста; лицо его было грубоватым: крупный нос, губы, всегда сухие, и он их часто облизывал, в правом уголке застыла неизменная папироса; подбородок с ямкой, что указывало на силу характера, наверное, в прошлые годы, напористого и решительного; глаза отличались небесной голубизной, редко при разговоре их покрывала сероватая тучка задумчивости. Сколько я не искал сходства его лица с Ларисиным — не находил ни единой черточки. Другое дело ее мать — степенная, рассудительная матрона, вечно хлопотавшая у газовой плиты; черты некогда красивого лица расплылись от возраста, но в них угадывалось то порядочное спокойствие, которое она передала в наследство дочери.

Семен Гаврилович потряс мне руку, пожатие было крепким, ладони шершавыми, я подумал, что в молодости, наверное, старик не чурался поднимать тяжести, может быть, даже занимался спортом; голос тоже был сильным, чуть хрипловатым, это от табака: ведь не перестает курить.

— Где пропадал так долго, солдат невидимого фронта? Все борешься за правду-матку? Я уже скучать начал... Месяц глаз не кажешь...

Хотя на погонах капитанские звездочки, старик не переставал называть меня солдатом. Правда, обычно в гости я приходил в цивильном костюме, форму оставлял дома и тогда чувствовал себя за столом свободнее и раскованней.

Я небрежно махнул рукой:

— Какие нынче дела, Семен Гаврилович? Мелочь... Расхитители разные, несуны да воришки-урки.

Старик назидательно произнес:

— Хм, мелочь! Из нее, милый мой солдат, складываются целые горы.

Я пожал плечами.

— Ладно, за чаем договорим. Но только не в присутствии Ларисы. Ее-то, солдат, дома нет. Не пришла еще с работы. Да ты не волнуйся. А цветы давай-ка мне... Нет, погоди, лучше сделаем так. Иди на кухню, там моя старуха с пончиками возится. Подари ей одну, рада будет. Остальные — в вазу, что на столе.

В комнате-кухне пахло поджаристым хлебом, нежным и стойким запахом ванили. Марья Ивановна оторвалась от плиты, вытерла руки о передник, улыбнулась мило и добродушно:

— Месяц ясный появился. Ну, здравствуй, Магомед. Да зачем мне роза? Ладно, спасибо. В отместку — пирожками угощу.

Лариса появилась тогда, когда мы с Семеном Гавриловичем сидели за столиком и мирно беседовали.

Она встала в проеме двери, и вся ее стройная фигурка в розовом платье была окутана солнечным сиянием. Милое лицо тоже светилось смущенной улыбкой, которую она не смогла, не сумела погасить; голосок, нежный и воркующий, как у голубицы, заставил мое сердце забиться сильнее. Черт возьми, я, суровый по должности капитан, видевший в жизни немало грязи, терялся как-то в присутствии этой чистой и гордой девушки, действующей на меня умиротворяюще, я становился совсем другим человеком, совсем не таким, каким был на следственной работе.

Она сказала, вернее, пропела:

— А вот и я...

Так Лариса обычно и говорила, приходя на свидание.

Я не стал задерживаться допоздна в гостеприимном доме; старики уткнулись в телевизор, а мы с Ларисой отправились побродить по улицам города. Тихое местечко, только около кинотеатра с традиционным названием «Дружба» оживление: веселая группа цыган отплясывала на площадке бесшабашно-веселый танец, за которым вяло наблюдали два дежурных милиционера. Одна из цыганок рванулась к нам, заговорила быстро, быстро, точно высыпала словесный горох на асфальт из цветастого подола расклешенной юбки:

— Бриллиантовый, дай погадаю... Скажу всю правду, что с тобой было, что будет, какая любовь ждет...

Пришлось откупиться от назойливой попрошайки.

Лариса усмехнулась:

— Как-то Семен Гаврилович попал к ним в лапы. Десять рублей выцыганили.

— Хороший у тебя отец, Лара.

Она долго молчала, потом с печалью в голосе ответила:

— Он мне не отец, Магомед. Отчим... А родной погиб на фронте. Мама воспитала. Крошечной на ее руках осталась.

Пришлось и мне признаться:

— Мой тоже не вернулся с фронта. Где-то в Польше его могила.

Обоих нас осиротила война. Не знаю, но, может быть, в тот вечер мы стали еще ближе друг другу...

2

Мне не везло с дежурствами на праздники. Так случилось и с Днем Победы. На улицах толпы веселых людей, ветераны войны в мундирах, украшенных фронтовыми регалиями, блестят под майским солнцем ордена, золото погон; на улицах улыбки и слезы. А у меня — привычный кабинет, стол с еще не оконченными следственными делами, пока что молчащий до поры до времени телефон. В такой праздничный день телефон — сущее наказание для дежурного, нельзя ни на минуту отлучиться. В других кабинетах тоже маялись мои товарищи, разыгрывая от нечего делать бесконечные шахматные партии...

Началось все во второй половине дня. Звонков не было, только стук в дверь:

— Входите.

Появился сержант, четко доложил:

— Товарищ капитан, вас вызывает полковник...

Отношения с шефом у меня сложились хорошие, давно работаем вместе, притерлись, я, откровенно, больше притерпелся к характеру своего непосредственного начальства.

Полковник был хмурым, совсем у человека непраздничное настроение, хотя на столе в банке распускались тюльпаны.

— Надо поехать на озеро Узун.

— Что-нибудь случилось?

Полковник поморщился, досадливо махнул рукой:

— В такой день... И убийство.

Я попытался возразить:

— Но озеро Узун не наш участок. Пусть занимаются служаки из райотдела милиции. У нас своих забот хватает.

Видимо, я не сумел «попасть в струю», полковник сказал как отрубил:

— Прекратить дебаты, капитан. Садитесь в машину. Там лейтенант Кутуев и врач судебно-медицинской экспертизы.

Оставалось только подчиниться. Озеро Узун находится всего лишь в десяти километрах от Нальчика, наверное, в самой красивой местности республики. Государственная

дорога, ведущая в Северную Осетию, осталась слева, а полевая, наезженная колесами бричек, запетляла к трем курганам, в ложбине между которыми располагалось озеро. Оно неглубокое, с прозрачно-зеленой водой, правда, посередине, куда опрокинулся кусочек майского неба, гладь приобретает другой, нежно-голубой оттенок. У берегов вода почти изумрудная, потому что густо растут на них плакучие ивы, опустив свои гибкие ветки к зеркальной поверхности.

Мы подъехали к озеру и, выйдя из машины, оглохли от тишины. Она опустилась на пологие берега, запуталась в вербных макушках, спустилась с темечка курганов и умиротворенно улеглась у их подножий.

Сторож, пожилой человек с давно небритым похмельным лицом, был обескуражен и вконец расстроен; в руке он держал ведерко, в котором бултыхались сазанки, и когда он начал рассказывать, то неловко опрокинул свою посудину. Золотые рыбки затрепыхались на зеленой траве.

— О, аллах, за что наказываешь? Третий год здесь служу... Все тихо, мирно. Приличные люди приезжают... Костер... Уха... и на тебе — убитый человек. Да, теперь меня бедного по судам затаскают, но я ни в чем не виноват... Того, ну, тот, который утонул, его дети вытащили.

— Какие еще дети?

— Пацаны... С рассвета рыбачили... Алешка и Хасан. Они обнаружили, ко мне прибежали. Вот я и позвонил вам, чтобы... Клянусь.

— Где эти пацаны?

— В сторожке своей я их запер... Сидят, куда им деться. Школьники... Свидетели мои. Прибежали, губы трясутся, говорят: «Дядя Аслангери, там мертвый в воде...» Ну я и...

— Покажите, где утопленник... И ребят сюда, живо!

В тени дерева, среди примятой осоки, лежал кверху лицом мужчина лет пятидесяти.

На нем была брезентовая ветровка с капюшоном, обыкновенная, магазинная, какие обычно покупают рыбаки и охотники, болотные резиновые сапоги, с коротко завернутыми голенищами. Чуть поодаль валялась мокрая тирольская шляпа. Мой медик-фотограф уже начал щелкать аппаратом, что-то измерять, прикидывать. Я смотрел на лицо того, кто совсем недавно был жив, радовался солнцу, радовался спокойному уединению рыбалки, и вот теперь застыли губы, им уже никогда не произнести ни слова, не улыбнуться, по слипшимся волосам с прядями седины

поползли муравьи. Медик осторожно приподнял голову мужчины, цокнул языком:

— М-да...

— Что такое?

— Запекшаяся кровь... Видимо, по затылку был нанесен удар тяжелым предметом...

В это время сторож Аслангери привел мальчишек. До чего же разные они между собой: Алешка был русоголовым, курносым, Хасан — словно черный жучок, одетый в красную майку. Друзья вначале перетрусили, но постепенно начали себя сознавать маленькими героями приключения. Мне была понятна эта мальчишеская рисовка, ведь то, что произошла трагедия на берегу озера, для них занимательная и совсем еще не понятная, но страшная игра. Начал более бойкий Алешка:

— Пришли мы, значит, сюда... Удочки у нас... Червей с вечера накопили... Целую пол-литровую банку. Хасан и говорит: «Знаю место, где клев мировой». И мы пошли. Смотрю...

Хасан не выдержал, вмешался, перебил дружка:

— Нет, это я... Смотрю, из воды торчит... Пузырь серый...

— Пузырь серый какой-то. Залез в озеро и сразу догадался, никакой это не пузырь, а куртка. Потянул...

Мне уже все было понятно:

— Ладно, ребята... В общем, позвали сторожа и вытащили.

— Ага, втроем... И то тяжело было...

— Кроме удочки его вы ничего не нашли?

— Как это не нашли? Рюкзак был, мы его спрятали.

Рюкзак был старым, брезент в нескольких местах слегка прожжен, металлические застенки погнуты, горловина тощего мешка затянута засаленным ботиночным шнурком. Осторожно высыпали содержимое на разостланную на земле газету: два куска хлеба, ломтик свиного сала, пачка сигарет, карандаш, совсем чистая записная книжка и томик «Боевая слава Кабардино-Балкарии». Все. Теперь требовалось метр за метром осмотреть место происшествия. Знаю, зрители, когда смотрят детективный фильм, ухмыляются, если видят радость следователя, отыскавшего улику,— волосок, окурок или другую незначительную вещицу, мол, по волоску находят убийцу; но это все подтверждено практикой, а не придумка фантазирующего режиссера. Мне повезло больше, чем киношным сыщикам. За трухлявым пнем я увидел что-то красное, присыпанное

прошлогодними листьями, кажется, кто-то придавил бумажку каблуком, может нечаянно наступил. Поднял — и глазам не поверил: в руках был паспорт с истершимися корешками; развернул — фотография цела; на меня смотрело лицо парня, ну, двадцати пяти, не больше, лет, чуть продолговатое, на губе аккуратные усики, типичное горбоносое лицо джигита из любого горного селения Балкарии или равнинной Кабарды. Фамилия есть: Борис Алиевич Назиров, нальчикская прописка... Так, хорошо, даже отлично, но не надо обольщаться находкой. Какое касательство имеет утерянный Назировым документ к мужчине с пробитым черепом, которого выловили из озера? Пока никакого. А Бориса Назирова отыскать не составит никакого труда, лишь бы никуда не уехал из Нальчика.

3

Утром мне в кабинет принесли снимки и заключение судебно-медицинской экспертизы. Вскрытие трупа, как значилось в бумаге, позволило установить насильственную смерть, наступившую примерно на рассвете.

Лейтенанта Кутуева я отправил по адресу, по которому проживал Борис Назиров, исполнительный и точный, он должен был появиться с минуты на минуту. История с паспортом с самого начала не вызвала у меня воодушевления. Глупо было бы думать, что убийца, после того как расправился со своей жертвой, взял да и оставил весомую улику, документ. Вот, мол, не ищите, я тут, вызывайте на допрос, я все расскажу и дело с концом. Нет, скорее всего, паспорт потерял какой-нибудь пьяный ротозей. Мало ли устраивает молодежь пикников в уютных местечках подальше от глаз «ментов»!..

Вот и появился лейтенант Кутуев. Любо было посмотреть на такого молодца: форма сидит, точно влитая, застегнутая на все пуговицы, лицо мужественное...

— Привез Назирова?

— Так точно, товарищ капитан. В коридоре дожидается.

— Не сопротивлялся?

— Да нет. Живет этот самый Борис в общаге заводской. Правда, в отдельной комнате, потому, как мне сказал комендант, парень примерного поведения и вообще... мало пьющий. Словом, шатающимся его никто не видел. В своей комнате он был не один: с ним сидела какая-то девушка по имени Светлана.

— Введи Назирова, лейтенант.

Странно, но парень оказался совсем иным, чем был изображен на фотографии. Нет, сходство, конечно, было, идентичность, как говорится, полная, а вот живые черты лица, мимика...

— За что меня арестовали?

Для начала я успокоил парня:

— Не точно выражаетесь, Борис Алиевич. Не арестовали, а всего лишь вызвали на беседу. Когда вы, Борис Алиевич, были в последний раз на озере Узун?

Он зыркнул на меня нагловатыми глазами:

— Никогда не был... Даже не знаю, где озеро находится.

Мне захотелось урезонить парня:

— Зачем притворяться? Любой житель города знает, где Узун. Ведь туда все большое начальство ездит ловить рыбу.

— Я не начальство и рыбалку не люблю.

— И где же вы работаете?

— На станкозаводе, электриком.

— Где вы вчера вечером были? Подробнее, лучше по часам...

Парень ухмыльнулся, забубнил, словно заученное:

— Встал в семь, побрился, умылся...

Он замолчал.

— Дальше?

— В кино сходил... В «Дружбе» клевый фильм шел.

— Какой? Сеанс?

— «Человек-амфибия». Одиннадцать тридцать.

— Один ходил?

— Да. Кажется, билет остался...

Назиров сдвинул молнию на нагрудном кармане, извлек оттуда скомканную бумажку:

— Вот!

Я развернул, было два билета с оторванным контролем:

— Второй для кого?

Борис потупил голову:

— Светлана со мной была... Потом мы пошли в кафе, ели мороженое, а потом я ее пригласил в ресторан... День Победы все-таки...

Я медленно, словно нехотя, вытащил из ящика стола паспорт:

— Ваш?

Он изумленно расширил глаза:

— Мой! Но как он к вам попал, товарищ капитан?

— На озере Узун нашел... Недалеко от убитого...

Обычно, когда при подобном разговоре я выбрасывал свою козырную карту, то многое менялось в поведении того, кто сидел напротив меня. Реакция, конечно, была различной, но всякий раз нервы напрягались, если можно сравнить, то с натянутой до предела струной, пережми ее немного, и она со звоном лопнет. Борис Назиров не шелохнулся, низко нагнул голову, надолго погрузился в раздумье. Как бы мне хотелось угадать ход его мыслей! Остается только ждать. И я ждал.

Борис разжал губы, посиневшие и сухие:

— Я никого... не убивал...

Пришлось показать снимок:

— А это кто?

Он вяло и как-то отрешенно взял фотографию, взглянул мельком и сразу его лицо исказила гримаса:

— Николай Николаевич!.. Значит, он и... и... вправду убит? Вы?.. Вы думаете, что я? Я...

— Так... Николай Николаевич... Кто он?

Я едва услышал невнятный ответ:

— Хоренко... Отец Светланы... Я был на озере Узун...

Признаюсь, такой поворот дела меня немного обескуражил, уж очень гладко, прямо-таки без сучка и задоринки получилось. Наглый с виду парень без лишнего нажима, ну, предполагаемой напряженной психологической борьбы, «раскалывается». Бывает подобное везение, но редко, особенно когда дело касается убийства... У Бориса Назирова, произошел надлом. Я не знал его прошлой жизни, да, собственно, ничего не знал, кроме того, что его паспорт очутился на берегу озера.

— Арестуйте меня! Раз я убийца — арестуйте. Посадите в тюрьму. Но я не убивал Николая Николаевича! Грозился... Слова от злости. Но не убивал, поверьте! Светлана скажет... Ходили в кино... В ресторане водку пил... На озере был... Не вчера... Не убивал!

Вошел Кутуев.

— Товарищ капитан, к вам просится Хоренко Светлана.

— Хоренко?

Я приказал лейтенанту увести Назирова. В кабинет тотчас же вошла растерянная девушка со слезами на глазах.

— Я была в морге с нашим участковым. Мой отец ле-

жит там... Кто его убил? За что?.. — Светлана горько зарыдала.

Я усадил ее на стул, дал воды, успокаивал как мог.

— Мой папочка такой добрый был... Никогда никому не делал зла... Вы арестовали Бориса? Но он не мог убить. Он же мой жених.

Я спросил Светлану:

— А паспорт, который мы нашли на озере Узун?

— Борис мне говорил, что потерял его там. Мы были на озере. Искали, искали, но без результата.

Я мягко, успокаивающе спросил:

— Где вы были с Борисом днем?

— Ходили в кино... Потом... потом были в ресторане. Он проводил меня домой, а там... Вернулась... Мать в слезах. Начали всех друзей обзванивать, может, завернул к кому-нибудь. Нет нигде...

Мне от души было жаль девушку, на хрупкие плечи которой нежданно-негаданно свалилось такое несчастье.

Итак, алиби Борису Алиевичу Назирову было обеспечено. Крепкое алиби, не подкопаешься. Значит, надо отпускать парня.

4

К дому Хоренко я пришел после его похорон. Меня встретили Светлана с матерью. Все в комнате напоминало о горе, постигшем эту маленькую семью, зеркало в прихожей было занавешено черным покрывалом. Евгении Архиповне я не стал докучать вопросами, а вот со Светланой надо было поговорить.

— Не проявлял ли отец беспокойства в последние дни?

Девушка подумала, потом тихо сказала:

— Да нет... Перед Днем Победы вечером за чаем вспоминал товарищей-фронтовиков, горевал, что многих уже нет в живых... Жаловался, мол, скоро и писать-то будет некому... Письма друзей хранил и любил перечитывать.

Это уже была зацепка, ведь многое можно узнать из бесхитростных посланий, в конце концов, прояснятся черты характера покойного. Светлана поставила на стол шкатулку, полную бумаг... Неправда, что после ухода человека из жизни на памятнике остается только черточка между датой рождения и смертью. Многое остается, а главное — память, иногда долгая, вечная. В шкатулке были письма, квитанции об уплате за газ, электричество, воду,— в общем, разные нужные и уже ненужные хозяйственные бу-

мажки. Письма были из разных городов, но вот что я заметил по штемпелю: всего лишь одно получено в последние дни, остальные уже успели пожелтеть. Это меня и заинтересовало. Писал Хоренко некий Иван Петрович Попов, приехавший из Харькова для лечения в Кисловодск, просил Николая Николаевича навестить его, чтобы вспомнить прошлое, поговорить о житье-бытье, а сам Петров приехать в Нальчик не может, очень болен... Ничем не примечательное письмо, я отложил конверт в сторону. Но вмешалась Светлана:

— Папа собирался к Ивану Петровичу... Он нам с мамой много о своем друге рассказывал... Сказал, что поедет после Дня Победы. И вот... С Поповым часто переписывался. Написал папа ему последнее письмо, но отправить не успел в Харьков, получил весточку из Кисловодска.

Письмо на первый взгляд было незначительным; в первых строках, как водится, приветы и пожелания, потом... «Дорогой Ваня, со мной на днях произошел казус... Совершаю по утрам моционы по парку. Красивый он у нас, настоящий лес. Нервишки, сам знаешь, после всех военных передряг ни к черту, вот и укрепляю. Иду по главной аллее, вижу — человек на лавочке сидит, в газету уткнулся, а когда он «Известия» от глаза отнял, я чуть не вскрикнул... Поверишь ли, передо мной... Сотников... Точь-в-точь он, только, конечно, постаревший, но я признал, а потом подумал, что ошибся, мало ли людей похожих, точно близнецы... Оглянулся, нет, Сотников, конечно не в телогрейке, в которой тогда ходил, а в костюме и при галстуке... Сердце у меня в груди запрыгало от такой встречи. Подождал... Выходит он из парка, я — за ним. Лениво так, вразвалочку идет... В магазин он завернул, в очередь за селедкой стал. Наблюдаю, глаз не свожу, и чем дольше смотрел, тем больше убеждался, вижу Федора Сотникова, никого иного, как его... Жаль, что в толпе потом потерял. Ходил на другой день в парк, может, думаю, еще разок встречу, но нет, пропал... Разбередил тот Сотников всю мою душу. Ночи стал плохо спать, воспоминания не дают покоя...»

Я недолго задержался в доме Хоренко, спросил Светлану, что отец рассказывал о каком-то Сотникове.

— Да ничего. Раза два упоминал фамилию и всегда при этом хмурился...

Вот с такими новостями я появился в кабинете своего шефа. Полковник выслушал, прочитал письмо Николая

Николаевича, затем надолго задумался, сидя за столом. Мне не положено было прерывать мысли высокого начальства, я покурил у раскрытого окна, за которым стоял погожий майский денек. По улице торопились прохожие; у каждого свои заботы, хлопоты, радости, а у меня — свои в ту минуту не совсем определенные надежды...

Полковник, наконец, сказал:

— Тебе, капитан Болатов, надо съездить в Кисловодск. Адрес Попова знаешь?

— Да, записал... Санаторий «Заря».

— Вот и отправляйся. Вначале позвони, ну, прямо в санаторий, узнай, проживает ли сейчас там наш уважаемый Иван Петрович Попов. Старый ведь человек, всякое может произойти.

Я так и сделал. Друг и сослуживец Хоренко оказался на месте, так сообщил мне главный врач «Зари». До отхода автобуса в Кисловодск было достаточно времени, чтобы повидаться с Ларисой, предупредить: вечернее наше свидание не может состояться.

Ателье «Березка», где работала Лариса, находилось рядом с подземным переходом.

Лариса, радостно улыбаясь, подала мне руку:

— Вот и я. Слушай, я взяла билеты в театр. Там идет «Доходное место» Островского.

Не хотелось ее обижать, но ведь меня ждал Кисловодск. Лариса капризно надула губки, нахмурила брови:

— Жаль... Тогда я возьму с собой подружку.

«Заря» — обычная железобетонная коробка, построенная для отдыха инвалидов и ветеранов Великой Отечественной войны, типовой проект, лишенный своего архитектурного лица. Я показал свое удостоверение девушке из регистратуры.

— Попов Иван Петрович? Есть такой, проживает...

Она крикнула куда-то через перегородку:

— Анфиса!.. К Попову посетитель пришел. У себя он?

Торопливый ответ:

— Палату убирала... Нету его... Процедуру принимает.

Пришлось довольно долго ждать, развалившись на мягком диване холла, пока за моей спиной не раздалось легкое покашливание:

— Кх, кх... Это... вы ко мне?..

Я обернулся. Передо мной стоял пожилой человек.

— Вы Иван Гаврилович?

— Кх... Я... По...по...в.

Говорил он сильно заикаясь, и я сразу понял, наскольк-

ко трудно будет говорить с человеком, страдающим таким дефектом речи.

— Ччем... ммогу сслужить?

Я вначале объяснил, что приехал от Николая Николаевича Хоренко. Услышав это имя, Попов заволновался, мы вошли в его палату.

Для начала отдал неотправленное письмо Хоренко Ивану Петровичу. Тот, водрузив очки на нос, внимательно и очень медленно прочитал, вдруг произнес без запинки:

— Сотников?.. Федор Сотников! Припоминаю... Был такой стервец в нашем партизанском...

В конце сорок второго в лесах и болотах Белоруссии действовал отряд народных мстителей с грозным названием «Смерть фашистам!». Попов попал в него раньше, чем появился Хоренко, который бежал из концлагеря. Стал Хоренко отличным разведчиком, умным, находчивым, дерзким, и очень близко сошелся с Иваном Петровичем, затем к ним присоединился третий — Федор Сотников, разбитной парень, не унывающий в любых передрягах. Немцы устроили склад в местечке Глинищи. Решено было его взорвать, но для этого требовалось уточнение: какая охрана, сигнализация, в общем все, чтобы операция прошла удачно. Командир отряда послал к складу Хоренко и Сотникова. Ребята должны были вернуться через ночь... А днем партизан окружили фрицы и полицаи. Дрались наши, конечно, отчаянно, но что они могли поделать? Горстка партизан ушла глухой тропой из сомкнутого кольца, и среди них — Иван Попов. У старого дуба наткнулись на окровавленного Хоренко. Перед тем, как впасть в полное забытье, разведчик прошептал:

— Сотников... предатель.

Негодяй ударил его ножом в спину, а сам скрылся. К счастью, рана оказалась не смертельной. Позже Хоренко и Попов воевали вместе, дошли, не разлучаясь, до самого Берлина...

Когда я попрощался и был уже у двери, Иван Петрович остановил меня:

— Ппогодите... минуточку. Вспомнил... Перед разлукой прилетел к нам... в отряд... фото... фотокорреспондент с Большой земли... Снимки для газеты делал...

Иван Петрович запомнил этот эпизод, потому что снимали его самого, Хоренко и Сотникова, как отважных разведчиков. Вид у всех троих был затрапезный, каждый партизан постарался одолжить лучшее из одежды: шапку, кашне, полушубок, чтобы ребята выглядели поопрятнее...

Я спросил Попова, был ли снимок напечатан и в какой газете? Ответ разочаровал:

— Нне знаю... Нне помню... Кажется... фотограф Штильман... Ннет, Гельман... В общем, из Грозного он... Все его «Чеченцем» называли. Точно... из Грозного.

Вернулся я в Нальчик вечером. Окно в кабинете моего полковника светилось. Решил, не откладывая до утра, пойти доложить, что удалось узнать за время поездки. Выслушав, полковник сказал:

— Ну, иди отдыхай. Свяжемся с коллегами из Грозного, пускай разыщут нам фотографа Штильмана-Гельмана и дадут адресок. Если, конечно, «Чеченец» еще жив. Но будем на это надеяться...

5

Утром шофер нашей служебной машины вручил мне записку полковника: «...Отправляйтесь в Грозный. Улица Садовая, номер... В соответственном доме проживает Иосиф Матвеевич Гельман... Постарайтесь вернуться вечером».

Шофер мой неплохо ориентировался в сплетении городских улиц и очень скоро отыскал особнячок, стоящий на левом берегу Сунжи в тени вишневых деревьев. Что-то мне сулит свидание с бывалым фронтовым фотокорреспондентом? Низенькую калитку, проделанную в высокой и глухой кирпичной стене-заборе, открыла девчушка с пышным капроновым бантом, крикнула в глубину двора:

— Дедушка, опять к тебе!

Из этого возгласа я заключил, что Иосифу Матвеевичу скучать не дают частые гости, и только когда очутился в комнате «ожидания», понял, почему это происходит, ведь я попал в настоящий музей: вокруг меня на стенах висели фотографии. И какие! Да, они, редкостные и мастерски исполненные, могли бы украсить любой музей. Я стоял, как завороженный, узнавал знаменитейшие лица, знакомые мне только по книгам и кинофильмам, а Гельман в свое время их просто «щелкал» на пленку для истории.

Так судьба свела меня с человеком, который в войну встречался с прославленными полководцами. В то время это был, безусловно, сильный и смелый репортер, лезший к черту на кулички, в самое пекло, чтобы хотя бы разок щелкнуть затвором своей «Лейки», теперь же передо мной стоял сухонький и маленький старичок, одетый в теплый стеганый халатик, с прожженными химикатами длинными полами.

Иосиф Матвеевич мне понравился, с ним можно было бы проводить в беседах целые вечера, но пришлось прервать его, спросить о том, что меня интересовало. На мой вопрос старый Гельман чуть возмущенно воскликнул, поднял руки, точно верующий еврей к невидимому богу:

— Помню ли я декабрь сорок второго? Эх, молодой человек, такое не забывается. Снимал партизан какого-то отряда...

— Напечатали?

— Конечно, молодой человек. Тогда такие снимки ценились на вес золота... Историю запечатлевали... Не то, что сейчас — по три рубля за штуку. Напечатали в «Красной Звезде», я ведь для нее работал. Помню, как сейчас. Возвращаемся от партизан на Большую землю. Наш «кукурузничек» низко летал... Немцы такую пальбу открыли, что только держись. Пуля мне плечо прошила. Больше месяца потом в госпитале отлежал... Вот и запомнил тот вояж в болотистый белорусский край... Поневоле запомнишь, если и сейчас к ненастной погоде рана в плече дает о себе знать...

Я с надеждой спросил:

— Может, негатив остался?

— Сожалею, конечно, но тут помочь не могу... Но точно помню... Та тройка молодцев-разведчиков попала на газетную полосу... Ищите в номерах за октябрь, ну, позднее, за ноябрь...

Вот с таким напутствием старика вернулся я в Нальчик. Шеф похвалил:

— Рыбку, капитан Болатов, выловили невеликую, с мизинчик величиной, но она может оказаться... той, золотой... В «Красной Звезде» должен быть снимок, где запечатлены разведчики. Вы видели Петра Попова и Николая Хоренко, так ведь? Значит, третьим на снимке должен оказаться тот, кто нам нужен... Федор Сотников.

— Многое ли нам даст фотография? Столько лет прошло! Человек изменился...

— Верно, все мы с годами меняемся. Разные, как говорится, факторы действуют. Одутловатость на лице появляется, расплываются черты лица. Был полным, стал худым от болезни. Худой становится полным, тоже всякие болезни донимают. Образ жизни еще как бросает тень. Нет, всего не перечтешь. Но все-таки, все-таки остается что-то... Вспомни, узнал же Николай Николаевич Хоренко в парке Сотникова. Значит, тот, конечно, изменился, но не настолько. Признал ведь?

— Мог и ошибиться.

— Да, но вот ведь какое совпадение... Встретились два заклятых врага: один горит жаждой мести, другой смертельно боится разоблачения... Встретились и — мирно зазошлись. А потом? Потом — озеро...

Через неделю я вновь оказался в кабинете полковника. Перед ним лежали два пакета в черных конвертах. Он раскрыл один, вытащил фотографию, протянул мне:

— Посмотри на этого бравого молодца.

Снимок был четким, видимо, делал его мастер своего дела в спокойной обстановке, не торопясь. На меня глядел, как обычно смотрят в объектив аппарата, молодой, чисто выбритый человек в мундире обер-фельдфебеля гестапо. Все на нем было с иголочки, любовно подогнаны погоны, воротничок застегнут, пуговицы начищены до блеска. Это был сильный парень: широкие плечи, крепкая шея; само лицо, спокойное и довольное, дышало уверенностью, но в нем угадывалось что-то темное, жестокое... Может, мне так показалось: действовал гестаповский мундир.

Полковник серьезно спросил:

— Познакомились? Тогда пойдем дальше.

Из второго пакета он вытащил пять снимков, развернул их передо мной веером:

— Внимательно смотри!

Четыре я отложил в сторону, потому что на них были изображены три танкиста, два сапера с миноискателями, а вот на последнем задержался, поднес поближе к глазам, чтобы повнимательнее рассмотреть. Полковник подал мне лупу, посоветовал:

— Не торопись!

Слева стоял, чуть улыбаясь, Николай Хоренко; я не мог ошибиться, узнал, потому что видел множество его фотографий в семейном альбоме; второй — Петр Попов... Конечно, от нашего свидания, когда бывший партизан сидел на санаторной кровати, и до этого снимка, ох, сколько времени прошло, но я его узнал... Третий, так долго нами разыскиваемый, был Федор Сотников, для которого бойцы отряда собирали самые добротные вещи: на нем была кубанка, лихо заломленная на затылок. М-да, Федор Сотников! Я схватил фотографию обер-фельдфебеля, сравнил. Точно!

— Сотников!

— Верно угадал. Вот полюбуйся, что прислали нам из Центра.

Я взял бумагу, прочитал: «Военный преступник Иван

Козодуб (настоящая фамилия), он же — Николай Крушко, Петр Стрельник, обер-фельдфебель гестапо, разыскивается с мая 1945 года. В настоящее время местонахождение неизвестно...»

— Что теперь делать, товарищ полковник?

— Размножим фотографии... Передадим милиционерам, пусть узнают. Должен же этот оборотень Сотников... тьфу! этот чертов Иван Козодуб появиться где-нибудь. Если, конечно, подлец продолжает жить в Нальчике, как видно по письму покойного Хоренко. Теперь у меня нет никакого сомнения, что Козодуб — Сотников убил Николая Николаевича. Убрал свидетеля...

Я вздохнул и, словно бросаясь в холодный омут головой вниз, произнес:

— Не надо ничего предпринимать, товарищ полковник. Кроме одного, прикажите лейтенанту Кутуеву арестовать преступника... Вот его нальчикский адрес и... новая фамилия...

Я рассказал обо всем, что знал по этому делу.

Полковник подал мне досье на Ивана Козодуба, присланное из Центра. Из него я узнал, что отец его — бывший кулак, рьяно дрался за свои права против Советской власти. Сынок пошел по стопам родителя. В общем, обыкновенная история для подобного рода людей. В первом же бою сдался немцам, а уже далее пошел по накатанной дорожке. Фрицы стали использовать Козодуба на ответственных заданиях, обычно посылали в партизанские отряды, чтобы, все разузнав, передать их в лапы гестапо. Так он и поступил с белорусским отрядом, в котором находился Николай Хоренко...

Наконец, дверь раскрылась, и в кабинет вошел лейтенант Кутуев. Он сопровождал... Семена Гавриловича. Старик был понурым, еще более сгорбленным; цвет лица нездорово-отечный, а само оно — испуганное, но, увидев меня, он выпрямился и как будто обрадовался, шагнул к столу, за которым я сидел, протянул дрожащую руку:

— Ну, слава богу, свой человек... Здравствуй, солдат... Хм, извини, товарищ капитан. Что все это значит? Сижу дома... и раз! Есть от чего растеряться... Сесть можно? А то у меня ноги дрожат.

Я кивнул старику на стул.

— Может, все-таки, дорогие товарищи, объясните, почему меня арестовали?

Я подал старику снимок, где он был снят в мундире обер-фельдфебеля:

— Узнаете себя?

Он как будто сжался в кулак.

— Расскажите, как вы убили Николая Николаевича Хоренко.

Он тихо ответил:

— Я... Я его не убивал.

— Тогда я скажу... Вы встретили бывшего партизана в городском парке! Так? Он узнал вас, человека, который его чуть не убил. Да и вы сразу признали Хоренко. Потом?.. Потом Николай Николаевич следил за вами, а вы — за ним. Не составляло большого труда узнать, где он живет. А дальше все просто. Вы познакомились с соседом Хоренко, дядей Сашей. Он вам сказал, что в праздничный день Хоренко собирается рыбачить на озере Узун. Все верно? Затем, когда появился у берега Николай Николаевич, вы ударили его камнем по затылку...

ВОЗМУЩЕННЫЙ СТАРИК

Я возвращался в редакцию из очередной командировки. Ехать на автобусе по тяжелой извилистой горной дороге пришлось долго. Окна были залеплены грязью, и это как бы отделяло нас от всего внешнего мира. Мои попутчики, все, в основном, знакомые друг с другом, вели неторопливую беседу. Можно было подумать, что они не в дороге, а в уютном застолье. Молчал лишь я, так как не был знаком ни с кем из присутствующих, и сидящий рядом со мной древний старик. Громадная белая борода закрывала всю его грудь, слезящиеся глаза были похожи на выцветшие под дождем камешки, и лишь орлиный нос с горбинкой напоминал о былой силе.

Если кто-то обращался к моему соседу с вопросом, он отвечал односложно и нехотя, казалось, все его внимание было сосредоточено на большом алюминиевом бидоне, который он держал на коленях. На одном из особенно крутых виражей — дорога изобиловала головокружительными подъемами и спусками — водитель резко затормозил. От неожиданности в автобусе все пришло в движение, старику, видно, с трудом удалось удержать и равновесие, и свой бидон на коленях, но крышка с него все же соскочила и покатилась по полу вдоль сидений. Я бросился за ней вдогонку, подобрал и отдал хозяину.

— Спасибо,— сказал мне на это сосед и снова умолк. Но через минуту обратился ко мне:

— Вижу, молодой человек, ты не из нашего ущелья?

— Да, я из города, приезжал по делам, теперь тороплюсь обратно.

— Что за дела привели тебя к нам, если не секрет?

— Я корреспондент газеты, мне нужно было...

— Корреспондент, говоришь? — И я услышал в голосе старика настоящую заинтересованность. — Если ты на самом деле корреспондент, то именно ты мне и нужен.

— Пожалуйста, дедушка, я слушаю вас.

— У меня есть великая жалоба,— начал старик,— но сначала давай познакомимся. Я Мухаммат Саубаров.

— Меня зовут Ахмат.

— Вот и хорошо, я не забуду твое имя. В нашем роду одиннадцать Ахматов, ты будешь двенадцатым, только выслушай меня и помоги.

Я улыбнулся и кивнул головой в знак согласия.

— Давно хотел пойти в редакцию,— продолжал старик,— но в мои почти девяносто лет все очень сложно.

— Видимо, вас кто-то обидел, дедушка? — вежливо перебил его я.

— Если бы только меня, а то весь наш аул обидели. Как ты думаешь, куда и зачем я сейчас еду?

— В город едете, к дочке или сыну, наверное.

— Нет у меня ни дочки, ни сына в городе.

— Ну, тогда к знакомым или к родным.

— Не мучайся, все равно не догадаешься. Я еду в город за молоком. Вот так два раза каждую неделю, с этим бидоном. Мне обязательно нужен айран. Я без него не могу жить, а айран без молока, как известно, не приготовить, вот и приходится...

— За молоком из аула в город? — изумился я. — Но у вас же должна быть корова.

— В том-то и дело, что ее у меня нет. Ты рассуждаешь верно, раньше даже две коровы были. Но у руководителей нашего района, видно, ум короткий. Не понимают, что крестьянину нет жизни без скотины. Если ты корреспондент, послушай, что я расскажу, тебе об этом знать не помешает.

И вот какой рассказ я услышал.

— В шестидесятые годы,— начал старик,— всех коров у нас забрали. Было решено, что люди будут получать молоко от колхоза. Но откуда колхоз может столько молока взять, чтобы восемьсот дворов обеспечить да еще государственный план выполнить? Вот спроси тех, кто сейчас в автобусе, зачем люди в город едут? За мясом, за

молоком, за маслом. А раньше каждую неделю моя жена в этом самом бидоне возила на рынок топленое молоко продавать. Теперь же все наоборот. Если ты корреспондент, напиши об этом в газете, пусть до Москвы дойдет.

Старик замолчал, казалось, он о чем-то глубоко задумался.

— Но ведь теперь вы снова можете держать корову, никто возражать не будет? — обратился я к нему.

— Отвыкли,— услышал я в ответ. — Я уже старый, ни у меня, ни у жены нет сил ухаживать за коровой. А дети, внуки — разбежались, кто куда, Уверен, если бы у нас во дворе была скотина, кто-то из них наверняка остался бы дома. К корове с детства привыкают, она затем к дому привязывает. А теперь уже все отвыкли. — И он снова тяжело вздохнул. Я чувствовал, что в душе старика кипит горькая обида.

— В тридцатые годы, когда организовывали колхоз, только в нашем ущелье около полумиллиона овец было,— старик снова заговорил со мной. — А теперь во всей нашей республике и половины не насчитаешь. В чем дело, как это объяснить? Неужели мы, горцы, потомственные скотоводы, работать разучились? Я помню, как буквально на камнях сады выращивали, огороды... А теперь вот с бидоном в город ездим.

Тем временем автобус подобрался к городскому автовокзалу. Старик тепло попрощался со мной и побрел в сторону базара. Я же отправился в редакцию, но перед глазами так и стояло растроенное лицо и слышался печальный вопрос: «Неужели мы, горцы, потомственные скотоводы, разучились работать?»

ЗЯТЬ

Эту историю, еще когда я был маленьким, рассказал мне мой дед.

...В одном из аулов Большого ущелья жил старик по имени Каншау, он пользовался уважением и почетом среди своих односельчан. Во-первых, потому, что был человеком мудрым, справедливым и веселым. А во-вторых, была у Каншау дочка — красавица Салима. И многие молодые парни старались угодить отцу ради того, чтобы внимание на них обратила дочь, все рвались в женихи. И пока Салима училась в Ростове, в медицинском училище, ее послали туда, чтобы было кому работать в новой сель-

ской амбулатории. Каншау не давали скучать. На ныгыше [1] он всегда — первый гость. Вот и ходит старый Каншау весельчаком, залихватски заломив набок свою высокую бухарскую шапку.

Да и сам Каншау старался, как мог, быть полезным людям — присматривал в колхозе за овцами. Впрочем, и тут парни всегда стремились ему помочь, а больше других старался соседский сын Хасан. Он Каншау и дрова наколет, и сено поможет накосить да домой доставить. Не курит, не пьет, лишь бы отцу красавицы Салимы понравиться. А Каншау уже давно решил, что ему зятя лучше, чем Хасан, не нужно. Осталось только приезда дочки с учебы дождаться, тогда и свадьбу играть можно.

Старик был неграмотным, поэтому письма, которые он получал от дочери, ему всегда читал Хасан, ему же Каншау диктовал и свои послания Салиме. Так и в тот раз. Стоило старику увидеть почтальона у своих ворот, он тут же стал искать взглядом Хасана на соседней усадьбе. Не терпелось скорее узнать новости, о которых писала дочь. Тем более, что домой ее ждали уже буквально со дня на день. Тем временем Каншау сам машинально распечатал конверт, и в руках у него оказалось не только письмо, но еще и фото, на котором Салима была снята вместе с каким-то незнакомым парнем.

В этот момент как раз и показался Хасан.

— Иди сюда,— обрадованно закричал ему Каншау.— Письмо от дочки,— он помахал в воздухе конвертом,— давай побыстрее прочитаем, узнаем, что она пишет, когда приедет.

Хасан мигом перемахнул через забор, взял из рук старика письмо и начал читать вслух:

— «Дорогой отец! Твоя дочь шлет тебе большой привет. Не могу передать, как я соскучилась по дому. Отец, учеба моя закончена, и я скоро приеду. Пожалуйста, отнесись терпимо к той новости, которую я сейчас сообщу тебе, не осуждай меня. Я вышла замуж, и приедем мы вдвоем. Пожалуйста, встреть нас...»

Хасан, прервав чтение, вопросительно взглянул на Каншау, не объяснит ли тот ему, в чем дело и что это выкинула Салима. Но одного взгляда на старика было достаточно, чтобы увидеть, что он сам не свой, и эта новость для него столь же неожиданна, как и для соседа.

---

[1] Ныгыш — место, где люди собираются развлечься и обменяться новостями.

— Что, что она пишет? — заикаясь стал переспрашивать Каншау. — Что значит «вдвоем»? Почему ты перестал читать, что она пишет дальше?

— Салима пишет, что вышла замуж,— мрачно ответил Хасан. — Вышла замуж за русского, зовут Борисом. Скоро приедут в аул вместе. — С этими словами Хасан сунул письмо Каншау в руки, резко повернулся и ушел.

— Русский? Русский, говоришь? — бессвязно произносил старик вслед удаляющейся спине соседа. Еще несколько минут он простоял у изгороди, не в силах отойти от нее: сдавило сердце, перехватило дыхание, ноги стали ватными — старик не мог сделать ни шагу и лишь бессвязно повторял:

— Что он говорит? Моя дочка вышла замуж за русского? Нет-нет, это ложь... Салима никогда так не поступила бы, она по-другому воспитана. — Он снова взглянул на фотографию, которую продолжал держать в руках. — Этот парень ее муж? Никогда не поверю.

Собрав все силы, Каншау медленно поплелся к дому. Вошел, прилег на лежанку и прикрыл глаза. А тем временем весть, что Салима вышла замуж за русского, быстро облетела село. Вечером в дом Каншау явился разъяренный Тембот-эфенди.

— Твоя дочь опозорила не только себя, тебя и весь ваш род, но и весь аул,— грозно кричал он, брызгая слюной. — Да проклянет аллах твое потомство! — У старика даже не было сил шевельнуться и что-то произнести в ответ на эти угрозы.

— Где это слыхано, чтобы мусульманка выходила замуж за гяура[1]! — продолжал злобствовать эфенди. — Ты стал таким грешником, Каншау, что теперь только ад сможет принять твою душу. Ты можешь больше не делать намаз и не соблюдать посты, все равно не поможет. Ад ждет тебя, только ад. — Произнеся эти слова, эфенди, громко хлопнув дверью, выбежал из дома.

Глаза Каншау наполнились слезами:

— Ах, дочка, дочка,— говорил он про себя. — Какой святотатственный поступок ты совершила. Так опозорила мое имя и мою седую голову на старости лет. Что же мне теперь делать? Я не смогу в родном селе взглянуть в глаза не только взрослым, но и детям. О, аллах! Зачем я дожил до этого дня?

Как будто кладка старой дряхлой стены, разрушились

[1] Гяур — иноверец.

мечты Каншау в тот миг, когда почтальон принес злополучное письмо. Он так ждал: вернется дочь с учебы, выйдет замуж за соседского сына Хасана, будут они жить все вместе, он будет помогать растить маленьких детишек, которые родятся у Салимы и Хасана, а после смерти его похоронят в соответствии с обычаями народа. Теперь эти мечты развеялись, словно пепел от вчерашнего костра.

Каншау перестал выходить из дому: и сил не было, и людям стыдно в глаза смотреть. А Хасана, который раньше по десять раз в день стучался в дверь старика и все норовил чем-нибудь помочь, как ветром сдуло. Да и многие в ауле теперь забыли дорогу к дому Каншау, даже его близкие родственники. Видно, испугались воплей и проклятий Тембота.

Не осталось в селе ни одного дома, куда бы не забежал Тембот-эфенди.

— Пойдите и плюньте в лицо Каншау за тот грех, что совершила его дочь. Она опозорила всех нас — вышла замуж за гяура,— требовал он от людей. Но много было и таких, кто не воспринимал эти слова всерьез.

— Полюбила, вот и вышла замуж,— рассуждали люди, и тогда эфенди разражался проклятиями и в их адрес.

Прошло три дня. Это были самые черные дни в жизни Каншау, сравнить их можно только с тем временем, когда умерла жена, мать Салимы. Он так ослабел, будто целый год пролежал в постели. Один раз Каншау решил все же сделать попытку подняться, но тело было таким тяжелым, будто он весь день, как Сизиф, таскал и ворочал громадные каменные глыбы. В этот момент дверь дома приоткрылась и послышался голос:

Сначала Каншау подумал, что он бредит, близок к
— Отец, ты дома?
смерти, и ему мерещатся голоса.

— Борис, здесь так темно, ничего не видно. Дай мне быстрее спички. Не пойму, здесь ли отец.

После этой длинной фразы Каншау, наконец, осознал, что голос ему слышится не во сне, а наяву, и принадлежит его родной дочери Салиме. Но подняться и поприветствовать ее у него не было ни сил, ни желания. Он дал себе слово впредь никогда не разговаривать с ней. А услышав, как она произнесла имя Бориса, пообещал себе это еще раз. Если раньше в его душе теплилась хоть какая-то надежда, что все, о чем написано в письме, ошибка или же просто глупая шутка, то теперь и эта надежда угасла, и по лицу потекли слезы.

Наконец, Салима сумела зажечь свет. Увидев лежащего без движения отца, она бросилась к нему:

— Что, что с тобой, почему ты плачешь? — с болью в голосе стала спрашивать девушка. Ничего не понимавший Борис так и остался стоять у двери. Еще в дороге он спрашивал у Салимы:

— Как, чтобы не нарушить ваших обычаев, я должен поздороваться с твоим отцом? Могу ли я его обнять или надо только пожать руку?

— Можешь даже поцеловать,— весело ответила ему на это Салима. Но при виде лежащего без движений, плачущего старика Борис совсем растерялся.

— Ты опозорила меня, дочка,— наконец, выговорил Каншау.

— Отец, честное слово, я не сделала ничего плохого. Не говори так, не разрывай мое сердце,— стоя на коленях у лежанки, умоляла Салима. Тут и Борис понял, в чем причина трагедии.

— Отец, салам алейкум! — С этими словами он подошел к Каншау. Старик приподнялся на одном локте, услышав эту фразу.

— Алейкум салам! — ответил он и добавил: — А я думал, что ты русский.

— А я и есть русский,— сказал Борис.

— Как это русский, почему тогда здороваешься помусульмански? — Брови Каншау недоуменно нахмурились.

— Меня научила Салима. И кроме того, она мне уже рассказала о вас столько хорошего, что я стал мечтать, чтобы вы и меня считали своим сыном, отец. — Произнеся эти слова, Борис на мгновение замолчал, а затем добавил:

— Я ведь круглый сирота. Когда мы с Салимой решили пожениться и она рассказывала мне о вас, я стал считать, что нашел не только жену, но и отца.

— Сирота, говоришь? — только и спросил Каншау.

— Да, родителей во время гражданской войны убили белые...

— Меня самого однажды белые чуть не убили,— произнес задумчиво Каншау. И вдруг, неожиданно повеселев, обернулся к дочери:

— Проголодались, небось, с дороги, да и я давно ничего не ел. Растопила бы печь, пускай весь аул видит, что очаг в доме Каншау еще не потух.

* * *

Это была пора больших и серьезных перемен в жизни горных балкарских сел. Жизнь подарила горцам немало чудес, самым удивительным из которых было электричество, хотя провести его в горы совсем непросто. И тут оказалось, что односельчанам Каншау очень повезло: ведь Борис по специальности был мастером-электротехником. Он подошел к председателю колхоза и заявил, что просит поручить это дело ему. Председатель обрадовался так, будто аллах послал ему Бориса в подарок.

Все силы и время Борис отдавал порученному делу. Салима стала работать в сельской амбулатории, не зря она закончила курсы медицинских сестер. В их доме были мир и порядок. И все же на первых порах многие поглядывали на них косо, по привычке распуская грязные слухи. Больше же всех, естественно, старался Тембот-эфенди. Если бы только это было в его силах, он изгнал бы Салиму с Борисом из аула. Вот уж кто всегда был против света! Но не он теперь в селе главный, не к его словам прислушиваются люди.

Легко стало на душе у Каншау, зять ему нравился. Каждый вечер он с нетерпением ждал прихода Бориса с работы. Молодой человек хорошо разбирался во многих вещах и поговорить с ним всегда было интересно. Однажды Борис сказал:

— Отец, я не знаю многих ваших обычаев и, наверняка, что-то делаю не так. Обясните, научите меня, пожалуйста.— От этих слов сердце старика растаяло окончательно, и он уже не на словах, а на деле стал считать зятя родным сыном. По-прежнему, лихо заломив на одно ухо, носил Каншау свою бухарскую шапку, снова сдалался завсегдатаем на ныгыше. Он гордился тем, что от его зятя, в первую очередь, зависел электрический свет в селе.

Борис работал даже лунными ночами, чтобы как можно быстрее выполнить порученное ему дело, приблизить долгожданный праздник. Добрался он в один из дней и до дома Тембота-эфенди.

— Мне не нужно ваше дьявольское электричество, убирайтесь отсюда подальше,— закричал тот и не пустил мастеров даже во двор.

В один из осенних вечеров в селе, наконец, зажегся долгожданный свет. Окна всех домов радостно сияли, кроме жилища Тембота. Оно стало как бы символом прошлой темной жизни.

* * *

Когда однажды по служебным делам мне довелось приехать в то село, сразу же вспомнилась история, слышанная в детстве от деда. Захотелось взглянуть на Салиму и Бориса, ведь я, хоть и заочно, был знаком с ними почти всю мою жизнь.

— Э, да тебе повезло,— сказали мне люди, у которых я стал расспрашивать о тех, кого хотел увидеть. — Они сегодня еще одну дочку замуж выдают, иди, будешь желанным гостем в их доме.

Борис и Салима встретили меня приветливо. Они, оказывается, помнили моего деда. Вместе мы погрустили о том, что ни его, ни старого Каншау — отца Салимы уже нет в живых. Я не мог в тот счастливый для них день долго отрывать их от дел своими разговорами и поэтому скромно сел в сторонке. Мне было приятно незаметно наблюдать за этими уже немолодыми людьми. Несмотря на возраст, в их глазах сиял такой же яркий свет, какой принес в свое время в горный балкарский аул русский мастер-электрик Борис.

ПРЕРВАННАЯ ЛЮБОВЬ

Курсы шоферов окончил я перед войной, начал работать в Нальчике, на автобазе. Были тогда такие машины — «полуторки» — ГАЗ АА. Вот и досталась мне одна с помятой кабиной, побитым кузовом и стареньким мотором, который имел обыкновение сам собой без видимых причин и совершенно неожиданно глохнуть. Потом он долго не заводился. Но все же была она на ходу. Машина дрянная, но первая и любимая.

Однажды возвращаюсь я из Армавира, за грузом ездил. Жарко. Начало лета. Дорога плохая. Все открыто, чтоб продувало, но дышать все равно нечем. Пыль. Сидение протертое, продавленное и жесткое. Я крепко держусь за баранку, ерзаю и изгибаюсь, как капризный ребенок, чтобы головой кабину не протаранить. Баранка в руках, как девушка, дрожит и вырывается. Устал я порядком за два дня. Ночь прогулял зазря в Армавире, и тяжелые свинцовые веки закрывают глаза, хоть спички вставляй. Дорога скучная и пустынная. Когда нажимаешь на газ, мотор полуторки жалобно завывает. Надо покемарить, а то так и к богу в гости приеду. Остановил я

машину, головой потряс, на обочине стояла девушка, а я ее и не заметил. Надо же, как бывает.

— С самого утра вас дожидаюсь,— сказала она и села в кабину рядом со мной. Была она молодая и красивая. Сон как рукой сняло.

— Неужто с утра ни одна машина не проезжала? — спрашиваю я.

— Проезжать-то проезжали, да не всякая подходит, шоферы — они разные. Все больше с глупостями пристают. А я этого не люблю,— ответила она и краешком глаз на меня посматривает.

Лично я против глупостей ничего не имею, даже очень не против. Но доверие обманывать не стану.

— Куда поедем? — серьезно спросил я, будто меня специально за ней прислали.

— В Нальчик,— удивленно говорит она. — А вы разве не туда едете?

— А вы там живете?

— Да.

— Ну тогда поехали,— все также серьезно говорю я.

Не проехали мы и ста метров, как мотор заглох, и машина остановилась.

— Это все из-за меня,— сказала девушка.

Я не понял и удивленно посмотрел на нее. Она улыбнулась и, повернув ко мне голову, сказала:

— А так бы уже далеко были, все ехали бы и ехали...

Я взял заводную ручку и вылез из кабины. Я знал, я чувствовал, что она смотрит, оглянулся. Она мгновенно отвернулась, и я уловил легкое движение губ. Долго не мог завести мотор. На девушку поглядываю, она — на меня. Но глазами стараемся не встречаться. Наконец, схватило, мотор потарахтел и, довольный, заурчал. Поехали!

— Это все из-за меня... — опять говорит девушка. Все улыбается, улыбается. Нравлюсь я ей — это точно.

— Учитесь,— спрашиваю я,— или работаете?

— Учусь,— говорит,— в техникуме.

— А наши, ну, из республики, есть?

— Есть,— говорит,— и немало.

— Неудобно,— говорю,— получается. Разговор у нас хороший, а как кого звать-величать неизвестно. Вас как зовут?

— Кюлюстан. А вас?

Я назвался. И имя и фамилию сказал и что шофером работаю, будто и так не ясно, что не академик. А потом

повторил про себя: «Кюлюстан, Кюлюстан!» Что это за чудо на дороге нашел! И стало так хорошо...

Когда мы въезжали в город, смеркалось.

— Большое спасибо, что довезли,— сказала она.

Помялась, но денег не предложила. Я вышел из кабины, думая помочь ей, но она легко спрыгнула с подножки. Я только ее руку поймать успел. Она ее чуть подергала, подергала, да так и оставила.

— Кюлюстан,— говорю я ей,— не знаю, что со мной, но надо бы увидеться. Давай завтра утром.

Она улыбается. А я ее руку, как маленькую птичку, в ладони держу.

— Завтра я в Чегет еду, к тете, неделю там буду...

— Значит, через неделю на этом месте, в девять утра.— И разжал руку, птичка тут же упорхнула. И Кюлюстан уже весело помахала мне рукой с другой стороны улицы. И исчезла, растворилась в сумерках, будто и не было.

Ночь я спал плохо, мне приснилась Кюлюстан, я проснулся. В окно лился лунный свет. Ясная полная луна превратилась в лицо Кюлюстан. Я взглянул на часы, но опять увидел ее. То ли в стекле отражалась луна, то ли сами часы явили мне Кюлюстан. Прислушался: часы не шли. Я в отчаянии подумал: «Еще целую неделю».

На следующий день было воскресенье. Я походил по городу, поискал ее. Конечно, она уехала к тетке. И все же, кто знает?

Я возил со станции на стройку цемент, мотор часто глох от жары, от пыли, от цемента, от скверного характера и еще бог знает от чего. Строители простаивали, нещадно ругались. До обеда успел сделать только два рейса. Только сел пообедать в столовой на вокзале, как кто-то закричит: «Война! Война началась!» Я вместе со всеми выбежал. На привокзальной площади черный репродуктор сначала оглушительно харкнул, а потом прохрипел: «22 июня фашистская Германия вероломно напала на нашу Родину...» Все стояли, оцепенев, наступила гробовая тишина, только громко билась о камень уроненная кем-то миска, мешая слушать, пока на нее не наступили ногой.

Осенью я должен был идти в армию, и меня призвали одним из первых. Уже на следующий день пришла повестка. Мать стала часто плакать.

— Ну что ты,— говорил я ей,— я скоро вернусь. Вот

разгромим фашистов... — И победно смотрел на сестренку.

Я был возбужден, как перед началом интересного, заведомо успешного дела, но про Кюлюстан я помнил. Она уже жила во мне, подобно любимой мелодии.

Назавтра был сбор и отъезд, за день до назначенной встречи. Я безнадежно искал Кюлюстан, приходил на условленное место и опять искал, не зная ни фамилии, ни адреса и вновь возвращался, надеясь, что она тоже ищет меня, но так и не встретил ее.

На вокзале было много народу, что невозможно было различать лица, просто толпа. А может быть, лица людей так изменила война, что все стали похожи. Я уже садился в вагон, когда в метрах десяти увидел лицо Кюлюстан. Если она пришла провожать кого-то другого, то все же проводила она меня. Она тоже увидела и вся устремилась ко мне.

— Кюлюстан! Кюлюстан,— закричал я — Адрес! Скажи, адрес!

Сзади меня толкали, запихивали в вагон, Кюлюстан никак не могла пробиться ко мне, тоже что-то кричала, но стоял такой шум, что невозможно было ничего разобрать. Только на ее лице посверкивали слезы отчаяния и беззвучно открывался рот. Эшелон тронулся, в наступивший миг тишины мне послышалось: «Я буду ждать!» И тут толпа закричала, побежала, догнала движущиеся вагоны, а потом медленно стала отставать.

В вагоне веселый солдат фальшивя играл на гармошке. Мне стало не по себе.

— Друг,— вдруг надрывно попросил я,— сыграй лезгинку!

Стоящие рядом солдаты засмеялись. Но тот сразу заиграл, стали хлопать, я начал плясать, плясал долго от души, до изнеможения.

После войны, демобилизовавшись, я заехал в Нальчик. Город пострадал от войны. На месте нашего дома стояла одинокая голая стена. Больше ничего не было. Место мне показалось пустынным и заброшенным. Заглянул я на автобазу. Как только вошел, увидел знакомого кабардинца. Он стоял у стены на костылях, без ноги и курил.

— Здравствуй,— сказал я ему. — Ногу где оставил?

— Под Ленинградом,— неохотно ответил он. — А ты, значит, жив, здоров.

— Как видишь,— ответил я.

Он неприязненно посмотрел на меня.

— А ты зачем сюда пришел? — будто подозревая меня в чем, спросил он. — Ваших теперь здесь нет,— добавил он и сплюнул. Я пожал плечами, повернулся и ушел, думая о том, что в Ленинграде был и я, возил по льду Ладоги хлеб и снаряды.

Через несколько дней я уехал в Казахстан к матери и к сестре, которых туда выселили. На душе было муторно, будто меня обманули или обокрали. Только встретив родных, я постепенно успокоился, стало не до переживаний. Надо было зарабатывать на жизнь, кормить мать и сестру.

Я пытался искать Кюлюстан. Это было очень трудно. В то время я не мог ездить в другие места, где жили балкарцы. Только расспрашивал родственников и знакомых, а потом, когда разрешили, я объездил много мест, но Кюлюстан так и не нашел.

Шли годы, сестра вышла замуж. Я остался с матерью. Она постарела, стала часто хворать. Когда я уезжал в рейсы, за ней ухаживали соседские девушки. Мать хотела, чтобы я женился на одной из них. «Смотри, какая красавица!» — говорила она про каждую из них. Девушки мне нравились, но я так и не женился. Потом мать перестала говорить об этом.

Когда мы вернулись на Кавказ, я сказал себе: «Ну вот, наконец, ты сможешь ее найти!» Но почему-то не спешил искать. Откладывал. Сначала потому, что надо было устроиться на родине, потом надо было подлечить мать, потом не знаю почему. Может, потому что не знал, как приступить к поискам. Но однажды случайно прозвучало на рынке, подобно серебряному колокольчику, в туманном весеннем воздухе имя «Кюлюстан». Я вздрогнул и стал искать, кого так зовут, но вокруг были одни незнакомые женщины, которые пришли на базар за покупками.

Ночью мне приснился Эльбрус, когда я проснулся, я уже знал, куда сегодня поеду. Я вспомнил, как она сказала: «Завтра в Чегет еду к тете», и удивился, что не догадался об этом раньше.

Я стоял на автобусной станции, смотрел на белесое небо, будет дождь или нет, рассматривал только сегодня появившиеся клейкие зеленые листики кустов, подошел к киоску и купил газету, потом опять постоял, потом подошел к другому киоску и купил сигарет. Скоро должен был подойти автобус. Стал собираться народ. И вот, когда я уже садился, почувствовал, что кто-то смотрит на меня, я оглянулся. На меня смотрела полная черноволосая жен-

щина в черном узком пиджаке, который был ей мал, и в синеньком линялом платье. В руке у нее была тяжелая черная дермантиновая сумка, откуда выглядывала белая сморщенная головка чеснока. Она вся устремилась ко мне. Я замер.

— Ну что встал, черт такой,— сказал кто-то.

Меня больно толкнули в спину. Народ напирал. Я слез, сделал шаг в сторону и остановился. Я чувствовал, как остывает кровь и тяжелеет сердце. Стоял и смотрел на бледное, немолодое, незнакомое лицо, пока к женщине не подошел высокий небритый мужчина в кепке.

— Кюлюстан, ну чего глаза вытаращила,— сказал он,— на автобус опоздаем. Идем. — И он увел ее.

Я смотрел вслед автобусу и уговаривал себя: «Нет, это не она. Совсем не похожа. Просто женщина с рынка».

В Чегет я не поехал и Кюлюстан больше не искал.

АСЛАНГЕРИ

Закончилась Великая Отечественная война. Стали возвращаться с фронта те, кто уцелел, остался жив. Всем селом радостно встречали каждого, пришедшего с войны, не было большей радости, большего счастья. Но прошло какое-то время, и мальчишки на улице уже хвастались друг перед другом: «У моего отца два ордена, а у твоего — одни медали». Да откуда им, глупым, знать, какой ценой порою доставались эти медали. Но если бы только дети, а то и взрослые стали считать, что они имеют право осуждать тех, у кого не вся грудь в орденах, обсуждать их да судачить. Одним из таких бывших солдат, вызвавших пересуды, был кузнец Аслангери.

С утра до поздней ночи можно было застать Аслангери в деревенской кузнице. И если вдруг наступал перерыв в работе, он садился на маленький стул неподалеку от горна, закуривал и, казалось, забывал обо всем на свете, думая какую-то свою, одному ему ведомую думу.

— Послушай, Аслангери, многие в ауле говорят, что всю войну ты где-то отсиживался, от тебя ни слуху, ни духу не было. А после Победы — раз и нашелся,— в одну из минут отдыха как-то сказал Аслангери его напарник Далхат. — Правда это?

Взгляд кузнеца изменился, как небо перед внезапным дождем, став хмурым и сумрачным. Сделав несколько за-

тяжек, он резко отбросил в сторону сигарету и подошел к горну.

— Прости меня, я не знал, что ты это примешь так близко к сердцу,— смутился Далхат.

— Знаю, Далхат, знаю. Ты — человек с открытым сердцем. А те, кто пытаются испачкать честное имя,— сами ни что иное, как грязь. — Произнеся эти слова, Аслангери зажал щипцами докрасна раскалившийся железный брусок, а Далхат стал равномерно ударять по нему тяжелым молотком. В тот момент в кузницу вошел двоюродный брат Далхата, он работал секретарем в сельсовете. Кузнецы подумали, что тот пришел просто поболтать с родственником. Но оказалось, что на этот раз его послал сам председатель сельсовета передать Аслангери, чтобы тот срочно пришел в контору. Кузнец удивился вызову.

— Не знаешь, в чем дело? — спросил он посланного.

— Сам не знаю, видел только, что военком приехал из района.

Аслангери, удивленно пожав плечами, начал снимать фартук и мыть руки.

Когда кузнец пришел в сельсовет, оказалось, что его там ждет начальство: и председатель колхоза, и парторг, и естественно, председатель сельсовета. Тут же был и прибывший из города военком. Не ожидая такого представительного собрания, Аслангери нерешительно остановился у двери.

— Проходи, поближе садись,— сказал ему военком, указывая на стул, стоящий на самом почетном месте. — Сюда-сюда, брат.

«Что это они все смотрят на меня, как будто впервые видят?» — подумалось Аслангери.

— Да мне и здесь удобно,— ответил он, присаживаясь у самого края стола.

Военком вынул из портфеля две маленькие коробочки, в каких обычно хранят награды, достал из них два настоящих ордена и начал торжественно говорить:

— Аслангери, двадцать лет тебя разыскивали эти два ордена,— и он подошел к кузнецу. Аслангери стоял бледный и растерянный.

— Только сейчас стало известно, какие геройские поступки ты совершил во время Великой Отечественной войны. И для меня — большая честь,— продолжал военком,— вручить ордена, которые принадлежат тебе по праву. — С этими словами к гимнастерке, в которой Аслангери ходил по фронтовой привычке, он прикрепил два ордена.

— Поздравляю тебя, верного сына Родины!

Когда Аслангери вышел из дверей сельсовета, он увидел, что его поджидает Далхат.

— Ну что, в чем дело, зачем тебя вызывали? — нетерпеливо стал спрашивать он, и в тот момент увидел на груди Аслангери два новеньких ордена. От удивления Далхат не мог выговорить ни слова.

В тот день не осталось ни одного человека в селе, который бы не подошел к Аслангери, чтобы поздравить его, пожать ему руку. Особенно приставали мальчишки.

— Расскажи, дядя Аслангери, расскажи нам, пожалуйста, как ты воевал,— упрашивали они хором. Но, пожалуй, самую большую гордость в тот день испытывал сын кузнеца — десятилетний Салим.

— Вот видишь, у твоего отца всего один орден, а у моего — два,— не в силах сдержать радость, похвастался он одному из приятелей.

— Перестань, бездельник, как тебе не стыдно,— рассердился, услышав это, Аслангери. Но вступилась мать:

— Оставь его, пусть порадуется, сколько они перед ним хвастались отцовскими наградами, а теперь пришла его очередь почувствовать себя именинником, так детское сердце устроено. Кем же ему, как не родным отцом, гордиться?

Но вот этот один из самых счастливых в жизни Аслангери дней с его неожиданной праздничной суматохой, десятками поздравлений и дружеских похлопываний по плечу подошел к концу. Наконец, он остался один на один со своими думами и мыслями. Что только не вспомнилось ему той долгой бессонной ночью...

Зима 1943 года. Покрытые снегом бескрайние поля Украины. Советские войска, освобождая селение за селением, движутся на запад. Даже самое стойкое сопротивление врага не может остановить рвущиеся вперед части нашей армии. Каждый бой, как последний, пули сыпятся, словно град или крупные капли дождя. Вместе со всеми Аслангери рванулся в штыковую атаку. И вдруг что-то, вонзившееся в голову, остановило его стремительное движение вперед, глаза налились кровью, показалось, что в груди запылал костер. Это ощущение — последнее, что запомнилось. Когда Аслангери привезли из медсанбата в госпиталь, он все еще был без сознания. А когда, наконец, пришел в себя, рана стала гноиться, и о том, чтобы немедленно вернуться на фронт — догонять свою часть,— не могло быть и речи. Напротив, его направили в один

из далеких тыловых госпиталей. Так и не суждено Аслангери было узнать тогда, что за мужество и стойкость, проявленные им при освобождении украинского города Ровно, он награжден орденом Отечественной войны.

Но все же он вернулся на фронт, с боями дошел до Югославии и в один из самых последних дней войны снова был тяжело ранен: Аслангери в одном из боев удалось подбить два фашистских танка, но взрывной волной его самого тяжело контузило. Снова госпиталь, и снова судьба распорядилась таким образом, что герой ничего не знал об ордене Славы, которым был награжден за тот бой.

Эти воспоминания перемежались у Аслангери между сном и явью.

— Вот так, Далхат,— вдруг вскочил он,— я не прятался во время войны, я все время шел под пули.

— Экши [1], что с тобой случилось? — проснулась и стала испуганно расспрашивать его жена.

— Неужели я уже стал разговаривать сам с собой? — удивился Аслангери. — Прости меня, сегодня такой необыкновенный день. День счастья, благодарности и справедливости.

ПРОЩАЙ!

Сколько лет уже минуло, как прогремели победные салюты мая 1945-го, а война нет-нет да и опустошит еще чью-то жизнь, перевернет судьбу. Случилось так и со мной...

— До каких пор ты будешь себя и нас мучить? Пройдет еще два-три года, и люди назовут тебя старым холостяком. Позор! Вокруг столько девушек, а ты не можешь выбрать себе невесты. Из-за тебя младшие братья не могут обзавестись семьей [2]. Почти каждый вечер, как я возвращался с работы, мать терзала меня такими разговорами. Мне очень хотелось ее успокоить, но что поделаешь, если я еще не встретил девушки, которую захотел бы назвать женой.

И даже в поезде, увозившем меня от каждодневных хлопот в командировку в Ленинград, я не мог выкинуть из головы материнских упреков. Наверное, она все-таки пра-

---

[1] Экши — обращение к мужу.

[2] По балкарскому обычаю, младшие братья не имеют права жениться, пока не обзаведется семьей старший брат.

ва, если даже мой начальник на работе, сам того не подозревая, тоже коснулся на днях больной темы. Когда он вызвал меня и сообщил, что мне надо ехать на месяц в командировку, то добавил:

— Сам знаешь, у нас все остальные инженеры женаты, поэтому, чтобы не разрушать семей и избежать лишних разговоров, я предложил твою кандидатуру.

И хотя это была всего лишь шутка, она неприятно меня кольнула. Эти мысли не оставляли меня всю дорогу. Но когда, наконец, поезд подошел к перрону ленинградского вокзала и я увидел из окна прекрасные здания, спешащих куда-то людей, мне захотелось влиться в жизнь пока еще не знакомого города.

Устроившись в гостинице и приведя себя в порядок, я быстро отправился в институт, куда был командирован. Там собиралось серьезное всесоюзное совещание, посвященное проблемам освоения новой техники. А после его окончания я должен был еще задержаться в Ленинграде, чтобы овладеть этой техникой уже не на словах, а на деле.

После выступления директора института нам предложили ознакомиться с лабораториями, и мы отправились на экскурсию. В одной из комнат с высокими светлыми окнами я обратил внимание на миловидную светловолосую женщину, она как раз стояла у окна, что-то рассматривая. Каждая черточка ее лица, каждый волосок на голове были словно пронизаны светом. Не знаю, как остальным, а мне в этой картине привиделось что-то чудесное, и на сердце у меня потеплело. Мне захотелось отстать от своих коллег, чтобы белокурая женщина тоже обратила на меня внимание. И действительно, она подняла глаза, но, словно бы почувствовав мой пристальный взгляд, сразу же их опустила. Лицо ее при этом вдруг окрасилось нежным румянцем.

Я вскоре освободился, но вместо того, чтобы вернуться в гостиницу или отправиться на прогулку по городу, как сделали большинство моих коллег, остался бродить по территории института. Я, наверное, не мог себе объяснить, зачем я это делаю, но подсознательно я дожидался конца рабочего дня. Когда двери проходной, наконец, распахнулись, я стал в сторонке, внимательно вглядывался в каждого, кто выходил из них. Вот появилась и та, которую я так ждал. Она и еще две подруги направились к ближайшей автобусной остановке, а я потихоньку пошел за ними. Вблизи она показалась мне еще приятнее: нежное тонкое

лицо, красивая аккуратная прическа и совершенно необыкновенные глаза.

— Ну что, закончился рабочий день? — Я подошел к ним с этим вопросом, не зная, как еще завязать разговор. Подруги очень удивились, а по ее взгляду я понял, что меня узнали. Тут как раз подошел автобус, и мы сели в него все вместе. Через две остановки девушки сказали:

— Кристина, до завтра! — И мы остались вдвоем. Так я узнал, что ее зовут Кристиной.

— Вы впервые в нашем городе? — спросила у меня Кристина.

— Да, и еще совсем не успел с ним познакомиться,— ответил я,— но знаю и вижу, что он очень красив. Надеюсь, за тот месяц, что я проведу в Ленинграде, мне удастся в этом убедиться не понаслышке. — За разговором мы очутились в районе новостроек, и на одной из остановок Кристина сказала, что ей пора выходить. Я поднялся вслед за ней.

Когда мы очутились на улице, она с удивлением посмотрела на меня.

— Постарайтесь понять меня правильно,— пробормотал я смущенно,— но у меня в Ленинграде нет ни одного знакомого.

— И все же до завтра,— произнесла Кристина, махнув мне на прощанье рукой.

Я отсчитывал не то что часы, минуты, и с нетерпением ждал, когда же закончится завтрашний рабочий день. Снова встретив Кристину у проходной, предложил ей:

— Пойдем потихоньку пешком, я посмотрю город.

— Нет-нет, Махмут (к этому времени я, естественно, успел ей представиться),— сказала мне Кристина,— я тороплюсь, у меня ведь дочь-первоклассница.

Я на мгновенье замолк, а потом сказал:

— Ну что ж, если ждет ребенок, тогда, конечно, надо торопиться. — И вместе с Кристиной направился к остановке.

В тот вечер она пригласила меня к себе в гости. Дверь нам открыла щупленькая синеглазая девочка. Она радостно заулыбалась, увидев мать, подбежала и обняла ее.

— Людочка, это — дядя Махмут,— представила нас друг другу Кристина, и я протянул девочке руку.

В квартире было очень чисто, по всему чувствовалось, что у хозяйки хороший вкус. Я уселся в мягкое кресло у окна и не спускал глаз с Кристины. Мне нравилось каждое ее движение, жест, взгляд, интонации голоса.

— Кристина, увидев вас, я потерял покой,— пробормотал я жалобно.

— Ну вот, не нашел больше никого, чтобы обманывать,— попыталась весело отшутиться Кристина. И тут ее взгляд остановился на большой фотографии, висящей на стене, на которой был снят молодой мужчина. Лицо Кристины сразу же стало грустным.

— Кто это? — спросил я.

— Мой муж. В 1943 году он ушел на фронт и так и не вернулся, пропал без вести. Он никогда не видел своей дочери. Мы очень любили друг друга. Вот прошло уже почти восемь лет, а я по-прежнему жду его. — В глазах у Кристины мелькнули слезы.

Я перевел взгляд на вошедшую в этот момент в комнату девочку. Те же черты лица, что и на фотографии, она была очень похожа на своего пропавшего без вести отца. Заметив, что мать расстроена, девочка подошла и нежно к ней прижалась.

В тот вечер мы очень долго разговаривали с Кристиной. Я рассказал ей все о себе. И между нами протянулись невидимые ниточки тепла и взаимопонимания. Теперь я почти каждый вечер проводил в гостях у Кристины, приносил подарки Людочке, и девочка радовалась мне. По воскресеньям мы все втроем отправлялись на прогулку.

— Какая странная жизнь. Кто бы мог подумать, что свое счастье я найду так далеко от дома,— говорил я. — Да-да, Кристина, теперь я не мыслю своей жизни без тебя и без Людочки.

— Знаю точно, я была бы счастлива, если бы вдруг вернулся мой муж, но уже прошло столько лет,— ответила мне на это Кристина. — Когда он уходил на фронт, то сказал: «Не тоскуй, я вернусь», и я все время слышу эти его слова.

Мне были понятны ее страдания и сомнения. Но жизнь продолжалась, и мне так хотелось, чтобы мы были всегда рядом. Завтра заканчивалась моя ленинградская командировка. Я убедил Кристину, что, вернувшись домой, переговорю со своими родными, подготовлю все к свадьбе и вернусь за ней.

* * *

Когда я приехал домой, собралась вся родня, чтобы повидаться со мной и послушать рассказы о том, как живут люди в Ленинграде. Настроение у меня было отличное,

я радовался, старался отвечать на все вопросы. Когда народ, в основном, разошелся, моя старшая сестра Табиат, приехавшая из селения, подошла, взяла меня за руку и потянула в соседнюю комнату. Туда же вскоре пришла и мать.

— Махмут, завтра выходной, мы ждем тебя в гости,— деловито сказала сестра.

— А что случилось, разве завтра чей-то день рождения, что я во что бы то ни стало должен приехать к вам?

Табиат смутилась, но тут вступила в разговор мать:

— Сестра нашла тебе девушку,— сказала она. — Недавно приехала в их аул, работает учительницей. Писаная красавица, я ее уже видела. А какая прилежная... Я уверена, она тебе понравится. — В голосе матери послышалось раздражение, смешанное с угрозой. Она словно бы предполагала, что я отвечу.

— Но я уже нашел себе невесту,— произнес я по возможности спокойно. Слова эти произвели на них впечатление разорвавшейся бомбы.

— Кто она? — наконец, выговорила Табиат.

— Из какого аула? — поинтересовалась мать.

— Она не из наших краев, я с ней познакомился в Ленинграде.

— О, аллах! Скажи, она мусульманка или нет! — беспокойно произнесла мать.

— Нет, но я не променяю ее ни на какую мусульманку.

— Какая она, как выглядит? — стала спрашивать сестра.

Вместо ответа я достал из бумажника фотографию, на которой Кристина была снята вместе с Людочкой.

— А это еще кто? — тут же насторожились и сестра, и мать.

— Это ее дочка,— ответил я.

Тут мать снова возмутилась:

— О, аллах,— простонала она,— неужели ты не мог найти себе невесту без хвоста? Нет, мой сын, этому не бывать. Не унижай себя, не навлекай позора. Если я тебе мать, ты этого не сделаешь.

— Как ты можешь жениться на женщине, которую бросил другой мужчина, да еще с ребенком? — вторила ей сестра.

— Ее никто не бросал,— сердито оборвал я их и ушел на улицу. На этом в тот раз разговор и прекратился. Дни шли за днями, и вот снова к нам приехала моя старшая сестра Табиат.

— Ты еще не выбросил из головы свою дурацкую мысль? — спросила она меня при матери. Я не ответил, а она продолжала в том же тоне. Тогда я сказал:

— Умоляю, если вы хотите, чтобы я имел семью, не мешайте мне, не вмешивайтесь.

И вдруг мать, безразлично махнув рукой, произнесла:

— Пусть делает, что хочет, если он так ее любит. — Я понял, как дорого стоила ей эта фраза, как боролась она с собой все эти дни, чтобы заставить себя произнести ее.

— Кристина очень хорошая, вот увидите,— сказал я им, не скрывая своей радости. В тот день я написал письмо своей невесте: «Дорогая Кристина, поверь, я не в силах описать, как соскучился по тебе и по Людочке. Но скоро мы уже станем одной семьей. Моя мать, наконец, дала на это согласие. Подготовка к свадьбе идет в доме полным ходом, мои братья и сестры подбирают тебе подарки. Кристина, как только уладишь свои дела, напиши письмо или дай телеграмму. Я тут же приеду и заберу вас. До скорой встречи. Твой Махмут».

Отправив это письмо, я с нетерпением стал ждать весточки из Ленинграда.

— Давно стоило послать тебя в командировку,— шутили мои друзья. Но ответа почему-то все не было и не было, и я уже начал нервничать и беспокоиться.

— Ну когда же ты привезешь свою невесту? — почти каждый день спрашивала у меня мать.

И вот, наконец, наступил день, когда к нам в дверь постучался почтальон. В руках он держал конверт, проштемпелеванный в Ленинграде. С улыбкой он протянул его мне, так как уже все соседи были в курсе моих серьезных намерений. Да, это было письмо от Кристины. Чтобы никто мне не мешал его прочесть, я закрылся в своей комнате.

«Дорогой Махмут,— писала моя любимая,— я прошу простить меня, что столько времени не отвечала на твое письмо. Мне было очень нелегко написать этот ответ. Я испытываю по отношению к тебе очень большую признательность и благодарность. Но мое письмо, должно быть, ранит тебя. В моей жизни произошла история, в которую трудно поверить. Однажды вечером я вернулась с работы, и на столе как раз лежало твое письмо. Людочка днем достала его из почтового ящика. Я прочитала и еще раз подумала: как повезло мне, что встретила такого доброго и любящего человека, как ты. И тут раздался тихий стук

в дверь. На пороге стоял незнакомый человек с измученным бледным лицом. Я посторонилась, и он прошел в комнату. И тут словно кольнуло меня, что-то показалось знакомым в его чертах. А Люда, оглянувшись, вдруг закричала: «Папа, папочка!» и бросилась к нему на шею. Да, это был Валерий. Очень длинная история, почему он пропадал столько лет, и в письме пересказать невозможно. Но прости меня, Махмут, и поверь: я счастлива, рядом со мной тот единственный, кого я люблю». И перед глазами у меня возникло улыбающееся лицо Кристины.

«Прощай, моя милая...» — шептал я про себя и погрузился в тьму печали.

НАСМЕШНИК ЧОНАЙ

Юмористические миниатюры

НАШЕЛ ВЫХОД

Было время, когда Чонай не умел читать, но недостаток тот скрывал, хранил в великой тайне. И то сказать — кому придет в голову обнажать свое невежество.

И заметил он как-то в автобусе: почти все читают. Кто книгу, кто журнал, а кто и просто газету. Не желая выделяться из этой читающей толпы, Чонай на ближайшей же остановке купил газету и вернулся в автобус. Сел поудобней, развернул ту газету и стал увлеченно «читать».

— Прости, уважаемый,— нерешительно подсказал сосед, что сидел рядом,— газета-то того, вниз головой. Или, я бы сказал даже, вверх ногами...

Но Чонай был не из тех, кто попадает в неудобное положение и не находит выхода.

— Дорогой мой, как не поворачивай газету, как ее не переворачивай, суть не меняется,— сказал Чонай. И тихо добавил: — Всё врут.

ДЕЛО В БАШКЕ

Одно время Чонай работал обыкновенным продавцом в обыкновенном магазине. И стоило покупателям переступить порог этого популярного заведения, как Чонай начинал жаловаться:

— Ну такой я бедный, такой несчастный, искать будете — подобного не найдете. Просто нищий: дома — шаром покати. Бешеный бык не найдет, что нацепить на рога...

— Послушай, мужчина,— сказала однажды жена.— Почему ты всем говоришь, что мы бедные, нищие и все такое? Слава аллаху, живем в достатке, даже более того.

— Верно это, верно...

— Так в чем же дело?

— А дело в башке, дорогая. В твоей недогадливой башке, которая никак не может понять: если так не будешь говорить, они догадаются, что мы живем... за их счет.

БЕСЕДА С КОРРЕСПОНДЕНТОМ

Не много лет тому назад, когда Чонай работал чабаном, приехал к нему в отару председатель колхоза. А при нем — высокий, худощавый человек в очках и с фотоаппаратом.

— Наш дорогой, уважаемый гость — корреспондент,— сказал председатель,— имеет желание познакомиться с чабанами нашими и их героическим трудом.

Чонай с радостью поздоровался с гостем. Угостил его, для начала, пенистым балкарским айраном. Потом дал понять гостю, что готов отвечать на интересующие его вопросы...

— Уважаемый Чонай, вижу, что вы чрезвычайно заняты — пора ягнения овец. Но все же, скажите, пожалуйста, сколько ягнят получаете от каждой овцы?

— Два-три,— ответил Чонай. Но, поймав тревожный взгляд председателя, добавил: — Бывает четыре и пять. А то и все шесть...

— Как же это? Трудно поверить... — сказал корреспондент.

— Я и сам бы не поверил, если бы не увидел, случайно, конечно, сводку, подписанную нашим уважаемым председателем.

ЕДИНСТВЕННОЕ МЕСТО...

Было жарко. И Чонай, раздевшись донага, прыгнул в прохладу горной речушки. Но тут появились на берегу девушки. Чонай, видя свое сложное положение, бросился

к одежде и прикрыл ею... лицо. Девушки мигом покинули прибрежную лужайку.

Мужчина, издали заметивший Чоная, немало удивился и спросил:

— Послушай, уважаемый, почему ты, увидев девушек, прикрыл только лицо?

— Но ведь это единственное место на человеке, которое может стыдиться и краснеть,— был ответ Чоная.

ЗАГАДКА

Сидели мужчины на ныгыше и от нечего делать стали разгадывать загадки. Был там и Чонай. И когда настал его черед, сказал свою загадку:

— Так вот, уважаемые: они не выросли в позапрошлом году, не выросли и в прошлом. Да и в этом году, наверняка, не вырастут. Что это такое?

Крепко задумались седобородые, почесали затылки черноусые. Много было самых разных ответов, но все невпопад. Одни говорили, что это испорченные семена, которыми Чонай, по глупости, конечно, засеял свой огород. Другие утверждали, что это ум самого Чоная, безнадежно отставший в своем развитии. И все не то... Измучились мужчины и признали свое поражение.

— Это мои волосы,— сказал Чонай, поглаживая свое плешивое темя.

КАК В НАРОДЕ ГОВОРЯТ...

Долго ходил Чонай в летний зной по базарным рядам. Так долго, что во рту пересохло. От жажды, надо полагать. Но помнил Чонай, что ему, истинному мусульманину, исправно соблюдающему уразу, нельзя есть ничего, даже арбуз. Он стоял возле горки полосатых, круглых, больших и малых и, наверное, ужасно сладких... Нет-нет, он уже не мог там стоять и поэтому решил еще походить.

И вдруг он заметил невдалеке знакомого муллу и подошел к нему.

— Дорогой эфенди, держишь ли ты уразу?

— А как же, ведь я — верный слуга аллаха.

У Чоная радостно заблестели глаза. Он тут же купил самый большой арбуз, разрезал его и стал есть с величайшим наслаждением.

— Что ты делаешь, Чонай? Разве ты не держишь уразу?

— Держал. Но теперь не буду.

— Почему же? Ты перестал быть правоверным?

— Потому, что держишь уразу ты. А в народе говорят: «Не делай того, что делает мулла». И поскольку вся мудрость от народа, ты, эфенди, меня извини,— сказал Чонай, с шумом глотая кусок красного арбуза.

УГОЩЕНИЕ ДЛЯ ГОСТЕЙ

Летним вечером в дом Чоная ввалилась толпа нежданных гостей — любителей похарчевать за чужой счет. Чонай принял их приветливо, хотя и без выраженного восторга. Не принято ведь гнать гостей, когда бы они ни приходили. Но, в то же время, у Чоная было сильное желание поскорей избавиться от них.

Когда шумливые самозванцы расселись, предвкушая хорошее угощение, Чонай вытащил самый острый из всех своих ножей и вышел во двор.

«Предстоит сочный шашлык из свежей баранины»,— подумали гости.

Но скоро со двора стал раздаваться очень сердитый голос Чоная. Сердитый и злой:

— Ну вот, подлая скотина, не хотел сам покинуть мир, так теперь, слава аллаху, представился случай помочь тебе!..

Удивленные гости повскакали с мест и бросились к окну. И не поверили своим глазам. Чонай повалил своего старого осла, связал ему ноги и норовился приложить к его шее свой острый нож.

— Что ты надумал, Чонай? — всполошились гости.

— Терпение, гости дорогие, терпение. Скоро я вас знатным шашлычком буду угощать.

— Так ведь — ослятина... Мы не едим...

— А с каких это пор гости стали отказываться от угощения?

— Не надо, Чонай, беспокоиться. Мы ведь зашли только поздороваться. Узнать, как твое здоровье и здоровье твоих близких...— Так гости по одному покинули двор, ушли, не оборачиваясь.

А Чонай, довольный своей находчивостью, ухмыльнулся, отпустил ишака, похлопав по теплой шее:

— Спасибо, старичок, опять ты меня выручил. Долгих тебе лет.

В СЛЕДУЮЩИЙ РАЗ

Чонай встретился на улице со своим приятелем, которого давно не видел.

— Здравствуй, дорогой Хажикурман! Сто лет тебя не видел. И почему ты такой бледный, на тебе лица нет? Уж не заболел ли?

— Было и такое,— ответил тот с заметной обидой в голосе. — Четыре месяца пролежал в больнице. Удалили желчный пузырь, четверть желудка... а ты даже не навестил меня ни разу.

— Прости,— сказал Чонай, не зная как оправдаться перед приятелем. — Но аллах свидетель, случись такое еще раз, обязательно навещу, не повторю своей оплошности.

ОБЕЩАНИЕ

Случилось, у Чоная пропала корова. Уж он искал ее, искал, но не нашел. Тогда обещал выдать свою дочь тому, кто найдет и пригонит корову.

Лихой джигит в годах из другого аула, узнав об этом обещании, стал искать ту корову. Долго искал, исходил горы и предгорья, леса и прилески, но нашел-таки чонаеву корову, пригнал ее во двор хозяина и сказал:

— Ну, Чонай, выполняй свое обещание. Получай свою корову и выдай свою дочь.

— Не спеши, дорогой. Она еще не родилась. Но надеюсь... не останусь в долгу.

УСПОКОИЛСЯ

Утром рано жена Чоная поехала на базар. Но вскоре вернулась и огласила двор криком и плачем. Перепуганный Чонай стал ее успокаивать.

— Что случилось, дорогая? Говори же скорее!

— Упала я, вывихнула руку, ушибла голову... Уой-уой-уой!..

— А я-то подумал, что деньги потеряла,— стал успокаиваться Чонай.

ОТВЕТ НА ТЕЛЕФОННЫЙ ЗВОНОК

Назначили Чоная директором базы. Но никак он не предполагал, как много придется испытать неудобств на

этой должности. Бесконечные звонки не давали ему работать. Работать спокойно и честно. Однако держался.

Очередной звонок:

— Это говорит ваш любимый ревизор,— раздалось в трубке. — Нужен хороший холодильник. Найдется, надеюсь?

— Найдется, конечно, найдется, почему не найдется,— ответил Чонай, хотя и без восторга.

— Нельзя ли узнать марку?

— Можно, конечно, можно, почему нельзя,— сказал он без заметной радости. — Пожалуйста: Асхат, Ахмат, Фатимат, Ибрагим, Харун, Лейла, Шамиль, Шаман, Борис, Катя...

— Погодите, я что-то таких марок холодильников никак не припомню. Наверное, они очень эффективные?

— Чрезвычайно эффективные. Благодаря им у меня в доме не пропадает ни грамма молока. А мяса, так и вовсе...

Проситель понял, конечно, суть ответа и бросил трубку.

О ВРЕДЕ ЛЖИ

Чонай решил воспитать сына-школьника исключительно честным, на редкость порядочным и в высшей мере правдивым.

В один из дней, когда он энергично поучал своего недоросля, в квартире зазвонил телефон.

— Иди, подними трубку,— повелел Чонай своему сыну. — Если кто спросит меня, скажи, что я болен и ушел в поликлинику.

Сын поднял трубку.

— Папы дома нет,— ответил он весьма уверенно. — Он болен и только что ушел в поликлинику. Вернется нескоро. Чем болен?.. У него это, тропическая лихорадка, непроходящая головная боль, морская болезнь, аллергия. А также боли в сердце, голове, печени, желудке, легких...

Сын положил трубку и вернулся к отцу с чувством отлично исполненного долга.

— Что ты там наговорил! — набросился на него Чонай. — И кто тебя научил так бессовестно и нагло лгать? Сколько живу, но не помню, чтобы в нашем роду были такие.

ЧЕМУ РАДОВАТЬСЯ?..

Чонай впервые в жизни купил три лотерейных билета по тридцать копеек. Спустя какое-то время он заметил, как сослуживцы с усердием проверяют свои билеты по тиражу.

Чонай вытащил свои билеты и тоже стал проверять. Два билета оказались «пустышками». Зато на третий попал крупный выигрыш. Сослуживцы окружили Чоная и стали его горячо поздравлять.

— Но почему ты грустный? — спросил один из них.

— Чему радоваться? Шестьдесят-то копеек пропали...

СВАТ

В один из вечеров Чонай оделся, принарядился и отправился к знакомым. Те, верные старым добрым обычаям, приняли его тепло, проводили в гостиную, стали потчевать и слова медовые говорить. Но вопросов не задавали.

— Я сегодня пришел к вам по важному делу,— сам начал Чонай многозначительно и без спешки.— Недаром в народе нашем говорят: сват и врагу брат. Так что вы, наверное, догадываетесь сами...

Услышав такое, еще больше засуетились гостеприимные хозяева, еще теплее стали их улыбки. Нет, неспроста радовались они приходу Чоная, да в таком качестве. Потому как у них была дочь, давно готовая покинуть отчий дом. Но женихи обходили ее, словно боясь обмолвиться любовным словечком. Оставаться же в старых девах она не желала. Оттого и всполошился весь дом, оттого и возрадовалась хозяйская дочь...

Когда Чонай с удовольствием разделался с угощением и выслушал много лестных слов, хозяева тоже дали понять, что с удовольствием послушают теперь его.

— Должен с самого начала сказать, что парень из весьма благородной фамилии. Сам умен и красив, что не является лишним и для джигита. Родители — почитаемые люди, зажиточные. А дом их — скопище добра, как благополучный магазин средней руки... Аллах свидетель, если вы найдете его приятным ко двору вашему, не менее благополучному и зажиточному, юноша будет не только достойным спутником вашей лучезарной дочери, но и весьма уважительным зятем вашим. Сказать по правде, если бы такой джигит сватался к моей дочери, я был бы

безмерно счастлив. Так что пришел я с надеждой на ваше великодушие и согласие.

— Мы, конечно, подумаем, Чонай, но и ты, кажется, еще не произнес имени и фамилии тоже этого дерзкого джигита, сватающего нашу дочь.

— Вашу дочь? — удивился Чонай. — Вашу дочь я ни за кого не сватаю.

— А к чему тогда все эти разговоры? Или ты нам головы морочишь?

— Это, простите вы меня, я так, готовлюсь быть сватом. Кошхабаев Омар решил женить своего оболтуса, а меня послать на будущей неделе к родителям невесты. Вот и хожу, репетирую свою важную роль...

КТО КОГО ОБМАНУЛ?

А это случилось, когда Чонай работал буфетчиком. И пришли утром к нему молодые люди — четверо джигитов.

— Дорогой Чонай, видит аллах, как мы торопимся. Заверни нам пару коньяков. Хотим хорошему человеку в подарок повезти.

— До десяти часов не имею права продавать спиртное,— сурово отрезал Чонай. — И не просите.

— Как же так, наш милый, дорогой Чонай, добрейший из добрых. Сделай для нас исключение. Через час улетает наш самолет. Гора с горой не сходится, а человек с человеком... а?

— Когда, говорите, улетает ваш самолет? — переспросил Чонай.

— Ровно через час!

— Ну, раз такое дело, что поделаешь? Пойду на нарушение правил торговли,— сказал Чонай и продал молодым людям две бутылки коньяка. — Только не подводите меня, никому не показывайте.

Поблагодарив буфетчика, покупатели вмиг исчезли...

Спустя час с небольшим они появились вновь и стали высказывать Чонаю свое беспредельное возмущение.

— А ты, оказывается обманщик. В бутылках-то оказался обыкновенный чай вместо коньяка.

— Это я-то вас обманул? — обрушился Чонай на них. — Вы мне сказали, что ваш самолет улетает через час. А сами до сих пор болтаетесь. Это вы меня обманули, наглецы!

ГОСТЬ

Была у Чоная в прошлом одна скверная привычка заглядывать к приятелям в неурочный час. И чаще всего он навещал дом своего старого друга Шабаза. Вначале Шабаз и его хлебосольная жена встречали гостя радушно, потчевали янтарными балкарскими хычинами, к которым Чонай имел определенную слабость. Но хозяевам эти визиты стали в тягость. К тому же Чонай начал приходить к ним уже не через день, а каждый день. Шабаз и его жена стали просто запираться от чрезмерно назойливого гостя.

В час вечерний к ним постучались. Хозяева замерли, не желая принять частого посетителя. Но стук не прекращался. Из робкого он перешел в решительный, а потом — в громкий.

— Может быть, кто-то из соседей? Что-то случилось? — сказал Шабаз.

— А я думаю, что Чонай,— сказала жена.

— Открой все же, неудобно как-то.

Жена открыла. На пороге стоял улыбающийся Чонай.

— Неужто вы, келин, стали так рано ложиться спать?

— Да н-нет, вроде...

— А я еще с улицы почувствовал запах ваших очаровательных хычинов и не смог мимо пройти.

Хозяева тихо вздохнули, но пришлось накрывать стол. Накормили Чоная, напоили. И очень обрадовались, когда он стал уходить.

— Я все время прихожу к вам вечером и это, наверное, доставляет лишние хлопоты,— сказал Чонай. — Поэтому теперь буду приходить с утра. Ну, прощайте!

НЕ ВОЛНУЙСЯ...

Как-то жена Чоная слегла. Заболела.

— Ох, как мне тяжко,— сказала она мужу. — Боюсь, что мне больше не подняться, а ты станешь одиноким... Бедняжка, как ты без меня жить-то будешь? Ведь пропадешь, точно пропадешь, оставшись одиноким.

— Ну что ты, что ты! Это ты зря беспокоишься, зря волнуешься. Я уже присмотрел себе спутницу жизни,— стал утешать Чонай свою жену.

В ту же минуту, говорят, жена выскочила из постели и с тех пор ни разу не заболела.

ОПРАВДАНИЕ

В день базарный как-то встретился Чонай с одним из своих родственников.

— Чонай, друг мой дорогой, как же это ты не приехал на похороны моей тещи и не выразил соболезнование? — с великой обидой сказал родственник.

Чонай начал оправдываться.

— Знаешь, я очень хотел приехать, и даже собрался было в дорогу, но этот проклятый зуб так разболелся... Разве тебе неведома зубная боль?

— Ты мог бы приехать и потом.

— А потом у меня разболелся левый глаз. Чуть не ослеп я на этот глаз. Не дай аллах испытать такое даже врагу моему и твоему тоже.

— Но ты мог приехать и после этого. Ведь никогда не поздно выразить соболезнование.

— Ты прав, дорогой, но... я не знал, что у тебя умерла теща,— решил снова оправдаться несчастный Чонай.

ДУШЕВНАЯ ОБИДА

Покинула жена Чоная, ушла от него к другому. А Чонай в те годы пас скотину своих аулчан.

Однажды вечером повстречала его бывшая жена и стала ругать:

— Какой же ты пастух, если моя корова каждый день убегает из стада. Почему ты ее не удерживаешь при стаде?

— Как же я могу удержать твою корову, когда даже хозяйку ее не смог удержать? — ответил Чонай с душевной обидой.

ИНТЕРЕСНЫЙ МЕТОД

Чонай как-то долго и вдохновенно работал начальником управления. Однажды его вызвали в трест или, как нередко говорят теперь,— «на ковер».

— Чонай, ты считался — и заслуженно, скажем откровенно,— одним из лучших руководителей нашего родного треста. А теперь твое управление оказалось в числе самых отстающих. Ни дисциплины, ни плана, ни интересных начинаний... Объясника-ка нам причину своего, будем откровенны, падения?

— Все просто,— спокойно сказал Чонай. — Я хочу перейти на более высокую должность.

— Каким это образом? — удивились трестовские начальники.

— Все просто. Нет тут никакого секрета. Вы и сами это знаете прекрасно. Тот, кто постоянно и хорошо работает, рискует остаться на своем месте, как брошенный камень. А кто заваливает работу, его чаще переводят на другое место с повышением в должности. Я бы мог привести много примеров, но, думаю, нет такой необходимости. Сам решил воспользоваться этим интересным методом,— объяснил Чонай. И добавил: — Надеюсь, что скоро и вас повысят. Судя по показателям нашего треста.

ВЫ НЕ ПРАВЫ

В обществе приятелей как-то разгорелся спор о продолжительности жизни. Наконец, один из присутствующих весьма категорично заявил, что мудрые и глубокого ума люди живут меньше, чем остальные.

Молчавший до сих пор Чонай категорически возразил:

— Неверно. Если бы было так, вы сидели бы здесь без меня.

БЕСПОКОЙСТВО ЧОНАЯ

И родился у Чоная сын. Все радовались этому событию. Все, кроме самого Чоная. Он был хмур и задумчив.

Родственники и друзья заметили это и стали стыдить Чоная:

— Ну понятно, ты не должен выражать слишком шумный восторг. Но ведь родился сын, а ты выглядишь, как тот горец, чей последний ишак свалился в пропасть. Разве так можно? Радуйся, Чонай, радуйся.

— А чему радоваться-то? Вот подрастет и начнет шарить по моим карманам и воровать мой табак...

С тех пор, говорят, люди, увидев курящего подростка, непременно спрашивали, не Чонаев ли сын?

ТЕПЛЫЕ СЛОВА

Сосед Чоная работал завскладом импортных товаров и жил себе, как не странно, припеваючи. Он ездил на «Волге» цвета вороньего крыла, семья ела черную икру каждый день на завтрак и ужин. Деньги прятал так да-

леко, что ни одна курица не смогла бы достать. Поэтому его денег куры не клевали.

У него, у этого соседа, случился юбилей, и пригласил сосед своего соседа Чоная. Идти к человеку, которого откровенно презираешь,— это то же, что есть нелюбимое блюдо в большом количестве. Но жена настояла: что люди подумают? С соседом нужно дружить или быть хотя бы в добрых отношениях. Но не пойти к нему в такой день... Словом, Чонай принял приглашение.

Тамада вспомнил о Чонае довольно скоро и предоставил слово.

— Ты, Чонай, самый близкий сосед юбиляра. Скажи слова, от которых ему и всем нам стало бы тепло.

— Шуба, дубленка, фуфайка, ушанка, унты... — сказал Чонай и сел.

НЕ БЕСПОКОЙТЕСЬ!

Как то вечером, возвращаясь с работы, Чонай застал свою благоверную и пятилетнего наследника плачущими.

— Что случилось? Что за море слез? — сказал Чонай.

— Ма-ма-мальчик проглотил монету, уой, что мне делать?! — запричитала жена.

— Какую монету?

— Монету, двухкопеечную монету-у-у... Что мне делать? Ведь помрет мальчик, а?

— Не переживай,— сказал Чонай, успокаивая жену.— Не волнуйся. Наш председатель съел десять тысяч казенных денег и не видно, чтобы собирался помирать. Даже наоборот — еще больше стал процветать.

ВЫДВИЖЕНИЕ

На любимом и родном предприятии Чоная решили однажды выдвинуть кандидата в народные депутаты.

— Уважаемые товарищи, дорогие, я бы сказал, коллеги,— начал председательствующий, он же Председатель. — Мы живем в такое время, когда Гласность — наша сестра, а Демократия — любимая племянница, и все мы — родные дети Перестройки. Раньше кандидаты выдвигались, чего греха таить, больше сверху, нежели снизу. Теперь все наоборот. Кого хотим, того и будем выдвигать. Но надо, чтобы наш избранник был весьма принципиальным, мужественным, умел говорить без бумажки и без глупостей, убеждать и доказывать свое...

Один за другим поднимались «коллеги» и говорили, и выдвигали...

Вышел, наконец, и Чонай.

— Я знаю человека такого принципиального, что скажет, что отрежет, и за свое будет держаться всеми зубами. О мужестве его и говорить не приходится: никого не боится на свете. Что до умения говорить, так может с утра до вечера говорить, не повторяя одних и тех же слов. Уж не говорю о таланте убеждать. За минуту докажет и убедит, что молоко черное, как сажа, а сажа белей молока...

— Видно, что это достойный товарищ,— сказал председательствующий Председатель. — Но не потрудился бы ты, Чонай, назвать его имя?

— Что там имя, что там фамилия, это же моя жена,— сообщил Чонай.

НАДО РАСКРЫТЬ КИТАБ... *

Под старость решил Чонай поменять место жительства. Переехал в другой аул. Осмотрелся и, обнаружив, что там нет кади — мусульманского судьи,— не теряя времени, объявил себя таковым.

И пришел к нему однажды пожилой человек с жалобой.

— Моя стельная корова,— начал он свой грустный рассказ,— спокойно паслась у края обрыва. И вдруг к ней подошла бодливая корова, чтобы волки ее задрали, и столкнула мою кормилицу в пропасть, где она и сдохла...

— Чем же я могу тебе помочь, почтенный? — проявил нетерпенье новоявленный кади.

— Скажи мне, защитник правды и страж справедливости, должен ли хозяин той коровы возместить мою утерю?

— Безусловно,— уверенно ответил Чонай. — Перед аллахом и шариятом объявляю виновным того хозяина. Он и должен тебе возместить стоимость коровы или одарить тебя животным, достойным той, которая имела несчастье упасть с обрыва.

— Тогда моим должником являетесь вы, уважаемый кади. Это ваша корова погубила мою.

— Э-э, дорогой, в таком случае надо раскрыть Ки-

---

* Свод шериатских законов и правил.

таб,— сказал Чонай и ушел в бесконечное размышление.

С тех пор, если кто недоволен решением судьи, объявляют его «новым Чонаем».

«ЗНАЧИТ, НЕ ЗАБЫЛ...»

Прослышал Чонай, что его давнишний должник тяжело заболел и, беспокоясь о своих ста рублях, отправился к нему. Больной при виде Чоная мигом закрыл глаза. А Чонай подсел к его постели.

— Что с тобой, мой друг? Крепко же скрутил тебя тяжкий недуг...

— Не тратьте зря слов,— сказала жена должника. — Он оглох и онемел. Дни его сочтены. Так что не тревожьте человека попусту.

— Ай-яй-яй,— покачал головой Чонай. — Он помрет должником, а это большой грех.

— Мой муж никому не должен!

— Только мне...

— Разве?.. И сколько же?

— Четыре года назад он взял у меня сто пятьдесят рублей, потом еще двести. А в прошлом году я одолжил ему триста...

— Что?! — воскликнул «умирающий», живо подняв голову с подушки. — Чего ты врешь? Я только сто рублей и должен тебе!

— Не забыл, значит... И на том спасибо.

Посмеиваясь, Чонай ушел. И, говорят, в тот же вечер жена должника принесла ему давний долг.

ЭТО ВСЕ АЛЛАХ!

Чонай строил себе новый дом и, устанавливая стропила, поскользнулся и упал. Но каким-то чудом он ухватился за балку и остался невредимым. Помогавший ему родственник заметил:

— Благодари аллаха, это он помог тебе не упасть!

— Ну уж нет! — проворчал Чонай. — Если аллах и помог мне, то скорее всего именно сорваться с крыши. А удержаться я сумел только благодаря своей ловкости.

ЕСТЬ ТАКОЙ ЗАКОН...

Избрали Чоная судьей. В первый же день пришли к нему немолодые супруги.

— Хотим разводиться.

— Почему? — спросил Чонай.

— У нее язык, как раскаленное железо, как нож, как змеиное жало... — перечислял муж.

— А твой?! — вскричала жена. — Если бы не твой поганый язык, мы жили бы счастливо.

— Значит, все беды из-за ваших языков? — уточнил Чонай.

— Да, да...

— Ну, это не беда... — ответствовал Чонай, деловито листая какую-то толстую книгу. — Согласно второму пункту шестой статьи и параграфу «б», ваши языки подлежат удалению. Так что вы еще можете быть счастливы.

— Дорогой судья,— супруги испуганно вскочили с мест,— разве есть такой закон?!

— Такой закон существует,— строго ответил Чонай, а когда посетители поспешили к выходу, по-дружески попросил: — Когда увидите мою жену, скажите ей тоже об этом законе.

ДА БУДЕТ ИЗОБИЛИЕ!

К кошаре, куда пригнал отару Чонай, подъехал колхозный ветврач с гостями.

— Да будет изобилие, дорогой Чонай! — радостно приветствовал чабана ветврач.

— Вы имеете в виду овец или акты? — тут же осведомился Чонай.

— Я вас не совсем понимаю... — недоуменно пожал плечами ветврач.

— Ну как же... Когда вы появляетесь здесь, поголовье овец уменьшается, а количество актов растет. Поэтому, говоря «да будет изобилие», будьте точнее.

ПОПРОБУЙТЕ УГАДАТЬ!

Шел как-то Чонай с друзьями по улице и слушал их байки. Однообразные и несмешные, они скоро наскучили Чонаю, и он, чтобы остановить нескончаемые словоизлияния, указал на мужчину, который неторопливо шел впереди.

— Видите того человека в шляпе? Так вот с ним я никогда не здороваюсь и не разговариваю.

— Почему? — заинтересовались друзья.

— Попробуйте угадать.

— Проще простого! — воскликнули друзья и заговорили наперебой:

— Ты с ним поссорился!

— Сразу видно, это подозрительный тип!

— А может, ты узнал, что он тайно ухаживает за твоей женой и не хочешь приветствовать соперника?

Чонай упорно отвергал все предположения.

— Но тогда в чем же дело? — не выдержали друзья.— Почему ты с ним не здороваешься и не разговариваешь? Что между вами произошло?

— Абсолютно ничего,— пожал плечами Чонай. — Просто я с ним незнаком.

ПРОГНОЗ

Чоная встретил на улице сосед и спросил:

— Зайди к нам, дорогой, очень важное дело, зайди на минутку.

В доме, усадив Чоная на почетное место, хозяин объявил:

— Мой сын начал писать стихи. И стихи прекрасные! Прошу тебя, послушай и оцени их!

В комнату вошел сын с толстой тетрадкой и начал громко декламировать свои вирши. Когда он, наконец, закончил, хозяин спросил:

— Ну как, станет мой сын поэтом?

— Не знаю,— ответил Чонай,— но печататься будет. Больно уж взгляд у него нахальный!

СОДЕРЖАНИЕ

Завещание отца. Роман. *Перевод В. Михайловой* 5
Перевал. Повесть. *Перевод М. Фадеева* 253
Таинственный узел. Рассказ. *Перевод А. Шепелева.* . . . 321
Возмущенный старик. Рассказ. *Перевод М. Фадеева.* . . . 338
Зять. Рассказ. *Перевод М. Фадеева* 340
Прерванная любовь. Рассказ. *Перевод М. Фадеева* 346
Аслангерий. Рассказ. *Перевод М. Фадеева* 351
Прощай! Рассказ. *Перевод М. Фадеева* 354
Насмешник Чонай. Юмористические миниатюры. *Перевод Э. Гуртуева и М. Фадеева* 360

Литературно-художественное издание

Жагафар Зубеирович Токумаев

ЗАВЕЩАНИЕ ОТЦА

Роман, повесть, рассказы

Художник *М. Ш. Татроков*
Художественный редактор *В. Л. Захохов*
Технический редактор *Л. А. Тлупова*
Корректор *А. Т. Додуева*

ИБ № 2029

Сдано в набор 28.07.89. Подписано к печати 29.01.90. Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 19,74. Усл. кр.-отт. 19,74. Уч.-изд. л. 21,99. Тираж 4500 экз. Заказ № 4559. Цена 1 р. 70 к.

Издательство «Эльбрус»
Нальчик, ул. Адмирала Головко, 6

Полиграфкомбинат им. Революции 1905 года
Госкомиздата КБАССР
Нальчик, пр. Ленина, 33